Джо

АБЕРКРОМБИ

ЗОЛОТОЙ ФОНД ФЭНТЕЗИ

ХОЛОДНОЕ ЖЕЛЕЗО

Три романа из цикла «Земной Круг»

Гиганты фантастики

Джо Аберкромби

Холодное железо: Лучше подавать холодным. Герои. Красная страна

«Эксмо»

2009-2012

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Аберкромби Д.

Холодное железо: Лучше подавать холодным. Герои. Красная страна / Д. Аберкромби — «Эксмо», 2009-2012 — (Гиганты фантастики)

ISBN 978-5-04-118208-3

Три романа из цикла «Земной Круг», возвращающие героев трилогии «Первый Закон» легенды фэнтези Джо Аберкромби. Влиятельный герцог Орсо не может позволить наемнице Монце Меркатто, Змее Талина, предводительнице Тысячи Мечей, захватить власть. Потерявшая брата и чудом выжившая, она идет на сделку с ворами, лицедеями и убийцами, чтобы отомстить предателю. Три дня. Одна битва. Союз против Севера. Под бесстрастными взглядами каменных истуканов пришло время решить, что такое война: преддверие мира или грубое ремесло, суровое испытание или редкая возможность изменить расстановку политических сил. Вернуть честь на поле боя, бороться за власть, плести интриги и метить в Герои. Искатели счастья со всех окрестных земель стремятся в Дальнюю Страну в поисках наживы. Здесь нет единой власти и торжествует право сильного. Золото сводит с ума, а будущее принадлежит Союзу. Страна золота, Красная Страна.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-118208-3

© Аберкромби Д., 2009-2012
© Эксмо, 2009-2012

Содержание

Лучше подавать холодным 7
- Бенна Меркатто спасает жизнь 8
- I. Талин 21
  - Земля удачи 21
  - Похититель костей 23
  - Рыба на суше 33
  - Шесть и один 43
  - Кровавое внушение 45
- II. Вестпорт 50
  - Яд 51
  - Наука и магия 57
  - Безопаснейшее место в мире 64
  - Дурные друзья 68
  - Две двойки 72
  - Планы и случайности 73
  - Расплата 83
- III. Сипани 89
  - Туманы и шепоты 91
  - Искусство убеждения 94
  - Жизнь пьяницы 99
  - В стороне 103
  - Кучка головорезов 109
  - Миротворцы 114
  - Подготовка 120
  - Секс и смерть 128
  - Настоящее представление 141
  - Что произошло 145
- IV. Виссерин 151
  - Итак, месть 152
  - На нижнем этаже 156
  - Крысы в мешке 164
  - Опасная вылазка 170
  - Милосердие и трусость 174
  - Странная парочка 180
  - Тьма 183
  - Ценитель живописи 188
  - Мерзкий студень 194
  - Счеты других людей 196
  - Великий фехтовальщик 200
- V. Пуранти 219
  - Шестерки 220
  - Глазных дел мастер 222
  - Принц благоразумия 224
  - Ни богат, ни беден 230
  - Героические усилия и перемены к лучшему 234
  - Предатель 239

Король ядов 244
Не хуже 252
Время урожая 257
Старый новый капитан-генерал 260
Конец ознакомительного фрагмента. 265

Джо Аберкромби
Холодное железо:
Лучше подавать холодным
Герои
Красная страна
Три романа из цикла Земной Круг

Joe Abercrombie
BEST SERVED COLD
Copyright © Joe Abercrombie, 2009
First published by Gollancz, London
THE HEROES
Copyright © 2011 by Joe Abercrombie
First published by Victor Gollancz Ltd, London
RED COUNTRY
Copyright © 2012 by Joe Abercrombie
First published by Victor Gollancz Ltd, London
First published by Gollancz, a division of The Orion Publishing Group Ltd., London

Серия «Гиганты фантастики»

© В. Иванов, перевод на русский язык, 2021
© О. Орлова, А. Питчер, Н. Абдуллин,
перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Лучше подавать холодным

Посвящается Грэйс: однажды ты прочтешь это и слегка встревожишься.

Бенна Меркатто спасает жизнь

Восход был цвета запекшейся крови. Он растекался по черному небу красными струями, метил золотом перья облаков. На фоне раненых небес казались черными как сажа остроконечные башни крепости Фонтезармо на вершине горы, куда вела дорога.

Красный, черный, золотой. Цвета их профессии.

– Сегодня ты прекрасна как никогда, Монца.

Она вздохнула, словно ничего не знала об этом и не провела битый час, прихорашиваясь перед зеркалом.

– Что есть, то есть. Признание факта – еще не подарок. Ты подтверждаешь только, что не слепой. – Она зевнула, потянулась в седле, давая ему полюбоваться собой. – Надеюсь услышать больше.

Он откашлялся, вскинул руку, как плохой актер перед началом главного монолога.

– Твои волосы… подобны накидке из сияющего собольего меха!

– Индюк напыщенный. Как ты вчера их назвал? Завесой полуночи? Это мне нравилось больше. Хоть какая-то поэзия. Пусть и плохая.

– Дерьмо. – Он прищурился, глядя на облака. – Глаза твои блещут, как лучистые сапфиры, коим нет цены!

– Так у меня камни вместо глаз?

– Губы – лепестки роз!

Она плюнула в него, но он, будучи настороже, увернулся, и плевок угодил в камень на обочине дороги.

– Вот тебе, болван, чтобы выросли твои розы. Придумай что-нибудь получше.

– С каждым днем это все труднее… – проворчал он. – Камушек, что я купил, смотрится на тебе замечательно.

Подняв правую руку, она взглянула на кольцо, которое украшал рубин размером с миндальный орех. В первых проблесках солнца камень кроваво засверкал, как открытая рана.

– Да, дарили мне и похуже.

– Он под стать твоему бешеному темпераменту.

– И кровавой репутации, – фыркнула она.

– К черту репутацию! Все это байки идиотов! Ты – мечта. Видение. Ты… – он щелкнул пальцами, – …сама богиня войны!

– Хм… богиня?

– Войны. Нравится?

– Сойдет. Сумеешь с тем же пылом целовать в задницу герцога Орсо, может, нам и вознаграждение прибавят.

Бенна выпятил губы, как для поцелуя.

– Ничто мне так не мило с утра, как лицезренье пышных, круглых ягодиц его светлости. На вкус они напоминают… власть.

Цокали по пыльной тропе копыта, поскрипывали седла, позвякивала сбруя. Один поворот, другой, и мир остался внизу. Кровавый разлив на востоке выцвел до розовой сукровицы. Взору явилась река, неторопливо несущая свои воды по осеннему лесу в долине у подножия горы. Блистая, как армия на марше, она неуклонно стремилась к морю. К Талину.

– Я жду, – сказал Бенна.

– Чего?

– Своей доли комплиментов, конечно.

– И так уже раздулся от гордости, вот-вот лопнешь. – Она поддернула шелковые манжеты. – Мне ни к чему на новой рубашке твои потроха.

– Сразила! – Бенна схватился рукой за грудь. – Насмерть! Так-то ты платишь мне за преданность, сучка бессердечная?

– Ты всерьез считаешь, смерд, что ты мне предан? Клещ, преданный тигру!

– Тигру? Ха! Обычно тебя сравнивают со змеей.

– Лучше, чем с червяком.

– Шлюха.

– Трус.

– Убийца.

С последним она не могла не согласиться. Оба снова умолкли. Тишину нарушали лишь птичьи трели, доносившиеся с засохшего дерева у дороги. Потом Бенна потихоньку подъехал ближе и нежно сказал:

– Сегодня ты прекрасна как никогда, Монца.

Она улыбнулась краешком рта, тем, который был ему не виден.

– Что есть, то есть. – И пришпорила коня.

За следующим крутым поворотом глазам открылась внешняя стена цитадели Фонтезармо, глубокое ущелье перед нею, на дне которого искрилась вода, узкий мост, перекинутый к воротам. И зияющая арка в конце – приветливая, как могила.

– Успели укрепить стены с прошлого года, – проворчал Бенна. – Не хотелось бы мне их штурмовать.

– Скажи еще, что у тебя хватает духу карабкаться по лестницам.

– Не хотелось бы мне приказывать идти на штурм кому-то другому.

– Скажи еще, что у тебя хватает духу отдавать приказы.

– Не хотелось бы мне видеть, как ты приказываешь идти на штурм.

– Согласна. – Осторожно свесившись с седла, она хмуро всмотрелась в крутой обрыв слева, потом подняла взгляд на отвесную стену справа, увенчанную зубцами, казавшимися черными на фоне посветлевшего неба. – Выглядит так, словно Орсо опасается, что его хотят убить.

– У него есть враги? – Бенна вытаращил в притворном изумлении глаза.

– Половина Стирии.

– Значит… и у нас есть враги?

– Больше половины Стирии.

– А я так старался завоевать любовь… – Они проскакали рысью меж двумя суровыми стражами, чьи копья и стальные шлемы были отполированы до зеркального блеска, въехали в темный длинный тоннель, отлого поднимавшийся вверх, и под его сводами заметалось эхо цокота копыт. – Опять у тебя этот вид.

– Какой?

– «Хватит шуток на сегодня».

– Хм. – Она почувствовала, что лицо ее и впрямь застыло в привычном хмуром выражении. – Что же, будешь улыбаться за двоих. В этом ты силен.

За воротами открылся другой мир – благоухающий лавандой, ослепительно-зеленый, в отличие от серых горных склонов. Мир выкошенных лужаек, подстриженных изгородей самых причудливых форм, сверкающих фонтанных струй. Красоту портили лишь торчавшие у каждой двери угрюмые стражники в белых плащах с черным крестом Талина, накинутых поверх доспехов.

– Монца…

– Что?

– Пусть это будет наша последняя кампания, – просительно сказал Бенна. – Последнее лето в пыли. Давай найдем какое-нибудь занятие поприятней. Пока мы молоды…

– А как же Тысяча Мечей? Вернее, почти десять тысяч… и все смотрят на нас и ждут приказа.

– Пускай смотрят, куда хотят. Примкнули к нам наживы ради, получили ее сполна. Они верны, только пока им это выгодно.

Она и сама знала, что Тысяча Мечей отнюдь не лучшая часть человечества. И даже не лучшая часть племени наемников. Большинство их бойцов стояли лишь на ступеньку выше обычных преступников. Остальные – ниже. Но дело было в другом…

– Решил что-то, так держись этого, – буркнула она.

– Чего ради? Не понимаю.

– Как обычно… Еще один поход – и Виссерин падет, Рогонт сдастся. Лига Восьми станет всего лишь дурным воспоминанием. Орсо объявит себя королем Стирии, а мы исчезнем, и нас забудут.

– Мы заслуживаем того, чтобы нас помнили. Могли бы владеть собственным городом. Ты стала бы благородной герцогиней Монцкарро… чего-нибудь…

– А ты – бесстрашным герцогом Бенной? – Она засмеялась. – Осел безмозглый. Ты же без меня и задницу подтереть не можешь. Война – дело достаточно темное, что уж говорить о политике? Орсо будет коронован, и мы уйдем в отставку.

Бенна вздохнул.

– Я думал, мы наемники… Коска таких хозяев, как этот, никогда не держался.

– Я – не Коска. И в любом случае не больно-то будет умно отказать властителю Талина.

– Ты просто любишь сражаться.

– Нет. Я люблю побеждать. Еще один поход, и мы сможем увидеть мир: побывать в Старой империи, объехать Тысячу островов, посетить Адую и постоять в тени Дома Делателя. Все, о чем мечтали.

Бенна надул губы, как всегда, когда не получал своего. Надул, но «нет» не сказал. Выбор вечно оставался за ней, и порой ее это задевало.

– Слушай, у нас на двоих всего пара яиц. Тебе никогда не хотелось их поносить?

– При тебе они смотрятся лучше. Да и мозги ты все прибрала. Полезней держать их вместе.

– Что ж тебе-то остается?

Бенна ухмыльнулся.

– Обаятельная улыбка.

– Тогда улыбайся. Весь следующий, последний поход.

Соскочив с седла, она оправила пояс с мечом, бросила поводья конюху и зашагала к внутренним воротам. Бенне пришлось догонять ее бегом, поскольку он, слезая с коня, запутался в амуниции. Редкостное неумение обращаться с оружием для человека, зарабатывающего на жизнь войной.

Внутренний двор являл собою ряд террас, выбитых в склоне горы. Он был засажен экзотическими пальмами и охранялся еще усердней, чем наружный. В самом центре его высился древний столп, привезенный, по слухам, из дворца Скарпиуса, и отражение его колыхалось в круглом пруду, где плескались серебряные рыбки. С трех сторон столп окружало, словно исполинская кошка, зажавшая в лапах мышь, нагромождение стекла, бронзы и мрамора – дворец герцога Орсо. С весны здесь успело появиться огромное новое крыло вдоль северной стены, изукрашенное резьбой, но наполовину скрытое еще строительными лесами.

– Всё строятся, – сказала она.

– Конечно. Разве принцу Ариo хватит десяти комнат под башмаки?

– Да уж, нынче настоящему щеголю без двенадцати никак.

Бенна хмуро глянул на собственные сапоги с золотыми пряжками.

– А у меня всего тридцать пар. Так вот и чувствуешь свое убожество.

– Не ты один, – буркнула она.

Вдоль края крыши тянулась вереница статуй, явно еще не завершенная: герцог Орсо, раздающий милостыню бедным, герцог Орсо, дарующий знания невежественным, герцог Орсо, защищающий от опасности слабых.

– Где же главная – Стирия, вылизывающая ему задницу? – шепнул ей на ухо Бенна.

Она указала на глыбу мрамора, которую только начали обрабатывать.

– Вот.

– Бенна!

Огибая пруд, топча со скрипом свежий гравий и сияя всем своим веснушчатым лицом, к ним спешил с резвостью обрадованного щенка граф Фоскар, младший сын Орсо. Он успел обзавестись хилой бороденкой с тех пор, как Монца видела его в последний раз. Что делу не помогло – песочная эта поросль придавала его лицу еще более мальчишеский вид, чем прежде. Всю семейную честь он, может, и унаследовал, но красота, увы, досталась кому-то другому.

Бенна, улыбаясь, обнял Фоскара за плечи одной рукой и взъерошил ему волосы. Оскорбительный жест со стороны любого другого, но у Бенны это получалось пленительно непринужденно. Умел он делать людей счастливыми, что ей казалось чуть ли не волшебством. Сама она отличалась прямо противоположными талантами.

– Ваш отец здесь? – спросила Монца.

– Да, и брат тоже. Беседуют со своим банкиром.

– В каком он расположении духа?

– Весел, насколько я могу судить, но вы же знаете отца. Впрочем, на вас двоих он никогда не сердится. Вы обычно приносите хорошие вести. И сегодня принесли, верно?

– Монца, ты скажешь или… – начал Бенна.

– Борлетта пала. Кантейн мертв.

Фоскар не возликовал. Кровожадностью отца он не отличался.

– Кантейн был хорошим человеком.

Что отнюдь не соответствовало истине, насколько знала Монца.

– Врагом вашего отца.

– Но человеком, которого можно уважать. Их в Стирии осталось немного. Он и правда мертв?

Бенна надул щеки.

– Голова отрублена, насажена на пику над воротами. Поэтому, если вы не знаете, конечно, особо искусного лекаря…

Они прошли через высокую арку в зал, огромный, как императорская гробница, и отзывавшийся эхом на каждый звук. Полутьму прорезали тут и там пыльные световые лучи, пятная мраморный пол, тускло отсвечивали стоявшие вдоль стен старинные рыцарские доспехи в рост, с зажатым в латных рукавицах столь же древним оружием.

– Дерьмо, – шепнул ей на ухо Бенна. – Гадюка Ганмарк тоже здесь.

– Уймись.

– Не может быть, чтобы этот бесчувственный ублюдок владел мечом так хорошо, как говорят…

– Владеет.

– Будь я хоть наполовину мужчиной, я бы…

– Ты не таков. Поэтому – уймись.

Лицо у генерала Ганмарка было до странности кротким. Усы безвольно свисали, светло-серые глаза постоянно слезились, что придавало ему выражение бесконечной печали. Ходили слухи, будто из армии Союза Ганмарка вышвырнули за любовную нескромность, допущенную в отношении другого офицера, после чего он переплыл море в поисках хозяина с более широкими взглядами. Широта же взглядов герцога Орсо по отношению к слугам являлась воистину

безграничной, лишь бы те служили как следует. Монца с Бенной были достаточным тому доказательством.

Ганмарк чопорно кивнул ей:

– Здравствуйте, генерал Меркатто. – Чопорно кивнул Бенне: – Здравствуйте, генерал Меркатто. – И обратился к Фоскару: – Граф, вы не забросили свои упражнения, надеюсь?

– Сражаюсь каждый день.

– Тогда, пожалуй, мы еще сделаем из вас фехтовальщика.

Бенна фыркнул:

– Или тупого вояку.

– И то, и это неплохо, – пробубнил Ганмарк с отрывистым союзным акцентом. – Человек без дисциплины не лучше собаки. Солдат без дисциплины не лучше трупа. А то и хуже. Труп хоть не является угрозой для собственных товарищей.

Бенна открыл было рот, но Монца его опередила. Успеет еще выставить себя олухом, коли ему так хочется.

– Как прошел ваш поход?

– Свою роль я сыграл – не подпустил к вашим флангам Рогонта с осприйцами.

– Придержали герцога проволочек? – усмехнулся Бенна. – Да, это было нелегко.

– Роль всего лишь вспомогательная – маленький комический эпизод в великой трагедии. Но публике, надеюсь, понравился.

Эхо шагов зазвучало громче, когда они проследовали через другую арку в ротонду, расположенную в самом центре дворца. Ее круглые стены были сплошь заставлены скульптурами, изображавшими сцены из глубокой древности – войны между демонами и магами и прочий вздор. Высокий купол над головой украшала фреска – средь грозовых туч семь крылатых женщин с гневными лицами, в доспехах и при оружии. Парки, вершительницы судеб земли. Величайшая работа Аропеллы, занявшая у него восемь лет, как слышала Монца, и неизменно заставлявшая ее чувствовать себя хрупкой, слабой и совершенно ничтожной. Ощущение, к которому не привыкнуть. Таков и был замысел мастера…

Оттуда они вчетвером начали подниматься по лестнице, столь широкой, что в ряд по ней пройти могло вдвое больше человек.

– И где же вам пригодились ваши комические таланты? – спросила Монца у Ганмарка.

– По дороге к воротам Пуранти и обратно, с огнем и мечом.

Бенна криво усмехнулся.

– Неужто сражались по-настоящему?

– Зачем бы я стал это делать? Вы не читали Столикуса? «Животное прокладывает с боем путь к победе…»

– «Генерал идет к ней маршем», – закончила Монца. – Смеха много вызвали?

– Не у врага, полагаю. Смеялся мало кто, но это война.

– Я так нахожу время повеселиться, – вставил Бенна.

– Некоторые смеются легко. Чем завоевывают сотрапезников. – Ганмарк устремил кроткий взгляд на Монцу. – Вы, как посмотрю, даже не улыбаетесь.

– Еще успею. Когда придет конец Лиге Восьми и Орсо станет королем Стирии. И все мы расстанемся с мечами.

– Мой опыт говорит, что на покое они обычно не задерживаются. Так и норовят вернуться обратно в руки.

– Смею предположить, вас Орсо оставит при себе, – сказал Бенна. – Хотя бы для того, чтобы полировать полы.

Ганмарк и бровью не повел.

– В таком случае у его светлости будут самые чистые полы во всей Стирии.

Лестница вывела их к высоким дверям из инкрустированного дерева, украшенным резными львиными мордами. Где расхаживал взад-вперед, подобно старому преданному псу под дверью хозяйской спальни, коренастый вояка – капитан Карпи Верный, один из первых бойцов, вступивших в Тысячу Мечей. Его широкое, обветренное, честное лицо было все исполосовано шрамами.

– Верный! – Бенна схватил старого наемника за огромную, как лопата, руку. – Карабкаться на гору, в твоем-то возрасте! Разве ты не должен сейчас развлекаться с девками?

– Развлекался бы. – Капри пожал плечами. – Да за мной послал его светлость.

– И ты, как верный слуга… послушался.

– Почему меня и кличут Верным.

– Как дела в Борлетте? – спросила Монца.

– Все спокойно. Большинство наших встало лагерем за стенами города, с Эндишем и Виктусом. Так я решил, чтобы не спалили город ненароком. Во дворце Кантейна оставил лишь самых надежных, под присмотром Сезарии. Все старики вроде меня, еще со времен Коски. Люди бывалые, попусту не дергающиеся.

Бенна хихикнул:

– Медленно соображающие, хочешь сказать?

– Медленно, да верно. Мы своего всегда добьемся.

– Что ж, пошли? – Фоскар навалился плечом на одну из створок и не без труда открыл дверь.

Ганмарк и Верный последовали за ним. Монца чуть замешкалась, пытаясь принять свой самый суровый вид, но встретилась глазами с Бенной, который ей улыбнулся, и невольно улыбнулась в ответ. Придвинулась, шепнула ему на ухо:

– Люблю тебя.

– Конечно, любишь.

Он переступил порог. Монца шагнула следом.

Личный кабинет герцога Орсо являл собою мраморный зал величиной с торговую площадь. По одной его стене располагался горделивый ряд высоких окон, которые были открыты, и ветер, залетая внутрь, шелестел яркими портьерами. Длинный балкон под окнами выходил на крутой обрыв и потому казался висящим в воздухе.

Противоположную стену сплошь покрывали картины, писанные лучшими художниками, на коих под слоем предохраняющих от разрушения масел были изображены величайшие в истории битвы: победы Столикуса, Гарода Великого, Фаранса и Вертурио, призванные дать понять всем и каждому, что Орсо – последний в ряду королей-победителей. Пусть даже прадед его был узурпатором и обычным преступником в придачу.

Самая большая картина, высотой не менее десяти шагов, бросалась в глаза с порога. Портрет великого герцога Орсо, разумеется. Он сидел верхом на скакуне, вставшем на дыбы, и, высоко подняв сверкающий меч, пронзительным взглядом уставился на далекий горизонт, как бы призывая своих людей к победе в битве при Итрии. Словно художник знать не знал, что Орсо в том сражении оставался во главе войска недолго.

Но – как сам герцог частенько говаривал Монце – что такое скучная правда против прекрасной лжи?..

Герцог Талина во плоти восседал за письменным столом, держа в руке вместо меча ручку. Рядом стоял высокий сухопарый господин с крючковатым носом, глядя на лежавшие перед герцогом бумаги с пристальным вниманием грифа, дожидающегося смерти истомленного жаждой путника. Позади них стену подпирало огромное тулово – Гобба, телохранитель Орсо, с шеей толстой, как у борова. В раззолоченном кресле близ стола сидел, небрежно развалясь и закинув ногу на ногу, Арио – старший сын и наследник герцога. В руке у него был бокал с вином, по красивому изнеженному лицу блуждала расслабленная улыбка.

– Я нашел этих бродяжек во дворе! – сообщил Фоскар. – И решил предоставить их вашему милосердию, отец!

– Милосердию? – Резкий голос Орсо отозвался в просторном кабинете эхом. – Я не слишком-то к нему склонен. Располагайтесь поудобней, друзья, скоро я к вам присоединюсь.

– Никак это Палач Каприле, – пробормотал Арио, – и с ней ее малыш Бенна.

– Здравствуйте, ваше высочество. Прекрасно выглядите. – О том, что выглядит он, по ее мнению, как пустая мошонка, Монца умолчала.

– Вы тоже, как всегда. Будь так хороши все солдаты, мне, пожалуй, даже захотелось бы повоевать. Новая безделушка? – Арио вяло махнул унизанной драгоценными кольцами рукой в сторону рубина Монцы.

– Так, первое, что попалось на глаза, когда я одевалась.

– Жаль, меня там не было. Хотите вина?

– С утра пораньше?

Он бросил взгляд из-под тяжелых век на окна.

– По мне, так еще ночь.

Судя по его тону, бдение до утра было героическим деянием.

– А я не откажусь. – Бенна, не желавший никому и ни в чем уступать, уже наливал себе бокал.

Будет пьян через час, подумала Монца, и начнет нести околесицу. Впрочем, ей надоело изображать из себя его маменьку.

Она неторопливо миновала монументальный камин, который поддерживали резные статуи Иувина и Канедиаса, и приблизилась к столу Орсо.

– Подпишите здесь, здесь и здесь, – сказал сухопарый, тыча костлявым пальцем в документ.

– Вы знакомы с Мофисом? – спросил Орсо, бросив на него кислый взгляд. – Это мой надсмотрщик.

– Ваш покорный слуга, ваша светлость. Банкирский дом Валинта и Балка согласен на дополнительную ссуду сроком на один год, после чего, к великому их сожалению, они вынуждены будут начислять проценты.

Орсо фыркнул.

– Чума жалеет мертвецов… я обречен. – Выведя последнюю завитушку последней подписи, он бросил ручку. – Всем приходится стоять перед кем-то на коленях, не так ли? Непременно передайте вашему начальству мою безграничную благодарность за понимание и снисходительность.

– Передам. – Мофис собрал документы. – Что ж, вот и делу конец, ваша светлость. Я должен покинуть вас немедленно, если хочу успеть с вечерним приливом в Вестпорт…

– Нет, задержитесь немного. Нам нужно еще кое-что обсудить.

Безжизненные глаза Мофиса глянули на Монцу и вернулись к Орсо.

– Как пожелаете, ваша светлость.

Герцог неторопливо поднялся из-за стола.

– Займемся делом повеселей. Вы с хорошими вестями, Монцкарро?

– Да, ваша светлость.

– И что бы я без вас делал?

В черных волосах герцога со времени их последней встречи появились прядки стального цвета, сделались чуть глубже морщинки вокруг глаз, но властный вид его был все так же убедителен. Нагнувшись, Орсо поцеловал ее в обе щеки, затем шепнул на ухо:

– Ганмарк неплох как командир, но для человека, ублажающего мужчин, чувства юмора у него маловато. Пойдемте, расскажете мне о своих победах на открытом воздухе.

Приобняв Монцу за плечи, он провел ее мимо насмешливо ухмыльнувшегося принца Арио на высокий балкон.

Солнце уже встало, мир был полон света и красок. Кровь стекла с небес, и они ярко голубели теперь, увенчанные белыми облаками. Внизу, под головокружительным обрывом, вилась среди осеннего леса, играя сизо-зелеными, огненно-оранжевыми, блекло-желтыми и жарко-красными красками, быстрая, сверкающая серебром река. Лес на востоке сменялся лоскутным одеялом полей – квадратиками озимой зелени, распаханной черной земли, золотых колосьев. Далее река разветвлялась, спеша навстречу серому морю и огибая множество заполонивших дельту островов. Отсюда Монца могла различить лишь намек на крошечные мосты, что их соединяли, дома, башни, стены. Великий Талин, размером с ноготь большого пальца.

Щурясь от ветра, она откинула с лица разметавшиеся волосы.

– Не устаю любоваться этим видом.

– Как можно? Я потому и строю этот чертов дворец, чтобы всегда присматривать за своими подданными, как заботливый родитель за детьми. Для того лишь, конечно, чтобы они, играя, не поранили сами себя.

– Счастлив ваш народ, имея столь справедливого и любящего отца, – без запинки солгала Монца.

– Справедливого и любящего. – Орсо устремил задумчивый взор на далекое море. – Думаете, таким меня запомнит история?

Монца считала это абсолютно невероятным.

– Что говорит Бьяловельд? «Историю пишут победители».

Герцог легонько сжал ее плечо.

– Так хороша… и образованна к тому же. Арио честолюбив, но не сообразителен. Удивлюсь, если он способен прочитать без запинки хотя бы указатель на дорожном столбе. Его интересуют только шлюхи. И башмаки. Дочь моя, Тереза, льет горькие слезы из-за того, что я выдал ее замуж за короля. Предложи я ей в женихи самого великого Эуса, она и тогда рыдала бы, клянусь, требуя мужа, более подходящего по положению. – Он тяжело вздохнул. – Никто из детей меня не понимает. Мой прадед был наемником, как вы знаете. О чем не хочется лишний раз упоминать. – Упоминал он об этом при каждой встрече с Монцей. – Солдатом, который в жизни слезы не уронил и на ноги обувал что придется, человеком низкого происхождения, который захватил власть в Талине благодаря остроте своего ума и меча. – Как Монца слышала, благодаря скорей бессмысленной жестокости и зверским расправам. – Мы с вами одного племени. Сделали себя сами из ничего.

Орсо родился в богатейшем герцогстве Стирии и тяжелой работой не занимался ни дня в своей жизни, но Монца прикусила язычок.

– Вы оказываете мне слишком много чести, ваша светлость.

– Меньше, чем вы заслуживаете. Что ж, расскажите о Борлетте.

– О битве на Высоком берегу вы уже слышали?

– Слышал, что вы разогнали армию Лиги, точь-в-точь как при Душистых соснах. Ганмарк сказал, числом люди герцога Сальера превосходили вас втрое.

– Излишек людей – помеха, когда они ленивы, плохо подготовлены и командуют ими идиоты. Войско фермеров из Борлетты, сапожников из Аффойи и стеклодувов из Виссерина. Дилетанты. Встали лагерем у реки, думая, что мы далеко, и даже караульных почти не выставили. Ночью мы прошли через лес и застали их на рассвете врасплох, безоружными.

– Так и вижу, как эта жирная свинья, Сальер, прямо из кровати бросается наутек!

– Возглавлял атаку Верный. Разогнали мы их быстро, захватили все снаряжение.

– Выкрасили золотые нивы кровью, как я слышал.

– Они почти не сопротивлялись. Пытаясь переплыть реку, утонуло в десять раз больше народу, чем погибло сражаясь. Пленных было четыре тысячи. Часть из них выкупили, часть – нет. Часть мы повесили.

– Без всякой жалости, а, Монца?

– Только не с моей стороны. Могли бы сдаться, если хотели жить.

– Как в Каприле?

Взгляд черных глаз Орсо она встретила не дрогнув.

– Как в Каприле.

– Значит, Борлетта осаждена?

– Уже пала.

Герцог просиял, как ребенок, получивший подарок на день рождения.

– Пала! И Кантейн сдался?

– Услышав о поражении Сальера, его люди потеряли надежду.

– А люди без надежды – опасная толпа, даже в республике.

– Особенно в республике. Горожане выволокли Кантейна из дворца, повесили его на самой высокой башне, открыли ворота и сдались на милость Тысячи Мечей.

– Ха! Убит теми самыми людьми, чью свободу пытался защитить. Вот какова благодарность черни, а, Монца? Лучше бы Кантейн взял деньги, когда я предлагал. Обоим это обошлось бы дешевле.

– Они готовы были немедленно стать вашими подданными. Я отдала приказ не убивать без надобности.

– Проявили милосердие?

– Милосердие и трусость – одно и то же, – огрызнулась она. – Но вам ведь нужна земля, а не жизнь этих людей? Мертвецы не могут повиноваться.

Орсо улыбнулся.

– И почему мои сыновья, в отличие от вас, не помнят моих уроков? Полностью одобряю. Повесьте только вождей. И выставьте голову Кантейна над воротами. К повиновению ничто так не подталкивает, как хороший пример.

– Уже гниет, вместе с головами его сыновей.

– Отличная работа! – Властитель Талина захлопал в ладоши, словно весть о гниющих головах звучала для него слаще всякой музыки. – Каковы доходы?

Подсчеты были делом Бенны, поэтому теперь вперед выступил он и вынул из нагрудного кармана сложенный лист бумаги.

– Город прочесан, ваша светлость. Все дома разграблены, полы вскрыты, люди выловлены. Раздел – согласно обычным правилам, по условиям нашего договора. Четверть тому, кто нашел, четверть – его капитану, четверть – генералам и… – он низко поклонился и протянул герцогу уже развернутый лист, – четверть нашему благородному нанимателю.

Улыбка Орсо, пока он пробегал глазами цифры, сделалась шире.

– Благословенно будь правило четвертей! Смогу, пожалуй, еще немного продержать вас на службе.

Он шагнул между ними, приобнял обоих за плечи и повел через открытое высокое окно обратно в кабинет к круглому столу черного мрамора, стоявшему в центре, и разложенной на нем карте, вокруг которой уже собрались Ганмарк, Арио и Верный. Гобба по-прежнему стоял, прислонясь к стене, скрестив толстые руки на груди.

– Как поживают наши бывшие друзья, а ныне злейшие враги, вероломные жители Виссерина?

– Почти все поля вокруг города сожжены. – Монца очертила на карте пальцем масштабы разорения. – Фермеры разогнаны, скот перерезан. Голодная ждет зима жирного герцога Сальера, а весна – и того хуже.

– Придется ему положиться на герцога Рогонта с осприйцами, – сказал Ганмарк со слащавой улыбкой.

Принц Арио захихикал:

– От которых много обещаний, да мало помощи.

– В будущем году Виссерин падет к вашим ногам, ваша светлость.

– И у Лиги Восьми будет вырвано сердце.

– Корона Стирии станет вашей.

При упоминании о короне улыбка Орсо расплылась еще шире.

– И благодарить мы должны вас, Монцкарро. Я этого не забуду.

– Не только меня.

– К дьяволу вашу скромность. Свою роль сыграли и Бенна, и наш добрый друг генерал Ганмарк, и Верный. Но невозможно отрицать, что это результат вашей работы – вашей неутомимости, решительности, целеустремленности! Вас ждут великие чествования, как некогда героев древнего Аулкуса. Вы поскачете по улицам Талина, и мои подданные в честь ваших многочисленных побед будут осыпать вас цветочными лепестками. – Бенна разулыбался, но Монца осталась серьезной. Почести ее никогда не привлекали. – Вас будут приветствовать громче, думаю, чем моих сыновей. Громче даже, чем меня самого, своего законного господина, которому они обязаны столь многим. – Улыбка Орсо угасла, и без нее лицо его разом постарело, сделалось печальным и усталым. – Пожалуй, слишком громко… на мой вкус.

Краем глаза Монца заметила движение, едва уловимое, но успела инстинктивно вскинуть руку.

Тихий свист – и рука оказалась накрепко прижатой к ее собственному горлу удавкой.

Бенна метнулся к ней.

– Мон…

Сверкнул металл – принц Арио вонзил кинжал ему в шею. Метил в горло, но промахнулся и угодил за ухо.

Кровь брызнула на мраморные плиты пола, и Орсо сделал шаг назад, дабы не замараться. Фоскар открыл рот. Бокал с вином выпал у него из рук и разбился.

Монца попыталась закричать и, не в силах вздохнуть, лишь сдавленно пискнула. Схватилась свободной рукою за кинжал, но кто-то поймал ее за запястье и крепко сжал. Карпи Верный, подошедший слева.

– Прости, – буркнул он Монце в ухо, выдернул из ножен ее меч, отбросил, и тот с лязгом закувыркался по полу.

Бенна, булькая кровавой слюной, зажал рану одной рукой, и между белых его пальцев засочилась черная кровь. Другой рукой он нашарил рукоять меча на поясе. Принц Арио таращился на него оцепенело, и Бенна успел вытянуть клинок на фут, когда вперед шагнул генерал Ганмарк и сам нанес удар – один, второй, третий… разя без промаха. Бенна лишь тихо охнул. Снова брызнула на пол кровь, по белой рубахе расплылись темные пятна. Бенна сделал еще несколько шатких шагов, но ноги заплелись, и он упал лицом вниз, придавив телом собственный полуобнаженный меч, лязгнувший о мрамор.

Монца напряглась так, что все мускулы сотрясались, но она была беспомощна, как муха, угодившая в мед. Гобба, кряхтя от натуги, царапал ей щеку своим заросшим щетиной лицом, горячо привалившись к ней всем огромным телом. Удавка, глубоко врезавшись в руку, с которой, щекоча, уже бежала на ворот рубашки струйка крови, медленно сдавливала шею.

Бенна шевельнулся, заскреб одной рукой по полу, пытаясь подползти к Монце, чуть приподнялся со вздувшимися от усилия жилами на шее. Но генерал Ганмарк, наклонившись, спокойно нанес последний удар – со спины в сердце. Предсмертная дрожь сотрясла тело Бенны. Он обмяк и затих, обратив к Монце белую щеку, вымазанную кровью, которая начала растекаться вокруг него по щелям между мраморными плитами.

– Ну вот. – Ганмарк обтер клинок о рубаху Бенны. – С этим кончено.

Мофис, стоя в стороне, наблюдал за происходящим: немного озадаченно, отчасти раздраженно и несколько скучающе. Словно пересчитывал цифры, и что-то в них никак не сходилось.

Орсо указал на тело:

– Избавься от него, Арио.

– Я? – Принц скривился.

– Да, ты. Тебе поможет Фоскар. Вам обоим пора учиться делать то, что необходимо для удержания власти в нашей семье.

– Нет! – Фоскар отшатнулся. – Я в этом участвовать не буду! – После чего развернулся и выбежал, стуча по полу каблуками, из кабинета.

– Размазня, – буркнул ему в спину Орсо. – Ганмарк, помогите.

Монца могла только провожать их глазами, когда они выволакивали тело Бенны на балкон. Хладнокровный и аккуратный Ганмарк подхватил его под плечи, Арио, выругавшись, брезгливо приподнял одну ногу за сапог. Вторая тащилась по полу, оставляя за собой красный след. Взвалив Бенну на перила, они столкнули его вниз. Похоже, с ним и впрямь было кончено.

– Ай! – взвизгнул Арио. – Проклятье, вы меня оцарапали!

Ганмарк повернулся к нему:

– Прощу прощения, ваше высочество. Убивая, можно и пораниться.

Принц огляделся, ища, чем бы вытереть окровавленные руки. Потянулся к роскошной портьере.

– Не этим! – рявкнул Орсо. – Кантийский шелк, пятьдесят скелов штука!

– Чем же тогда?

– Найди что-нибудь другое или ходи так! Порой я сомневаюсь, парень, вправду ли от меня родила тебя твоя мать.

Монца, задыхаясь, смотрела, как принц угрюмо вытирает руки о собственную рубашку. Сквозь волосы, упавшие на лицо, сквозь пелену слез, выступивших на глазах, увидела размытую черную фигуру Орсо, повернувшуюся к ней.

– Она еще жива? Чем ты там занимаешься, Гобба?

– Клятая удавка руку захватила, – прохрипел телохранитель.

– Так добей ее чем-нибудь другим, недоумок!

– Я добью. – Верный, по-прежнему крепко удерживая Монцу за запястье, свободной рукой снял у нее с пояса кинжал. – Мне жаль, правда, жаль…

– Давай уже! – прорычал Гобба.

Лезвие взметнулось, блеснула сталь в солнечном луче. Монца со всей силой отчаяния топнула по ноге Гоббы. Телохранитель хрюкнул, на миг ослабил хватку, и Монца, с рычанием оттянув удавку, принялась неистово извиваться, пытаясь вырваться. В этот миг Карпи нанес удар.

Промахнулся изрядно – клинок вошел под нижнее ребро. Металл, хоть был холодным, пронзил ее палящей струей огня от живота до спины, пробил насквозь, и кончик, выйдя наружу, уколол Гоббу.

Охнув, тот выпустил удавку. Монца втянула воздух в грудь, отчаянно завизжала, пнула его локтем, и Гобба отшатнулся. Верный от неожиданности уронил кинжал, едва успев его выдернуть, и тот, упав, завертелся на полу. Монца лягнула Карпи ногой, метя в пах, попала в бедро и, когда он сложился пополам, выхватила кинжал из ножен на его собственном поясе. Но порезанная рука двигалась без прежнего проворства, и Карпи поймал ее за запястье раньше, чем Монца нанесла удар. Он попытался вырвать кинжал, и они начали бороться за него, оскалив зубы и брызгая друг другу в лицо слюной. Руки у обоих были липкими от ее крови.

– Убейте ее!

Раздался треск, из глаз Монцы посыпались искры. Пол вздыбился, ударил ее по спине и затылку. Сплюнув кровь, она заскребла ногтями по гладким мраморным плитам, пытаясь подняться, снова закричала, но из горла вырвался лишь хрип.

– Мерзкая сука!

На правую руку ее обрушился огромный сапог Гоббы, боль пронзила до плеча, и Монца задушенно охнула. Сапог поднялся, опустился снова – на пальцы, потом на запястье. Одновременно по ребрам заходила нога Верного, вызвав у нее судорожный кашель. Разбитая кисть руки вывернулась боком. Сапог Гоббы опустился в очередной раз, вдавливая ее в холодный мрамор, дробя кости. Комната завертелась перед глазами задохнувшейся от боли Монцы, и дружно ухмыльнулись со стен короли-победители.

– Ты кольнул меня, скотина тупая! Кольнул!

– Да у тебя и царапины не осталось, олух! Держать ее надо было!

– Заколоть заранее вашу никчемную парочку – вот что надо было! – прошипел голос Орсо. – Кончайте с ней уже!

Лапища Гоббы приблизилась, схватила Монцу за горло, вздернула на ноги. Она хотела было вцепиться ему в лицо левой рукой, но силы все вытекли – через дыру в боку, порез на шее. Достала лишь кончиками пальцев, вымазав кровью щетину. Затем ее руку оттянули и заломили за спину.

– Где золото Хермона? – проревел голос Гоббы. – А, Меркатто? Куда вы дели золото?

Она с трудом подняла голову.

– Поцелуй меня в зад, говнюк.

Не слишком умно, пожалуй, зато от сердца.

– Не было там никакого золота! – рявкнул Верный. – Я же говорил тебе, свинья!

– Зато здесь хватает. – Гобба принялся одно за другим сдирать кольца с ее пальцев, уже распухших, ставших багровыми и свисавших с кисти, как гнилые сосиски. – Вот этот камушек ничего, хорош, – сказал он, разглядывая рубин. – Жаль, тело недурное пропадет понапрасну. Может, дадите мне с ней минутку? Больше не понадобится.

Принц Арио захихикал.

– В некоторых случаях скоростью не гордятся.

– Умоляю вас! – Голос Орсо. – Мы не животные. Тащите на балкон, и покончим уже с этим. Мне пора завтракать.

Монцу подхватили и поволокли. Голова безвольно закачалась из стороны в сторону. В лицо ударил солнечный свет. Сапоги с шорохом проехались по камню – ее подняли. Опустили на перила. Завертелось вверху голубое небо. Дыхание перехватило, в носу защипало, свело судорогой грудь. Монца напряглась, брыкнула ногами. Вернее, не сама она, а ее тело, в тщетной борьбе за жизнь.

– Позвольте мне добить… чтобы наверняка. – Голос Ганмарка.

– Куда уж вернее? – Сквозь путаницу окровавленных волос перед глазами она увидела над собой морщинистое лицо Орсо. – Надеюсь, вы понимаете. Мой прадед был наемником, человеком низкого происхождения, который захватил власть благодаря остроте своего ума и меча. Я не могу позволить захватить власть в Талине другому наемнику.

Она хотела плюнуть ему в лицо, но лишь выдула кровавую слюну изо рта на подбородок.

– Ублю…

В следующий миг она полетела.

Порванная рубашка раздулась, захлопала на ветру. Монца перевернулась раз, другой, и мир вокруг закувыркался тоже. Пронеслись мимо голубое небо с перьями облаков, черные башни на вершине горы, серый каменный склон, желто-зеленые деревья, искрящаяся река… и снова – голубое небо с перьями облаков… и снова… и снова… все быстрей и быстрей.

Холодный ветер трепал волосы, ревел в ушах, забивал рот, не давая выдохнуть. Она различала уже каждое дерево внизу, каждую ветку, каждый листок, которые стремительно неслись навстречу. Хотела закричать… и тут лиственное море схватило ее, заглотнуло, безжалостно хлестнув ветвями. Монца, наткнувшись на торчавший сук, снова завертелась в воздухе. Ветви с треском расступились под ней, она долетела до подножия дерева и рухнула на горный склон. Удар был так силен, что подломились ноги, в плече при столкновении с камнем что-то хрустнуло. Но вместо того, чтобы разбрызгать по земле мозги, она всего лишь раздробила челюсть… об окровавленную грудь брата, чье изувеченное тело лежало, распластавшись под деревом.

Так Бенна Меркатто спас жизнь своей сестре.

Перевалившись через его труп, Монца, почти уже без сознания, покатилась, как сломанная кукла, вниз по крутому склону – по камням и корням, что впивались в тело и нещадно молотили его, подобно сотне молотов.

Она пронеслась сквозь заросли колючих кустов. Исхлестанная и исцарапанная, заскользила дальше, в облаке листвы и пыли. Наткнулась на древесный корень, потом на замшелый валун. Остановилась, медленно перевернулась на спину и застыла неподвижно.

– Ы-ых-х-х…

Вокруг еще шуршали, перекатываясь, потревоженные ее падением мелкие камни. Медленно оседала пыль. Монца услышала, как скрипит ветвями и шелестит листвой ветер. А может, то шелестело и хрипело ее собственное дыхание в израненном горле. Сквозь ветви подмигивало солнце, слепя один глаз. Второй видел только тьму. Жужжали мухи, кружа в прогретом утреннем воздухе над нею, над отбросами из кухни Орсо – гнилыми овощами, вонючими потрохами, объедками, оставшимися от роскошных пиров, среди которых лежала она… вышвырнутая, как мусор.

– Ы-ых-х-х…

Утробный, бессмысленный звук. Он пугал саму Монцу, но перестать его издавать она была не в силах. Животный ужас. Безумное отчаяние. Стон мертвецов в аду. Она безнадежно скосила глаз в сторону. Увидела то, что осталось от ее правой руки, – бесформенную фиолетовую перчатку с красным разрезом сбоку. Один палец слегка дрожал. Кончик его касался ободранного локтя той же руки, сложившейся пополам. Прорвав окровавленный шелк рукава, торчал наружу обломок сероватой кости. Все это выглядело каким-то ненастоящим. Театральным реквизитом.

– Ы-ых-х-х…

Ужас усиливался с каждым вздохом. Она не могла шевельнуть головой. Не могла шевельнуть языком. Могла лишь чувствовать боль, которая постепенно нарастала, распространяясь по всему телу, завладевая каждой его клеточкой.

– Ы-ых… ы-ых…

Бенна мертв. Из уцелевшего глаза выбежала слеза, медленно покатилась по щеке. Почему она не умерла? Как случилось, что она жива?

Скорей… пожалуйста. Пока боль не стала еще сильней. Пожалуйста, пусть это произойдет поскорее.

– Ы-ых… ых… ых…

Поторопись, смерть.

I. Талин

Чтобы иметь хорошего врага, выбери друга – он знает, куда нанести удар.
Диана де Пуатье

Джаппо Меркатто никогда не рассказывал, откуда у него взялся такой хороший меч, но пользоваться им он умел. И умение свое, поскольку сын был младшим ребенком, да к тому же болезненным, передавал едва успевшей подрасти дочери Монцкарро – это имя она получила в честь матери отца, названной так в те времена, когда семья еще претендовала на знатность. Собственной ее матери оно не нравилось, но, дав жизнь Бенне, та умерла, и значения это уже не имело.

В Стирии тогда царил мир – такая же редкость, как золото. По весне Монца спешила вслед за отцом, вспахивавшим поле плугом, выбирала из распаханной земли камни и забрасывала их в лес. По осени она спешила вслед за отцом, взмахивавшим начищенной до блеска косой, и складывала сжатые колосья в снопы.

– Монца, – говорил он, улыбаясь, – что бы я без тебя делал?

Она помогала ему молотить и сеять, колоть дрова и таскать воду. Готовила, стирала, мыла, убирала, доила козу. Руки от работы вечно были в мозолях. Брат тоже пытался помогать, но от него, маленького и больного, толку было немного. Трудно им жилось в те времена, зато счастливо.

Когда Монце стукнуло четырнадцать, Джаппо Меркатто подхватил лихорадку. Начал кашлять, обливаться потом и таять на глазах. Как-то вечером он поймал Монцу за руку и сказал, глядя на нее блестящими от жара глазами:

– Завтра распаши верхнее поле, не то пшеница не успеет взойти. Посей, что сможешь. – Потом погладил ее по щеке. – Несправедливо, что все свалится на тебя, но брат твой еще так мал. Присматривай за ним.

И умер.

Бенна плакал, но у Монцы глаза оставались сухими. Она думала о семенах, которые нужно посеять, и о том, как лучше это сделать. Брат боялся в ту ночь спать один, поэтому они легли вдвоем в ее узкую кровать и искали утешения друг у друга. Ибо больше у них теперь никого не было.

Утром, еще затемно, Монца вынесла тело отца из дома в лес и сбросила в реку. Не потому, что не было любви в ее сердце, а потому, что не было у нее времени его хоронить.

На рассвете она уже распахивала верхнее поле.

Земля удачи

Первое, в чем убедился Трясучка, пока корабль медленно подходил к пристани, – никакого обещанного тепла тут не было и в помине. Говорили, будто в Стирии всегда светит солнце. В море можно мыться круглый год. Предложи ему кто сейчас такую ванну, Трясучка остался бы грязным. И не удержался бы, поди, от крепкого словца. В сером небе над Талином громоздились тучи, с моря задувал холодный ветер, то и дело принимался моросить дождь, и это напоминало о доме. Не самым приятным образом. Тем не менее Трясучка решил смотреть на солнечную сторону дела. Ну, выдался дерьмовый денек. Где не бывает?..

Впрочем, берег, который он разглядывал, покуда моряки суетились, швартуя судно, тоже своим видом не радовал. Куда ни глянь – осклизлые булыжные мостовые, кирпичные домишки с узкими оконцами, просевшими крышами, облезшей штукатуркой и выцветшей краской, сто-

ящие друг к другу впритык. Сизые от соли, зеленые от мха, черные от плесени. Стены понизу были сплошь заклеены большими листами бумаги, налепленными вкривь и вкось, местами оборванными, трепыхавшимися под порывами ветра. На бумагах виднелись какие-то лица и буквы. Объявления, видать, но в чтении Трясучка был не силен. Особенно по-стирийски. Для его целей хватало и умения говорить на этом языке.

Народу в порту было видимо-невидимо, но мало кто выглядел счастливым. Или здоровым. Или богатым. А еще там попахивало. Верней сказать, прямо-таки воняло: гниющей рыбой, дохлятиной, угольным дымом и отхожими местами – всем сразу. И, представив это место в качестве дома для того великого нового человека, которым он собирался стать, Трясучка вынужден был признать, что малость – да и не малость вовсе – разочарован. На миг мелькнула даже мысль отдать все оставшиеся деньги и уплыть с ближайшим судном обратно на север. Но Трясучка ее прогнал. Он жил войной, вел людей на смерть, убивал и чего только не делал плохого. Теперь же решил исправиться. Начать новую, достойную жизнь, и здесь было то самое место, где он решил ее начать.

– Что ж, – он бодро кивнул ближайшему моряку, – пойду-ка я, пожалуй.

Ответом было лишь невнятное ворчание. Но брат когда-то говорил Трясучке, что человека делает то, что он отдает, а не то, что получает. Поэтому он улыбнулся, словно услышал веселое дружеское напутствие, и зашагал по громыхающим сходням вниз, в свою прекрасную новую жизнь в Стирии.

Не успел он сделать и дюжины шагов, глазея то на высокие дома с одной стороны, то на раскачивающиеся мачты с другой, как его пихнули, отталкивая с дороги.

– Мои извинения, – сказал, как приличный человек, Трясучка по-стирийски. – Не заметил тебя, друг.

Толкнувший пошел себе дальше, даже не оглянувшись. Это несколько задело гордость Трясучки, которая еще имелась у него в избытке – единственное наследство, оставшееся от отца. Семь лет он провел, воюя, дерясь, ночуя на одном одеяле на снегу, питаясь дерьмовой едой, слушая не менее дерьмовое пение, и приехал сюда не для того, чтобы его сталкивали с дороги.

Однако быть ублюдком – одновременно и преступление, и наказание. «Плюнь ты на это», – сказал бы брат. И сам Трясучка намерен был смотреть на солнечную сторону. Поэтому он выбрался из доков и зашагал по широкой дороге в город. Миновал стайку попрошаек, сидевших на одеялах, выставив напоказ культи и язвы. Пересек площадь, где стояла здоровенная статуя хмурого мужчины, указующего рукой в никуда. Кто бы это мог быть, Трясучка понятия не имел, но вид у него был чертовски самодовольный. Тут донесся откуда-то запах стряпни, и кишки у Трясучки заурчали, веля подойти к жестяному ящику, где горел огонь, над которым жарилось нанизанное на металлические прутки мясо.

– Один, – сказал Трясучка, ткнув в пруток пальцем. Казалось, все и так понятно, поэтому он тем и ограничился. Меньше слов – меньше возможности ошибиться.

Когда же продавец назвал цену, он и вовсе чуть не проглотил язык. На Севере за эти деньги ему дали бы целую овцу. А то и парочку. Мясо оказалось наполовину жиром, наполовину хрящами. Вкус – куда хуже запаха. Но это Трясучку уже не удивило. Похоже, здесь, в Стирии, далеко не все было таким, как рассказывали.

Когда он начал есть, снова заморосил дождь. Не грозовой ливень, конечно, над которыми Трясучка смеялся на Севере. Но упорный достаточно, чтобы подпортить настроение и заставить задуматься, где, черт возьми, преклонить нынче ночью голову. С крыш на мостовую потекла по дырявым желобам вода, закапала с замшелых карнизов на головы прохожим, заставляя их ежиться и браниться. Улица тем временем вывела Трясучку из скопления домов на широкий речной берег, весь отделанный камнем. Там он сбавил шаг, размышляя, в какую сторону двинуться.

Городу, куда ни глянь, не было конца: вверх и вниз по течению – мосты, на другом берегу – дома, еще выше, чем на этом. Крыши, башни, купола, призрачно-серые в дождевой завесе, уходили в необозримую даль, исчезая в тумане. Хлопали на ветру рваные листы бумаги, тоже все измалеванные рядами букв и яркими разноцветными рисунками. Кое-где буквы были в рост человека. Трясучка принялся разглядывать их, надеясь уловить смысл.

Тут его толкнули снова, чье-то плечо прошлось по ребрам. На сей раз Трясучка взревел и мгновенно развернулся, сжав в кулаке мясной пруток, как клинок.

И сделал глубокий вдох. Разве не позволил он уйти свободно Девяти Смертям? То утро ему помнилось, словно оно было вчера. Снег за окнами, нож в руке, стук, с которым этот нож упал на пол, когда он разжал пальцы. Он позволил жить человеку, который убил его брата, отринул месть – все для того только, чтобы стать лучше. Уйти от крови.

Уйти от плеча нахального человека из толпы – невелик подвиг. Петь не о чем.

Трясучка выдавил улыбку и пошел в другую сторону, на мост. Из-за такой чепухи, как толчок плечом, можно целый день яриться, а ему не хотелось портить начало новой жизни, не успела та толком и начаться. Вдоль перил на мосту, пуча глаза на воду, стояли статуи – чудища из белого камня, усеянного птичьим пометом. Людей там тоже хватало. Они текли мимо, как одна река над другой. Всех видов и мастей. Так много, что он почувствовал себя никем среди них. Как тут не получить пару-тройку толчков плечом…

Его руки коснулось что-то. И Трясучка, не успев понять даже, что делает, схватил кого-то за глотку, опрокинул спиной на перила – в двенадцати шагах над пенящейся водой – и придушил слегка, как цыпленка.

– Бить меня, скотина? – прорычал он на северном наречии. – Глаза выколю!

В руках у него оказался какой-то хиляк, насмерть перепуганный, не меньше, чем на голову ниже Трясучки и вдвое легче. Как только красная пелена перед глазами растаяла, Трясучка сообразил, что этот несчастный его едва задел. Без всякого злого умысла. И как же в таком случае прощать настоящие обиды, если теряешь голову из-за пустяка? Он всегда был себе худшим врагом.

– Прости, друг, – сказал Трясучка по-стирийски, раскаиваясь всем сердцем. Снял бедолагу с перил, поставил на ноги, расправил неловкой рукой его куртку. – Правда, прости. Маленькая… как это, по-вашему… ошибка вышла. Хочешь?..

И протянул ему пруток, на котором еще оставался кусочек жирного мяса. Хиляк выпучил глаза. Трясучка помрачнел. Не хочет, проклятье… Он и сам-то этого мяса уже не хотел.

– Прости…

Хиляк развернулся и ринулся в толпу. Оглянулся испуганно через плечо, словно вырвался из рук опасного безумца. Может, так оно и было. Трясучка хмуро посмотрел на пенящуюся внизу бурую воду. Точь-в-точь такую, надо сказать, как у них на Севере.

Похоже, стать хорошим человеком было делом посложней, чем казалось.

Похититель костей

Открыв глаза, она увидела кости.

Длинные и короткие, толстые и тонкие, белые, желтые, коричневые, покрывавшие облезлую стену от пола до потолка. Сотни костей. Образующих узоры – мозаику, выложенную сумасшедшим.

Она перевела глаза, воспаленные, со слипшимися ресницами, в другую сторону, на огонек, весело пляшущий в закопченном очаге. С полки над ним ей улыбнулись безглазые черепа, искусно составленные друг на друга в три ряда.

Кости, стало быть, человеческие. Монцу прошиб холодный пот.

Она попыталась сесть. Ощущение тупой одеревенелости во всем теле сменилось болью так внезапно, что ее затошнило. Темная комната накренилась и поплыла. Монцу что-то крепко удерживало на ее твердом ложе. Но в голове стоял вязкий туман, и вспомнить, где она и как сюда попала, ей не удавалось.

Повернув голову, она увидела стол. На столе – металлический поднос. На подносе – аккуратно разложенные инструменты. Щипцы, пинцеты, иглы, ножницы. Маленькая, но острая с виду пила. Дюжина ножей, не меньше, всех видов и размеров. Глаза ее расширились, взгляд обежал полированные лезвия – прямые, кривые, зазубренные, поблескивавшие в свете очага холодно и безжалостно. Инструменты хирурга?

Или палача?

– Бенна?

Вместо голоса раздался невнятный хрип. Язык, горло, ноздри, внутренности казались чувствительными, как лишенная кожи плоть. Монца снова попыталась сесть, но смогла только слегка приподнять голову. Даже это ничтожное движение вызвало острую боль в шее и плече, отдалось сильной коликой в ребрах, правой руке и ногах. Вслед за болью явился страх, от страха стало еще больнее. Дыхание участилось, воспаленные ноздри судорожно раздулись.

Шлеп, шлеп.

Монца замерла, прислушиваясь. От тишины закололо в ушах.

Скрежет – повернулся ключ в замке.

Съежившись, с бешено колотящейся в висках кровью, терзаемая болью в каждом суставе и каждой мышце, она прикусила язык, чтобы не закричать.

Скрип – открылась дверь. Стук – закрылась. Раздались шаги – чуть слышные, но горло у нее сдавило страхом. На пол упала тень – кого-то огромного, горбатого, жуткого. Взгляд Монцы беспомощно заметался по углам. Ничего не сделаешь, остается только ждать… худшего.

В дверном проеме появился человек, прошел мимо нее к высокому шкафу. Мужчина – всего лишь среднего роста на самом деле, с короткими светлыми волосами. Горбатой тень его казалась из-за холщового мешка на плече. Фальшиво напевая что-то себе под нос, он принялся освобождать мешок, каждый вынутый предмет ставя бережно на соответствующую полку и вертя его так и сяк, чтобы добиться нужного положения.

Если хозяин этого странного места и был чудовищем, то весьма дотошным, ценящим мелкие детали.

Бесшумно прикрыв дверцы, он аккуратно свернул пустой мешок и сунул его под шкаф. Снял куртку, повесил на крюк, отряхнул с нее рукою какой-то мусор, повернулся и застыл, обратив к Монце бледное худое лицо, не старое еще, но изрезанное глубокими морщинами, с выпирающими скулами, с темными кругами под глазами, в которых мелькнуло изумление.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом его бледные губы искривила неприятная улыбочка.

– Очнулась?

– Ты кто? – вырвался из пересохшего горла Монцы испуганный шепот.

– Мое имя значения не имеет, – ответил он с едва заметным союзным акцентом. – Достаточно сказать, что я занимаюсь естественными науками.

– Лекарь?

– Среди прочего. Как ты могла уже заметить, главная моя страсть – кости. Поэтому я весьма доволен тем, что ты… мне встретилась. – Он снова улыбнулся – улыбкой черепа, не затронувшей глаз.

– Как я… – Монце, говоря, приходилось сражаться с челюстью, неповоротливой, как ржавая петля. Чувство было такое, что рот забит дерьмом. И вкус в нем – ничуть не лучше. – Как я к тебе попала?

– Для работы мне нужны трупы. Порой я нахожу их там, где нашел тебя. Но живые еще ни разу не попадались. Я бы сказал, тебе неслыханно повезло. – Он призадумался на миг. – Повезло бы еще больше, конечно, если бы ты вообще не падала, но… поскольку упала…

– Где мой брат? Где Бенна?

– Бенна?

И тут она вспомнила все разом. Кровь, сочащуюся меж скрюченных пальцев брата. Клинок, пронзающий его грудь. Собственную беспомощность. Белое лицо Бенны, вымазанное кровью.

Издав каркающий вопль, Монца рванулась со своего ложа, выгнулась, задергалась. В руках и ногах вспыхнула нестерпимая боль, от которой вновь затошнило. Но подняться не удалось – что-то ее по-прежнему удерживало. Хозяин, с пустым и белым, как чистый лист бумаги, лицом, молча наблюдал за тщетными усилиями Монцы. И, сдавшись, перестав дергаться, она застонала от боли, которая все сильней сдавливала огромными тисками тело.

– Гнев ничему не помогает.

В ответ Монца смогла лишь захрипеть, с трудом втягивая воздух сквозь стиснутые зубы.

– Думаю, тебе сейчас немножко больно. – Он выдвинул из шкафа ящик, вынул оттуда трубку с почерневшей чашечкой. – Я бы на твоем месте привыкал. – Нагнулся, выловил щипцами из очага уголек. – Боюсь, отныне боль станет твоим постоянным спутником.

Перед глазами у нее замаячил обгрызенный мундштук. Монце вспомнились не раз виденные курильщики хаски – неподвижные, словно трупы, высохшие, как шелуха, безразличные ко всему, кроме очередной трубки. Хаска – последнее милосердие. Для слабаков. Для трусов.

Хозяин подбодрил ее своей мертвецкой улыбкой.

– Это поможет.

Такая боль любого сделает трусом.

Легкие обожгло дымом, ноющие ребра содрогнулись, кашель сотряс все тело до кончиков пальцев ног. Монца застонала, сморщилась, задергалась на постели снова, но уже слабее. Кашлянув еще раз, обмякла. Боль утратила остроту. Страх утратил остроту. Они начали таять. Стало мягко, тепло, уютно. Кто-то испустил долгий, хриплый стон. Возможно, она сама. По лицу, щекоча, скатилась слезинка.

– Еще?

На этот раз ей удалось задержать жгучий дым в груди и выдохнуть его тонкой струйкой. Дыхание замедлилось, шум прибоя в голове сменился тихим плеском.

– Еще?

Его голос омыл ее, как теплая волна – берег. Кости на стене расплылись, окруженные радужным сиянием. Угли в очаге заискрились, обратившись в драгоценные каменья. От боли осталось лишь воспоминание, которое не имело значения. Значение утратило все. Взгляд лениво поблуждал по сторонам, потом, столь же лениво, глаза закрылись. Под веками заплясали мозаичные узоры. Монца поплыла по теплому морю, сладкому, как мед…

– Снова с нами? – Над ней нависло белое, как флаг капитулянта, лицо с размытыми чертами. – Я уже беспокоился, признаться. Не думал, что ты вообще очнешься, но раз уж очнулась, обидно будет, если…

– Бенна?

В голове по-прежнему стоял туман. Монца собралась было спустить ногу с кровати, но пронзившая лодыжку боль мгновенно вернула ее к действительности. Лицо исказилось страдальческой гримасой.

– Все еще болит? Ничего, сейчас я тебя порадую. – Он потер руки. – Швы уже сняты.

– Долго я была без сознания?

– Несколько часов.

– А… до этого?

– Больше трех месяцев. – Она вытаращила глаза. – Всю осень и начало зимы. Скоро Новый год. Прекрасное время для новых начинаний. То, что ты вообще пришла в себя, – уже чудо. Твои раны… ну, думается мне, моей работой ты останешься довольна. Что умею, то умею.

Он вытащил из-под скамьи засаленную подушку и подсунул ей под голову, обращаясь с Монцей столь же небрежно, как мясник с куском мяса. Теперь, с приподнятой головой, она могла посмотреть на свое тело. Выбора не было, пришлось смотреть на бугристую выпуклость под грубым серым одеялом, перехваченную поверх груди, бедер и лодыжек тремя кожаными ремнями.

– Ремни – для того, чтобы защитить тебя же. От падения со скамьи, пока спишь. – Он вдруг издал кудахтающий смешок. – Не хотелось бы, чтобы ты себе что-нибудь сломала, правда? Ха… ха!

Отвязав ремни, он взялся двумя пальцами за край одеяла. Монца смотрела, отчаянно желая увидеть и отчаянно этого страшась.

Он сдернул одеяло, как балаганщик, показывающий главный приз.

Глазам ее открылось тело, которое она не узнала: голое, изможденное, с выпирающими из-под кожи костями, сплошь усеянное черными, фиолетовыми, желтыми пятнами огромных синяков. Глаза заметались по безобразной плоти, делаясь все шире, покуда Монца силилась осознать увиденное. Помимо синяков, тело покрывали еще и красные рубцы, воспаленные, с розовой полоской молодой кожи посередине, окаймленные темными точками от снятых швов. Только на груди вдоль ребер их было четыре. Остальных – на бедрах, ляжках, левой ступне и правой руке – было не сосчитать.

Монцу начало трясти. Не может эта дохлая туша из мясницкой лавки быть ее телом. Стуча зубами, она втянула в грудь воздух, и в тот же миг испещренная синяками, усохшая грудная клетка слегка приподнялась.

– Ох… – выдохнула Монца. – Ох…

– Впечатляет, да? Понимаю! – Склонившись над ней, он отметил быстрым взмахом руки каждую из ступеней красной лесенки на груди. – Эти ребра и грудинная кость были раздроблены. Чтобы их восстановить, пришлось резать. Я старался делать разрезы как можно меньше, но…

– Ох…

– Особенно я доволен левым бедром. – Он показал на красный зигзаг, шедший от низа впалого живота до ляжки и окруженный с обеих сторон рядами точек. – Бедренная кость сломалась так, что вошла внутрь себя самой, увы. – Прищелкнул языком, ткнул пальцем в свой сжатый кулак. – Нога стала короче, но, на удачу, в другой ноге была раздроблена голень, и, удалив осколок, я сгладил разницу. – Он свел вместе ее колени, отпустил и, глядя, как они расходятся, нахмурился. Ступни лежали мертвым грузом. – Одно колено теперь немного выше другого, и такой высокой, как прежде, тебе уже не быть, но учитывая…

– Ох…

– Все срослось. – Он с улыбкой провел рукою по иссохшим ногам от бедер до лодыжек, словно кухарка, щупающая цыпленка. Монца смотрела, как он ее трогает, но прикосновений почти не ощущала. – Срослось, и стягивающие тиски сняты. Это настоящее чудо, поверь. Видели бы скептики из академии, забыли бы, как смеяться. Видел бы мой старик-учитель, он бы…

– Ох…

Монца медленно подняла правую кисть. Верней, трясущуюся пародию на кисть, которой заканчивалась ее рука, со сморщенной высохшей ладонью и уродливым шрамом сбоку, куда врезалась удавка Гоббы, с пальцами, узловатыми, как древесные корни, слипшимися вместе, с оттопыренным под странным углом мизинцем. Она попыталась сжать кулак, дыша с присви-

стом от натуги. Пальцы чуть шевельнулись, но боль прострелила руку до плеча. Во рту стало горько.

– Сделал все, что мог. Мелкие кости пострадали слишком сильно, сухожилия мизинца порваны. – Добрый хозяин выглядел разочарованным. – Жаль, конечно. Рубцы потом сойдут… отчасти. Но на самом деле, учитывая падение… ладно, держи.

Ко рту ее приблизился мундштук, и Монца вцепилась в него зубами. Присосалась к трубке с жадностью, как к единственной своей надежде.

Каковой та и была.

Он отломил от каравая кусочек, такой крохотный, словно птичку собрался покормить. Рот у Монцы, следившей за его движениями, наполнился кислой слюной. То ли от голода, то ли от тошноты, не разберешь. Молча взяв этот кусочек трясущейся от слабости левой рукой, она поднесла его к губам и протолкнула меж зубов в горло.

Словно битое стекло проглотила.

– Помедленней, – проворчал он. – Ты со времени падения ничего не ела, молоко только пила да сладкую воду.

Хлеб застрял на полпути к желудку. Монца, ощутив рвотный спазм, натужилась, и внутренности там, куда нанес ножевую рану Верный, завязались узлом.

– Погоди. – Хозяин подсунул руку ей под голову, приподнял осторожно, но уверенно и поднес к губам бутылку с водой.

Монца сделала несколько глотков, потом скосила глаза на его руку. Под нею на голове ощущались какие-то странноватые выпуклости.

– Мне пришлось удалить из твоего черепа несколько осколков. И вставить вместо них монеты.

– Монеты?!

– Ты предпочла бы, чтобы я оставил мозги открытыми? Золото не ржавеет. Золото не гниет. Дороговатое медицинское средство, разумеется, но если бы ты умерла, я вернул бы свои вложения, а поскольку не умерла… что ж, я считаю, денежки потрачены с толком. Бугорки на ощупь будут чувствоваться, конечно, но волосы отрастут. Они у тебя очень красивые. Черные как ночь.

Он осторожно опустил голову Монцы обратно на скамью, но руку убрал не сразу. Прикосновение его казалось бережным. Почти лаской.

– Вообще-то я все больше молчу. Слишком много времени провожу в одиночестве, наверное. – Блеснула его мертвенная улыбка. – Но ты… заставляешь меня открываться с лучших сторон. Как и мать моих детей. Вы с ней похожи… отчасти.

Монца выдавила в ответ улыбку, ощутив в глубине души отвращение, примешавшееся к тошнотной жажде, которая мучила ее теперь все чаще, требуя немедленного утоления.

Она сглотнула.

– Можно мне…

– Конечно. – Он уже протягивал трубку.

– Сжимай.

– Не сжимается! – прошипела Монца, глядя на три скрюченных пальца и упорно торчащий в сторону мизинец. Вспоминая, какими ловкими они были прежде, какими проворными и сильными, она испытывала такую ярость и такое разочарование, что даже боль отступала. – Не сжимается!

– Ты лежишь тут которую неделю. Я латал тебя не для того, чтобы ты курила хаску и бездельничала. Старайся усерднее.

– Сам бы постарался, дерьмо!

– Ладно.

Он обхватил ее руку своей и безжалостно сдавил. Скрюченные пальцы с хрустом сложились в кулак. От боли глаза полезли на лоб, и дух занялся – не вскрикнуть.

– Ты, кажется, не понимаешь, как много я тебе помогаю. – Он еще сильней сдавил ей пальцы. – Без боли человек не растет. Без нее он не совершенствуется. Страдание заставляет нас совершать великие дела. – Здоровой рукой в это время она бессильно скребла его кулак. – Любовь прекрасная подушка для отдыха. Но только ненависть способна сделать нас сильней и лучше. Так-то.

Он отпустил ее, и Монца заскулила, глядя на свои несчастные, дрожащие, покрытые фиолетовыми шрамами пальцы, которые медленно разжимались.

Ей хотелось его убить, осыпать всеми проклятиями, какие только знала. Но она слишком нуждалась в его помощи и поэтому придерживала язык, покуда, задыхаясь и скрипя зубами от боли, стучала затылком о скамью.

– Давай, сожми снова.

Монца уставилась ему в лицо, пустое, как свежевырытая могила.

– Давай, или это сделаю я.

Она зарычала. От напряжения руку прострелило болью до плеча. Пальцы медленно начали сгибаться, лишь мизинец по-прежнему торчал вбок.

– На, ублюдок недоношенный!

Монца сунула ему в нос узловатый, кривой, сцепленный намертво кулак.

– На!

– Видишь, не так уж это и трудно. – Он протянул трубку, и Монца выхватила ее у него из рук. – Можешь не благодарить.

– Посмотрим, сумеешь ли ты…

Монца взвизгнула. Колени подогнулись, и ему пришлось подхватить ее, чтобы не упала.

– Опять? – Он нахмурился. – Тебе пора уже ходить. Кости срослись. Больно, конечно, но… Впрочем, где-то мог остаться осколок. В каком месте болит?

– Во всех! – огрызнулась она.

– Что ж, видно, дело не только в твоем упрямстве. Но так не хочется заново вскрывать швы… – Подхватив Монцу одной рукой под колени, он без особого усилия поднял ее и уложил на скамью. – Мне нужно отлучиться.

Она схватила его за руку.

– Вернешься скоро?

– Скоро.

Шаги затихли в коридоре. Монца услышала, как хлопнула входная дверь и заскрежетал ключ в замке.

– Сукин сын.

Она спустила ноги на пол. Поморщилась, когда ступни коснулись половиц, оскалила зубы, когда села, и тихо зарычала, когда, оттолкнувшись от скамьи, встала на ноги.

Больно было адски, но это только придало ей решимости.

Глубоко вздохнув, она сосредоточилась и заковыляла в другой конец комнаты, терпя жгучую боль в лодыжках, коленях, бедрах, спине, в руках, широко расставленных для равновесия. Доплелась до шкафа, вцепилась в дверцы. Вытянула ящик, в котором лежали трубка и кувшинчик зеленого пузырчатого стекла с несколькими черными комками хаски на дне. Как же ей хотелось покурить… во рту пересохло, ладони стали липкими от пота. Монца задвинула ящик и заковыляла к скамье, терзаемая по-прежнему болью, но крепнущая тем не менее с каждым днем. Скоро она будет готова. Пока же – нет.

«Терпение – отец успеха», – писал Столикус.

До шкафа и обратно, рыча и скрежеща зубами. До шкафа и обратно, шатаясь и кусая губы. До шкафа и обратно, скуля, чуть не падая, плюясь. Она оперлась на скамью, постояла некоторое время, переводя дух.

И снова – до шкафа и обратно.

На зеркале была трещина от угла до угла. Но ей хотелось разбить его вовсе.

«Твои волосы – завеса полуночи!»

Обритые слева, отросшие до щетины, сквозь которую проглядывают струпья, свисающие справа спутанными, грязными, сухими водорослями.

«Глаза твои блещут, как лучистые сапфиры, коим нет цены!»

Желтые, налитые кровью, со слипшимися ресницами и воспаленными веками в черных и ввалившихся от пережитых страданий глазницах.

«Губы – лепестки роз!»

Пересохшие, потрескавшиеся, покрытые желто-серой коркой в углах. На белой восковой щеке три длинных, гнойно-коричневых струпа.

«Сегодня ты прекрасна как никогда, Монца…»

Шея – пучок иссохших жил. С обеих сторон красные шрамы, оставленные удавкой Гоббы. Вид такой, словно она уже умерла – от чумы. Немногим лучше, чем у черепов на полке.

Держа перед нею зеркало, ее добрый хозяин улыбался.

– Ну, что я говорил? Выглядишь чудесно.

«Сама богиня войны!»

– Да уж, как чертова ярмарочная диковинка! – Она мрачно усмехнулась, и старая развалина в зеркале усмехнулась в ответ.

– Лучше, чем когда я тебя нашел. Учись во всем видеть хорошую сторону. – Он отложил зеркало, встал и натянул куртку. – Я должен отлучиться на некоторое время, но вернусь, как всегда. Тренируй руку. Но береги силы. Мне нужно еще разрезать тебе ляжки и выяснить, почему ты не можешь стоять.

Она выдавила страдальческую улыбку.

– Да. Понимаю.

– Что ж, тогда вскоре и займусь.

Он накинул на плечо мешок. Простучали по коридору шаги, закрылся замок. Монца медленно сосчитала до десяти.

Потом она встала, прихватила с подноса нож и пару иголок. Дохромала до шкафа, выдернула ящик, сунула трубку и кувшинчик в карман штанов, позаимствованных у хозяина и висевших на ее тощих бедрах мешком. Добрела босиком по скрипучим половицам коридора до спальни, там выудила, морщась, из-под кровати поношенные сапоги. Постанывая, натянула их.

Снова выбралась в коридор, задыхаясь от напряжения, боли и страха. Встала на колени перед входной дверью – вернее, медленно, хрустя суставами, присела так, что колени коснулись в конце концов пола. Давно ей не приходилось вскрывать замки… Монца, зажав в искалеченной руке иглы, принялась неуклюже орудовать ими.

– Поворачивайся, гадина. Поворачивайся…

Замок, по счастью, был плохонький. Издал вскоре приятный слуху щелчок и открылся. Схватившись за ручку, Монца с усилием отворила дверь.

Ночь поздняя. Дождь поливает обильно поросший бурьяном двор и покосившуюся изгородь, за которой торчат голые деревья. Дальше – тьма. Не лучшее время и погода для калеки, решившей прогуляться. Но чистый воздух, холодный ветер в лицо… Монца почувствовала себя чуть ли не родившейся заново. Уж лучше она замерзнет на свободе, чем просидит еще хотя бы ночь в компании костей.

Без размышлений она нырнула под дождь, проковыляла сквозь заросли крапивы. И, оказавшись среди деревьев, чьи стволы влажно блеснули при свете проглянувшей на миг луны, решительно свернула с тропинки в сторону и зашагала, не оглядываясь, вперед.

Вверх по крутому склону, закусив губу, согнувшись, хватаясь здоровой рукой за землю. Рыча от боли, которая пронзала каждый мускул при каждом неверном движении. С черных ветвей капал черный дождь, барабанил по палой листве, стекал по волосам, липшим к лицу, лился за шиворот украденной рубахи, липшей к воспаленному телу.

– Еще шаг.

Убраться как можно дальше от скамьи, ножей, белого, пустого лица. И лица, увиденного в зеркале.

– Еще шаг… еще шаг… еще…

Цепляясь рукой за влажную землю, за корни деревьев. Она идет за отцом, направляющим плуг, шарит во вспаханной земле, выискивая камни.

«Что бы я без тебя делал, Монца?»

Она стоит на коленях рядом с Коской в лесной засаде, вдыхая бодрящие запахи осенней листвы и земли, и сердце трепещет от страха и возбуждения.

«Черт в тебе сидит».

Воспоминания рождались одно за другим, обгоняя неповоротливые ноги, давая силу идти.

«…На балкон, и покончим уже с этим».

Монца остановилась. Немного постояла, согнувшись, выдыхая в сырую мглу облачка пара, не думая о том, куда идет, откуда вышла и много ли удалось пройти. Сейчас это значения не имело.

Потом, прислонившись к скользкому стволу дерева спиной, она взялась за пояс здоровой рукой, подсунула под него увечную. На то, чтобы расстегнуть проклятую пряжку, сил и времени ушло немало. Но хоть штаны стаскивать не пришлось. Они свалились с ее костлявой задницы сами, соскользнули с изрытых шрамами ног. На мгновенье Монца призадумалась, как будет натягивать их обратно.

«Каждой битве – свой час», – писал Столикус.

Держась за скользкую от дождя ветку, она присела, подобрала правой рукой промокшую насквозь рубаху. Голые колени затряслись от напряжения.

– Давай, – зашептала Монца, пытаясь расслабить завязавшийся узлом мочевой пузырь. – Коль надо, так давай. Ну же. Ну… – И вздохнула с облегчением, когда моча брызнула наконец и заструилась вниз по склону, смешиваясь с дождевой водой.

Правую ляжку заломило сильней обычного, истощенные мускулы свело судорогой. Морщась, она попыталась перенести вес тела на другую ногу и упустила ветку, за которую держалась. В тот же миг нога поехала в сторону, и Монца шлепнулась на спину. Дыхание перехватило, нахлынул, едва не лишив ее рассудка, ужас прошлого падения. Ударившись головой о землю, она прикусила язык, проскользив по склону несколько шагов, свалилась в ямину, полную сырых гниющих листьев. И там, валяясь под дождем со спущенными штанами, стреножившими ее лодыжки, она расплакалась.

Скверный был момент, ничего не скажешь.

Она ревела, как ребенок – беспомощный, брошенный, отчаявшийся. Захлебываясь слезами, сотрясаясь от рыданий всем искалеченным телом. Монца и не помнила, когда ей случалось плакать. Возможно, никогда. За них обоих плакал Бенна. Но сейчас из глаз ее лились все страхи, все страдания последних двенадцати черных лет. Лежа в грязи, она пытала себя своими потерями.

Бенна умер, и с ним умерло все хорошее, что у нее было, – возможность смеяться от души, близость, понимание. Он был ее семьей, домом, другом и даже больше… все было уни-

чтожено в один миг. Словно задули свечу. У нее больше нет руки. То, что она прижимает сейчас к груди, ноющее, изувеченное, рукой не назовешь. Возможность взмахнуть мечом, написать письмо, обменяться рукопожатием с другом растоптана сапогом Гоббы. Возможность ходить, бегать, скакать верхом разбита вдребезги о камни горного склона под балконом Орсо. Ее место в мире, плод десятилетних трудов, заработанное потом и кровью, добытое в борьбе, выстраданное, – исчезло как дым.

Все, ради чего она старалась, на что надеялась, о чем мечтала, мертво.

Монца натянула штаны, загребая вместе с ними гнилые листья, кое-как застегнула пояс, всхлипнула в последний раз, высморкалась, утерла холодной рукой нос. Жизнь, которая у нее была, – в прошлом. Женщина, которой она была, – в прошлом. Сломанного не починишь.

Но плакать о былом смысла нет.

Вся дрожа, она поднялась на колени. Жизнь, которая у нее была, не просто осталась в прошлом – ее украли. Брат не просто умер – его убили. Закололи, как свинью. Монца с усилием сжала изувеченные пальцы, и те сложились в трясущийся кулак.

– Убью.

Представила их себе, одного за другим.

Гобба, жирный хряк, привалившийся к стене. «Тело недурное пропадет понапрасну». Передернулась, вспомнив сапог, топчущий руку, хруст ломающихся костей.

Мофис, банкир, холодно разглядывающий труп Бенны, как досадную помеху.

Карпи Верный. Человек, который столько лет был рядом, ел рядом, сражался рядом. «Мне жаль, правда, жаль». Монца снова увидела его руку, отводящую нож перед ударом, нащупала сквозь мокрую рубаху рану, ничтожную по сравнению с остальными, и принялась давить ее и мять, пока та не запылала огнем.

– Убью.

Ганмарк. Кроткое, усталое лицо. Меч, вонзающийся в спину Бенны. Монца снова содрогнулась. «Ну вот… с этим кончено».

Принц Ариo, поигрывающий бокалом, развалясь в кресле. Кинжал, вонзающийся в шею Бенны. Кровь, сочащаяся меж белых пальцев.

Она заставила себя вспомнить каждую деталь, каждое слово.

Фоскар. «Я в этом участвовать не буду». Есть ли разница?

– Всех убью.

И Орсо – последний. Орсо, для которого она сражалась и убивала. Великий герцог Орсо, властитель Талина, который вдруг испугался народной молвы. Убил ее брата, изуродовал ее саму ни за что, вообразив, что они займут его место.

Монца стиснула зубы так, что заломило челюсти. Ощутила отеческое прикосновение его руки к своему плечу, и по телу пробежали мурашки. Увидела его улыбку, услышала голос, отозвавшийся эхом в расколотом черепе.

«Что бы я без вас делал?»

Семь человек.

Она с трудом поднялась на ноги и, кусая губы, побрела дальше. Дождь все лил, с волос на лицо текла вода. Боль грызла каждую косточку в теле, но Монца не собиралась останавливаться.

– Убью… убью… убью…

Больше не было места сомнениям. Отныне она разучилась плакать.

Старая тропа заросла – не узнать. Измученное тело Монцы исхлестали ветви. Стоптанные ноги изжалила ежевика. Пробравшись сквозь дыру в изгороди, она окинула хмурым взглядом место своего рождения. Ни разу эта упрямая земля не приносила столько хлеба, сколько было на ней сейчас терний и крапивы. Верхнее поле – мертвый сухостой. Нижнее – вересковая

пустошь. С опушки леса тоскливо глянул на Монцу остов дома, и она ответила ему таким же тоскливым взглядом.

Похоже, время прошлось по обоим глубокой бороздой.

Она присела на корточки, заскрежетав зубами, когда дряблые мышцы натянулись на кривых костях, и некоторое время слушала, как каркают на закат вороны, и смотрела, как пригибает траву и треплет крапиву ветер, пока не уверилась, что здесь и в самом деле ни души. Тогда она кое-как поднялась на ноги и заковыляла к развалинам дома, где умер ее отец, к полуразвалившимся стенам и паре гнилых балок, занимавших так мало места, что трудно представить, как здесь когда-то можно было жить. Да еще и втроем. С отцом и Бенной… Монца отвернулась и сплюнула. Она пришла сюда не ради сладко-горьких воспоминаний.

Ради мести.

Лопата нашлась там, где ее оставили две зимы назад. И даже не слишком заржавела под прикрытием кое-какого хлама в углу сарая без крыши. Тридцать шагов в лес. Трудно представить, как легко она проделывала когда-то эти широкие, ровные, бодрые шаги. Монца, волоча за собой лопату, пробралась сквозь заросли сорняков. Вошла, морщась при каждом шаге, в тихий лес, пронизанный косыми солнечными лучами, рисовавшими причудливые узоры на палой листве. Вечер угасал.

Тридцатый шаг. Она обрубила лопатой ветви ежевики, кряхтя, оттащила в сторону трухлявый древесный ствол и начала копать. В прежние времена – немалое испытание для ее рук и ног. Нынче – мука адская, скрежет зубовный, кошмар наяву. Но Монца никогда не сдавалась на полпути. Чего бы это ни стоило. «Черт в тебе сидит», – говаривал ей Коска. И был прав. Что подтвердил его собственный печальный опыт.

Смеркалось, когда послышался наконец глухой стук металла о дерево. Монца отгребла остатки земли, взялась за железное кольцо. Потянула вверх, выпрямляясь и рыча от натуги. Ворованная одежда прилипла к потному телу. Со скрежетом открылся люк, явив взору черную дыру и верх уходящей в темноту лестницы.

Спускалась Монца очень медленно и осторожно, не имея ни малейшего желания ломать кости заново. Внизу пошарила по сторонам, нащупала полку, повоевала с кремнем, не желавшим подчиняться недоразумению, которое звалось рукой, зажгла фонарь. Тусклый его свет озарил своды погреба, блеснул на металлических деталях ловушек Бенны, оставшихся с прошлого раза в полной неприкосновенности.

Ему всегда нравилось предугадывать ходы противника.

Высветились ржавые крюки, увешанные ключами – от пустующих домов в самых разных уголках Стирии, мест для укрытия. Стойка у стены по левую руку, щетинившаяся клинками, длинными и короткими. Монца открыла стоявший рядом сундук. Одежда, аккуратно сложенная, ни разу не ношенная, которая сейчас ей вряд ли пришлась бы впору, с усохшим-то телом. Она дотронулась до одной из рубашек Бенны, вспоминая, как он выбирал этот шелк, и взгляд упал на правую руку, освещенную фонарем. Монца быстро откопала в сундуке пару перчаток, одну бросила обратно, вторую, морщась, натянула на уродливые, непослушные пальцы. Мизинец и в перчатке упрямо торчал вбок.

В глубине погреба были составлены деревянные ящики, числом – двадцать. Монца похромала к ближайшему и откинула крышку. Свет фонаря озарил золото Хермона. Груду монет. Целое состояние – в одном только этом ящике. Она осторожно пощупала бугорки под кожей на голове. Золото… С его помощью можно сделать куда больше, чем залатать череп.

Зарыв в золотые монетки руку, Монца пропустила их между пальцами. Как делают почему-то все, пребывая наедине с ящиком денег.

Они станут ее оружием. Они и…

Монца двинулась вдоль стойки с клинками, проводя по эфесам рукой в перчатке. Перед одним остановилась. Длинный меч из великолепной стали, без всяких декоративных завиту-

шек, но наделенный, на ее взгляд, грозной красотой. Той, что отличает вещь, точно отвечающую своему назначению. Он звался Кальвец, этот меч, выкованный лучшим кузнецом Стирии. Ее подарок Бенне… пусть брат и не видел разницы между хорошим клинком и морковкой. Проходил с ним неделю и сменил на негодный кусок металла с дурацким золоченым плетением, отнюдь не стоивший отданных за него денег.

Тот самый, который он пытался вытащить, когда его убивали.

Взявшись за холодную рукоять левой рукой – непривычное ощущение, – она на несколько дюймов вытянула меч из ножен. Блеснула светло и хищно в свете фонаря сталь.

Хорошая сталь гнется, но не ломается. Хорошая сталь всегда остра и готова к действию. Хорошая сталь не знает боли и жалости, а пуще того – раскаяния.

Монца поймала себя на том, что улыбается. Впервые за все эти месяцы. Впервые с того дня, когда удавка Гоббы обвила ее шею.

Итак… месть.

Рыба на суше

Холодный ветер с моря устроил в доках Талина дьявольски хорошую продувку. Или дьявольски скверную – в зависимости от того, как человек одет. Трясучка, считай, был не одет вовсе. Он поплотнее запахнул тонкую куртку, хотя мог бы и не трудиться – теплей от этого не стало, сощурил глаза и горестно съежился под очередным порывом леденящего ветра. Сегодня он вполне оправдывал свое имя. Как, впрочем, и всю последнюю неделю.

В который раз вспомнились посиделки у теплого очага в добротном доме, там, на Севере, в Уфрисе, с животом, полным мяса, и головой, полной грез, разговоры с Воссулой о чудесном городе Талине. Вспомнились не без горечи, ибо этот чертов торговец с влажными глазами и убедил его сладкими рассказами о своей родине отправиться в чертову Стирию.

Воссула говорил, что в Талине всегда светит солнце. Потому-то Трясучка и продал перед отплытием теплую куртку. Вспотеть, понимаешь ли, боялся. Сейчас, когда он трясся, как осенний лист, цепляющийся из последних сил за ветку, казалось, что Воссула несколько погрешил против правды.

Трясучка посмотрел на волны, без устали лизавшие набережную, раскачивая и обдавая стылой водяной пылью гнилые лодки на гнилых причалах. Прислушался к скрипу стальных тросов, унылой перекличке чаек, громыханию расхлябанных ставней на ветру, бормотанию толпившихся вокруг людей, которые все до единого искали в доках хоть какой-то работы. И нигде, пожалуй, не услышать было за раз столько печальных историй, как здесь. Грязные лохмотья, исхудалые лица. Люди – отчаявшиеся. Такие, как Трясучка, другими словами. С той лишь разницей, что они тут родились. А он приперся сюда по глупости.

Трясучка вытащил из внутреннего кармана последний ломоть хлеба, бережно, как скряга сокровища из тайника. Куснул, стараясь не уронить ни крошки. Увидел, что на него смотрит, облизывая бледные губы, какой-то бедолага. Поежился, отломил кусочек и дал ему.

– Спасибо, друг. – Тот с жадностью проглотил все до крошки.

– Не за что, – сказал Трясучка, хотя, чтобы заработать этот хлеб, колол дрова несколько часов кряду. Было за что, на самом деле.

На него уставились и другие, стоявшие поблизости, тоскливыми, как у голодных щенят, глазами. Он поднял руки.

– Будь у меня хлеба на всех, чего бы я тут торчал?

Отвернулись, недовольные… Трясучка втянул в себя скопившиеся в носу холодные сопли и выплюнул. Вот и все, что прошло нынче утром через его рот, кроме ломтя черствого хлеба, да и то не туда, куда надо. Когда он прибыл в Стирию, карман был полон серебра, с лица

не сходила улыбка, грудь распирало от радостных надежд. Прошло десять недель, и опустело все, остался лишь горький осадок.

Воссула говорил, что люди в Талине дружелюбны как овечки и чужеземцев встречают как дорогих гостей. Его встретили насмешками и с редким усердием поспешили избавить от денег, пуская в ход самые бесчестные уловки. Удача не валилась в руки сама собой на каждом углу. Не чаще, во всяком случае, чем на Севере.

К пристани тем временем подошел рыбачий баркас, пришвартовался. Забегали по палубе рыбаки, натягивая канаты и кляня какую-то парусину. Толпа вокруг Трясучки заволновалась – вдруг работа перепадет? Он и сам ощутил робкую вспышку надежды и, как ни уговаривал себя не суетиться, все же привстал на цыпочки, чтобы лучше видеть.

Из сетей на пристань полилась потоком рыба, сверкая серебром в лучах водянистого солнца. Хорошее, честное занятие – ловить рыбу, плавать по соленому морю с людьми, которые не говорят лишних слов и плечом к плечу борются с ветром, выбирая из моря его щедрые дары… Благородное дело. Так, во всяком случае, убеждал себя Трясучка, стараясь не замечать вони. Сейчас ему показалось бы благородным любое дело, только предложи.

С баркаса сошел мужчина, обветренный как старый воротный столб, и с важным видом зашагал к толпе, в которой тут же началась толкотня. Все спешили попасться ему на глаза первыми. Капитан, понял Трясучка.

– Нужны двое, – сказал тот, сдвигая на затылок потрепанную шапку и обводя взглядом исполненные надежды лица отчаявшихся людей. – Ты и ты.

Стоит ли говорить, что в число их Трясучка не попал? Как все остальные, он понурился, глядя на двоих счастливчиков, поспешивших вслед за капитаном к баркасу. Одним из них был ублюдок, которому он дал хлеба и который даже не оглянулся, не то чтобы словечко за него замолвить. Может, конечно, человека делает то, что он отдает, а не то, что получает, как говорил брат, но неплохо бы иногда и получать в ответ, чтобы не подохнуть с голоду.

– Дерьмо, – сказал Трясучка и решительно двинулся за ними.

Протолкался меж рыбаками, что раскладывали по корзинам и тележкам еще трепещущую добычу, поднялся на палубу и подошел, изобразив само дружелюбие, к капитану.

– Прекрасный у вас корабль, – так он начал, хотя поганей этой старой галоши не видал.

– И что?

– Может, наймете меня?

– Тебя? Что ты знаешь о рыбе?

Трясучка был мастером топора, меча, копья и щита, прошел весь Север, то атакуя, то обороняясь. Получил несколько скверных ран и с лихвой за них расплатился. Но понял, что это плохая жизнь, и решил стать лучше. И уцепился за свое намерение, как тонущий за бревно.

– Ловил ее частенько, в детстве. Ходил на озеро с отцом.

Галька под босыми ногами. Свет, блещущий на воде. Улыбки отца и брата…

Но капитан его тоски по родине не понял.

– Озеро? Мы вообще-то ходим по морю, парень.

– В море я, по правде говоря, рыбу не ловил.

– Какого же черта время у меня отнимаешь? Коль надо, я могу нанять стирийских рыбаков, умельцев, которые полжизни провели в море. Вон они стоят, на выбор. – Капитан махнул в сторону пристани, где в праздном ожидании толпились люди, которые полжизни провели, судя по виду, скорее за пивной кружкой. – На кой мне давать работу какому-то северному нищеброду?

– Я буду хорошо работать. Мне просто не везло до сих пор. Но кабы кто помог…

– Все так говорят. Только я не понял, почему именно я должен тебе помочь.

– Так ведь помогать – это…

– Катись отсюда, засранец! – Капитан подхватил с палубы дубинку и замахнулся на него, как на собаку. – Проваливай вместе со своим невезением!

– Я, может, не рыбак, но что умею, так это кровь пускать. Положи-ка ты палку, говнюк, пока я не воткнул ее тебе в глотку. – Трясучка разом преобразился. Стал грозен ликом, как истинный северянин.

Капитан дрогнул, попятился, что-то проворчал себе под нос. Бросил палку и принялся орать на кого-то из своих людей.

Ушел Трясучка без оглядки. Покинув пристань, сгорбился, побрел устало мимо рваных объявлений на стенах, по узкому переулку, ведущему в город. Шум доков за спиной затих.

Тот же самый разговор происходил у него и с кузнецами, и с пекарями, и со всеми прочими проклятыми мастеровыми в этом проклятом городе – даже с сапожником, который поначалу казался добродушным, пока не предложил Трясучке трахнуть самого себя.

Воссула говорил, что работы в Стирии навалом, стоит только попросить. Похоже, Воссула, неведомо по каким причинам, бессовестно врал. Всю дорогу. Трясучка задавал ему много разных вопросов. Но только сейчас, когда он присел на чье-то крыльцо, едва не угодив стоптанными сапогами в сточную канаву, где валялись рыбьи головы, в голову ему пришло, что он не задал одного, главного вопроса, который был очевиден с первого же дня в этом городе.

«Скажи мне, Воссула, если Стирия – такое чудо неземное, какого дьявола ты торчишь на Севере?»

– Долбаная Стирия, – прошипел Трясучка на северном наречии. В носу защипало – это значило, что он готов расплакаться. И так паршиво ему было, что он не устыдился бы слез. Он – Кол Трясучка. Сын Гремучей Шеи. Названный, всегда готовый идти на смерть. Сражавшийся рядом с величайшими воителями Севера – Руддой Тридуба, Черным Доу, Ищейкой, Молчуном Хардингом. Возглавлявший атаку против Союза у реки Кумнур. Державший оборону против тысячи шанка под крепостью Дунбрек. Продержавшийся семь дней смертоубийства в Высокогорье. Вспомнив эти славные, отчаянные битвы, из которых он вышел живым, Трясучка почувствовал, как на губах заиграла улыбка. Да, конечно, то не жизнь была, а дерьмо, но какими же счастливыми казались сейчас эти дни… Когда рядом были хотя бы друзья.

Послышался топот, и Трясучка поднял голову. По переулку со стороны пристани, откуда пришел он сам, крадущимся шагом приближались четверо с тем вороватым видом, какой бывает у людей, замысливших недоброе. Надеясь, что это «недоброе» не касается его, Трясучка, дабы стать незаметнее, втянул голову в плечи.

Но они, подойдя, остановились, выстроились полукругом, и сердце у него упало. Один – с разбухшим красным носом, как у пьяниц. Другой – с голой, как носок сапога, головою и с деревянной палкой вместо ноги. Третий – с жидкой бороденкой и гнилыми зубами. Каков вид, решил Трясучка, таковы, поди, и намерения.

Четвертый, мерзкого вида ублюдок с крысиной мордочкой, ухмыльнулся.

– Не найдется ли у тебя для нас чего ценного?

– Хотелось бы, чтобы было. Да нету. Так что можете себе идти дальше.

Крысенок, раздосадованный, метнул взгляд на лысого.

– Тогда гони сапоги.

– Холодно же. Я замерзну.

– Мерзни, мне-то что. Сапоги, живо, пока не дали для сугреву пинка.

– Провались, Талин, – проворчал Трясучка, и недотлевшая жалость к себе вдруг вспыхнула в нем с новой силой, нашептывая, что лучше уступить. Мерзавцам ни к чему его сапоги, все, что им нужно, – выглядеть в своих глазах сильными. Но глупо драться одному против четверых, да еще без всякого оружия. И помирать за дырявую обувку, как бы холодно на улице ни было, тоже глупо.

Он наклонился со вздохом и начал стаскивать сапог. В следующий миг его колено ударило красноносого в пах, заставив того крякнуть и сложиться пополам. Это удивило самого Трясучку не меньше, чем грабителей. Видать, мысли о хождении босиком его гордость не снесла. Следом он двинул в челюсть крысенку, схватил его за грудки и швырнул на дружков, отчего те сбились в кучу и заверещали, как девки, застигнутые градом.

Лысый попер на него с палкой, Трясучка увел плечо. Палка просвистела мимо. Лысый потерял равновесие и разинул рот, который Трясучка тут же захлопнул, поддав снизу кулаком, после чего подсек ублюдка под ноги и швырнул наземь. Лысый пронзительно завопил. Кулак Трясучки врезался ему в лицо – один, два, три, четыре раза. Кровь брызнула из сотворенного месива на рукав и без того грязной куртки.

Трясучка молниеносно выпрямился, оставив лысого выплевывать зубы в сточную канаву. Красноносый все еще корчился, завывая и держась за пах. Но остальные двое выхватили ножи. Блеснули острые лезвия. Трясучка, тяжело дыша, пригнулся, сжал кулаки. Взгляд его заметался между двумя противниками. Гнев быстро остывал. Лучше бы он отдал сапоги. Поскольку их все равно снимут с его коченеющих мертвых ног через весьма короткое, но неприятное для него время. Чертова гордость… от нее один только вред.

Крысенок утер кровь под носом.

– Считай, ты сдох, вонючий северянин! Ты…

Одна нога под ним внезапно подломилась, и с диким визгом он упал, выронив нож.

Из-за его спины появился некто. Высокий, прячущий лицо под капюшоном, держащий в левой руке небрежно опущенный меч, чей длинный тонкий клинок вобрал в себя, казалось, весь свет, что был в переулке, и кровожадно запылал. Последний из похитителей сапог, гнилозубый, выпучил на него большие, как у коровы, глаза, напрочь позабыв о собственном ноже, который стал вдруг выглядеть никчемной безделушкой.

– Беги, пока можешь.

Трясучка от неожиданности тоже выпучил глаза. Голос был женский.

Предложение дважды повторять не потребовалось. Гнилозубый развернулся и ринулся вон из переулка.

– Нога! – вопил крысенок, держась окровавленной рукой за внутреннюю сторону колена. – Моя нога!

– Не скули, не то вторую подрежу.

Лысый лежал молча. Красноносый, сумевший к этому времени опуститься на колени, стенал.

– Сапог моих захотелось? Держи! – Трясучка шагнул к нему, пнул в то же место, вздернул на ноги и отпустил. Мерзавец с воем повалился ничком.

А Трясучка повернулся к пришелице. В ушах его еще шумела кровь, и не верилось, что драка позади и кишки целы. И что они так и останутся целы, тоже не верилось. Вид этой женщины добра не сулил.

– Чего тебе надо? – прорычал он.

– Ничего такого, с чем ты не справишься. – В тени капюшона как будто мелькнула улыбка. – Возможно, у меня найдется для тебя работа.

Большое блюдо мяса с овощами в подливе, ломоть плохо пропеченного хлеба. Вкусно или нет, разбирать Трясучке было некогда, покуда он засовывал все это в рот. Как дикий зверь, которым по сути и выглядел. Не бривший ся две недели, жалкий, грязный из-за ночевок в подворотнях, а то и вовсе на улице. Но наплевать ему было, как он выглядит, при том даже, что на него смотрела женщина.

Они сидели сейчас под крышей, однако капюшона она не сняла. Держалась у стены, где было потемнее. И, когда кто-нибудь подходил близко, наклоняла голову так, что на щеку падала

прядь смоляных волос. Трясучка все же сумел кое-что разглядеть в те редкие моменты, когда удавалось оторвать глаза от еды, и увиденное ему понравилось.

Твердое, решительное лицо с волевым подбородком. Жилистая, худая шея. Опасная женщина, пришел он к выводу, для которого, прямо скажем, большого ума не требовалось, поскольку он своими глазами видел, как она без всякой жалости подрезала человеку подколенную жилу. И неотрывный взгляд ее заставлял его нервничать. Такой спокойный и холодный взгляд, словно она уже все про него поняла и точно знала, что он скажет и сделает в следующую минуту. Лучше, чем он сам.

Три длинных пореза на щеке, старых, уже заживших. Перчатка на правой руке, лежавшей без дела. Хромота, которую он заметил еще по пути в харчевню. Похоже, темными делами занималась эта женщина. Но не так уж много было у Трясучки друзей, чтобы ими разбрасываться. И сейчас его верность принадлежала тому, кто кормит.

Он ел, а она смотрела.

– Долго голодал?

– Не очень.

– Давно из дому?

– Не очень.

– Не повезло?

– Больше, чем хотелось бы. Но я сам выбрал, чего не следовало.

– Обычно одно вытекает из другого.

– Это точно. – Он бросил нож и ложку на пустое блюдо. – Надо было прежде крепко подумать. – Подобрал остатки подливы последним кусочком хлеба. – Но я всегда был себе худшим врагом. – Помолчал, дожевывая. – Вы не сказали своего имени.

– И не скажу.

– Вот как?

– Я плачу́. И будет по-моему.

– А почему платите? Один мой друг… – Трясучка прочистил горло, засомневавшись, был ли Воссула ему другом, – один знакомый говорил мне, чтоб я ничего не ждал в Стирии за так.

– Хороший совет. Мне от тебя кое-что нужно.

Трясучка ощутил во рту кислый привкус. Теперь он в долгу перед этой женщиной, и чем придется расплачиваться – неизвестно. Судя по ее виду, обед может обойтись ему дорого.

– И что же вам нужно?

– Чтобы ты вымылся для начала. В таком виде – ничего.

Голод и холод, удалившись, освободили место для стыда.

– Мне самому приятней не вонять, уж поверьте. Кой-какая чертова гордость еще осталась.

– Тем лучше для тебя. Спорим, ты не чаешь дождаться чертовой чистоты.

Трясучке сделалось еще неуютней. Такое чувство возникло, словно он собирается прыгнуть в омут, понятия не имея о глубине.

– И что потом?

– Ничего особенного. Пойдешь в курильню, спросишь человека по имени Саджам. Скажешь ему, что Никомо требует прийти в обычное место. И приведешь его ко мне.

– Почему вы сами этого не сделаете?

– Потому что плачу́ тебе, дурак. – Рука в перчатке раскрылась, показала монету. Сверкнуло изображение весов, вычеканенное на серебре. – Приведешь Саджама, получишь скел. Если не расхочешь рыбы к тому времени – купишь целую бочку.

Трясучка нахмурился. Невесть откуда является красотка, спасает, по всей видимости, парню жизнь, после чего делает золотое предложение?.. Таких удач судьба ему еще не подбрасывала. Но съеденное мясо всего лишь напомнило, сколько радости он, бывало, получал от еды.

– Ладно, это я сделаю.

– Вот и хорошо. А если сделаешь еще кое-что, получишь пятьдесят.

– Пятьдесят? – Трясучка аж охрип. – Шутите?

– Я что, похожа на шутницу? Пятьдесят, сказала, и, если аппетит к рыбе не потеряешь, купишь собственную лодку. И приоденешься у приличного портного. Как тебе это?

Трясучка стыдливо одернул обтрепанные рукава куртки. С такими деньгами он мог бы запрыгнуть на первый же корабль до Уфриса и прогнать пинками по тощей заднице Воссулу из одного конца города в другой. Мечта, которая только и согревала его в последнее время.

– Чего вы хотите за пятьдесят?

– Ничего особенного. Ты пойдешь в курильню, спросишь Саджама. Скажешь, что Никомо требует прийти в обычное место. Приведешь его ко мне. – Она сделала паузу. – Потом поможешь мне убить человека.

Удивления это у него не вызвало, если уж быть честным до конца. Мастером он был лишь в одном деле. И лишь за одно дело ему могли заплатить пятьдесят скелов. Он приехал сюда, чтобы исправиться. Но вышло так, как сказал Ищейка. Раз испачкал руки в крови, отмыть их не слишком-то просто.

Что-то толкнуло его в бедро, и Трясучка чуть не слетел со стула. Глянул под стол и увидел промеж своих ног рукоять длинного ножа. Боевого. Клинок, одетый в ножны, держала рука в перчатке.

– Возьми-ка.

– Я не сказал, что готов убить.

– Я помню. Это для того только, чтобы показать Саджаму, что ты настроен серьезно.

Приязнь Трясучки к женщине, заставшей его врасплох с ножом промеж ног, несколько ослабела.

– Я не сказал, что готов убить.

– Я не говорю, что ты это сказал.

– Ладно. Просто чтобы вы знали.

Он быстро выхватил у нее оружие и спрятал под куртку.

Нож льнул к его груди, как потерянная и вновь обретенная возлюбленная. Трясучка понимал, что гордиться тут нечем. Ходить с ножом всякий дурак может. И все равно тяжесть оружия казалась приятной, создавая такое чувство, будто он больше не пустое место.

Он приехал в Стирию в поисках честной работы. Но когда мошна пуста, решишься и на бесчестную. И, добравшись, куда было велено, Трясучка подумал, что менее честного с виду заведения, он, пожалуй, не встречал. Грязная голая стена без окон, прочная дверь, рядом двое громил на страже. По тому, в каких позах они стояли, смело можно было предположить – вооружены и готовы без промедления пустить оружие в ход.

Один, чернокожий южанин с длинными черными волосами, спросил:

– Тебе чего?

А второй обшарил Трясучку взглядом с головы до ног.

– Саджама повидать.

– Оружие есть?

Трясучка вытащил нож, протянул вперед рукоятью. Стражник, забрав его, кивнул.

– Иди за мной.

Дверь со скрипом отворилась.

Внутри было не продохнуть. В воздухе клубами плавал густой, пряный дым. В горле у Трясучки запершило, в груди заскребло, в глазах защипало, аж слезы выступили. Еще там было темно, тихо и жарко – слишком жарко, до духоты, после свежего уличного ветра. Фонарики из

цветного стекла, не разгоняя мрака, бросали на облупленные стены зеленые, желтые и красные отсветы. Кошмарный сон, а не местечко.

Всюду шелковые шелестящие занавеси. Подушки на полу, на которых раскинулись полураздетые, сонные люди. В глаза Трясучке бросился лежавший на спине, широко разинув рот, мужчина, в безвольной руке которого еще дымилась трубка. К нему прижималась женщина. Лица у обоих были в поту, бессмысленные, выражавшие разом удовольствие и отчаяние, и последнего, пожалуй, больше.

– Сюда.

Сквозь дымные облака Трясучка последовал за провожатым в темный коридор. Привалившаяся к дверному косяку женщина смерила его, слова не сказав, равнодушным взглядом. Откуда-то донеслось равномерное постанывание:

– Ох… ох… ох… – звучавшее как-то вяло.

Раздвинув занавес из гремучих бусин, стражник завел Трясучку в другую комнату, где дыму было поменьше, а жизни побольше. Народ тут собрался всех цветов кожи. И самого недоброго вида. Восемь человек сидели за столом, уставленным бутылками и стаканами, играли в карты. Еще несколько стояли, привалясь к стене и наблюдая за игрой. Взгляд Трясучки сразу же упал на чей-то неприятного вида тесак, не единственное, надо думать, оружие, имевшееся здесь. На стене висели часы, и маятник их раскачивался из стороны в сторону с громким стуком, от которого Трясучке сделалось еще больше не по себе.

Во главе стола, на месте вождя, будь это Север, восседал высокий, крепкий старик с изрезанным морщинами лицом. Черная кожа его маслянисто блестела, борода и короткие волосы были припорошены сединой. Он поигрывал золотой монеткой, подбрасывая ее и ловя то на ладонь, то на тыльную сторону руки. Стражник, нагнувшись, сказал ему что-то на ухо и вручил нож. Все взгляды немедленно устремились на Трясучку. И один скел внезапно стал казаться слишком маленьким вознаграждением за эту работу.

– Ты – Саджам? – спросил Трясучка громче, чем намеревался, охрипшим от дыма голосом.

Черное лицо старика украсилось желтой дугой улыбки.

– Да, Саджам мое имя, и это могут подтвердить собравшиеся здесь друзья. Знаешь ли ты, что по оружию, которое носит человек, можно многое сказать о нем самом?

– Что именно?

Саджам вытащил нож из ножен, поднял, и на лезвии заиграл свет свечей.

– Клинок не дешевый, но и не дорогой. В дело годен, никаких лишних украшений. Острый, прочный, настроен серьезно. Я угадал?

– Почти.

Трясучка понял, что перед ним любитель поболтать, поэтому не стал говорить, что это не его нож. Чем меньше слов, тем скорее он отсюда выберется.

– А как твое имя, друг?

Уж и друг…

– Кол Трясучка.

– Бр-р-р. – Саджам поежился, словно бы от холода, и люди его загоготали. Видать, легко их было насмешить. – Далековато ты забрался от дома, дорогой.

– Чхал я на это. Мне велено кое-чего передать. Никомо требует, чтобы ты пришел.

Веселье мигом схлынуло из комнаты, как кровь из перерезанного горла.

– Куда?

– В обычное место.

– Требует, говоришь? – Двое из людей Саджама оттолкнулись от стены, зашарили руками по поясам. – Экая наглость. И почему мой старый друг Никомо прислал ко мне громилу-северянина с ножом?

Тут только до Трясучки дошло, что женщина, по неизвестной причине, могла отправить его прямиком в дерьмо. Уж конечно, она действовала не от имени Никомо. Но за последнее время он проглотил столько насмешек, что легче было сдохнуть, чем снести еще одну.

– Спроси его самого. Я тут не для того, чтобы на вопросы отвечать, старик. Никомо требует тебя в обычное место. Вот и все. Поэтому давай-ка, поднимай свою жирную черную задницу, покуда я не осерчал.

Повисла долгая, неприятная пауза. Все обдумывали услышанное.

– Мне это нравится, – хрюкнул наконец Саджам. – А тебе? – обратился он к одному из своих головорезов.

– Да ниче, думаю, если оно кому по вкусу.

– Коль изредка, то да. Хвастливые слова, угрозы, грудь колесом. В больших количествах утомляет, конечно, но в малых способно позабавить. Значит, говоришь, Никомо требует, чтобы я пришел?

– Да, – ответил Трясучка. Ничего не оставалось, кроме как плыть по течению и надеяться, что на берег вынесет живым.

– Что ж, пошли. – Старик бросил карты на стол, медленно поднялся. – И да не скажут никогда, что старый Саджам не отдал долга. Раз Никомо зовет… идем в обычное место. – Нож, принесенный Трясучкой, он сунул за пояс. – Это я, однако, подержу пока у себя. Ладно?..

Близилась ночь, когда они добрались до места, указанного женщиной, и в облетевшем саду темно было, как в погребе. И так же пусто, насколько мог судить Трясучка. Лишь рваные объявления шуршали в тишине на ветру.

– Ну! – рявкнул Саджам. – Где Коска?

– Она сказала, что будет здесь, – пробурчал Трясучка – скорей себе, чем ему.

– Она? – Старик схватился за рукоять ножа. – Какого дьявола…

– Здесь я, здесь, старый хрыч. – И из-за дерева в скудный свет выскользнула легкая тень.

Капюшон на сей раз был откинут, и Трясучка наконец разглядел ее как следует. Она оказалась еще красивей, чем он думал. И суровей. Очень красивая и очень суровая. На шее красный шрам, как у висельника. Вид самый решительный – брови сдвинуты, губы сжаты, глаза сощурены. Словно собралась головой пробить стену и плевать хотела, что из этого выйдет.

Лицо Саджама обмякло.

– Ты жива.

– Проницателен по-прежнему, как погляжу?

– Но я слышал…

– Это не так.

Старик собрался с духом на удивление быстро.

– Нечего тебе делать в Талине, Меркатто. Нечего делать в пределах ста миль от него. И уж совсем нечего – в пределах ста миль от меня. – Он выругался на каком-то неизвестном Трясучке языке, затем задрал голову к небу. – Боже, Боже, почему ты не позволил мне вести честную жизнь?

Женщина фыркнула.

– Потому что кишка у тебя тонка для такой жизни. А еще ты слишком любишь деньги.

– Чистая правда, увы. – Говорили они, как старые друзья, но рука Саджама оставалась на рукояти ножа. – Чего ты хочешь?

– Чтобы ты помог мне убить несколько человек.

– Палачу Каприле понадобилась моя помощь в убийстве? Что ж, если эти люди не слишком близки к герцогу Орсо…

– Он будет последним.

– Бешеная сука. – Саджам медленно покачал головой. – Нравится тебе испытывать меня, Монцкарро. Как всегда и всех нравилось испытывать. Ты не сможешь это сделать. Никогда, пока солнце не погаснет…

– А если смогу? И не говори мне, что все последние годы это не было твоим заветнейшим желанием.

– Годы, когда ты сеяла огонь и смерть в Стирии от его имени? С удовольствием принимала от него приказы и деньги и лизала ему задницу? Ты про эти годы говоришь? Не припомню, чтобы ты подставляла мне свое плечо в утешение.

– Он убил Бенну.

– Правда? А говорят, прикончили вас обоих убийцы, подосланные герцогом Рогонтом. – Саджам показал на обтрепанные объявления на стене у нее за спиной, на которых изображены были два лица – мужское и женское. Трясучка вздрогнул, сообразив, что женское принадлежит ей. – Лигой Восьми. Все очень горевали.

– Мне не до шуток, Саджам.

– А когда тебе до них было? Только это не шутки. Ты – настоящий герой… так называют тех, кто убил столько народу, что простыми убийцами их уже не назовешь. Орсо произнес большую речь, сказал, что всем нам нужно сражаться усерднее, чтобы отомстить за тебя. И все плакали. Бенну, конечно, жаль. Мальчик мне всегда нравился. Но я со своими дьяволами примирился. Советую и тебе сделать то же самое.

– Простить может мертвый. Простить можно мертвого. У остальных найдутся дела поинтересней. Мне нужна твоя помощь, и ты у меня в долгу. Плати, ублюдок.

Они смерили друг друга хмурыми взглядами. Потом старик испустил долгий вздох.

– Я всегда знал, что ты станешь моей погибелью. Какова плата?

– Адреса нужных людей. Рекомендации нужным людям. То, чем ты и занимаешься, не так ли?

– Что ж, кое с кем я знаком.

– Еще мне нужен человек с холодной головой и твердой рукой, который не побоится вида крови.

Саджам как будто призадумался. Потом, повернув голову, спросил через плечо:

– Ты не знаешь такого, Балагур?

Из темноты донесся шорох, с той стороны, откуда явились они с Трясучкой. Следом, оказывается, кто-то шел, и делал это умело. Женщина мгновенно приняла боевую стойку, опустив левую руку на рукоять меча. Трясучка тоже схватился бы за оружие, да только продал его еще в Уфрисе, а нож отдал Саджаму. Поэтому он лишь нервно пошевелил пальцами, в чем не было ни малейшего проку.

На свет вышел, сгорбившись и глядя в землю, еще один человек. Ниже Трясучки на полголовы, но телосложения куда как более мощного и грозного. С бычьей шеей, с увесистыми кулаками, торчавшими из рукавов куртки.

– Балагур, – Саджам разулыбался, радуясь тому, что сумел удивить своих собеседников, – это мой старый друг, Меркатто. Ты поработаешь на нее немного, коли не возражаешь. – Пришелец пожал могучими плечами. – А это… как твое имя, не скажешь ли еще раз?

– Трясучка.

Балагур поднял на миг глаза и снова уставился в землю. Глаза были печальные и странные.

Некоторое время все молчали.

– Он надежный человек? – спросила наконец Меркатто.

– Лучший из тех, кого я знаю. Или худший, когда сталкиваешься с его худшей стороной. Мы познакомились в Схроне.

– Что он сделал, чтобы попасть туда, в компанию тебе подобных?

– Все, и более того.

Снова помолчали.

– Не слишком-то он разговорчив для человека с таким именем.

– То же самое подумал и я при первой встрече, – сказал Саджам. – Подозреваю, прозвали его так не без иронии.

– Иронии? В тюрьме?

– В тюрьму всякие люди попадают. У некоторых даже есть чувство юмора.

– Похоже на то. Еще мне нужна хаска.

– Тебе? Я понял бы, если бы брату… а тебе она зачем?

– Старик, с каких пор ты спрашиваешь у покупателей, зачем им товар?

– И то правда.

Он вытащил что-то из кармана, кинул ей, и она поймала это на лету. Сказала:

– Понадобится еще – дам знать.

– Часы буду считать! Всегда был уверен, что ты станешь моей погибелью, Монцкарро. – Саджам развернулся, собираясь уйти. – Всегда…

Трясучка заступил ему дорогу.

– Нож верни.

Из того, что было сказано, понял он немногое, но сомневаться не приходилось – судьба втягивает его в какое-то темное, кровавое дело. И хороший клинок, скорей всего, не помешает.

– С удовольствием. – Саджам опустил тяжелый нож в его раскрытую ладонь. – Хотя советую обзавестись ножичком побольше, если уж связался с нею. – Качая головой, он медленно обвел взглядом всех троих. – Итак, вы, три героя, собрались покончить с герцогом Орсо? Когда вас будут убивать, окажите мне любезность: умрите быстро и придержите мое имя при себе.

С этим подбадривающим напутствием он канул в ночь.

Трясучка повернулся. И наткнулся на пристальный взгляд женщины по имени Меркатто.

– Что ты решил? Рыбу ловить препаршивое занятие. Легче, может быть, чем пахать землю, зато вони… – Она протянула к нему руку в перчатке. На ладони блеснуло серебро. – Я могу нанять и кого-нибудь другого. Берешь свой скел? Или хочешь на пятьдесят больше?

Трясучка угрюмо уставился на блестящую монетку. Случалось ему, если подумать, убивать людей и за меньшее. На войне, в междоусобных драках, в поединках. Где попало и чем придется. Но у него всегда имелись для этого причины. Хоть какое-то оправдание. Никогда он не убивал просто так, потому лишь, что кровь была куплена и оплачена.

– Тот человек, которого мы собираемся убить… что он сделал?

– Вынудил меня заплатить пятьдесят скелов за его труп. Этого достаточно?

– Для меня – нет.

Она все не сводила с него взгляда, который отчего-то вызывал у Трясучки беспокойство.

– Ты из этих, что ли?

– Из каких – этих?

– Из людей, которые шагу не ступят без причины. Которым требуются оправдания. Опасная компания. Трудно предсказуемая. – Она пожала плечами. – Но если тебе так легче… Он убил моего брата.

Трясучка заморгал. Услышанные из ее уст, слова эти неведомым образом мгновенно возродили в памяти скорбный день, ярче, чем тот обычно вспоминался. Серое лицо отца, страшная весть. Брат убит, хотя ему была обещана пощада. Клятва отомстить, принесенная со слезами на глазах над его останками.

Клятва, которую он нарушил ради того, чтобы уйти от крови и стать лучше.

Эта женщина, возникшая из ниоткуда, предлагала ему другую месть. «Он убил моего брата». Услышь он какое-то иное объяснение, Трясучка наверняка сказал бы «нет».

Но, может быть, ему просто слишком нужны были деньги.

– Дерьмо, – сказал он. – Давайте пятьдесят.

Шесть и один

Кости выпали – шестерка и единица. Так бывает – разом самое большое и самое маленькое. Этим цифрам можно было уподобить жизнь Балагура. От адских бездн до триумфальных высот. И обратно.

Шесть и один – семь. Семи лет от роду Балагур совершил первое преступление. Но прошло еще шесть лет, прежде чем его поймали в первый раз и вынесли ему первый приговор. Впервые вписали его имя в большую книгу, и впервые он отсидел в Схроне. За воровство – это он помнил, но никак не мог припомнить, что именно украл. И зачем. Отец с матерью давали ему все, только попроси. А он тем не менее воровал. Видно, некоторые люди рождаются на свет, чтобы поступать неправильно. Так сказали судьи.

Он поднял кости, встряхнул в кулаке и снова бросил на мостовую, не сводя с них пристального взгляда. Ожидание – всегда приятное предвкушение. Покуда кости катятся, результат может оказаться любым. Они вращаются, и с ними вращаются возможности, вероятности, шансы, его жизнь и жизнь северянина. Жизни всех обитателей великого города Талина.

Шесть и один.

Балагур улыбнулся. Шансы выпадения шестерки и единицы второй раз кряду – один к восемнадцати. Неравные шансы, как сказали бы некоторые, глядя в будущее. Но он смотрел в прошлое, а там не было шанса ни для каких других цифр. Что есть грядущее? – изобилие возможностей. Что есть прошлое? – нечто уже готовое и затвердевшее, как тесто, превращенное в хлеб. Туда не вернуться.

– Что кости говорят?

Балагур, сгребая их ребром ладони, поднял взгляд. Высокий парень этот Трясучка, но не тощий, какими часто бывают верзилы. Сильный. Но сделал его таким не тяжкий труд фермера или каменщика. Проворный. И не новичок в работе, которая им предстоит. Имелись тому кое-какие приметы, хорошо известные Балагуру. В Схроне угрозу, которую представляет человек, ты должен оценивать мгновенно. Оценивать и не зевать.

Солдат, скорее всего, принявший участие не в одной битве, судя по шрамам и тому выражению лица и глаз, с каким он расхаживает в ожидании. Не спокоен, но сдержан. Бежать не бросится и голову не потеряет. Не часто встречаются такие люди – умеющие сохранять голову, когда случается непредвиденное. На левом запястье шрам, который, если взглянуть под определенным углом, похож на семерку.

Семь нынче хорошая цифра.

– Ничего не говорят. Это кости.

– Зачем же ты тогда их бросаешь?

– Это кости. Что с ними еще делать?

Балагур закрыл глаза, сжал кости в кулаке, приложил, ощущая в ладони их тепло и закругленные грани, кулак к лицу. Что собираются они открыть ему сейчас, какие цифры выпустить на свободу? Снова шесть и один?.. Он вздрогнул от возбуждения. Шансы выбросить шесть и один в третий раз – один к тремстам двадцати четырем. Триста двадцать четыре – число камер в Схроне. Добрый знак.

– Идут, – шепнул северянин.

Их было четверо. Трое мужчин и шлюха. Слух Балагура уловил звяканье ее ночного колокольчика, смех кого-то из мужчин. Все пьяные, бредут по темному переулку, шатаясь.

Кости подождут.

Вздохнув, он бережно завернул их в мягкий платок, сложил его в несколько раз и спрятал глубоко во тьму надежного внутреннего кармана. Хотелось бы ему самому быть спрятанным в глубокой надежной тьме, но чего нет, того нет. Назад не вернуться.

Встав, он стряхнул с колен дорожную пыль.

– Каков план? – спросил Трясучка.

Балагур пожал плечами:

– Шесть и один.

Накинул капюшон, сгорбился, сунув руки в карманы, и двинулся вперед.

Компания вошла в пятно света, падавшего из окна на верхнем этаже. Из тьмы выплыли четыре балаганных рыла, искаженные хмельным весельем. Дряблое лицо толстяка посередине, с маленькими колючими глазками и злобной ухмылкой. Размалеванное – женщины, ковыляющей рядом на высоких каблуках. Тощее и бородатое – мужчины слева. Бледное, с выступившими от смеха слезами на глазах – мужчины справа.

– И что потом? – вопросил, утирая слезы, последний, гораздо громче, чем требовалось.

– А ты как думаешь? Пинал его, пока он не обделался. – Снова раздался гогот. Басу толстяка вторил контрапунктом женский фальцет. – Герцогу Орсо, сказал я, нравятся люди, которые говорят «да». И ты, лживый…

– Гобба? – спросил Балагур.

Тот резко повернул голову, улыбка сползла с дряблого лица. Балагур остановился. От того места, где бросал кости, он сделал сорок один шаг. Шесть и один – семь. Семью шесть – сорок два. Один долой…

– Ты кто? – рыкнул Гобба.

– Шесть и один.

– Что? – Смешливый, шедший справа, попытался отпихнуть Балагура пьяной рукой. – Проваливай, недоумок убог…

Тесак разрубил ему голову до переносицы. Бородатый слева не успел рта открыть, как Балагур уже оказался рядом и нанес первый удар длинным ножом. Пять раз тот вошел в живот, затем Балагур отступил, хлестким ударом перерезал горло, подсек бородача под ноги и толчком опрокинул на мостовую.

После чего медленно выдохнул. У первого – одна огромная рана на голове. Выплеснулись черные мозги, залив съехавшиеся к носу глаза. У второго – пять ножевых ран в теле. Еще – перерезанное горло, из которого хлещет кровь.

– Хорошо, – сказал Балагур. – Шесть и один.

Девка, одна напудренная щека которой расцветилась брызгами крови, завизжала.

– Ты покойник! – заревел Гобба, попятившись и выхватив из-за пояса нож. – Убью! – Но вперед отчего-то не кинулся.

– Когда? – спросил Балагур, поигрывая двумя ножами. – Завтра?

– Я…

Тут по затылку толстяка треснула дубинка Трясучки. Хороший удар, в правильное место. Колени Гоббы подогнулись, как смятая бумага, и он повалился наземь без чувств. Влажно шмякнулась о булыжную мостовую дряблая щека. Выпал из разжавшейся руки нож.

– Не завтра. Никогда. – Девка все захлебывалась визгом, и Балагур повернулся к ней: – Что стоишь? Беги.

Та, шатаясь на высоких каблуках, оглашая завываниями темный переулок, побежала. Звон ночного колокольчика затих вдали.

Трясучка хмуро уставился на два трупа на мостовой. Две лужи крови растеклись по щелям меж булыжников, встретились, смешались и стали одной.

– Чтоб я сдох, – пробормотал он на своем языке.

Балагур пожал плечами:

– Добро пожаловать в Стирию.

Кровавое внушение

Глядя на руку в перчатке, скалясь от напряжения, Монца снова и снова сгибала и разгибала три пальца, которые еще действовали, слушая щелчки и треск, раздававшиеся всякий раз, как она сжимала кулак. Она чувствовала странное спокойствие, хотя жизнь ее, если это можно было назвать жизнью, балансировала сейчас на лезвии бритвы.

«Не доверяй человеку в том, что выходит за рамки его собственных интересов», – писал Вертурио, а убийство великого герцога Орсо и его приближенных не показалось бы легкой работой никому. Доверять молчаливому уголовнику она могла не больше, чем Саджаму, которому веры не было никакой. Северянин как будто казался честным, но то же самое думала она в свое время об Орсо, и о последствиях говорить не приходилось. Поэтому ее не слишком удивило бы, войди сейчас эта парочка под руку с расплывшимся в улыбке Гоббой, готовым отволочь ее в Фонтезармо, чтобы сбросить с горы еще разок.

Она не верит никому. Но в одиночку ей не справиться…

С улицы донеслись торопливые шаги. Стукнула, распахнувшись, дверь, и вошли трое. Трясучка – справа, Балагур – слева. Гобба – посередине. Руки его были закинуты им на плечи, голова свешивалась на грудь, носки сапог волоклись по засыпанному опилками полу.

Похоже, доверия ее не обманули. На этот раз, во всяком случае.

Балагур подтащил Гоббу к наковальне – выщербленной глыбе черного железа в центре кузницы. Трясучка подхватил с пола концы обмотанной вокруг нее длинной цепи с болтавшимися на них наручниками. Вид у него был мрачный, как у человека, терзаемого угрызениями совести. Неплохая штука – совесть, но вечно начинает зудеть в подобных случаях.

Вместе эти двое действовали неплохо для бродяги и уголовника. Без суеты и лишних движений. Без всякой нервозности, даром что готовились к убийству. Впрочем, Монца всегда умела подбирать для работы нужных людей. Балагур защелкнул наручники на толстых запястьях телохранителя. Трясучка, подкрутив фонарь, прибавил в захламленной кузнице света.

– Приведите его в чувство.

Балагур выплеснул в лицо Гоббе ведро воды. Тот захлебнулся, втянув воздух, закашлялся, затряс головой, разбрызгивая воду с волос. Попытался вскочить, но цепь, громыхнув, удержала его на месте. Маленькие глазки злобно зашарили по сторонам.

– Ублюдки! Считайте, вы покойники! Оба покойники! Не знаете, кто я такой? И на кого работаю?

– Я знаю.

Монца изо всех сил старалась идти ровно, как когда-то, но получалось плохо. Прихрамывая, она выступила на свет, откинула капюшон.

Жирное лицо Гоббы перекосилось.

– Нет. Не может быть… – Глазки выпучились. Полезли на лоб. Изумление в них сменилось страхом, страх – ужасом. Звеня цепью, Гобба попытался отползти от нее. – Нет!

– Да. – И, вопреки боли, она улыбнулась. – Как делишки, говнюк? Гляжу, ты прибавил в весе, Гобба. Больше, чем я потеряла. Вот ведь как забавно бывает. Что там у тебя за камушек, не мой ли?

На фоне черного железа пылала красная искорка – рубин на мизинце Гоббы. Балагур, нагнувшись, сорвал его и бросил Монце. Она поймала перстень на лету левой рукой. Последний подарок Бенны, которым они любовались вдвоем, поднимаясь в гору, чтобы встретиться с герцогом Орсо. Ободок был слегка погнут и поцарапан, но сам камень, цвета перерезанного горла, сверкал, как прежде, ярко.

– Пострадал немного, когда ты пытался меня убить, да, Гобба? Все мы пострадали… – Надеть перстень на средний палец левой руки удалось не сразу, но в конце концов она все же пропихнула в него кривой сустав. – По-прежнему впору. К счастью.

– Послушай! Мы ведь можем договориться! – Лицо Гоббы мелким бисером усеял пот. – Решим, как…

– Я уже решила. Жаль, горы нет поблизости. – Монца сняла с полки молот – короткая рукоять, массивный стальной боек. Крепко стиснула его рукой в перчатке и услышала, как хрустнули косточки. – И придется расколотить тебя этим. Не подержишь его? – обратилась она к Балагуру, и тот силком уложил на наковальню руку Гоббы, бледную на фоне черного металла. – Надо было тебе меня добить.

– Орсо узнает! Все узнает!

– Конечно, узнает. Когда я скину его с того самого балкона, если не раньше.

– Не доберешься! Он убьет тебя!

– Убивал уже, помнишь? Да не вышло.

Жилы вздулись на шее Гоббы – он изо всех сил пытался вырвать руку, но Балагур держал крепко.

– Тебе его не одолеть!

– Кто знает. Поживем – увидим. Наверняка я могу сказать лишь одно. – Монца высоко подняла молот. – Ты не увидишь ничего.

Боек обрушился на пальцы с металлическим стуком – раз, другой, третий. При каждом ударе ее руку до плеча простреливала боль. Куда слабее, правда, чем та, что пронзала руку Гоббы. Он задыхался, вопил и трясся. Отпрянул от наковальни, кисть развернулась боком. И Монца ухмыльнулась, когда молот, упавший вниз в очередной раз, ее раздробил. Следующий удар пришелся в запястье, которое мгновенно почернело.

– Выглядит похуже, пожалуй, чем у меня тогда. – Она пожала плечами. – Но возвращать долг с процентами – свидетельство хороших манер. Давай вторую.

– Нет! – завопил Гобба, пустив слюну. – Нет! Вспомни о моих детях!

– Вспомни о моем брате!

Вторую руку она крушила по частям. Тщательно, не спеша нацеливая каждый удар. Кончики пальцев. Пальцы. Костяшки. Большой палец. Ладонь. Запястье.

– Шесть и шесть, – пробормотал Балагур.

Гобба ревел, не переставая. В ушах у Монцы стучала кровь.

– Что? – спросила она, решив, что недослышала.

– Шесть раз и еще шесть раз. – Он отпустил телохранителя Орсо, отряхнул ладони. – Молотом.

– И? – рявкнула она, так и не поняв, о чем он.

Гобба, брызгая слюной, уперся в наковальню ногами. Натянул цепь, тщетно пытаясь сдвинуть с места железную глыбу. Почерневшие кисти безвольно свисали из наручников.

Монца наклонилась над ним.

– Я разрешила тебе встать?

Молот с хрустом раздробил коленную чашечку. Гобба рухнул на спину и не успел еще заорать, когда второй удар в колено выбил ему ногу в обратную сторону.

– Нелегкая, однако, работа. – Монца стащила с себя куртку, морщась от боли в плече. – Правда, и я уже не так сильна, как прежде. – Закатала рукава черной рубахи, обнажив длинный шрам на одной руке. – Помню, ты говорил, Гобба, что умеешь заставить женщину вспотеть. А я смеялась над тобой, подумать только. – Утерла тыльной стороной руки лоб. – Теперь поверила. Раскуйте его.

– Стоит ли? – спросил Балагур.

– Боишься, укусит за ногу? Дай-ка я его погоняю.

Уголовник пожал плечами, нагнулся и снял с Гоббы наручники. Она перехватила хмурый взгляд Трясучки, стоявшего в стороне. Рявкнула:

– Что-то не так?

Он промолчал.

Гобба пополз неведомо куда, опираясь на локти, волоча за собой сломанную ногу. Издавая какие-то бессмысленные стоны. Вроде тех, что издавала она сама, лежа с размозженными костями у подножия горы под Фонтезармо.

– Ы-ы-ырх…

Удовольствия это доставляло куда меньше, чем надеялась Монца, и потому она разозлилась еще сильней. Стоны Гоббы раздражали. Руку сводило болью. Монца заставила себя улыбнуться, изображая радость, которой не испытывала, и, прихрамывая, подошла к нему.

– Должна сказать, я разочарована. Орсо так хвастался силой своего телохранителя… но сейчас мы проверим, насколько ты силен на самом деле. Я…

Нога вдруг подвернулась. Монца вскрикнула, отшатнулась к выложенной кирпичом стенке горна, схватилась за нее левой рукой, чтобы не упасть. Через мгновенье поняла, что раскаленный горн так и не остыл.

– Черт! – Отшатнулась в другую сторону, как клоун на арене, споткнулась о ведро, грязная вода из которого выплеснулась ей на ногу. – Дерьмо!

Нагнулась к Гоббе и нанесла удар молотом, обуянная внезапным, глупым гневом, которого тут же устыдилась сама.

– Ублюдок! Подонок!

Стальной боек прошелся по ребрам, Гобба хрюкнул и забулькал. Попытался свернуться клубком и, зацепив ее за ногу, чуть не уронил на себя.

От боли, скрутившей бедро, Монца завизжала. Саданула его по голове рукоятью молота, наполовину оторвав ухо. Трясучка двинулся было на помощь, но она уже высвободилась.

Гобба, каким-то образом сумев сесть и привалиться спиною к бочке с водой, зарыдал и завыл. Раздувшиеся кисти рук, багровые, мягкие, как перчатки, сделались вдвое больше, чем были.

– Проси пощады! – прошипела Монца. – Проси, жирный говнюк!

Но Гоббе было не до этого. Он пялился на котлеты вместо рук и выл. Хрипло и слезливо.

– Могут услышать. – Вид у Балагура был такой, словно больше его ничто не волновало.

– Ну, так заткни его.

Уголовник, зайдя сзади, перегнулся через бочку, подцепил Гоббу под подбородок удавкой и с силой вздернул его кверху. Вой сменился сипением.

Монца присела так, что лица их с Гоббой оказались на одном уровне. Не обращая внимания на боль в коленях, жадно уставилась на металлическую струну, что врезалась в жирную шею. Как некогда другая – в ее собственную. Шрамы, оставленные удавкой, зазудели.

– Каково тебе, а? – Она прошлась взглядом по его лицу, пытаясь ощутить хоть какое-то удовлетворение. – Каково? – спросила снова, хотя никто не знал этого лучше, чем она сама. Глаза Гоббы выпучились, брыли затряслись, из розовых стали красными, затем багровыми. Монца не без труда выпрямилась. – Сказала бы я, что тело недурное пропадет понапрасну. Но это не так.

Закрыв глаза, она запрокинула голову, с силой втянула носом воздух. Крепче сжала молот, подняла его.

– Предать меня – и оставить в живых?

Боек ударил меж свинячьих глазок, раздался треск – словно раскололась каменная плита. Тело Гоббы выгнулось дугой, рот разинулся, но из него не вылетело ни звука.

– Лишить меня руки – и оставить в живых?

Молот ударил в нос, продавив лицо, как яичную скорлупу. Тело Гоббы обмякло, сломанная нога мелко задергалась.

– Убить моего брата – и оставить меня в живых?

От последнего удара раскололся череп. По багровой коже хлынула черная кровь. Балагур убрал удавку, и Гобба завалился на бок. Перекатился легко, почти изящно, лицом вниз и застыл.

Мертв. Проверять ни к чему, и так ясно. Монца, морщась, с трудом разжала ноющие пальцы. Молот грохнулся на пол, кроваво блеснул боек с приставшим клочком волос.

Один мертв. Осталось шесть.

– Шесть и один, – пробормотала она.

Балагур, невесть с чего, вдруг уставился на нее широко открытыми глазами.

– На что это похоже? – спросил Трясучка.

– Что – это?

– Месть. Приятное чувство?

Монца не чувствовала ничего, кроме боли в голове, ногах и руках – одной переломанной, другой обожженной. Бенна по-прежнему мертв, она по-прежнему калека. Нахмурившись, она не ответила.

– Убрать его отсюда? – Балагур указал тяжелым, блестящим тесаком на труп.

– Да, и постарайся, чтобы не нашли.

Ухватив Гоббу за лодыжку, Балагур подволок его к наковальне. На опилках остался кровавый след.

– Разрубить. Раскидать по сточным канавам. Крысы сожрут.

– Достойный конец. – Монцу, однако, слегка затошнило.

Ей требовалось покурить. Как всегда в это время. Расслабиться, успокоиться. Она вытащила маленький кошелек с пятьюдесятью скелами и бросила его Трясучке.

Тот поймал. Звякнули монетки.

– Расчет?

– Расчет.

– Хорошо. – Он сделал паузу, словно хотел сказать что-нибудь еще, но не мог придумать, что. – Мне жаль вашего брата.

Она взглянула ему в лицо, освещенное тусклым фонарем. Внимательно всмотрелась, пытаясь его понять. О ней и Орсо он практически ничего не знал. Вообще мало что знал, на первый взгляд. Но сражаться умел, это она видела сама. Пошел в притон Саджама один, что требовало мужества. Человек мужественный, наделенный совестью… возможно. Гордый. Такой мог оказаться еще и верным. А верные люди в Стирии редчайший товар.

Ей никогда не приходилось оставаться одной надолго. Бенна всегда был рядом. Или за спиной, на худой конец.

– Жаль?

– Да. И у меня был брат.

Он начал разворачиваться к двери.

– Тебе больше не нужна работа?

Монца, не сводя с него глаз, двинулась вперед. Нашарила на поясе за спиной рукоять ножа. Ему известно ее имя. Имена Орсо и Саджама. Этого достаточно, чтобы она не дожила до рассвета. По доброй воле или нет, но он должен остаться.

– Такая же? – Он угрюмо глянул на окровавленные опилки у нее под ногами.

– Убийство. Говори, не стесняйся. – Ударить в грудь, размышляла она тем временем, или в горло? Или подождать, пока повернется, и всадить нож в спину? – А ты что думал? Козу доить?

Он покачал головой. Длинные волосы всколыхнулись.

– Может, вам это покажется глупым, но я приехал сюда, чтобы исправиться. У вас есть свои причины, конечно, но мне сдается, неверный это шаг. В неверном направлении.

– Еще шесть человек.

– Нет. Нет. С меня хватит. – Казалось, он сам себя пытается убедить. – Все равно, сколько…

– Пять тысяч скелов.

Трясучка уже открыл рот, чтобы снова сказать «нет». Но не сказал. Уставился на нее. Сначала растерянно, потом задумчиво. Прикидывая, сколько же это денег на самом деле. И что на них можно купить. Монца всегда умела определить цену человека, которую имеет каждый.

Глядя ему в лицо, она шагнула вперед.

– Ты хороший человек, я вижу. И сильный. Такой, как нужен. – Скользнула взглядом по его губам, снова посмотрела в глаза. – Помоги мне. Я нуждаюсь в твоей помощи, а ты – в моих деньгах. Пять тысяч скелов. С такими деньгами тебе будет гораздо легче исправиться. Помоги мне. Потом ты сможешь купить хоть половину Севера. И стать королем.

– Кто сказал, что я хочу быть королем?

– Будь королевой, коль хочешь. Но я скажу, кем ты уже точно не будешь. – Она придвинулась к нему так близко, что дышала почти в лицо. – Нищим. По мне, не пристало гордому человеку вроде тебя унижаться в поисках работы. – И Монца отвела взгляд. – Решать, конечно, тебе.

Он еще молчал в раздумье. Но Монца уже убрала руку с рукояти ножа, зная, каким будет ответ. «Деньги для каждого человека значат свое, – писал Бьяловельд, – но всегда хорошее».

Наконец Трясучка поднял голову. Взгляд сделался жестким.

– Кто следующий?

В былые времена Монца усмехнулась бы брату, и тот ответил бы ей такой же усмешкой. «Мы опять победили». Но Бенна был мертв, и думать следовало о том, чья очередь настала к нему присоединиться.

– Банкир.

– Кто такой?

– Человек, который считает деньги.

– Зарабатывает деньги, считая деньги?

– Точно.

– Странные у вас обычаи, однако. И что он сделал?

– Убил моего брата.

– Снова месть?

– Снова месть.

Трясучка кивнул:

– Считайте, я нанят. Что теперь?

– Помоги Балагуру вынести мусор. Ночью мы уедем. В Талине нам пока делать нечего.

Трясучка посмотрел на наковальню, тяжело вздохнул. Затем вытащил нож, который она ему дала, и направился к Балагуру, уже принявшемуся за работу.

Монца взглянула на свою левую руку, вытерла с нее капельки крови. Пальцы слегка дрожали. Из-за того ли, что несколькими минутами раньше она убила человека, из-за того ли, что не убила человека сию минуту, из-за того ли, что попросту хотела курить… сказать было трудно.

Возможно, по всем трем причинам сразу.

II. Вестпорт

Люди постепенно привыкают к яду.
Виктор Гюго

В первый год они голодали, и Бенна вынужден был просить у сельчан милостыню, покуда Монца трудилась в поле и собирала ягоды в лесу.

На второй год удалось снять урожай получше и вырастить кое-какие овощи на делянке возле сарая. А еще, когда начались метели и в долине воцарилось белое безмолвие, их ссудил хлебом мельник, старик Дестор.

На третий год стояла чудесная погода, дожди шли вовремя, и на верхнем поле пшеница уродилась на славу. Не хуже, чем у отца. Из-за беспорядков на границе цены были высокими. Вырученных денег должно было хватить на то, чтобы залатать крышу и справить Бенне новую куртку. Монца, глядя, как ветер гонит волны по пшеничному морю, испытывала ту особую гордость, какую знает всякий, сделавший что-то собственными руками. Гордость, о которой говорил отец.

За несколько дней до жатвы ее разбудили среди ночи какие-то звуки. Зажав рукою рот спавшему рядом Бенне, она растолкала его. Взяла отцовский меч, открыла ставни, и, тихонько выбравшись через окно в лес, брат с сестрой спрятались в ежевичнике.

Перед домом маячили черные фигуры. Во тьме ярко пылали факелы.

– Кто это?

– Ч-ш-ш.

Слышно было, как ночные пришельцы взломали двери и принялись крушить все в доме и сарае.

– Что им надо?

– Ч-ш-ш.

Затем они окружили поле и подпалили его факелами, и маленькие огоньки, пожирая спелую пшеницу, обратились в грозное, ревущее пламя. Кто-то радостно завопил. Кто-то засмеялся.

На худеньком личике Бенны, озаренном трепещущими оранжевыми сполохами, блестели слезы.

– Но зачем они… зачем…

– Ч-ш-ш.

Монца смотрела, как ясное ночное небо заволакивает дым. Все, что осталось от ее труда, ее мучений, ее пота. Пришельцы удалились, но она долго еще сидела, глядя на догоравшее поле.

Утром пришли другие. Угрюмые жители долины, жаждавшие мести. Возглавлял их старик Дестор – с мечом на бедре и тремя сыновьями за спиной.

– Здесь тоже побывали, да? Вам повезло, что остались живы. Креви они убили, вместе с женой. И сыном.

– Что вы собираетесь делать?

– Пойти следом. И повесить их.

– Мы тоже пойдем.

– Вам лучше бы…

– Пойдем.

Дестор не всегда был мельником и дело знал. Налетчиков они догнали на следующую ночь. Те, возвращаясь обратно на юг, встали лагерем в лесу, развели костры и даже не выставили охрану. Воры, а не солдаты. Среди них были и фермеры, только с другой стороны гра-

ницы, решившие, видно, расплатиться за какие-то свои мнимые обиды, покуда господа их были заняты, расплачиваясь за свои.

– Кто не готов убивать, пусть остается здесь. – Дестор вытащил меч, и остальные тоже взяли на изготовку тесаки, топоры и импровизированные копья.

– Останься! – жалобно попросил Бенна, цепляясь за Монцу.

– Нет.

Пригнувшись, она ринулась с отцовским мечом на свет костров, плясавший среди черных деревьев. Услышала крики, лязг металла, свист спущенной тетивы.

Выбежала из кустов прямо на двух мужчин у огня, над которым дымился котелок. У одного, бородатого, в руке был плотницкий топор. Он только начал поднимать свое оружие, когда Монца уже полоснула его мечом по глазам. Бородач с воплем повалился наземь. Второй развернулся бежать, но не успел и шагу сделать, как она достала его мечом в спину.

Бородач выл без умолку, схватившись руками за лицо. Монца вонзила меч ему в грудь. Он влажно всхлипнул несколько раз и умолк.

Она угрюмо смотрела на два трупа, пока не затихли кругом звуки сражения. Потом из кустов настороженно выбрался Бенна. Снял у бородача с пояса кошелек. Высыпал себе в ладонь горсть серебряных монет.

– Семнадцать скелов.

Вдвое больше, чем стоило все их пшеничное поле.

Кошелек второго убитого брат протянул ей, широко раскрыв глаза.

– А у этого – тридцать.

– Тридцать?

Монца взглянула на отцовский меч, обагренный кровью. Как странно… что она стала убийцей. Как странно, что убивать оказалось так легко. Легче, чем ковыряться пропитания ради в каменистой земле. Намного легче.

Потом она ждала, когда же к ней явится раскаяние. Долго ждала.

Но оно так и не явилось.

Яд

Денек выдался из тех, что больше всего нравились Морвиру. Прохладный, даже холодный, но совершенно тихий и безупречно ясный. Сквозь нагие черные ветви фруктовых деревьев ярко светило солнце, превращая тусклую медь треножника в золото, высекая из дымчатого стекла посуды драгоценные искорки. Нет ничего лучше, чем работа в такой день на открытом воздухе, в котором смертоносные испарения рассеиваются, никому не причиняя вреда. Представители Морвирова ремесла почти все погибали, рано или поздно, от своих же составов, и у него не было ни малейшего желания присоединяться к их числу. Помимо всего прочего, репутацию уже не восстановишь…

Глядя на зыбкий огонек, над которым кипятились реактивы, кивая головой в такт их прилежному побулькиванию, тихому дребезжанию конденсатора и реторты, умиротворяющему шипению пара, Морвир улыбался. Звуки эти для него были что лязг клинка для мастера мечей, звон монет для мастера торговли. Они означали, что работа успешно продвигается. И на сосредоточенное личико Дэй сквозь искажающее стекло заостренной накопительной колбы он поглядывал тоже с чувством глубокого удовлетворения.

Прелестное личико, ничего не скажешь, в форме сердечка, обрамленное светлыми кудряшками. Но в прелести его ничего приметного, ничего бросающегося в глаза. Одна обезоруживающая невинность. Такое лицо вызовет симпатию у каждого, но никому не запомнится. Мгновенно ускользнет из памяти. Морвир и выбрал-то ее главным образом из-за лица. Поскольку ничего не делал случайно.

На кончике трубки конденсатора заблистала драгоценная капля. Разбухла, вытянулась, оторвалась наконец и, прочертив сверкающей молнией пространство колбы, бесшумно канула на дно.

– Превосходно, – пробормотал Морвир.

За ней последовали торжественной вереницей, разбухая и падая, другие капли. Последняя отчего-то замешкалась на трубке, и Дэй легонько щелкнула по стеклу. Капля сорвалась, присоединилась к своим товаркам, выглядевшим на дне колбы точь-в-точь как обыкновенная вода, которой едва хватило бы смочить губы.

– А теперь, дорогая, действуй осторожно. Очень, очень осторожно. Твоя жизнь висит на волоске. И моя тоже.

Дэй, высунув от усердия язычок, с крайней бережностью сняла конденсатор, поставила его на поднос. Медленно разобрала на части весь аппарат. У нее были чудесные, ловкие ручки: нежные, но твердые, какие и требовались для ученицы Морвира. Заткнув колбу пробкой, Дэй подняла ее к свету. Солнечный луч превратил влагу на дне в жидкий бриллиант. Девушка улыбнулась невинной и прелестной, но совершенно не запоминающейся улыбкой.

– Так мало.

– Это наичистейшая суть. Без цвета, запаха, вкуса. Но достаточно проглотить бесконечно малую каплю, вдохнуть испарения, даже просто прикоснуться – и человек умрет через несколько минут. Противоядий нет, лекарств нет, невосприимчивости нет. Это воистину… король ядов.

– Король ядов, – с должным благоговением выдохнула она.

– Сбереги это знание в своем сердце, дорогая, чтобы использовать при крайней нужде. Только против самых опасных, недоверчивых и коварных клиентов. Тех, кто лично знаком с искусством отравления.

– Понимаю. Осторожность на первом месте, всегда.

– Очень хорошо. Это самый ценный из уроков. – Морвир уселся на стул, сложил пальцы домиком. – Теперь ты знаешь все мои секреты. Ученичество твое подошло к концу, но… надеюсь, ты останешься со мной как помощница.

– Служить вам – честь для меня. Мне еще многому предстоит учиться.

– Как всем нам, дорогая моя. – Морвир резко повернул голову на звук колокольчика, звякнувшего у ворот. – Как всем…

По длинной дорожке через сад к дому приближались двое. Мужчина и женщина. Морвир раскрыл подзорную трубу и принялся разглядывать через нее визитеров.

Мужчина был очень высок и выглядел из-за этого внушительно. Развевающиеся волосы, поношенная куртка. Северянин, судя по внешности.

– Дикарь, – проворчал Морвир себе под нос. Таких он заслуженно презирал за грубые повадки и склонность к суевериям.

Перевел подзорную трубу на женщину. Та, одетая почти как мужчина, смотрела, шагая по дорожке, прямо на дом. На самого Морвира, казалось. Угольно-черные волосы, очень красивое лицо, ничего не скажешь. Но жесткое в своей красоте и даже пугающее, чему способствует выражение непреклонной решимости. Лицо, выражающее вызов и угрозу одновременно. Лицо, которое, будучи раз увиденным, забудется не скоро.

Не так красива, конечно, как его мать, но с матушкой никто не сравнится. Та была наделена почти сверхъестественной красотой. Улыбка ее, непорочная, сияющая, как само солнце, навек запечатлелась в его памяти, словно…

– К нам гости? – спросила Дэй.

– Девица Меркатто. – Он щелкнул пальцами, показывая на стол. – Убери это. С наивеличайшей осторожностью, помни! Потом подай вино и пирожки.

– С чем?

– Всего лишь со сливами и абрикосами. Я собираюсь угостить посетителей, а не убить.

«Пока они не сказали, во всяком случае, с чем пришли», – подумал он.

Дэй проворно убрала со стола, застелила его скатертью, расставила вокруг стулья. Морвир тем временем предпринял кое-какие простенькие меры предосторожности. Затем, усевшись на стул, скрестил перед собою ноги в начищенных до блеска высоких сапогах, сложил руки на груди – ни дать ни взять сельский помещик, наслаждающийся свежим воздухом в своем имении. И разве он не заслужил этого, в конце концов?

Когда посетители приблизились, он поднялся на ноги с самой угодливой из своих улыбок. В походке женщины, Меркатто, ощущался слабый намек на хромоту, которую она умело скрывала. Но восприятие Морвира за долгие годы занятия опасным ремеслом отточено было до остроты бритвы, и ни одна деталь от него не ускользала. На правом боку у нее висел меч, по виду неплохой, но ему Морвир уделил мало внимания. Оружие уродливое и бесхитростное. Носить его еще можно, но в ход пускать – удел гневливых невежд. Перчатка на правой руке подсказывала, что женщине есть что прятать, ибо левая была обнажена и щеголяла кроваво-красным камнем величиною с ноготь большого пальца. Цены многообещающе немалой, коль он и впрямь являлся тем, чем выглядел.

– Я…

– Вы – Монцкарро Меркатто, в недавнем прошлом капитан-генерал Тысячи Мечей на службе у Орсо, герцога Талина. – Руки в перчатке Морвир решил не касаться, поэтому предложил гостье свою левую, ладонью вверх – жестом, исполненным скромности и смирения. – Наш общий знакомец, некто Саджам, предупредил меня о вашем визите. – Она ответила коротким рукопожатием, твердым и деловитым. – А ваше имя, мой друг?.. – Подобострастно наклонясь, Морвир взял большую правую руку северянина в обе свои.

– Кол Трясучка.

– О… да, ваши северные имена всегда казались мне восхитительно образными.

– Какими?

– Прелестными.

– А.

Морвир еще мгновение удерживал его руку, затем отпустил.

– Прошу, присаживайтесь, – улыбнулся он Меркатто, которая, подходя к стулу, едва заметно поморщилась. – Должен признаться, не ожидал, что вы окажетесь столь прекрасны.

Она нахмурилась.

– А я не ожидала, что вы окажетесь столь любезны.

– О, я могу быть крайне нелюбезен, поверьте, коль требуется. – Появилась Дэй, молча поставила на стол блюдо со сладкими пирожками и поднос с бутылкой вина и бокалами. – Но вряд ли это требуется сейчас, не так ли? Вина?

Посетители обменялись выразительными взглядами. Усмехнувшись, Морвир вынул из бутылки пробку, наполнил вином один бокал.

– Вы оба наемники, но, смею предположить, не нападаете с целью грабежа и вымогательства на каждого встречного. Так и я вовсе не травлю каждого из своих знакомых. – Он сделал большой глоток, словно демонстрируя безопасность напитка. – Иначе кто бы мне платил? Вам ничто не угрожает.

– Пусть так, но мы все же откажемся, уж простите.

Дэй потянулась за пирожком.

– Можно?..

– Полакомься, дорогая. – Он снова обратился к Меркатто: – Стало быть, вы пришли ко мне не ради того, чтобы выпить вина.

– Нет. У меня для вас есть работа.

Морвир проэкзаменовал состояние своих ногтей.

– Смерть великого герцога Орсо и еще кое-кого, полагаю. – Ответом было молчание, которое он счел достаточным поводом пуститься в объяснения. – Чтобы прийти к такому выводу, не требуется большого ума. Орсо объявляет, будто вас и вашего брата убили представители Лиги Восьми. Затем от моего и вашего друга Саджама я слышу, что вы куда более живы, чем объявлено. И поскольку не происходит трогательного воссоединения с Орсо и не разносится слух о вашем чудесном спасении, остается предположить, что осприйские наемные убийцы были на самом деле… игрой воображения. Герцог Талина наделен печально известным ревнивым нравом, а ваши многочисленные победы сделали вас, на вкус вашего хозяина, слишком уж популярными. Я близок к сути?

– Весьма.

– В таком случае, примите мои сердечные соболезнования. Ваш брат, судя по всему, не смог к вам присоединиться, вы же, как я слышал, были неразлучны. – Холодная голубизна глаз Меркатто совершенно заледенела. Да еще этот угрюмый молчаливый северянин рядом… Морвир со всем тщанием откашлялся. Меч, воткнутый в кишки, сколь бы ни был бесхитростен, убивает умного с той же легкостью, что и дурака. – Понимаете ли, я – лучший в своем ремесле.

– Факт, – сказала Дэй, оторвавшись на миг от блюда со сладостями. – Неоспоримый.

– Многие знатные люди, на которых я испробовал свое умение, подтвердили бы это, будь они в состоянии… но они, разумеется, *не* в состоянии.

Дэй печально покачала головой:

– Ни один.

– К чему вы клоните? – спросила Меркатто.

– Лучшее стоит денег. Больше, возможно, чем вы можете позволить себе отдать, не имея нанимателя.

– Вы слышали о Сомену Хермоне?

– Знакомое имя.

– Мне – нет, – сказала Дэй.

Морвир вновь взял объяснения на себя.

– Хермон был нищим кантийским переселенцем, который сделался богатейшим, по слухам, купцом в Масселии. О роскоши, в которой он купался, и о его щедрости ходили легенды.

– И что?

– Увы, он находился в Масселии, когда город захватила Тысяча Мечей. И разграбила. Из жителей почти никто не пострадал, но о Хермоне с тех пор больше не слышали. И о его деньгах тоже. Решили, что торговец этот, как многие торговцы, изрядно преувеличивал размеры своего состояния, и на самом деле, кроме пышных одежд и драгоценных украшений, не имел… ничего. – Морвир, глядя на Меркатто поверх бокала, неторопливо глотнул вина. – Но кое-кто должен знать об этом больше меня. Захват города возглавляли… как же их звали-то? Брат и сестра, кажется?..

Она устремила на него прямой, твердый взгляд.

– Хермон был гораздо богаче, чем прикидывался.

– Богаче? – Морвир заерзал на стуле. – Богаче?! Вот это да! Повезло же Меркатто! Смотрите, меня аж корчит при мысли о таком несметном, завораживающем количестве золота! Достаточном, чтобы выплатить мне мой скромный гонорар две дюжины раз, а то и больше, не сомневаюсь! Ах… от жадности неодолимой меня совсем… – он поднял руку, растопырил пальцы и шлепнул ладонью по столу… – парализовало.

Северянин медленно накренился вбок, соскользнул со стула и упал наземь, под дерево. Перекатился на спину – в той самой позе, в какой сидел, словно тело его обратилось вдруг в кусок камня. Ноги, согнутые в коленях, зависли в воздухе, глаза беспомощно уставились в древесную крону.

– О, – сказал Морвир, проводив его взглядом. – Повезло, похоже, и Морвиру.

Глаза Меркатто метнулись в сторону, вернулись к хозяину. По одной половине ее лица пробежала судорога. Вздрогнула едва заметно лежавшая на столе рука в перчатке и застыла.

– Получилось, – пробормотала Дэй.

– Неужели ты во мне сомневалась? – Морвир, более всего на свете любя не способных сопротивляться слушателей, не устоял перед искушением объяснить, как это было сделано. – Для начала я смазал руки желтосемянным маслом. – Он снова растопырил пальцы. – Чтобы защитить от воздействия себя самого, конечно. Не хотелось оказаться внезапно парализованным, знаете ли. Это было бы крайне неприятно! – Он захихикал, и Дэй, которая, зажав в зубах очередной пирожок, наклонилась над северянином, дабы проверить пульс, тоже тоненько хихикнула. – Главный ингредиент здесь – дистиллят паучьего яда. Чрезвычайно эффективный даже при касании. Поскольку за руку вашего друга я держал дольше, ему и доза досталась гораздо больше. Хорошо, если он сможет сегодня двигаться… если я, конечно, позволю ему двигаться. У вас же должна была сохраниться способность говорить.

– Мерзавец, – прорычала Меркатто. Губы ее при этом не шевельнулись.

– Сохранилась, вижу. – Он встал, обогнул стол и уселся рядом с нею. – Я должен извиниться, конечно, но вы же понимаете, что я, как и вы, достиг весьма рискованных вершин в своем ремесле. И экстраординарное искусство наше обязывает нас принимать экстраординарные меры предосторожности. Сейчас, когда ваша способность двигаться не служит нам помехой, мы можем побеседовать с предельной откровенностью о… великом герцоге Орсо.

Он сделал большой глоток вина, взглянул на птичку, перепорхнувшую с ветки на ветку. Меркатто не ответила, но значения это не имело. Морвир был только счастлив говорить за двоих.

– С вами поступили крайне несправедливо, признаю. Вас предал человек, который обязан вам очень многим. Убит ваш любимый брат, и сами вы… уже не та, что прежде. В моей жизни тоже хватало тягостных превратностей, поверьте, поэтому я искренне вам сочувствую. Но мир полон зла, и мы, люди маленькие, способны его менять… лишь в малой степени.

Дэй громко чавкнула, он бросил на нее неодобрительный взгляд.

– Что? – с полным ртом прошамкала она.

– Постарайся потише, я ведь разговариваю. – Дэй, пожав плечами, принялась смачно облизывать пальцы, и Морвир вздохнул. – Легкомыслие юности. Но ничего, она еще научится. Время всех нас ведет в одном-единственном направлении, не так ли, Меркатто?

– Избавьте меня от вашей вонючей философии, – процедила та сквозь непослушные губы.

– Что ж, ограничимся в таком случае деловой стороной вопроса. При вашем активном содействии Орсо стал самым могущественным человеком в Стирии. Мне далеко до вашей воинской сметки, но не нужно быть Столикусом, чтобы понять – после вашей славной победы на Высоком берегу Лига Восьми находится на грани развала. Когда наступит лето, Виссерин сможет спасти только чудо. Осприйцев либо вынудят договариваться о мире, либо уничтожат, в зависимости от расположения духа Орсо. Который, как вам известно лучше, чем многим, чаще расположен уничтожать. К концу года, если не случится никаких несчастий, Стирия в кои-то веки обретет короля. Конец Кровавым Годам. – Морвир осушил бокал и экспансивно помахал им. – Мир и процветание для всех и каждого! Жизнь станет лучше, не так ли? Если ты не наемник, конечно.

– И не отравитель.

– Напротив, для нас и в мирное время работы найдется больше чем достаточно. Но к чему я клоню – убийство великого герцога Орсо… помимо явной невозможности его осуществления… не служит, кажется, ничьим интересам. Даже вашим. Оно не вернет вам брата. Руку и ноги – тоже. – Лицо ее не дрогнуло. Возможно, правда, всего лишь из-за временного пара-

лича. – Попытка, скорей всего, закончится вашей смертью. А то и моей. И я хочу сказать – бросьте вы эту безумную затею, Меркатто. Остановитесь и больше не вспоминайте о ней.

Глаза ее были безжалостны, как две плошки с ядом.

– Меня остановит только смерть. Моя или Орсо.

– Цена вас не волнует? Боль не волнует? Не волнует, кто погибнет попутно?

– Не волнует, – прорычала Меркатто.

– Я должен абсолютно точно знать, на что вы готовы.

– На все, – лязгнула она зубами.

Морвир буквально просиял.

– Тогда мы можем договориться. На этой основе, и ни на какой другой. С чем я никогда не имею дела, Дэй?

– С полумерами, – ответила его помощница, поедая глазами оставшийся на блюде пирожок.

– Верно. Скольких человек мы убиваем?

– Шестерых, – сказала Меркатто, – включая герцога Орсо.

– Что ж, цена моя такова – десять тысяч скелов за каждого второстепенного, подлежащие выплате по получении доказательства кончины, и пятьдесят тысяч за самого герцога Талина.

Лицо ее слегка исказилось.

– Торговаться, когда клиент беспомощен, – свидетельство дурных манер.

– Манеры неуместны в разговоре об убийстве. И я в любом случае не торгуюсь.

– Значит, мы договорились.

– Очень рад. Противоядие, пожалуйста.

Дэй вынула пробку из стеклянного кувшинчика, окунула в густую выжимку на дне кончик тонкого лезвия и подала ему нож полированной рукоятью вперед. Морвир, глядя в холодные голубые глаза Меркатто, сделал паузу.

Осторожность – на первом месте, всегда. Эта женщина, прозванная Змеей Талина, была опасна крайне. Не знай Морвир ее репутации, не пойми он ничего из разговора, с которым она к нему пришла, ему сказал бы все один-единственный ее взгляд. И в этот миг он самым серьезным образом рассматривал возможность нанести ей другой, роковой укол, сбросить в реку ее дружка-северянина и забыть обо всем.

Но… убить герцога Орсо, самого могущественного человека в Стирии? Перекроить при помощи одной из хитростей своего ремесла ход истории? Оставить в памяти потомков если не имя свое, то деяние? Сделать венцом карьеры свершение невозможного – что может быть прекраснее? Одна лишь мысль об этом заставила его широко улыбнуться.

Он испустил долгий вздох:

– Надеюсь, мне не придется пожалеть, – и кольнул острием ножа тыльную сторону ее руки.

Из ранки выступила одинокая капелька темной крови. И через несколько мгновений противоядие начало действовать.

Меркатто, морщась, медленно повернула голову в одну сторону, потом в другую. Подвигала мускулами лица.

– Я удивлена, – сказала.

– Правда? Чем же?

– Готовилась к встрече с великим отравителем. – Она потерла оставленный ножом след. – Кто б мог подумать, что инструмент его окажется так мал?

Улыбка сползла с лица Морвира. Впрочем, на то, чтобы взять себя в руки, у него ушло всего мгновение. Дэй захихикала, но сердитым взглядом он заставил ее умолкнуть.

– Надеюсь, ваша временная беспомощность не причинила вам особого неудобства. Я прощен, не так ли? Раз уж мы собираемся сотрудничать, не хотелось бы, чтобы отношения наши что-то омрачало.

– Конечно. – Она улыбнулась уголком рта, двигая теперь плечами. – Мне нужно то, чем владеете вы, вам нужно то, чем владею я. Дело есть дело.

– Чудесно. Великолепно. Бес-по-доб-но. – И Морвир одарил ее самой обаятельной из своих улыбок.

Хотя не поверил ее словам ни на миг. Работа предстояла наиопаснейшая. С наиопаснейшим из нанимателей. Меркатто, печально прославленный Палач Каприле, была не из тех людей, которые легко прощают. Его не простили. Ни в малой степени. С этого момента и впредь осторожности надлежало быть на первом месте, а также на втором и на третьем.

Наука и магия

На вершине холма Трясучка натянул поводья. Позади остались голые поля, деревушки, одинокие хутора, рощи облетевших деревьев. Впереди, не более чем в дюжине миль, раскинулось черное пространство воды с белесой коркой города вдоль берега широкой бухты, с кучками крохотных башенок на трех холмах, высившихся над холодным морем, под серо-стальными небесами.

– Вестпорт, – промолвил Балагур. Цокнул языком и послал коня вперед.

По мере того, как они приближались к этому проклятому месту, на душе у Трясучки делалось все тревожней. Все тяжелей и тоскливей. Он хмуро поглядывал на Меркатто, которая скакала во главе, укрывшись под капюшоном. Черная фигура на фоне черных полей. Громыхали по дороге колеса фургона. Стучали копытами и фыркали лошади. Каркали вороны. Люди же помалкивали.

Всю дорогу сюда они проделали в зловещем молчании. Правда, и намерения у них были зловещие. Убийство. И ничего другого. Трясучка гадал, что сказал бы по этому поводу его отец, державшийся старых путей, как держатся своего корабля морские волки, и всегда стремившийся поступать правильно. В таковые мерки, сколь ни крути, не вмещалось убийство за деньги человека, которого ты и в глаза не видал.

Дэй с недоеденным яблоком в руке, ехавшая с Морвиром на облучке фургона, вдруг громко расхохоталась. Давненько Трясучка не слышал смеха, и его повлекло на этот звук, как мотылька на огонь.

– Что смешного? – спросил он, готовясь уже расплыться в улыбке.

Дэй, раскачиваясь вместе с фургоном, повернулась к нему:

– Да вот, подумала, не обделался ли ты, когда шлепнулся со стула, как черепаха кверху лапками.

– А я предположил, что наверняка обделался, – сказал Морвир, – только вряд ли мы учуяли бы разницу.

Улыбка Трясучки умерла, не родившись. Он вспомнил, как сидел у них в саду, бросая через стол угрюмые взгляды, стараясь выглядеть опасным. Как ощутил судороги, потом головокружение. Попытался поднять руку, обнаружил, что не может. Попытался сказать об этом, и тоже не смог. А потом мир опрокинулся. И больше он ничего не помнил.

– Что вы сделали со мной? – Он понизил голос. – Заколдовали?

Дэй, снова зайдясь хохотом, брызнула во все стороны кусочками яблока.

– Ой, ну ты и скажешь.

– А я еще говорил, что от такого спутника веселья мало, – закудахтал Морвир. – Заколдовали. Чтоб мне провалиться. Прямо сказка какая-то.

– Из дурацких толстых книжек! Про волшебников, чертей и прочую нечисть! – выдавила Дэй сквозь смех. – Для детей!

– Ладно, – сказал Трясучка. – Кажись, я понял. Плаваю медленно, как чертова форель в патоке. Не колдовство это. А что?

Дэй ухмыльнулась.

– Наука.

Трясучка насторожился.

– А это что? Другой вид магии?

– Нет… вот уж абсолютно ничего общего, – насмешливо разулыбался Морвир. – Наука – это система рационального мышления, придуманная для того, чтобы исследовать мир и познавать законы, по которым он устроен. Ученые, пользуясь этими законами, достигают определенных результатов, каковые вполне могут показаться магией дикарю.

Смысл длинных стирийских слов остался для Трясучки загадкой. Морвир, считая себя умным человеком, изъяснялся совершенно по-дурацки, нарочно, казалось, делая простое сложным.

– А магия, напротив, – система лжи и абсурда, придуманная для идиотов, – закончил он.

– Ваша правда, – сказал Трясучка. – Видать, я последний идиот в Земном круге. Удивительно, что дерьмо в заднице могу удержать, когда хоть на минутку про него забываю.

– Достойная мысль.

– Но магия существует. Я сам видел, как одна женщина вызвала туман.

– Да? И чем он отличался от обычного тумана? Зеленый был? Или оранжевый?

Трясучка нахмурился.

– Обычный.

– Значит, женщина вызвала, и появился туман. – Морвир, глядя на свою ученицу, поднял бровь. – И вправду чудо.

Дэй, ухмыльнувшись, вгрызлась в яблоко.

– Еще я видел мужчину, у которого половина тела была в письменах, сделавших ее неуязвимой. Сам тыкал в него копьем. Другого убил бы, а на нем и следа не осталось.

– О-о-о! – Морвир вскинул руки, пошевелил пальцами, как делают дети, изображая привидение. – Магические письмена! Следа не осталось… не осталось следа?! Я отрекаюсь от своих слов! Чудес в мире – навалом.

Дэй снова засмеялась.

– Что я видел, то видел.

– Нет, мой заблуждающийся друг, ты только думаешь, что видел. Магии не существует. В Стирии уж точно.

– Здесь только предательство есть, – сказала Дэй нараспев, – война, чума и погоня за деньгами.

– А зачем ты вообще почтил Стирию своим присутствием? – спросил Морвир. – Почему не остался на Севере, под укрытием магических туманов?

Трясучка почесал в затылке. Причина уже и самому ему казалась странной, и он почувствовал себя полным дураком, сказав:

– Я приехал сюда, чтобы сделаться лучше.

– Что ж, думаю, в твоем случае это нетрудно.

Гордость у Трясучки по-прежнему имелась, и смешки этого поганца начинали ее задевать. Хотелось попросту сшибить его с облучка топором. Но надежду стать лучше Трясучка еще не оставил, и потому, наклонясь с коня, любезно и обходительно сказал на северном:

– Похоже, в башке у тебя одно дерьмо, и неудивительно, что рожа – вылитая задница. Все вы такие – кто ростом не вышел. Вечно ум свой пытаетесь показать, потому как гордиться больше нечем. Но смейся, сколько хочешь, а я все равно в выигрыше. Высоким ты уже никогда

не станешь. – Он ухмыльнулся Морвиру в лицо. – Только и остается мечтать, как бы поглядеть на остальных сверху вниз.

Морвир нахмурился.

– И что сия тарабарщина должна означать?

– Вы чертов ученый, не я. Сами понимайте.

Дэй захохотала было, но Морвир остановил ее сердитым взглядом.

Пряча улыбку, она доела наконец яблоко, выбросила огрызок.

Трясучка, выпрямившись, окинул взглядом голые поля вокруг, заиндевелые после утренних заморозков. Напоминавшие о доме. Вздохнул, и дыхание поднялось к серым небесам струйкой пара. Все прежние друзья Трясучки были воинами. И большинство их, карлов и Названных, собратьев по оружию, уже успело вернуться в грязь. Здесь, в Стирии, он встретил только одного человека, который был хоть сколько-то на них похож, – Балагура. К нему-то, понукая коня, Трясучка и подъехал.

– Здорово.

Балагур слова не ответил. Даже головы не повернул в знак того, что слышал. Глядя на эту застывшую маску вместо лица, трудно было представить себе уголовника сердечным другом, способным посмеяться над твоей шуткой. Но человек ведь цепляется и за самую малую надежду, правда?..

– Ты раньше был солдатом?

Балагур покачал головой.

– Но в битвах участвовал?

Тот же ответ.

Трясучка сделал вид, что понял это, как «да». Что еще оставалось?

– Я так повоевал. Ходил в атаку с карлами Бетода на севере Кумнура. Держал под Дунбреком оборону с Руддой Тридуба. Семь дней сражался в горах с Ищейкой. То были тяжкие семь дней.

– Семь? – спросил Балагур с интересом, подняв бровь.

– Ну, – вздохнул Трясучка. – Семь.

Имена тех людей, названия тех мест здесь ни для кого ничего не значили. Он поглядел на вереницу крытых повозок, что ехали навстречу. Возницы их, в стальных шлемах, с луками в руках, ответили ему хмурыми взглядами.

– Где же ты научился драться? – спросил Трясучка, чувствуя, как тает последняя надежда хоть на какой-то дружеский разговор.

– В Схроне.

– Где?

– В месте, куда сажают за совершение преступления.

– А на кой сохранять тебя после этого?

– Схрон так называется не потому, что в нем сохраняют тебя. А потому, что сохраняют от тебя других людей. Назначают дни, месяцы, годы, которые ты должен там просидеть. После этого запирают глубоко внизу, куда не доходит свет, до тех пор, пока не иссякнут все эти дни, месяцы, годы и не будут сочтены все цифры до конца. Потом ты говоришь «спасибо», и тебя отпускают.

Трясучке это показалось сущим варварством.

– На Севере, коль совершишь преступление, ты платишь дань и откупаешься. Повесить могут, если вождь так решит. Еще могут вырезать на тебе кровавый крест – за убийство. Но в яму человека сажать?.. Это же само по себе преступление!

Балагур пожал плечами:

– Правила имеют свой смысл. За каждое дело – соответствующий срок. Соответствующие цифры на великих часах. Не таких, как здесь.

– А. Ну да. Цифры. – Трясучка уже жалел, что задал вопрос.

Балагур его словно и не слышал.

– Здесь слишком высокое небо, и каждый делает что хочет и когда хочет, и нет ни для чего правильных цифр. – Он хмуро глянул в сторону Вестпорта, скопления домишек вокруг холодной бухты, все еще укрытой туманом. – Идиотский хаос.

До городской стены они добрались к полудню и обнаружили длинную очередь желающих за нее попасть. У ворот стояли солдаты, задавали всяческие вопросы, просматривали тюки и сундуки, тыкая тупыми концами копий в поклажу на телегах.

– Градоправитель нервничает с тех пор, как пала Борлетта, – сказал Морвир. – Проверяют всех входящих. Говорить буду я.

Трясучка ничего против не имел. Пусть уж, коль поганцу так нравится звук собственного голоса.

– Ваше имя? – спросил караульный, в глазах которого застыла безысходная скука.

– Ривром, – улыбаясь до ушей, ответил отравитель. – Скромный торговец из Пуранти. А это мои компаньоны…

– Что за дело привело вас в Вестпорт?

– Убийство. – Последовала недоуменная пауза. – Надеюсь, конкурентов хватит удар, когда я выставлю на продажу свои осприйские вина! Да-да, я очень на это рассчитываю. – Морвир захихикал над собственной шуткой, к нему присоединилась Дэй.

– Вроде этот не из тех, кто нам нужен. – Второй стражник смерил взглядом Трясучку.

Морвир все веселился.

– О, насчет него можете не беспокоиться. Практически слабоумный. Разум, как у младенца. Но бочки поднимать сил хватает. Держу его из сентиментальных побуждений, помимо прочего. Чем я отличаюсь, Дэй?

– Сентиментальностью.

– Слишком уж большое у меня сердце. С самого рождения. Матушка моя умерла, когда я был еще совсем маленьким, и эта прекрасная женщина, знаете ли…

– Двигайтесь уже! – крикнул кто-то сзади.

Морвир взялся за холщовый полог, прикрывавший задник фургона.

– Желаете взглянуть?..

– По мне видно, что желаю, когда пол-Стирии рвется в эти проклятые ворота? – Караульный устало махнул рукой. – Проезжайте.

Щелкнул кнут, фургон вкатился в город Вестпорт. За ним последовали Меркатто и Балагур. В хвосте, что стало, кажется, уже обычаем в последнее время, поплелся Трясучка.

За стеной оказалась давка, не хуже, чем на поле битвы, и за место на мощеной дороге меж высокими домами, обсаженной голыми деревьями, шло сражение почти столь же яростное. Народ толпился самого разнообразного вида. Мужчины, женщины, светлокожие, черные, узкоглазые, в обыденной одежде, в ярких шелках, в белоснежных платьях. Солдаты, наемники в кольчугах и латах. Слуги, рабочие, торговцы, господа, богатые и бедные, нарядные и оборванные, вельможи и попрошайки. Попрошаек было не счесть. Верховые и пешие, телеги и кареты пробивались по дороге в обе стороны. Слуги, обливаясь потом, несли раскачивающиеся высокие стулья, на которых восседали женщины, обремененные стогами волос на голове и тяжким грузом драгоценных украшений.

Трясучка думал, в Талине диковин с избытком. Вестпорт оказался много хуже. Сквозь толпу вели караван соединенных тонкими цепочками невиданных длинношеих зверей, чьи маленькие головки скорбно покачивались в высоте. Трясучка крепко зажмурился. Открыл глаза, но чудища никуда не делись. Головки так и качались над толпой, их словно вовсе не замечавшей. Город походил на сон. И не самый приятный.

Затем они свернули на другую улицу, поуже, по обеим сторонам которой тянулись лавки и торговые лотки. В нос начали шибать один за другим запахи – рыбы, хлеба, краски, фруктов, масла, специй и много чего еще, Трясучке незнакомого. Дыхание у него сперло, желудок свело. Какой-то мальчишка, проезжавший мимо на телеге, пихнул ему в лицо плетеную корзину. Внутри сидела крохотная обезьянка, которая зашипела и плюнула в него, и Трясучка, изумившись, чуть не выпал из седла. Крик вокруг стоял на самых разных языках – двадцати, наверное. А потом вроде как песня зазвучала, делаясь все громче и громче, ни на что не похожая, но до того красивая, что у Трясучки даже встали дыбом волоски на руках.

На другой стороне площади стоял дом с огромным каменным куполом. Из передней стены его вырастало шесть высоких башенок, на крышах которых сверкали золотые шпили. Оттуда-то и доносилось пение. Сотен голосов – низких и высоких, сливавшихся в один.

– Это храм. – Рядом с Трясучкой придержала коня Меркатто, по-прежнему прятавшая лицо под капюшоном. Только хмурый взгляд и видать.

Если уж быть честным с собой, Трясучка ее побаивался. И не так чтобы чуточку. Видеть, как она убивает человека молотом и, судя по всему, получает от этого удовольствие, уже было неприятно. После же, когда они сговаривались, ему и вовсе казалось, что его она тоже собиралась прикончить. Еще и рука эта, с которой она не снимала перчатку… Никогда прежде ему не случалось бояться женщины. Трясучка стыдился своего страха и одновременно нервничал. Но не мог скрыть от себя самого, что как женщина – коли отставить в сторону перчатку, молот и тошнотное чувство опасности – она ему все-таки нравилась. Очень. Возможно, ему на самом деле и опасность нравилась, больше, чем дозволял разум. И в результате он, черт возьми, не очень-то понимал, как и о чем с нею разговаривать.

– Храм?

– Место, где южане молятся богу.

– Богу? – У него даже шея заболела, пока он таращился, задравши голову, на шпили – выше самых высоких деревьев в его родной долине. Слышал он и раньше, что некоторые люди на юге верят, будто на небе живет человек, который создал мир и все видит. Мысль эта всегда казалась Трясучке полным бредом. Но, глядя на золотые шпили, он недалек был от того, чтобы и самому поверить. – Красивый дом.

– Лет сто тому назад, когда гурки завоевали Даву, оттуда бежало множество южан. Некоторые переплыли море и обосновались здесь. И в благодарность за свое спасение возвели храмы. Вестпорт – столько же часть Юга, сколько часть Стирии. И часть Союза к тому же, с тех пор как градоправитель выбрал наконец сторону, к которой примкнуть, и подкупил верховного короля своей победой над гурками. Город этот называют Перекрестком миров. Те, кто не зовет его притоном лжецов, конечно. Здесь есть переселенцы с Тысячи островов, из Сулджука и Сиккура, из Тхонда и Старой империи. Даже северяне.

– Ох уж эти глупые ублюдки…

– Дикари все до единого. Некоторые, я слышала, носят длинные волосы, как женщины. Но здесь способны завлечь каждого. – Рукой в перчатке она показала в дальний конец площади, где на невысоких помостах в ряд стояло множество людей, казавшихся чертовски странным сборищем даже для этого города.

Средь них были молодые и старые, высокие и низенькие, худые и толстые, одни в причудливых одеяниях и головных уборах, другие полуголые, с разрисованными телами. На лице у одного Трясучка заметил костяные украшения. За спинами у некоторых – расписанные буквами самых разных видов вывески, на коих подвешены были бусины и еще какие-то безделушки. И все эти люди танцевали, прыгали, глазели в небо, падали на колени, плакали, смеялись, пели, кривлялись, завывали, пытаясь перекричать друг друга на таком количестве языков, какого он и представить себе не мог.

– Что за уроды, дьявол меня побери? – проворчал Трясучка.

– Святые люди. Или сумасшедшие – смотря кого спросишь. В Гуркхуле ты должен молиться так, как велит пророк. А здесь каждый может поклоняться богу, как ему хочется.

– Так они молятся?

Меркатто пожала плечами:

– Похоже, они скорей пытаются убедить всех остальных, что знают истинный путь.

Перед помостами толпились зеваки. Некоторые слушали и кивали. Другие качали головами, смеялись и что-то выкрикивали в ответ. Третьи просто стояли со скучающим видом. Один из святых людей – или сумасшедших – вдруг обратился к Трясучке, проезжавшему мимо, с речью, из которой тот не понял ни слова. Бедняга даже встал на колени и простер к нему руки, моля о чем-то хриплым, сорванным голосом. И по глазам его с красными воспаленными веками видно было, что ничего важнее этого для него в мире нет.

– Прекрасное, наверно, чувство, – сказал Трясучка.

– Какое?

– Когда думаешь, что знаешь все ответы… – Он придержал коня, пропуская женщину, которая вела за собой на поводке мужчину, высокого, чернокожего, в блестящем ошейнике, тащившего, устремив глаза в землю, в каждой руке по мешку. – Вы видели это?..

– На Юге почти все люди или владеют кем-то, или сами принадлежат кому-то.

– Ну и мерзкий обычай, – проворчал Трясучка. – Вы же вроде как сказали, что здесь – часть Союза.

– А в Союзе очень любят свободу, это правда. Там никто не может сделать человека рабом. – Она кивнула в сторону еще нескольких человек, которые смиренно следовали за хозяевами. – Но если ты уже раб, тебя никто не освободит, будь уверен.

– Чертов Союз. Этим ублюдкам, похоже, надобно все больше земли. Добрались уж и до Севера. Весь Уфрис заполонили, как войны начались. И для чего им земля? Видали бы вы тот город, который они уже заполучили. По сравнению с ним это место смотрится деревней.

Она бросила на него проницательный взгляд.

– Адуя?

– Она самая.

– Ты был там?

– Ну. Сражался с гурками. Заполучил вот это. – Трясучка задрал рукав, показал шрам на запястье. И, когда снова встретился с ней глазами, заметил, что теперь она смотрит на него иначе. Чуть ли не с уважением.

На душе у Трясучки потеплело. Давненько на него так не смотрели… все больше с презрением в последнее время.

– Ты стоял в тени Дома Делателя? – спросила она.

– Да эта тень весь город покрывает, где с утра, где вечером.

– И каково в ней?

– Темнее, чем снаружи. С тенями оно всегда так, по моему опыту.

– Хм. – На лице ее впервые появилось подобие улыбки, и Трясучка счел, что это ей идет. – Всегда мечтала там побывать.

– В Адуе? Что ж вам мешает?

– Шесть человек, которых нужно убить.

Трясучка надул щеки.

– А. Это. – Сердце беспокойно трепыхнулось, и вновь явилась мысль: какого черта он согласился? – Всегда был себе худшим врагом, – пробормотал он.

– Держись в таком случае меня. – Улыбка ее стала чуточку шире. – Обзаведешься вскоре куда худшими. Что ж, вот мы и на месте.

«Место» своим видом не радовало. Узкий переулок, темный как нора. Нависшие над ним угрюмые дома с обвалившейся с сырых кирпичных стен штукатуркой. Гнилые ставни с

облупившейся краской. Трясучка направил коня вслед за фургоном в темный арочный проход. Меркатто, ехавшая последней, закрыла за собой скрипучие двери и задвинула ржавый засов.

Во дворе, заросшем сорняками и усыпанном битой черепицей, Трясучка спешился, привязал коня к прогнившей коновязи. Поглядел на квадрат серого неба высоко вверху, на облезлые стены, окружавшие двор, перекошенные ставни, висевшие на одной петле.

– Дворец, – проворчал. – Сразу видно.

– Для нас расположение важно, – сказала Меркатто, – не красота.

За входом оказался темный коридор, из которого пустые дверные проемы вели в пустые комнаты.

– Эка сколько тут комнат! – сказал Трясучка.

Балагур кивнул.

– Двадцать две.

Все двинулись вверх по гнилой лестнице, отчаянно скрипевшей под сапогами.

– С чего вы собираетесь начать? – спросила Меркатто у Морвира.

– Уже начал. Рекомендательные письма отосланы. Завтра утром мы вверяем Валинту и Балку свои немалые средства. Столь солидные, что внимание главного служащего нам гарантировано. Я отправляюсь в банк со своей помощницей и вашим… Балагуром. Изображаю купца с компаньонами. Встречаюсь с Мофисом и ищу удобный случай его… убить.

– Так просто?

– От случая в нашем деле порой зависит все. Но если возможность не представится сама собой, я займусь закладкой фундамента для более… организованного подхода.

– А мы туда не пойдем? – спросил Трясучка.

– Нашу нанимательницу могут узнать. У нее запоминающаяся внешность. Что до тебя, – Морвир, оглянувшись, насмешливо ему улыбнулся, – в глаза ты бросаешься, как корова среди волков, и пользы от тебя не больше, чем от нее. Слишком высокий рост, слишком много шрамов, одет как деревенщина. А уж волосы…

– Фи, – сказала Дэй, качая головой.

– Что это значит?

– Что слышишь. Просто от тебя так и веет… – Морвир повел рукою в воздухе, – … Севером.

Меркатто отперла облупившуюся дверь, к которой привел последний лестничный пролет, пинком распахнула ее. В глаза ударил солнечный свет, и Трясучка, щурясь, шагнул вслед за остальными через порог.

– Чтоб я сдох…

Кругом раскинулось беспорядочное нагромождение крыш разной высоты и самого многообразного вида. Красная черепица, серый сланец, беловатый свинец чередовались с гнилой соломой, позеленевшей медью в потеках грязи, деревянными балками, поросшими мхом, заплатами из холста и потертой кожи, прикрывавшими дыры. В глазах рябило от плоских крыш и двускатных, коньков, фронтонов, чердаков, водосточных желобов, паутины бельевых веревок, пересекавшихся под всеми мыслимыми углами. Бесчисленные трубы извергали дым, сквозь пелену которого солнце выглядело расплывчатым пятном. Кое-где из этого хаоса торчала одинокая башня, вздымался купол, высовывало ветку особо отважное дерево. Море вдалеке казалось грязным серым пятном, мачты кораблей в гавани – лесом, качавшимся на волнах, как на ветру.

Шум города на этой высоте слышался неумолкаемым шипением. Все звуки его – голоса людей и животных, крики продавцов и покупателей, громыхание колес, клацанье молотов, обрывки песен и музыки, возгласы радости и отчаяния – смешивались в единое целое, подобно вареву в огромном котле.

Трясучка подобрался к замшелому парапету крыши, встал рядом с Меркатто. Далеко внизу по вымощенной камнем улице струился, как по дну каньона, людской поток. На другой же стороне высился огромный дом.

Фасадная стена его из гладкого светлого камня выглядела отвесной скалой. Через каждые двадцать шагов вдоль нее стояли колонны такой толщины, что Трясучке не обхватить и обеими руками. Венчали их вырезанные из камня листья и лики. В стене имелось два ряда маленьких окошек, от силы в половину человеческого роста, и один ряд, повыше, очень больших. Все они забраны были металлическими решетками. По краю плоской крыши, расположенной вровень с той, где стоял Трясучка, шла изгородь из черных железных кольев, похожих на колючки чертополоха.

Морвир, глядя на эти колья, скривил рот в улыбке.

– Дамы, господа и дикари, позвольте представить вам вестпортское отделение… банкирского дома… Валинта и Балка.

Трясучка покачал головой.

– Выглядит как крепость.

– Как тюрьма, – буркнул Балагур.

– Как банк, – глумливо ухмыльнулся Морвир.

Безопаснейшее место в мире

Зал вестпортского отделения банка Валинта и Балка являл собою гулкую пещеру, отделанную красным порфиром и черным мрамором, и отличался мрачным великолепием императорского мавзолея. Свет проникал в него лишь через маленькие, расположенные на изрядной высоте окна, забранные толстыми прутьями, отбрасывавшими на блестящий пол решетчатые тени. На посетителей самодовольно взирали стоявшие в ряд большие мраморные бюсты, судя по всему, великих купцов и финансистов Стирии – преступников, ставших героями благодаря неслыханной удаче. Гадая, есть ли среди них Сомену Хермон, Морвир подумал о том, что заработок его окольным путем обеспечивают эти прославленные купцы, и улыбка его стала шире.

За шестьюдесятью одинаковыми конторками, на которых возлежали одинаковые кипы бумаг и открытые гроссбухи, переплетенные в кожу, сидели шестьдесят клерков всех цветов кожи, щеголявшие кто ермолкой, кто тюрбаном, кто характерной для представителей различных кантийских сект прической. Их национальная принадлежность клиентов не волновала, важным было лишь, кто способен быстрее обменять деньги. Поскрипывали перья по бумаге, позвякивали ручки, окунаемые в чернильницы, шуршали переворачиваемые страницы. Переговаривались негромко стоявшие тут и там небольшими группами посетители. На виду не было ни единой монетки, ибо состояния здесь делались посредством слов, идей, слухов и лжи, слишком ценных, чтобы переводить их в скромное серебро или даже яркое золото.

Сим декорациям надлежало внушать клиентам благоговение, изумлять их и устрашать. Но Морвир был не из тех, кого легко устрашить. И чувствовал он себя здесь на месте точно так же, как всюду и нигде. Он хладнокровно миновал длинную очередь из хорошо одетых людей, имевших тот самодовольный вид, что свойственен свежеиспеченным богачам. За ним шагал, прижимая к себе сейф, Балагур. Последней с притворно застенчивым видом следовала Дэй.

Добравшись до ближайшего клерка, Морвир щелкнул пальцами.

– У меня договоренность о встрече с… – для пущего эффекта заглянул в письмо, которое держал в руке, – …неким Мофисом. На предмет значительного вклада.

– Разумеется. Соблаговолите подождать минутку.

– Одну, не больше. Время, как известно, деньги.

Между делом Морвир украдкой изучал меры безопасности, назвать которые устрашающими было бы преуменьшением. Он насчитал в зале двенадцать стражников, вооруженных

не хуже, чем телохранители короля Союза. Еще дюжина караулила высокие двойные двери снаружи.

– Этот банк – настоящая крепость, – проворчала себе под нос Дэй.

– Но защищен куда лучше, – сказал Морвир.

– Мы долго здесь пробудем?

– А что?

– Я есть хочу.

– Уже? Помилосердствуй! Смерть от голода тебе не грозит, если… погоди-ка.

Из высокой арки вышел долговязый мужчина с крючковатым носом, впалыми щеками и редкими седыми волосами, облаченный в темное одеяние с пышным меховым воротником.

– Мофис, – пробормотал Морвир, узнав его благодаря подробному описанию Меркатто, – наш клиент.

Тот поспешал следом за мужчиной помоложе, с кудрявыми волосами и приятной улыбкой, имевшим самую что ни на есть подходящую внешность для отравителя и одетым весьма скромно. На него Мофис, отвечавший предположительно за весь банк, взирал почему-то с видом подчиненного.

Морвир шагнул ближе, прислушался к разговору.

– …Надеюсь, мастер Сульфур, вы проинформируете начальство, что все под полным контролем. – В голосе банкира как будто слышалась слабая нотка паники. – Полным и абсолютным…

– Разумеется, – непринужденно ответил тот, кого звали Сульфуром. – Хотя я редко замечаю, чтобы наши начальники нуждались в какой-то информации относительно состояния дел. Они наблюдают. И, если все под полным контролем, уже удовлетворены, я уверен. А если нет, что ж… – Он широко улыбнулся Мофису, потом Морвиру, и тот заметил, что у него разноцветные глаза. Один зеленый, другой голубой. – Добрый день. – И Сульфур, двинувшись прочь, затерялся в толпе посетителей.

– Могу ли я быть полезен? – прохрипел Мофис с таким видом, словно никогда в жизни не смеялся. И начинать было уже поздно.

– Безусловно, можете, полагаю. Мое имя Ривром. Купец из Пуранти. – Про себя Морвир хихикнул, как всегда, когда пользовался вымышленными именами, но на лице его, когда он протянул банкиру руку, не отразилось ничего, кроме сердечнейшего дружелюбия.

– Ривром. Я слышал о вашем торговом доме. Знакомство с вами честь для меня. – Ответить рукопожатием Мофис счел ниже своего достоинства, держась на тщательно выверенном расстоянии.

Весьма осторожный человек. Не менее, чем сам Морвир. Крошечный шип с внутренней стороны кольца на среднем пальце отравителя наполнен был раствором леопардового цветка с ядом скорпиона. Банкир благополучно продержался бы в течение встречи, затем в течение часа скончался бы.

– Это – моя племянница. – Неудавшаяся попытка ничуть не обескуражила Морвира. – Мне доверили сопроводить ее для знакомства с потенциальным женихом.

Дэй бросила на банкира из-под ресниц точно рассчитанный застенчивый взгляд.

– А это – мой компаньон. – Морвир посмотрел на Балагура, который в ответ нахмурился. – Телохранитель, которому я всецело доверяю… мастер Душка. Он не слишком-то разговорчив, но в деле охраны… тоже, прямо скажем, не слишком. Однако я обещал его старушке-матери взять мальчика под свое…

– Вы пришли по деловому вопросу? – недовольно перебил Мофис.

Морвир отвесил поклон.

– Весьма значительный вклад.

– Сожалею, но ваши спутники должны остаться здесь. И, если вас не затруднит пройти со мной, мы, разумеется, будем счастливы принять ваш вклад и вручить расписку в получении.

– Но моей племяннице-то…

– Поймите, мы ни для кого не делаем исключений – в интересах безопасности. Вашей племяннице тут будет вполне удобно.

– Конечно, конечно. Милая, не скучай. Мастер Душка! Сейф!

Балагур передал металлический ящик клерку в очках, который под его тяжестью пошатнулся.

– Ждите меня здесь, и без шалостей! – Морвир испустил тяжелый вздох, словно опасаясь оставить без присмотра собственного охранника, и направился вслед за Мофисом в глубины банка. – Мои деньги будут здесь в безопасности?

– Толщина стен банка около двенадцати футов. Вход всего один. Днем он охраняется дюжиной вооруженных стражников, ночью запирается на три замка, изготовленных тремя разными слесарями, ключи от замков хранятся у трех разных служащих. До утра вокруг банка патрулируют два отряда солдат. Внутри караулит самый бдительный и опытный стражник. – Мофис показал на мужчину в кожаной куртке, сидевшего со скучающим видом за столом в коридоре.

– Он заперт здесь и не выходит?

– Всю ночь.

Морвир скривил рот.

– Весьма обстоятельные меры.

Затем вытащил носовой платок и деликатно в него откашлялся. Шелк вымочен был в горчичном корне, одном из множества составов, к которым сам он давно выработал у себя невосприимчивость. Всего-то и требовалось, что остаться хотя бы на миг без наблюдения и прижать платок к лицу банкира. Один-единственный вдох – и кашель довел бы того до почти мгновенной жестокой смерти. Но между Мофисом и Морвиром тащился клерк с сейфом, и удобного случая не предвиделось. Пришлось сунуть смертоносную тряпочку обратно в карман.

Они свернули в другой коридор, увешанный большими картинами, и Морвир прищурил глаза. Сверху лился яркий свет – через крышу высоко над головой, которая сделана была из сотен тысяч ромбовидных стекол.

– Потолок из окон! – Морвир запрокинул голову и медленно повернулся кругом. – Истинное чудо архитектуры!

– Здание новейшей постройки. Ваши деньги нигде не будут в большей безопасности, поверьте.

– Разве что в руинах Аулкуса? – пошутил Морвир, увидев слева на стене картину с изображением этого древнего города.

– Даже там.

– А уж забрать их оттуда было бы весьма тяжелым испытанием, думается. Ха-ха-ха.

– Вы правы. – На лице банкира не появилось и намека на улыбку. – Дверь нашего подвала сделана из прочной союзной стали в фут толщиной. Мы не преувеличиваем, утверждая, что это – безопаснейшее место во всем Земном круге. Сюда, пожалуйста.

Морвира провели в просторный кабинет, отделанный панелями из темного дерева, вроде бы и роскошный, но неуютный и мрачный, где главенствовал стол размером с бедняцкую хижину. Над устрашающих размеров камином висела картина маслом, на коей изображен был лысый мужчина плотного сложения. На гостя он глядел сердито, словно подозревая его в недобрых умыслах. Какой-нибудь союзный бюрократ, решил Морвир, из замшелого прошлого. Цоллер, а может, Бьяловельд.

Мофис уселся на высокий твердый стул, Морвир устроился напротив. Клерк, открывши сейф, сноровисто принялся считать деньги при помощи устройства для складывания монет

штабелями. Банкир следил за его действиями не моргая, даже и не думая прикасаться ни к сейфу, ни к деньгам. Осторожный человек. Дьявольски, раздражающе осторожный. Он медленно перевел взгляд на Морвира.

– Вина?

Тот покосился, вскинув бровь, на стеклянные бокалы за дверцами стоявшего здесь же шкафа.

– Нет, спасибо. Оно меня слишком возбуждает и, между нами говоря, не раз заставляло забыть о благоразумии. Поэтому я предпочитаю воздерживаться и продавать его другим. Это… отрава. – Он широко улыбнулся. – Но вам я препятствовать не смею. – Украдкой сунул руку в потайной карман куртки, где ждал своего часа пузырек ядовитой выжимки. Не потребуется особых усилий, чтобы отвлечь внимание и капнуть пару капель в бокал, покуда Мофис…

– Я тоже предпочитаю воздержание.

– А. – Вместо пузырька Морвир вытащил из кармана сложенный лист бумаги, словно именно его и собирался достать. Развернул и, делая вид, что читает, принялся незаметно оглядывать меж тем кабинет. – Я насчитал пять тысяч… – Оценил замок на двери, его устройство, тип крепления. – Двести… – Плитки, которыми был выложен пол, панели на стенах, оштукатуренный потолок, кожаную обивку стула Мофиса, остывшие угли в камине. – Двенадцать скелов. – Все казалось бесперспективным.

На лице Мофиса не отразилось ничего. Словно речь шла не о целом состоянии, а о какой-то мелочи. Он откинул тяжелый верхний переплет здоровенного гроссбуха, лежавшего на столе. Лизнул палец и начал перелистывать с тихим шелестом страницы. При виде этого удовлетворение захлестнуло Морвира, растекшись теплыми волнами от живота по рукам и ногам, и только усилием воли он сумел удержаться от победного возгласа. Ограничился самодовольной улыбкой.

– Барыши, которые принесла мне последняя поездка в Сипани. Осприйские вина всегда в цене, даже в эти непостоянные времена. Не все приверженцы трезвости, как мы с вами, господин Мофис, и это радует!

– Конечно. – Банкир, перевернув еще несколько страниц, снова облизнул палец.

– Пять тысяч двести одиннадцать, – сказал клерк.

Мофис быстро вскинул взгляд.

– Пытаетесь что-то выгадать?

– Я? – Морвир фальшиво рассмеялся. – Чертов Душка, вечно обсчитается! Клянусь, у него ни малейшего чутья на цифры!

Мофис принялся царапать пером по бумаге. Быстро, педантично, без всяких эмоций составил расписку. Клерк торопливо промокнул запись и передал ее вместе с пустым сейфом Морвиру.

– Расписка на всю сумму от имени банкирского дома Валинта и Балка, – сказал Мофис. – Подлежит погашению в любом почтенном коммерческом учреждении Стирии.

– Мне нужно где-то подписаться? – спросил с надеждой Морвир, берясь за ручку во внутреннем кармане, которая служила еще и трубкой для выдувания спрятанной внутри иглы, содержавшей смертельную дозу…

– Нет.

– Отлично. – Морвир, складывая расписку и пряча ее в карман так, чтобы не задеть смертоносное острие спрятанного там скальпеля, улыбнулся. – Это лучше, чем золото, и намного легче. Что ж, в таком случае я удаляюсь. Иметь с вами дело – истинное удовольствие. – Он снова протянул банкиру руку, блеснув отравленным кольцом. Попытка – не пытка.

Мофис не шелохнулся.

– С вами тоже.

Дурные друзья

То было любимое место Бенны в Вестпорте. Сюда он приводил ее по два раза в неделю, когда им случалось бывать в этом городе. Грот из зеркал, хрусталя, полированного дерева, блестящего мрамора. Храм, посвященный богу ухода за мужской внешностью. Верховный жрец его, цирюльник в ярком фартуке, маленький и тощий, стоял посреди комнаты лицом к двери, словно дожидаясь их прихода.

– Сударыня! Какая радость видеть вас снова! – Он захлопал глазами. – Вы нынче без мужа?

– Брата. – Монца сглотнула вставший в горле комок. – Да, он… не придет больше. Сегодня у меня для вас задача потруднее…

Порог переступил Трясучка, таращась по сторонам испуганно, как овца в загоне. Цирюльник не дал Монце договорить:

– Думаю, я понял, в чем дело, – и проворно обошел вокруг северянина. – Чу́дно, чудно. Снимаем все?

– Что? – хмуро спросил Трясучка.

– Все, – сказала Монца, беря цирюльника за локоть и вкладывая ему в руку четвертак. – Только действуйте осторожно. Боюсь, он не привык к этому и может испугаться. – Она вдруг сообразила, что говорит о северянине, как о лошади. Потому, возможно, что начала ему доверять?..

– Конечно.

Цирюльник повернулся к Трясучке и тихо охнул. Тот успел уже снять новую рубаху и расстегивал, светясь белым мускулистым телом, пояс.

– Дурачок, мы про волосы, – сказала Монца, – не про одежду.

– А. Я и подумал, что странно как-то… но у южан свои обычаи.

Он принялся натягивать рубаху обратно. По груди его от плеча тянулся розовый кривой шрам. В былые времена Монца сочла бы это уродством, но теперь ее мнение о шрамах изменилось. Как и о многом другом.

Трясучка опустился в кресло.

– Всю жизнь проходил с этими волосами.

– Считайте, от их душных объятий вы уже избавлены. Голову вперед, пожалуйста. – Цирюльник взмахнул ножницами.

Трясучка в мгновение ока скатился с кресла.

– Ты думаешь, я подпущу к себе человека с чем-то острым, которого знать не знаю?

– Протестую! Я приводил в порядок головы самых утонченных вельмож Вестпорта!

– Ты… – Монца схватила попятившегося цирюльника за плечо. – Заткнись и стриги. – Сунула в карман его фартука еще четвертак, вперила взгляд в Трясучку. – А ты – заткнись и сиди смирно.

Северянин с опаской снова взгромоздился в кресло и вцепился в подлокотники с такой силой, что на руках вздулись жилы.

– Глаз с тебя не спущу, – прорычал цирюльнику.

Тот испустил долгий вздох, поджал губы и приступил к работе.

Монца, прислушиваясь к щелканью ножниц, прогуливалась по комнате. Остановилась возле полки с разноцветными бутылочками, перенюхала, вынимая пробки, все душистые масла. Мельком глянула на себя в зеркало. Жесткое лицо, однако. Худее, тоньше и резче, чем было прежде. Глаза запавшие – от грызущей боли в ногах, от грызущего желания покурить, чтобы прогнать боль.

«Сегодня ты прекрасна как никогда, Монца»…

Мысль о курении застряла в голове, как кость в горле. С каждым днем желание подкрадывалось все раньше. Все чаще приходилось отсчитывать тяжелые, мучительные, бесконечные минуты до того мгновения, когда она могла забиться наконец в тихий угол с трубкой и снова погрузиться в мягкое и теплое ничто. И сейчас у нее даже кончики пальцев закололо, и язык голодно загулял по пересохшему рту.

– Всегда ходил с длинными волосами. Всегда.

Она повернулась к Трясучке. Тот морщился, словно его пытали, глядя, как падают на полированный пол вокруг кресла клочья срезанных волос. Некоторые люди, когда нервничают, молчат. Другие трещат без умолку. Трясучка, похоже, принадлежал к последним.

– У брата были длинные волосы, вот и я отрастил. Во всем ему подражал. Хотел быть как он. Младшие братья – они всегда так. А ваш брат, он какой был?

Монце вспомнилось улыбающееся лицо Бенны, свое – в зеркале. Задергалась щека.

– Он был хороший человек. Его все любили.

– И мой был хороший. Гораздо лучше меня. Так, во всяком случае, отец считал. И мне говорил при всяком случае. Я к чему это… там, откуда я приехал, длинные волосы обычное дело. По мне, так, когда воюешь, народу есть что резать, кроме волос. Черный Доу надо мной насмехался, бывало, потому как свои он подрубал, чтобы в бою не мешали. Но он, Черный Доу, вообще всех с дерьмом смешивал. Злой язык. Злой человек. Хуже его был только Девять Смертей. Думается мне…

– Для человека, неважно знающего стирийский, болтаешь ты многовато. Знаешь, что мне думается?

– Что?

– Много говорит тот, кому нечего сказать.

Трясучка тяжело вздохнул.

– Стараюсь просто… чтоб завтра было малость лучше, чем сегодня. Я из этих… как оно по-вашему будет?..

– Идиотов?

Он покосился на нее.

– Вообще-то я другое имел в виду.

– Оптимистов?

– Точно. Оптимист я.

– И как, помогает?

– Не очень. Но я все равно надеюсь.

– Как все оптимисты. Ничему вы не учитесь, ублюдки. – Монца всмотрелась в его лицо, не завешенное больше сальными волосами. Скуластое, остроносое, со шрамом на одной брови. Красивое… будь ей это интересно. Оказалось, впрочем, что это ей интересней, чем она думала. – Ты ведь был воином? Как их на Севере называют… карлом?

– Я был названным. – В голосе его она услышала гордость.

– Молодец. И людьми командовал?

– Кое-кто ко мне прислушивался. Отец мой был известным человеком, брат тоже. Может, это малость сказалось.

– Почему же ты все бросил? И приехал сюда, чтобы стать никем?

Вокруг лица Трясучки порхали ножницы, и он взглянул на ее отражение в зеркале.

– Морвир сказал, вы сами были воином. Прославленным.

– Не таким уж и прославленным, – приврала Монца. Ибо правдой было бы сказать «прославленным печально».

– Это странное занятие для женщины – там, откуда я родом.

Она пожала плечами:

– Легче, чем пахать землю.

– Стало быть, вы знаете, что такое война.

– Да.

– В сражениях были. Видели убитых людей.

– Да.

– Значит, и остальное знаете – марши, ожидание, усталость. Люди насилуют, грабят, калечат и разоряют тех, кто ничего не сделал, чтобы это заслужить.

Монца вспомнила собственное поле, сожженное много лет назад.

– Кто сильней – тот и прав.

– Одно убийство тянет за собой другое. Сведение одного счета открывает новый. От войны человека может только тошнить, если он не сумасшедший. И все сильнее со временем.

Возразить ей было нечего.

– Думаю, теперь вы понимаете, почему я это все бросил. Вместо того, чтобы только разрушать, хочу построить что-то. Чем гордиться можно. И стать… хорошим человеком, наверно.

Щелк, щелк. Волосы все падали на пол, собирались грудами.

– Хорошим человеком?

– Ну да.

– А ты сам-то видел мертвых людей?

– Навидался.

– Сразу много видел? – спросила она. – Когда они кучами лежат, умершие от чумы, которая следует за войной?

– Случалось.

– Ты замечал, чтобы некоторые трупы светились? Или благоухали, как розы весенним утром?

Он нахмурился.

– Нет.

– Значит, хорошие и плохие люди не отличаются друг от друга? Для меня, признаюсь, никогда не отличались. – На этот раз промолчать пришлось Трясучке. – Допустим, ты хороший человек, всегда стараешься поступать правильно, строишь то, чем можно гордиться. И вот однажды приходят выродки, в единый миг все уничтожают, и ты смотришь и говоришь «спасибо», когда из тебя вырывают душу… Думаешь, после этого, когда ты сдохнешь и тебя закопают, ты станешь золотом?

– Чем?

– Или вонючим дерьмом, как все остальные?

Он медленно кивнул.

– Дерьмом, это верно. Но, может, после меня останется что-то хорошее.

Она холодно рассмеялась.

– Что остается после нас, кроме того, что мы так и не сделали, не сказали, не закончили? Кроме пустых костюмов, пустых домов, пустоты в душах тех, кто нас знал? Кроме неисправленных ошибок и истлевших надежд?

– Может, подаренные надежды. Добрые слова. Счастливые воспоминания, думается.

– И что, улыбки мертвецов, которые ты бережешь в своем сердце, согревали тебя, когда мы встретились? Кормили, когда ты был голоден? Утешали, когда отчаивался?

Трясучка надул щеки.

– Черт, только вы мне и блеснули, как солнце. Но, может, от них было что-то хорошее.

– Лучше, чем карман, полный серебра?

Он отвел взгляд.

– Может, и нет. Но я все равно буду стараться думать по-своему, как и раньше.

– Ха. Удачи, хороший человек. – Монца покачала головой, словно ничего глупее не слышала.

«В друзья мне подавайте только дурных людей, – писал Вертурио. – Их я понимаю».

Ножницы щелкнули в последний раз, и цирюльник, вытирая потный лоб рукавом, отступил на шаг.

– Вот и все.

Трясучка уставился в зеркало.

– Я выгляжу как другой человек.

– Господин выглядит как стирийский аристократ.

Монца фыркнула:

– Не как бродяга-северянин, во всяком случае.

– Может быть. – Счастливым Трясучка не казался. – Этот другой с виду вроде бы покрасивее. И поумней. – Хмуро глядя на свое отражение, он провел рукой по коротким темным волосам. – Но что-то я этому ублюдку не верю.

– И в завершение… – Цирюльник наклонился над креслом с хрустальной бутылочкой в руках, и голову Трясучки окутало душистое облачко.

Северянин подпрыгнул, как кошка на раскаленных углях.

– Это что за дрянь? – взревел он, сжав кулаки и наступая на цирюльника. Тот, взвизгнув, попятился.

Монца захохотала.

– Вид, может, как у стирийского дворянина… – Достала еще пару четвертаков и сунула их мастеру в оттопыренный карман фартука. – Но манеры, боюсь, появятся не скоро.

Темнело, когда они вернулись в разваливающийся особняк: Монца – прячась под капюшоном, Трясучка – вышагивая гордо в новенькой куртке. Внутренний двор мок под холодным дождем, в окне на первом этаже светился один-единственный фонарь. Монца, хмуро глянув на него, а потом на Трясучку, взялась левой рукой за рукоять ножа, висевшего сзади на поясе. Поскольку лучше быть готовым к любой неожиданности. Дверь на верху скрипучей лестницы оказалась чуть приоткрытой, за нею тоже виднелся свет. И Монца, шедшая первой, распахнула ее пинком ноги.

Комнату по ту сторону двери безуспешно силилась прогреть пара поленьев, пылавших в черном от копоти камине. У окна стоял Балагур, разглядывая сквозь щель меж ставнями здание банка. За старым расшатанным столом сидел Морвир, разложив перед собою несколько листов бумаги, и что-то чиркал на них вымазанной в чернилах рукой. Дэй, восседая на краешке стола, чистила ножом апельсин.

– Определенно лучше, – заметила она, взглянув на Трясучку.

– Не могу не согласиться, – ухмыльнулся Морвир. – Ушел от нас утром грязный, длинноволосый дурак. Вернулся дурак чистый и коротковолосый. Наверняка магия…

Трясучка что-то сердито пробурчал. Монца убрала руку с ножа.

– Поскольку вы не поете себе хвалу, работа, надо думать, не сделана.

– Мофис – человек крайне осторожный и основательно защищенный. Банк в течение дня охраняют весьма тщательно.

– Может, заняться им по дороге в банк?

– Он ездит в бронированном экипаже с дюжиной стражников. Попытка перехвата связана со слишком уж большим риском.

Трясучка подкинул в камин полено, протянул к огню руки.

– А дома у него?

Морвир насмешливо хмыкнул.

– Мы попытались проводить его до дому. Живет он на огороженном острове посреди бухты, где расположены поместья кое-кого из городской управы. Посторонние туда не допускаются. В дом не попасть, сумей мы даже выяснить, где именно он находится. И сколько

там может оказаться слуг, стражников, домочадцев?.. Полная неизвестность. Исполнять столь сложную работу, основываясь на одних предположениях, я отказываюсь наотрез. На что я никогда не иду, Дэй?

– На риск.

– Правильно. Я действую только наверняка, Меркатто. Поэтому-то вы ко мне и пришли. Меня нанимают для того, чтобы определенный человек со всей несомненностью умер. Не для того, чтобы устраивать бойню и хаос, в котором цель может ускользнуть. Мы не в Каприле…

– Я знаю, где мы, мастер Морвир. Каков же в таком случае ваш план?

– Я собрал необходимую информацию и нашел средства для достижения необходимого результата. Все, что мне нужно, – это проникнуть в банк в течение ночи.

– И как вы собираетесь это сделать?

– Как я собираюсь это сделать, Дэй?

– Применив должным образом наблюдательность, логику и систему.

Морвир сверкнул самодовольной улыбочкой.

– Совершенно верно.

Монца покосилась на Бенну. То есть на Трясучку, занявшего его место, поскольку Бенна был мертв. Северянин поднял брови, вздохнул и снова уставился в огонь. «В друзья мне подавайте только дурных людей», – писал Вертурио. Но всему должен быть предел.

Две двойки

Кости выпали – две двойки. Дважды два будет четыре. Два плюс два будет четыре. Хоть умножай, хоть складывай – результат один. Мысль эта вызывала у Балагура ощущение беспомощности. И в то же время покоя. Люди вечно пытаются что-то сделать, но, что бы они ни делали, все заканчивается одинаково. Кости всегда чему-нибудь учат. Когда умеешь их читать.

Компания разделилась на две двойки. Одна пара – Морвир и Дэй. Мастер и ученица. Они изначально были вместе, оставались вместе и вместе смеялись над всеми прочими. Теперь еще, как заметил Балагур, парой стали Меркатто и Трясучка. Они стояли сейчас у парапета крыши – два темных силуэта на фоне темного ночного неба – и рассматривали банк напротив, огромный сгусток более плотной тьмы. Люди склонны образовывать пары, Балагур это часто замечал. Видно, такова их природа. Всех людей, кроме него. Он оставался один, в тени. Возможно, как сказали судьи, с ним и впрямь было что-то не так.

Саджам выбрал его себе в пару, там, в Схроне, однако Балагур иллюзий не питал. Саджам выбрал его, потому что он был полезен. И напуган. Как всякий будет напуган в темноте. Но Саджам и не притворялся, будто дело в чем-то другом. Он был единственным честным человеком, которого знал Балагур, поэтому и соглашение их было честным. И удачным – Саджам сделал столько денег в тюрьме, что сумел выкупить у судей свою свободу. Как честный человек, он не забыл потом Балагура. Вернулся и выкупил его свободу тоже.

Вне стен тюрьмы, где правил не существовало, все пошло по-другому. У Саджама имелись свои дела, и Балагур снова остался один. Против чего, правда, не возражал. Привык. К тому же компанию ему составляли кости. Вот и оказался теперь в Вестпорте, на темной крыше, в разгар зимы. С двумя парами нечестных людей, плохо сочетавшимися между собой.

Стражники ходили тоже двумя двойками, по четыре человека в отряде. Двумя отрядами, которые бесконечно, ночь напролет, следовали вокруг банка. С небес сеял дождь со снегом, а они все шагали, проделывая в темноте круг за кругом. И в этот миг на улочке внизу показался очередной отряд, хорошо вооруженный.

– Идут, – сказал Трясучка.

– Вижу, – усмехнулся Морвир. – Начинаем счет.

В темноте послышался тонкий, хрипловатый голосок Дэй:

– Один… два… три… четыре… пять…

Балагур открыл рот, забыв про кости в руке, уставился на ее двигающиеся губы. Беззвучно зашевелил собственными.

– Двадцать два… двадцать три… двадцать четыре…

– Как добраться до крыши? – задумчиво спросил Морвир. И повторил: – Как добраться до крыши?

– С помощью крюка и веревки? – предложила Меркатто.

– Слишком медленно, слишком шумно, слишком ненадежно. Допустим, крюком нам удастся зацепиться. Но веревка будет болтаться на виду. Нужен способ, который позволит избежать случайностей.

Балагуру хотелось, чтобы они заткнулись и не мешали слушать, как считает Дэй. От чего воспрянуло его мужское достоинство.

– Сто двенадцать… сто тринадцать…

Он закрыл глаза, прислонился головой к стене, пошевеливая в такт одним пальцем.

– Сто восемьдесят два… сто восемьдесят три…

– Без веревки туда не забраться, – раздался снова голос Меркатто. – Никому. Стена отвесная и гладкая. Да еще эти шипы наверху.

– Совершенно с вами согласен.

– Может, попробовать из банка, днем?..

– Невозможно. Слишком много глаз. Нет, забираться надо по стене, потом внутрь, через окна в крыше. Хорошо, прохожих ночью нет. Хоть что-то нам на руку.

– А по другим стенам никак?

– Улица с северной стороны более оживлена и лучше освещена. С восточной расположен главный вход, возле которого всю ночь дежурит еще один отряд стражников. Южная похожа на нашу, но лишена преимущества в виде крыши напротив. Нет. Единственная возможность – эта стена.

Балагур заметил на улице внизу слабый проблеск света. Следующий отряд, дважды два стражника… два плюс два стражника… четыре стражника, неуклонно совершающих обход вокруг банка.

– Они дежурят до самого утра?

– Их сменят другие два отряда. Которые до конца ночи и останутся.

– Двести девяносто один… двести девяносто два… и новый круг. – Дэй прицокнула языком. – Триста… чуть меньше, чуть больше.

– Триста, – прошипел Морвир и покачал головой. – Маловато времени.

– И что же нам делать? – прорычала Монца.

Балагур снова стиснул в кулаке кости, ощутил в ладони привычное давление граней. Как забраться в банк и возможно ли это вообще, его не слишком интересовало. Вот если бы Дэй снова начала считать…

– Должен быть какой-то способ… должен…

– Я могу залезть на крышу.

Все оглянулись на Трясучку, сидевшего на парапете.

– Ты? – фыркнул Морвир. – Каким образом?

Балагур и в темноте разглядел, как изогнулись в ухмылке губы северянина.

– Магическим.

Планы и случайности

До Трясучки донеслись голоса приближавшихся стражников. Блеснули в свете фонарей, которые они несли с собою, кирасы, стальные каски, лезвия алебард. Он вжался поглубже в

тень, когда все четверо поравнялись с его укрытием, выждал мгновение, затем метнулся на другую сторону улицы и затаился за колонной, которую наметил заранее. Счет пошел. У него было меньше трехсот секунд на то, чтобы добраться до крыши. Трясучка посмотрел вверх. Отсюда колонна выглядела чертовски высокой. И на кой он вызвался на нее лезть? Потому лишь, что захотелось стереть ухмылку с лица этого дурака Морвира и доказать Меркатто, что он стоит ее денег?

– Худший враг сам себе, – пробормотал Трясучка. Похоже, не на шутку велика его гордость. А еще – слабость к красивым женщинам. Кто бы мог подумать?

Он приготовил веревку длиною в два широких шага, с крюком на одном конце и петлей на другом. Бросил взгляд на окна домов, смотревших на улицу. Большинство было закрыто ставнями от ночного холода, но некоторые оставались открытыми. Два и вовсе еще светились. Трясучка задумался о том, какова вероятность, что кто-нибудь выглянет и увидит, как он карабкается по стене. Больше, чем хотелось бы, это точно.

– Чертов худший враг…

Трясучка только собрался встать на основание колонны, и тут…

– Где-то здесь.

– Где, болван?

Он замер с веревкой в руке.

Шаги, позвякивание лат. Стражники возвращались. Чего не делали ни разу за пятьдесят обходов. Вся болтовня чертова отравителя про науку обернулась-таки дерьмом, в котором оказался не кто-нибудь, а Трясучка.

Он вдавился в стену. По камню скрежетнул висевший за спиной лук. Проклятье… подика объясни, что ты тут делаешь. Прогуляться среди ночи вышел, знаете ли, весь в черном, и старый лук проветриться вынес…

Бежать – увидят, погонятся, могут и продырявить. Всяко поймут, что он пытался забраться в банк, и на том, считай, конец всему делу. Остаться на месте – разницы никакой, разве что продырявят наверняка.

Голоса приблизились.

– Далеко не может быть, мы ходим-то, черт возьми, кругом да кругом.

Один из стражников, видать, что-то потерял. Трясучка проклял свою несчастную судьбину – не в первый раз. Бежать поздно. Шаги уже у самой колонны. Он взялся за рукоять ножа. На кой было брать у нее серебро? Похоже, слабость у него еще и к деньгам. Трясучка стиснул зубы. Вот-вот они…

– Простите! – послышался вдруг голос Меркатто. Откуда ни возьмись она появилась на улице с откинутым капюшоном, без меча. Без него Трясучка ее еще не видел. – Пожалуйста, извините за беспокойство. Мне всего-то и надо, что домой попасть, но я, похоже, заблудилась.

От колонны отступил один стражник, за ним другой. Оба встали спиной к Трясучке, на расстоянии вытянутой руки. При желании он мог бы потрогать латы.

– А где вы живете?

– У друзей, на улице лорда Сабелди. Но города я не знаю. И зашла, кажется, – у нее вырвался печальный смешок, – совершенно не туда.

Один из стражников сдвинул каску на затылок.

– Да уж, скажу я вам. Это другой конец города.

– Я и блуждаю не первый час. – Она неторопливо двинулась по улице прочь, вынудив тем самым стражников следовать за ней. К двум первым присоединились остальные. Все четверо – спиной к Трясучке.

Он затаил дыхание. Сердце колотилось так громко, что не услышали его, казалось, лишь чудом.

– Буду очень вам благодарна, господа, если укажете мне правильное направление. Я такая дурочка…

– Нет, нет, что вы. В Вестпорте кто хочешь заблудится.

– Особенно ночью.

– Я и сам тут плутаю иногда…

Стражники засмеялись, Монца тоже, по-прежнему увлекая их за собой. Она бросила короткий взгляд на Трясучку, глаза в глаза, затем свернула за следующую колонну. Скрылась вместе со стражниками из виду, и голоса их начали удаляться. Трясучка медленно выдохнул. По счастью, не он один питает слабость к красивым женщинам…

Запрыгнув на квадратное основание колонны, он обвил веревку вокруг и, пропустив ее под задницей, сделал петлю. Он понятия не имел, сколько времени осталось, знал только, что должен действовать быстро. И начал подъем, обхватывая колонну коленями и икрами, передвигая петлю вверх и туго ее натягивая в момент перемещения ног.

Этому способу добираться до птичьих гнезд на самых высоких деревьях долины научил его брат, еще в детстве. Трясучке вспомнилось, как смеялись они оба, когда он раз за разом отваливался от ствола близ подножия. Сейчас он пользовался наукой брата для того, чтобы убить человека. И, упав, убился бы сам. Смело можно было сказать, что жизнь складывается не совсем так, как хотелось бы.

Поднимался он тем не менее быстро и уверенно. В точности как на дерево, с той лишь разницей, что не за яйцами и без страха насажать заноз куда не следует. Впрочем, легким подъем отнюдь не был. Трясучка весь вспотел, пока добрался до верху, а впереди еще оставалось самое трудное. Держась одной рукой за выступ в каменной резьбе, венчавшей колонну, другой он расцепил веревку, закинул ее себе на плечи. Затем начал подтягиваться, нащупывая, за что ухватиться среди резьбы, пальцами и носками сапог. Руки, содранные о пеньковую веревку, горели, дыхание вырывалось из груди со свистом. Наконец, упершись ногою в изображение женского лица, ухватившись за два каменных листка в надежде, что они окажутся покрепче тех, что произрастают на деревьях, он нашел, где присесть – на высоте в сорок шагов над улицей.

Случалось ему бывать в местах и получше. Но надобно всегда глядеть на солнечную сторону. Впервые за долгое время между ляжек у него оказалось женское лицо… Трясучка услышал свист, вскинул голову и увидел на противоположной крыше черную фигурку Дэй. Девушка показывала вниз. На улицу входил следующий отряд стражников.

– Дерьмо. – Трясучка замер среди каменной резьбы и вновь затаил дыхание, надеясь, что сам сойдет за камень, вздумай кто глянуть вверх. Сердце вновь забухало, еще громче, чем прежде.

Патруль протопал мимо. Трясучка выдохнул. И, дожидаясь, когда стражники свернут за угол, собрался с силами для последнего броска.

Шипы, наставленные вдоль края крыши, крепились к кольям, вокруг которых вращались. Так что перебраться через них было невозможно. Но на верхушках колонн их удерживал в неподвижности известковый раствор. Трясучка вынул из кармана перчатки, плотные, какими кузнецы пользуются, надел. Взялся за два шипа, сделал глубокий вдох. Соскользнул с каменной опоры под ногами, повис на руках, зорко поглядывая на железные острия, маячившие перед лицом. В точности как ветки, только куда опасней. Повезет, коли удастся уберечь оба глаза…

Качнувшись в одну сторону, потом в другую, он изловчился закинуть наверх ногу. После чего начал протискиваться между шипами, которые скребли толстую кожаную куртку, пытаясь впиться в грудь.

И оказался наконец на крыше.

– Семьдесят восемь… семьдесят девять… восемьдесят… – Губы Балагура двигались сами по себе, пока он смотрел, как Трясучка пролезает сквозь ограждение.

– Он сделал это, – пискнула, не веря своим глазам, Дэй.

– И очень вовремя. – Морвир тихонько хихикнул. – Кто бы мог подумать… вскарабкался, как обезьяна.

Северянин, казавшийся черным силуэтом на фоне чуть более светлого неба, поднялся на ноги, снял со спины лук и принялся его натягивать.

– Будем надеяться, что стреляет он не как обезьяна, – сказала Дэй.

Трясучка прицелился. Балагур услышал тихий свист. Мгновеньем позже в него ударила стрела. Поймав ее за древко, он хмуро глянул на свою грудь. Даже куртку не пробила.

– Какое счастье, что она без наконечника. – Морвир выпутал из оперения шнурок. – Нам ни к чему была бы ваша безвременная смерть и прочие осложнения.

Балагур бросил тупую стрелу и привязал к концу шнурка веревку.

– Она точно выдержит? – спросила Дэй.

– Сулджукский шелк, – самодовольно сказал Морвир. – Веревка легка как пух и прочна как сталь. Выдержит всех нас троих одновременно, и снизу ее никто не заметит.

– Надеюсь.

– На что я никогда не иду, дорогая?

– Да, да…

Трясучка начал сматывать шнурок со своей стороны, и меж пальцев Балагура засвистела черная тень. Он следил за ее полетом с крыши на крышу, отсчитывая шаги. Пятнадцать… и вот уже веревка у Трясучки в руках. Оба туго натянули ее, после чего Балагур продел свой конец в железное кольцо, вбитое заранее в балку, и начал вязать узлы – один, второй, третий.

– Вы вполне уверены в этих узлах? – спросил Морвир. – В плане нет места для падений с высоты.

– С двадцати восьми шагов, – сказал Балагур.

– Что?

– Падение.

Последовала короткая пауза.

– Тоже немало.

Два здания соединила тонкая черная линия. Почти неразличимая в темноте, но Балагур знал, что она там есть.

Дэй, чьи кудряшки трепал ночной ветер, показала на нее:

– После вас.

Морвир, тяжело дыша, неуклюже перевалился через балюстраду. Прогулку по веревке, честно говоря, при любом воображении трудно назвать приятной. Порыв ветра на полпути вызвал у него сильнейшее сердцебиение. Были времена, в пору его ученичества у недоброй памяти Маймаха-йин-Бека, когда подобные акробатические упражнения он проделывал с кошачьей грацией, но они давно остались в прошлом вместе с буйной копной волос, украшавшей голову. Переводя дух, Морвир вытер со лба холодный пот и лишь теперь заметил на лице Трясучки ухмылку.

– Смешное что-то случилось? – спросил.

– Зависит от того, что кажется человеку смешным. Вы долго там пробудете?

– Ровно столько, сколько нужно.

– Лучше бы вам тогда двигаться быстрее, чем по веревке. Не то до места еще не доберетесь, как банк откроют.

Все с той же ухмылкой северянин перемахнул через перила и, несмотря на свою громоздкость, легко и уверенно двинулся в обратную сторону.

– Если бог существует, он проклял меня теми, с кем приходится общаться, – пробормотал Морвир.

На краткий миг его посетила мысль обрезать веревку, когда дикарь будет на полпути, но, отмахнувшись от нее, он пополз по узкому свинцовому желобу между пологими шиферными скатами к центру здания. К огромной стеклянной крыше, сквозь тысячи оконных клеток которой просачивался наружу тусклый свет, горевший внутри. Возле нее сидел на корточках Балагур, уже разматывая с запястья очередную веревку.

– О, эти новые времена! – Морвир встал на колени рядом с Дэй, осторожно приложил руки к стеклянной глади. – Что, интересно, будет изобретено следующим?

– Я чувствую себя счастливой, живя в столь волнующее время.

– Как надлежит и всем нам, дорогая моя. – Он внимательно вгляделся вниз, в помещение банка. – Как надлежит всем нам… – Коридор был освещен скудно, всего лишь двумя фонарями, расположенными в разных концах. Только золоченые рамы громадных картин и поблескивали в полумраке, дверные же проемы утопали в глухой тени. – Банки, – промолвил Морвир с едва заметной улыбкой, – вечно стараются экономить.

Затем вытащил свои отполированные до блеска инструменты и принялся, отгибая щипчиками свинцовую окантовку, вынимать стекла при помощи шариков из оконной замазки. Блеск мастерства его с возрастом ничуть не поблек, и на то, чтобы вынуть девять стекол, перекусить клещами решетку и снять ее, ушло всего несколько мгновений. Получилось ромбовидное отверстие, которого вполне хватало для его целей.

– Расчет времени безупречен, – пробормотал Морвир.

По стенам коридора, выхватывая из мрака живописные полотна, заскользил свет еще одного фонаря. Послышались шаги, по мраморным плитам протянулась длинная тень. Стражник, зевая, плелся по коридору. И в тот миг, когда он оказался под отверстием в крыше, Морвир, легонько дунув в трубочку, пустил в него отравленную стрелку.

– Ой! – Тот шлепнул рукой по голове, и Морвир поспешно отпрянул от дыры.

Затем снизу донеслось шарканье, какой-то булькающий звук, грохот падения. И, заглянув в дыру снова, Морвир увидел распластанного на спине стражника и горящий фонарь рядом с его откинутой в сторону рукой.

– Потрясающе, – выдохнула Дэй.

– Все, как должно быть.

– Сколько ни говори о науке, выглядит это волшебством.

– Мы, можно сказать, чародеи своего времени. Веревку, мастер Балагур, будьте добры.

Тот вручил ему конец шелкового шнура, привязанного к запястью.

– Вы уверены, что выдержите мой вес?

– Да.

От молчаливого уголовника и впрямь исходило ощущение громадной силы, очевидное даже для Морвира. Обвязав руку веревкой и закрепив ее узлом собственного изобретения, он спустил в дыру одну ногу в мягкой туфле, потом другую. Погрузился в нее сначала по пояс, затем по плечи и наконец целиком оказался внутри банка.

– Опускайте.

Вниз он пошел так быстро и плавно, словно веревку разматывал какой-то механизм. Когда туфли коснулись пола, сбросил, дернув рукою, узел и бесшумно скользнул в ближайший дверной проем, держа трубку с отравленными стрелками наготове. В банке должен был караулить всего один стражник, но никогда не следует слепо доверяться предположениям.

Осторожность – на первом месте, всегда.

Окинул взглядом темный коридор. Не заметил никакого движения. Тишина стояла столь полная, что, казалось, даже давила на уши.

Вскинув голову к стеклянному потолку, он увидел в окошке Дэй и подал ей знак спускаться. Она скользнула в дыру с ловкостью циркачки и быстро поплыла вниз – в черном поясе с кармашками, куда упрятано было все необходимое для работы. Коснувшись ногами пола, освободилась от веревки, присела и улыбнулась ему.

Морвир едва не улыбнулся в ответ, но вовремя себя остановил. Ни к чему ей знать, как горячо восхищается он ее талантами, умом, твердостью характера, развившимися за проведенные вместе три года. О глубине его привязанности она и подозревать не должна. Ибо доверие его предавали все, перед кем он открывался. Жизнь являла собой череду горчайших измен – и в сиротском приюте, и в ученичестве, и в супружестве, и в работе. Сердце его воистину изранено. Поэтому общаться с ней он должен только на профессиональной основе, дабы защитить обоих. Себя – от нее, ее – от себя.

– Чисто? – прошипела она.

– Как в пустом кармане, – ответил он, подходя к поверженному стражнику, – и главное, все идет по плану. Что нам с тобой всего противней?

– Горчица?

– А еще?

– Случайности?

– Верно. Счастливыми они не бывают. Бери его за ноги.

Им пришлось изрядно потрудиться, выволакивая стражника из коридора и усаживая за стол. После чего он свесил голову и захрапел, раздувая длинные усы.

– Спит, как дитя, – вздохнул Морвир. – Реквизит, пожалуйста.

Дэй вручила ему пустую винную бутылку, которую он поставил на пол у ног стражника. Затем протянула вторую, наполовину полную. Морвир вынул пробку и щедро плеснул вина стражнику на грудь. Потом аккуратно положил бутылку на бок под его свесившейся рукой, и по мраморным плитам растеклась пахучая винная лужица.

Затем Морвир отступил, сложил руки рамкой и полюбовался содеянным.

– Ну, вот… живая картина готова. Какой работодатель не подозревает сторожа в распитии бутылочки-другой среди ночи, вопреки строжайшему запрету? Беспробудный сон, запах алкоголя – свидетельств вполне достаточно, чтобы поутру уволить его без промедления. Конечно, он будет отрицать свою вину, но при отсутствии каких бы то ни было доказательств… – рукой в перчатке Морвир порылся в волосах стражника, выдернул использованную стрелку, – …иных подозрений не возникнет. Все выглядит совершенно естественным. Хотя ничего естественного в этом и нет. Но… молчаливые стены вестпортского отделения банкирского дома Валинта и Балка сохранят нашу страшную тайну навеки. – Он задул огонь в фонаре стражника, «живая картина» погрузилась во тьму. – Вперед, Дэй, и никаких колебаний.

Безмолвными тенями они проскользнули по коридору и остановились у двери в кабинет Мофиса. Блеснули в полумраке отмычки, когда Дэй наклонилась к замку. На то, чтобы справиться с ним, у девушки ушло всего мгновенье, и дверь бесшумно отворилась.

– Для банка плохой замок, – заметила Дэй.

– Хорошие у них там, где хранятся деньги.

– Но мы пришли сюда не воровать.

– О нет… мы редкие воры на самом деле. Оставляем подарки после себя. – Легко ступая, Морвир обошел огромный стол Мофиса кругом, открыл тяжелый гроссбух, стараясь не сдвинуть его с места и на волосок. – Состав, пожалуйста.

Дэй подала кувшинчик, почти доверху заполненный жидкой пастой. Морвир со всею аккуратностью вынул пробку. Взял в руки тонкую рисовальную кисточку – самое подходящее орудие труда для мастера, наделенного столь неисчислимыми талантами. И с тихим шелестом принялся переворачивать страницы, нанося на уголок каждой легкий мазок.

– Смотри, Дэй. Быстро, гладко, точно… а главное – осторожно. Предельно осторожно. Что убивает большинство представителей нашего ремесла?

– Их собственные составы.

– Совершенно верно.

В соответствии со своими словами он предельно осторожно закрыл гроссбух, страницы которого успели почти высохнуть, убрал кисточку и закупорил кувшинчик.

– Возвращаемся? – спросила Дэй. – Есть хочу.

– Возвращаемся? – Морвир расплылся в улыбке. – О нет, моя дорогая, это далеко не конец. Ужин еще надо заслужить. Нам предстоит долгая ночная работа. Очень долгая…

– Ты цел?

Трясучка от неожиданности чуть не скакнул через парапет. Аж сердце в груди зашлось. Повернулся и увидел незаметно подкравшуюся со спины Меркатто. На лице ее, едва различимом в темноте, играла усмешка. В дыхании ощущался слабый привкус дыма.

– Чтоб я сдох… ну вы меня и напугали! – проворчал Трясучка.

– Стражники обошлись бы с тобой похуже. – Она потрогала узел веревки на железном кольце. – Ты таки влез туда? – спросила не без удивления.

– А вы сомневались?

– Уверена была, что голову свернешь… если сможешь, конечно, достаточно высоко забраться.

Он постучал по голове пальцем.

– Это мое самое крепкое место. Стряхнули наших приятелей?

– Да, на полпути к проклятой улице лорда Сабелди. Знала бы, что их так легко увести, подцепила бы на крючок заранее.

Трясучка усмехнулся.

– Хорошо, что после подцепили, не то быть бы мне у них на крючке.

– Этого нельзя было допустить. У нас еще много работы впереди.

Он невольно передернул плечами. Как-то забывалось порой, что работа, которая им предстояла, заключалась в убийстве.

– Замерз?

Трясучка фыркнул.

– На родине у меня это летний день. – Откупорил бутылку, протянул ей. – Нате, согрейтесь.

– Спасибо, не ожидала такой заботы с твоей стороны.

Она сделала несколько глотков. Трясучка следил за тем, как двигаются мелкие мышцы у нее на горле.

– Я вообще заботливый человек… для наемного убийцы.

– Должна сказать, некоторые из наемных убийц – очень милые люди. – Она отпила еще глоток, вернула бутылку. – Среди нас таких, правда, нет.

– Да уж, мы дерьмо все до единого. И до единой…

– Они в банке? Морвир со своим маленьким эхом?

– Давно уже.

– А Балагур?

– С ними.

– Морвир сказал, сколько времени там пробудет?

– Мне?.. Я думал, это я – оптимист.

Они стояли рядышком у парапета, в стылой тишине, глядя на темную громаду банка напротив. Трясучка неведомо почему нервничал. Сильнее, чем положено человеку, участвую-

щему в убийстве. Украдкой покосился на Меркатто и не успел отвести взгляд, как она тоже посмотрела на него.

– Немного, однако, у нас дел, кроме как ждать и мерзнуть.

– Да уж. Если только вы не хотите подрезать мне волосы еще короче.

– Боюсь, ножницы не удержу, если тебе вздумается раздеться.

Трясучка засмеялся:

– Неплохо… Думаю, вы заслужили еще глоток, – и снова протянул ей бутылку.

– Я вообще веселый человек… для того, кто нанимает убийц.

Чтобы взять бутылку, она придвинулась ближе. Так близко, что у него внезапно загорелся бок, к ней повернутый. Так близко, что дыхание участилось. И Трясучка, не желая выглядеть еще большим дураком, чем выставлял себя все последние дни, отвернулся. Услышал, как она открыла бутылку. Услышал, как сделала глоток.

– И снова спасибо.

– Пустое. Может, еще что надо, начальник, все сделаю, только дайте знать.

Он повернул голову и обнаружил, что она смотрит на него, не отводя глаз, плотно стиснув губы, словно высчитывая, сколько он стоит.

– Есть кое-что еще…

Морвир с отточенной ловкостью приладил на место последнюю полоску свинцовой окантовки и принялся собирать сверкающие инструменты.

– Держаться будет? – спросила Дэй.

– Против ливня не выстоит, полагаю, но до завтра всяко продержится. А к тому времени, надо думать, у банковских служащих будет столько хлопот, что протекающего окна никто не заметит.

Он аккуратно стер со стекол следы замазки и последовал за своей помощницей к балюстраде. Балагур уже успел перебраться по веревке и поджидал их по другую сторону разделявшей два здания бездны. Морвир заглянул за перила. Увидел шипы, каменную резьбу, ниже отвесно уходящую вниз, к мощеной улице, гладкую колонну, мимо которой проходил сейчас, громко топая, отряд стражников с фонарями.

Едва они удалились, Дэй спросила:

– А как быть с веревкой? Когда рассветет, ее могут…

– Предусмотрена каждая деталь. – Усмехнувшись, Морвир вынул из внутреннего кармана маленький пузырек. – Несколько капель сожгут узлы вскоре после того, как мы переберемся. Останется только подождать немного и смотать веревку.

Девушку, насколько можно было понять в темноте по ее лицу, это не успокоило.

– А вдруг они сгорят быстрее, чем…

– Не сгорят.

– И все же рискованно…

– На что я никогда не иду, дорогая?

– На риск, но…

– Ты, разумеется, пойдешь первой.

– Можете не сомневаться.

Дэй, ухватившись за веревку, скользнула под нее и принялась быстро перебирать руками. Не прошло и тридцати секунд, как она оказалась уже на другой стороне.

Морвир открыл пузырек, уронил на узлы несколько капель. Подумав немного, добавил еще несколько, чтобы не ждать расползания чертова шелка до восхода. Затем, пропустив следующий патруль, перелез через перила, с куда меньшим проворством, надо признаться, чем его юная помощница. Спешить не было никакой нужды. Осторожность на первом месте, все-

гда. Взявшись руками в перчатках за веревку, он двинулся вперед, закинул на нее одну ногу, потом другую.

Раздался треск рвущейся ткани, и колено внезапно обдало холодом.

Морвир скосил глаза на ногу. Увидел, что штанина зацепилась за шип, торчавший выше остальных, и разорвалась почти до самого зада. Подергал ногой, пытаясь высвободиться, но чертова штанина лишь крепче намоталась на острие.

– Проклятье.

В планы это, разумеется, никоим образом не входило. Тут еще над перилами, к которым была привязана веревка, заструился слабый дымок. Кислота, похоже, начала действовать намного быстрей, чем ожидалось.

– Черт.

Морвир вернулся на крышу банка и сел, придерживая веревку, рядом с дымящимися узлами. Свободной рукой вытащил из кармана скальпель, нагнулся и начал резать штанину, зацепившуюся за шип, орудуя с хирургической точностью. Один быстрый взмах, второй, третий. Последний… и…

– Ох! – Сначала с досадой, а потом с ужасом он сообразил, что задел скальпелем лодыжку. – Проклятье!

Лезвие было смазано настойкой ларинка, невосприимчивость к которой у Морвира ослабела, поскольку он перестал принимать ее из-за постоянной тошноты по утрам. Смертельным этот яд для него не был, отнюдь. Но слабость мог вызвать такую, что веревку в руках не удержать, а невосприимчивости против падения с высоты на камни Морвир у себя почему-то не развил.

Ирония положения была куда жестче на самом деле. Ведь большинство представителей его профессии погибало от собственных составов…

Стянув зубами перчатку со свободной руки, он начал рыться в многочисленных карманах в поисках противоядия, перебирая пальцами крохотные стеклянные трубочки, на которых выгравированы были знаки, позволявшие понять на ощупь, где что находится. Ветер тем временем пытался сорвать с него куртку, голая нога от холода покрылась мурашками. Что изрядно затрудняло поиски.

Желудок внезапно свело, Морвира затошнило. Он рыгнул, и тут пальцы, наконец, нащупали нужную отметку. Вытащив дрожащей рукой склянку, он выпустил перчатку из зубов, выдернул ими пробку и торопливо высосал содержимое.

От горечи экстракта рот заполнился кислой слюной. Морвир сплюнул на далекую мостовую. Темная улица стремительно завертелась, и, борясь с головокружением, он еще крепче сжал в руке веревку. Заскулил, чувствуя себя ребенком, абсолютно беспомощным, ухватился за веревку и второй рукой – так безнадежно, как цеплялся за мертвое тело матери, когда ту собрались выносить.

Но вскоре противоядие все же оказало свое воздействие. Неистовое бурление в животе прекратилось, мир обрел устойчивость. Улица снова оказалась внизу, небо над головой, где им и положено быть. И Морвир испуганно глянул на узлы. Те дымились еще сильней, издавая слабый шипящий звук и испуская отчетливый запах сжигавшей их кислоты.

– Черт!

Он вновь закинул ноги на веревку и тронулся наконец в путь, чувствуя прискорбную слабость, вызванную нечаянной дозой яда, дыша с трудом, поскольку горло сдавил вполне закономерный страх. Вдруг узлы прогорят раньше, чем он доберется?.. Тут еще спазм в кишечнике вынудил его ненадолго остановиться, и Морвир, раскачиваясь вверх и вниз на веревке, заскрипел зубами.

Потом двинулся дальше, но силы, увы, убывали с каждым мгновением. Руки дрожали. Ту из них, что осталась без перчатки, и голую ногу жгло от скольжения по веревке немило-

сердно. Морвир, откинув голову, с усилием втянул воздух в грудь. Увидел Балагура, который уже протягивал ему руку – большую, сильную руку, всего-то в нескольких шагах. Увидел Дэй, внимательно следившую за его приближением. На лице помощницы, укрытом ночною тьмой, ему почудилась улыбка, и Морвир почувствовал некоторую досаду.

И тут… с оставленной им крыши донесся тихий щелчок. Веревка лопнула.

Внутри у него все похолодело, наружу вырвался безумный вопль – точь-в-точь такой, какой издал маленький Морвир, когда его оторвали от мертвого тела матери. Он полетел вниз, ветер засвистал в ушах. Потом его отнесло в сторону, и навстречу стремительно ринулась облупленная стена. Последовал удар, от которого из Морвира вышибло дух. Вопль оборвался, веревка выскользнула из рук.

Раздался треск ломающегося дерева. Морвир все падал, ничего не соображая от ужаса, пытаясь ухватиться за воздух, отчаянно размахивая руками и ногами. В лицо бил ветер, все вертелось перед слепо выпученными глазами. Он падал и падал… и вдруг упал. Проехался лицом по дощатому полу, и сверху на него посыпались какие-то щепки.

– Э… – только и сумел выдавить он.

И в следующий миг пережил новое потрясение. Его схватили за горло, вздернули на ноги и притиснули к стене с такой силой, что дух вышибло. Второй раз за несколько секунд.

– Ты! Какого черта?!

Трясучка. По неведомой причине совершенно голый.

Морвир обнаружил, что находится в темной, захламленной комнате, которую освещают лишь тлеющие в камине угли. Затем в глаза ему бросилась кровать. Где, приподнявшись на локтях, лежала Меркатто в расстегнутой и смятой рубашке, с обнаженной грудью. Она смотрела на него удивленно, но не слишком. Словно, открывши дверь, увидела перед собой гостя, которого ожидала несколько позже.

Все встало на свои места. И Морвир, несмотря на неловкость положения, на неостывший еще страх смерти и горевшие огнем ссадины на лице и руках, захихикал. Веревка таки порвалась раньше времени. Но каким-то чудом, немыслимым и благословенным, он, описав в полете дугу, вломился сквозь гнилые ставни в одну из комнат разваливающегося дома. Вот она, ирония судьбы…

– Похоже, случайности все-таки бывают счастливыми! – признал он, все еще хихикая.

Взгляд Меркатто, которая все еще смотрела на него, казался странно блуждающим. На ее боку виднелся ряд необычных параллельных шрамов.

– С чего это вы дымитесь? – спросила она.

На полу возле кровати валялась трубка для курения хаски, объяснившая Морвиру, почему его столь неординарное вторжение не слишком удивило нанимательницу.

– Вам чудится. По какой причине, сказать нетрудно. Вы курили, полагаю. А это натуральная отрава, знаете ли. Категорически…

Меркатто расслабленно ткнула в его сторону рукой.

– Дурак, от вас дым идет.

Он опустил глаза на грудь. От рубашки и впрямь исходили дымные струйки.

– Проклятье! – взвизгнул Морвир.

Изумленный Трясучка отпустил его и попятился. Морвир сорвал с себя куртку, из которой посыпались со звоном осколки разбившихся пузырьков с кислотой, стянул уже начавшую расползаться рубашку, швырнул ее на пол. Дым повалил гуще, наполняя комнату мерзостной вонью.

Теперь, в результате непредсказуемого поворота судьбы, голыми, или отчасти таковыми, оказались все трое. И все смотрели на злополучную рубашку.

– Мои извинения. – Морвир прочистил горло. – В планы это, разумеется, не входило.

Расплата

Монца хмуро посмотрела на кровать, на Трясучку, привольно в ней раскинувшегося. Одеяло сбито на живот, рука, длинная и мощная, свешивается до полу, кисть беспомощно развернута белой ладонью вверх. Из-под одеяла торчит сильная нога, с черными полукружиями грязи под ногтями. Лицо мирное, как у ребенка, глаза закрыты, рот открыт. Грудь с протянувшимся поперек шрамом едва заметно вздымается и опускается.

При свете дня случившееся ночью казалось лишь досадной ошибкой.

Она бросила ему на грудь горстку серебряных монет, те звякнули и скатились на постель. Трясучка подскочил, растерянно заморгал глазами. Потом уставился тупо на монетку, прилипшую к груди.

– Чего это?

– Пять скелов. Более чем приличная плата за ночь.

– Да? – Он протер двумя пальцами глаза, прогоняя сон. – Вы мне платите? – Стряхнул монетку на одеяло. – Эдак и шлюхой себя почувствовать недолго.

– А ты еще не чувствуешь?

– Нет. У меня осталась кое-какая гордость.

– Значит, убить за деньги ты готов, а полизать между ног – нет? – Монца фыркнула. – Вот они, твои принципы. Хочешь совет? Бери пятерку и оставайся верен в будущем убийству. Тому, к чему имеешь талант.

Трясучка снова улегся, натянул одеяло до подбородка.

– Как выйдете, прикройте дверь, ладно? Здесь жутко холодно.

Клинок Кальвеца яростно полосовал воздух. Нанося удары, делая выпады слева, справа, сверху, снизу. Она вертелась на одном месте в дальнем уголке двора, шаркая подошвами по разбитой брусчатке. Тренируя левую руку. Рубаха липла к спине, несмотря на холод, от которого дыхание вырывалось изо рта белыми облачками.

Состояние ног понемногу улучшалось. При быстром движении они еще горели, по утрам были одеревеневшими, как сухие сучья, и адски болели по вечерам, и все-таки она могла уже ходить почти не морщась. В коленях даже появилась некоторая упругость, хотя они по-прежнему щелкали. Плечо и челюсть тоже обрели подвижность. Не чувствовалось никакой боли при нажатии на монетки под кожей головы.

Лишь правая рука была загублена безвозвратно. Сунув меч Бенны под мышку, Монца стянула перчатку. Даже это причиняло боль. Изувеченная кисть, слабая и бледная, с багровым шрамом на ребре, оставленным удавкой Гоббы, дрожала. Сжать скрюченные пальцы в кулак до сих пор удавалось с трудом. Мизинец упрямо продолжал торчать в сторону. И при мысли о том, что уродством этим она проклята до конца жизни, Монца испытала внезапный приступ бешенства.

– Ублюдок, – прошипела она сквозь стиснутые зубы и вернула перчатку на место.

Впервые отец дал ей подержать меч, когда Монце было лет восемь. Она помнила, каким странным, тяжелым и непокорным казался он тогда ее руке. Правой. Почти то же самое чувствовала она сейчас, беря его в левую. Но не было иного выбора, кроме как учиться.

Начать с азов, раз ничего другого не остается.

Она повернулась лицом к прогнившему ставню, направила в него клинок, держа запястье параллельно земле. Нанесла три удара, рассекших три дощатые планки, расположенные одна над другой. Повернула запястье, с рычанием ударила сверху вниз и разрубила ставень надвое. Брызнули щепки в разные стороны.

Лучше. С каждым днем хоть немного, но лучше.

– Великолепно. – В дверях появился Морвир со свежими ссадинами на щеке. – Нет ставня в Стирии, который осмелился бы нам противостоять. – Вышел легким шагом во двор, сложив руки за спиной. – Осмелюсь предположить, ваш удар был еще более впечатляющим, когда правая рука была в порядке.

– Все впереди.

– Не сомневаюсь. Пришли в себя после… ночных трудов с нашим северным приятелем?

– Моя постель – моя забота. А вы? Пришли в себя после падения ко мне в окошко?

– Пустое… пара царапин.

– Экая досада. – Она убрала Кальвец в ножны. – Дело сделано?

– Будет.

– Он мертв?

– Будет.

– Когда?

Морвир поднял глаза на квадрат серого неба над головою, ухмыльнулся.

– Первейшая из добродетелей – терпение, генерал Меркатто. Банк только что открылся, и состав, который я использовал, начнет действовать лишь через некоторое время. Хорошая работа быстро не делается.

– Но все же будет сделана?

– О, несомненно. Причем… мастерски.

– Я хочу это видеть.

– Увидите. Наука смерти даже в моих руках не гарантирует абсолютной точности, но ждать, насколько я могу судить, осталось не больше часа. – Он двинулся прочь, напоследок погрозив ей пальцем через плечо. – И позаботьтесь о том, чтобы вас там не узнали. Наша совместная работа только начинается.

В банковском зале царило оживление. Десятки клерков, склонившись над огромными гроссбухами, бесперебойно скрипели перьями, переговаривались с клиентами и снова скрипели. Вдоль стен стояли скучающие стражники, лениво поглядывая по сторонам. А то даже и не поглядывая. Монца, следом за которой проталкивался северянин, обходила стоявших отдельными группами нарядно одетых, увешанных драгоценностями, благоухавших духами мужчин и женщин. Пробиралась меж очередями, в которых томились богатые купцы и лавочники, их жены, телохранители, слуги с мешками денег и сейфами. Судя по всему, то был обычный весьма доходный день для банкирского дома Валинта и Балка.

Вот он, источник, откуда герцог Орсо получал деньги.

И вдруг… она увидела сухопарого мужчину с крючковатым носом, стоявшего в окружении клерков с гроссбухами под мышкой и беседовавшего с несколькими укутанными в меха купцами. Хищное лицо его мелькнуло в толпе внезапно, как искра, вспыхнувшая в подвальной тьме, и Монцу опалило огнем. Мофис. Человек, убить которого она явилась в Вестпорт. И вряд ли требовалось комментировать, что выглядел он чертовски живым.

В углу зала раздался крик, но Монца не оглянулась. Крепко стиснула зубы и начала пробиваться между очередями к банкиру Орсо.

– Что вы делаете? – прошипел над ухом Трясучка, но она его оттолкнула. Оттолкнула с дороги и мужчину в цилиндре.

– Разойдитесь, дайте ему вздохнуть! – прокричал кто-то.

Люди начали оборачиваться и вытягивать шеи, пытаясь увидеть, что происходит. В очередях загомонили, стройные ряды их рассеялись. Монца, ни на что не обращая внимания, неуклонно продвигалась вперед. Все ближе и ближе к Мофису. Вопреки здравому смыслу, понятия не имея, что сделает, когда доберется до него. Вопьется зубами в глотку? Скажет

«привет»?.. Оставалось уже меньше десяти шагов – примерно столько же, сколько разделяло их, когда он смотрел на ее умирающего брата.

И тут лицо банкира исказила болезненная гримаса. Монца притормозила, укрылась за чужими спинами. Увидела, как Мофис сложился вдвое, словно его ударили в живот. Закашлялся натужным, мучительным кашлем, походившим на рвотные спазмы. Шагнул, пошатываясь, к стене, оперся на нее. Толпа вокруг пришла в движение, послышались возбужденные шепотки. Издалека снова донеслись крики:

– Отойдите же!

– Что происходит?

– Переверните его!

Глаза у Мофиса заслезились, жилы на тощей шее набухли. Колени подогнулись, и он схватился за стоявшего рядом клерка. Тот пошатнулся, но придержал начальника и помог ему медленно опуститься на пол.

– Господин… что с вами?

Монца, завороженная и одновременно испуганная этим зрелищем, затаила дыхание. Придвинулась ближе, выглянула из-за чьего-то плеча и… неожиданно встретилась глазами с Мофисом. Мутный взор его застыл, лицо напряглось и побагровело. Подняв трясущуюся руку, банкир ткнул в нее костлявым пальцем.

– Ме… – выдавил он. – Ме… Ме…

Потом глаза его закатились, спина выгнулась, и Мофис, суча ногами, неистово забился на мраморных плитах пола, как вытащенная на берег рыба. Испуганные зеваки поначалу таращились на него молча. И вдруг один из них согнулся во внезапном приступе кашля. Тут закричали, казалось, все в банковском зале:

– Помогите!

– Сюда!

– Кто-нибудь!

– Отойдите, вам сказано!

Из-за стола, с грохотом уронив стул, поднялся клерк, схватился руками за горло. Сделал, пошатываясь, несколько шагов, затем, посинев лицом, рухнул. С брыкнувшей ноги слетел башмак. Один из сопровождавших Мофиса служащих упал, задыхаясь, на колени. Раздался пронзительный женский вопль.

– Чтоб я сдох… – услышала Монца голос Трясучки.

Из разинутого рта Мофиса хлынула розовая пена. Корчи его сменились подрагиванием. Затем и того не стало. Тело обмякло, пустые глаза уставились на ухмылявшиеся бюсты, что стояли вдоль стен.

Двое мертвы. Осталось пятеро.

– Чума! – завизжал кто-то. И, словно это был сигнал к атаке на поле битвы, в банке мгновенно началось истинное столпотворение.

Все ринулись к выходу, и Монцу чуть не сбил с ног один из купцов, с которыми несколько минут назад беседовал Мофис. Трясучка дал ему пинка, купец свалился на труп банкира. А на нее тотчас же налетел другой клиент в съехавших очках, его выпученные глаза казались на побелевшем лице неестественно большими. Она инстинктивно ударила его в лицо правым кулаком, задохнулась от боли, пронзившей руку до плеча, затем рубанула по шее ребром левой и отпихнула от себя наконец.

«Чума распространяется медленней, чем паника, – писал Столикус, – и забирает меньше жизней».

Налет цивилизованности испарился молниеносно. Богатые, холеные люди превратились в диких зверей. Они отшвыривали с дороги всех, кто мешал пройти. Не замечали упавших. На глазах у Монцы разряженный толстяк ударил женщину с такой силой, что та с окровавлен-

ным лицом, на которое съехал парик, отлетела к стене. Бегущие безжалостно топтали сбитого с ног старика. Из выроненного кем-то сейфа пролился ручей серебряных монет, никого сейчас не интересовавший, и был немедленно разметен по сторонам башмаками. Происходившее напоминало бегство с поля брани. Крики, давка, зловоние пота и страха, спасающиеся люди и брошенный ненужный хлам.

Монцу толкнули, она ударила кого-то в ответ локтем. Услышала хруст, на щеку брызнула чужая кровь. Толпа захватила ее и понесла, как ветку по течению, вертя, пиная, сдавливая, дергая. Поток выволок ее, сколько ни отбивалась, рыча, сквозь двери на улицу. Ноги почти не касались земли, так плотен был водоворот людских тел. Там ее отпихнули в сторону. Она вырвалась из толпы, слетела со ступеней банковского крыльца и припала к стене.

Откуда-то взялся Трясучка, подхватил ее под локоть и то ли повел, то ли понес прочь. У входа два стражника тщетно пытались остановить паническое бегство, орудуя древками алебард. Толпа вдруг раздалась в стороны. Монцу толкнули в спину. Обернувшись, она увидела скорчившегося на мостовой мужчину, на губах которого пузырилась красная пена. Испуганные, обезумевшие люди спешили убраться от него подальше.

Голова у нее закружилась, во рту стало горько. Трясучка, тяжело дыша и то и дело оглядываясь через плечо, прибавил шагу. Они свернули за угол банка, направились к дому, и крики за спиной сделались тише. Тут Монца увидела Морвира, который стоял у высокого окна, словно наслаждающийся театральным представлением богатый меценат в собственной ложе. Он улыбнулся им сверху и помахал рукой.

Трясучка прорычал что-то на своем языке, распахнул дверь. Монца, едва войдя, схватилась за рукоять Кальвеца и понеслась вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, не обращая внимания на боль в коленях.

Когда она ворвалась в комнату, Морвир так и стоял у окна. Помощница его сидела на столе, скрестив ноги, и с аппетитом вгрызалась в ломоть хлеба.

– Похоже, там, на улице, небольшая суматоха? – Отравитель повернулся к Монце с улыбкой, которая пропала, как только он увидел ее лицо. – Что такое? Он жив?

– Умер. Умерли десятки человек.

Морвир слегка приподнял брови.

– В учреждениях подобного рода документы постоянно перемещаются из рук в руки. Я не мог рисковать тем, что они минуют банкира. На что я никогда не полагаюсь, Дэй?

– На случай. Осторожность на первом месте, всегда. – Та откусила еще хлеба и прочавкала: – Поэтому мы отравили их все. Каждый гроссбух.

– Мы так не договаривались, – прорычала Монца.

– Именно так и договаривались, по моему мнению. Любой ценой, сказали вы, и не важно, кто погибнет попутно. Это единственные условия, при которых я работаю. В любом другом случае остается место для недопонимания. – На лице Морвира появилось отчасти озадаченное, отчасти насмешливое выражение. – Я прекрасно знаю, что некоторым людям не по душе массовые убийства. Но никак не ожидал, что вы, Монцкарро Меркатто, Змея Талина, Палач Каприле, относитесь к их числу. Вопрос денег вас пусть не беспокоит. Мофис будет стоить вам десять тысяч, как мы и договаривались. Остальные – бесплатно…

– Это не вопрос денег!

– А чего же? Я выполнил часть заказанной вами работы и сделал это успешно, так в чем меня можно упрекнуть? Вы говорите, что на подобный результат не рассчитывали. Но работа проделана не вами, так в чем же можно упрекнуть вас? Ответственность, похоже, падает в пустоту между нами, как дерьмо из задницы – в сточную канаву. Скрывается из виду навеки и никому в дальнейшем не причиняет неудобств. Печальное недоразумение… назовем это так. Случайность. Все равно что внезапно дунул ветер, повалил дерево, и оно, упав, раздавило кучу крошечных насекомых… насмерть.

– Ненароком, – прощебетала Дэй.

– Если вас мучает совесть…

Монца в гневе стиснула рукой в перчатке ножны. Хрустнули болезненно кривые суставы.

– Совесть – всего лишь предлог, позволяющий отказаться от дела. Мне не нужны лишние мертвецы. С этого дня мы убиваем только одного человека зараз.

– В самом деле?..

Она сделала быстрый шаг вперед. Отравитель попятился. Метнул нервный взгляд на меч, снова уставился на нее.

– Не испытывайте меня. Никогда. Одного зараз… я сказала.

Морвир осторожно кашлянул.

– Конечно… вы заказчик. Как прикажете, так и будет. Гневаться на самом деле ни к чему.

– О, в гневе вы меня еще не видали.

Он испустил страдальческий вздох.

– В чем трагедия нашего ремесла, Дэй?

– В полнейшем непонимании. – Помощница его закинула в рот последнюю корочку.

– Совершенно верно. Пойдем-ка прогуляемся по городу, покуда наша нанимательница решает, какое следующее имя в ее небольшом списке требует нашего внимания. Здесь в атмосфере чувствуется запашок ханжества.

С видом оскорбленной невинности Морвир вышел из комнаты. Дэй, проводив его взглядом из-под песочных ресниц, пожала плечами, встала, стряхнула крошки с груди и последовала за учителем.

Монца подошла к окну. Перепуганные посетители банка, похоже, уже разбежались. Взамен подоспели любопытствующие горожане, старавшиеся не подходить близко к неподвижным телам на мостовой.

Что, интересно, сказал бы сейчас Бенна? Велел бы ей успокоиться, скорее всего. И хорошенько подумать.

Она вцепилась обеими руками в сундук, с рычанием отшвырнула его от себя. Он врезался в стену, с которой пластами посыпалась штукатурка, перевернулся. На пол вывалилась одежда.

Трясучка смотрел на нее, стоя в дверях.

– С меня довольно.

– Нет! – Она сглотнула. – Нет. Мне еще нужна твоя помощь.

– Выйти и сразиться с человеком – это одно. Но так…

– Такого больше не будет. Я прослежу.

– Чистенькие, аккуратные убийства? Плохо верится. Собравшись убивать, заранее мертвецов не подсчитаешь. – Он медленно покачал головой. – Скоты вроде Морвира еще могут после этого улыбаться. Я – не могу.

– И что дальше? – Она двинулась к нему осторожно, как к норовистой лошади, пытаясь удержать от побега взглядом. – Пятьдесят скелов и возвращение на Север? Снова длинные волосы, дрянная одежда, кровь на снегу? Я думала, у тебя есть гордость. Думала, ты хочешь стать лучше.

– Это верно. Хочу.

– Так попробуй. Останься. Кто знает, вдруг тебе в результате удастся спасти несколько жизней? – Монца мягко коснулась левой рукой его груди. – Или направить меня на праведный путь? Тогда ты станешь хорошим и богатым одновременно.

– Что-то я уже не верю, что такое бывает.

– Помоги мне. Я должна это сделать… в память о брате.

– Вы так считаете? Мертвым все равно. Мстят ради себя самих.

– Значит, ради меня самой! – Она смягчила голос. – Могу я как-нибудь заставить тебя передумать?

Трясучка поморщился.

– Собираетесь бросить еще пятерку?

– Я не должна была так поступать. – Пытаясь найти верные слова, предложить верную сделку, Монца скользнула рукою по его груди вверх, очертила пальцем линию упрямого подбородка. – Ты этого не заслужил. Я потеряла брата… а он был для меня всем. Не хочу больше терять… никого…

Она сделала многозначительную паузу.

В глазах Трясучки появилось странное выражение. Отчасти сердитое, отчасти жаждущее, отчасти пристыженное. Долгое мгновение он стоял молча, и Монца чувствовала, как под рукой ее, которую она так и не убрала с его лица, поигрывает желвак.

– Десять тысяч, – сказал он наконец.

– Пять.

– Восемь.

– Договорились. – Она опустила руку. Встретилась с ним глазами. – Собирайся. Через час уезжаем.

– Ладно.

Из комнаты он вышел, не оглянувшись на нее, виновато потупившись.

Нелегко иметь дело с хорошими людьми. Чертовски дорого они обходятся…

III. Сипани

Вера в сверхъестественный источник зла не нужна; люди сами способны на любое злодейство.
Джозеф Конрад

Не прошло и двух недель, как, желая сравнять счет, явились мстители с другой стороны границы, повесили старика Дестора вместе с женой и сожгли мельницу. Еще через неделю отправились мстить его сыновья, и Монца, прихватив отцовский меч и хнычущего Бенну, пошла с ними. Радостно пошла, ибо вкус к фермерству она потеряла.

Расплатившись за мельника, они покинули долину и не останавливались в течение двух лет. К ним присоединились и другие люди, потерявшие работу, семьи, жилье. Вскоре они сами стали теми, кто жег чужие посевы, вламывался в чужие дома и забирал все, что находил. Вскоре они сами стали теми, кто вешал. Бенна быстро подрос и забыл, что такое милосердие. Могло ли быть иначе?.. Они мстили за убийства, потом за воровство, потом за махинации, потом за слухи о махинациях. Шла война, и нехватки в обидах, за которые требовалось отомстить, не было.

Как вдруг в конце лета Талин и Масселия заключили мир без всякого выигрыша для обеих сторон, кроме трупов. В долину приехал господин в плаще с золотой каймой с отрядом солдат и запретил репрессалии. Сыновья Дестора со товарищи разделили добычу и разошлись. Одни вернулись к тому, чем занимались до охватившего их безумия, другие ринулись с головой в безумие новое. Вкус Монцы к фермерству начал возрождаться.

Но дальше возвращения в деревню дело не зашло.

Там, на бортике разбитого фонтана, они узрели ослепительное воплощение воинственности в начищенной до блеска стальной кирасе, с мечом, на рукояти которого сверкали драгоценные камни. Послушать его собралась половина долины.

– Меня зовут Никомо Коска, я капитан Солнечной роты – благородного братства, сражающегося вместе с Тысячей Мечей, лучшими наемниками Стирии! С нами заключил договор о найме Рогонт, молодой герцог Осприи, и мы ищем людей! Людей, имеющих боевой опыт, людей отважных, любящих приключения и деньги! Кого из вас тошнит от ковыряния в грязи ради куска хлеба? Кого влечет надежда на лучшее? Честь? Слава? Богатство?.. Присоединяйтесь к нам!

– Мы можем… – начал Бенна.

– Нет, – ответила Монца. – Довольно с меня войны.

– Война будет короткой! – прокричал Коска, словно услышав ее мысли. – Это я вам обещаю! И заработаете вы куда больше, чем здесь! Скел в неделю плюс доля в добыче! А добычи будет много, парни, поверьте мне! Наше дело правое… достаточно правое, и победа ждет нас наверняка!

– Мы можем! – прошипел Бенна. – Хочешь снова возиться в земле? Падать замертво по вечерам от усталости? Я – нет!

Монца задумалась о том, каких усилий ей будет стоить расчистка верхнего поля и сколько денег это принесет. Меж тем уже образовалась очередь из желающих вступить в Солнечную роту. Бродяг и фермеров в основном, чьи имена заносил в книгу чернокожий писарь.

Она протолкалась вперед.

– Я – Монцкарро Меркатто, дочь Джаппо Меркатто, а это – мой брат Бенна, и обоим нам приходилось воевать. Найдется ли для нас работа в вашей роте?

Коска нахмурился, чернокожий покачал головой.

– Нам нужны мужчины с боевым опытом. А не женщины и дети.

Он попытался отстранить ее. Монца не сдвинулась с места.

– У нас есть опыт. И посерьезнее, чем у этих ошметков.

– Я могу предложить тебе работу, – сказал один из фермеров, расхрабрившись после того, как поставил на бумаге подпись. – Петушка моего не желаешь пососать?

Над собственной шуткой он смеялся до тех пор, пока Монца не швырнула его наземь и не заставила проглотить половину зубов каблуком сапога.

Никомо Коска наблюдал за этой демонстрацией силы, приподняв одну бровь.

– Саджам… в договоре о найме точно упомянуты мужчины? Как там сказано?

Писарь заглянул в документ.

– Две сотни конников, две сотни пехотинцев, коим надлежит быть людьми бывалыми и хорошо снаряженными. Сказано – «люди».

– Да и «бывалость» – понятие расплывчатое. Эй, девочка! Меркатто! Берем тебя. И брата твоего тоже. Ставьте подписи.

Они сделали, что было велено, и этого оказалось довольно, чтобы стать солдатами Тысячи Мечей. Наемниками.

Фермер схватил Монцу за ногу.

– Мои зубы…

– Пощи их у себя в дерьме, – сказала она.

Затем Никомо Коска, знаменитый солдат удачи, под веселое пение трубы вывел новых наемников из деревни, и на ночлег они расположились под звездами, у костров, и предались мечтам о том, как разбогатеют в предстоящем походе.

Монца с Бенной сидели, укрывшись одним одеялом на двоих и тесно прижавшись друг к другу. Из темноты, сверкая латами, в которых отражалось пламя костра, к ним вышел Коска.

– Вот вы где, мои детки-солдатики! Талисманчики мои! Замерзли, да? Держите. – Стянул с плеч темно-красный плащ, бросил им. – Грейте косточки.

– Что вы хотите за него?

– У меня есть еще, так что примите в подарок.

– С чего это? – подозрительно проворчала Монца.

– Командир заботится сначала об удобстве своих людей, потом уже о собственном, как говаривал Столикус.

– Кто это? – спросил Бенна.

– Столикус? Величайший полководец в истории. Император древности. Самый знаменитый.

Монца промолчала, а Бенна снова задал вопрос:

– Кто такой император?

Коска вскинул брови.

– Король, считай, только рангом повыше. Нате-ка, почитайте. – Он вынул из кармана и сунул Монце в руки маленькую книжицу в красном потертом переплете.

– Ладно.

Та открыла ее и угрюмо уставилась на первую страницу, в надежде, что он сейчас уйдет.

– Мы не умеем читать, – ляпнул Бенна, не успела она его заткнуть.

Коска нахмурился, подкрутил двумя пальцами навощенный ус. Монца думала, сейчас велит им немедленно убираться домой. Вместо этого он уселся рядом, подобрал под себя ноги.

– Дети, дети… – Ткнул пальцем в книжную страницу. – Вот это – буква «а».

Туманы и шепоты

Город Сипани пах гниющими морскими водорослями, угольным дымом, дерьмом и мочой. Короткой жизнью и долгим угасанием. Трясучку подташнивало, хотя с запахом он, может, и смирился бы, когда бы мог видеть собственную руку перед лицом. Вечер был таким темным, туман таким густым, что шедшая в паре шагов впереди Монца казалась чуть ли не призраком. Фонарь высвечивал из тьмы под ногами всего с десяток булыжников, блестевших от холодной росы. И несколько раз Трясучка едва не шагнул прямиком в воду. Что было нетрудно. Ибо в Сипани вода таилась за каждым углом.

Из тумана выплывали злобные великаны, превращались в угрюмые дома, прокрадывались мимо. Выныривали, как шанка во время битвы при Дунбреке, темные силуэты и оборачивались мостами, оградами, статуями, экипажами. На столбах горели фонари, у дверей – факелы. Светившиеся во мраке окна казались висящими в пустоте и были ненадежны, как болотные огоньки. Только он выбрал за ориентир ряд окошек, как дом куда-то поехал. Чувствуя, что земля уходит из-под ног, Трясучка заморгал, потряс головой. После чего понял, что то была баржа, проплывшая рядом с мостовой, унося свои огни в ночь. Никогда ему не нравились города, туманы и море. Вместе же взятые, они и вовсе походили на дурной сон.

– Чертов туман, – проворчал Трясучка, поднимая фонарь повыше, словно из этого мог выйти какой-то толк. – Ничего не видать.

– Это Сипани, – бросила через плечо Монца. – Город туманов. Город шепотов.

Холодная тьма вокруг и вправду полнилась неумолчными, приглушенными звуками: плеском и бульканьем воды в каналах, поскрипыванием тросов, удерживавших на месте лодки, звоном колоколов, собачьим лаем, кошачьими завываниями, крысиным топотком, вороньим карканьем. И человеческими голосами, конечно. Невидимые за туманом люди окликали друг друга, называли цены, торговались, сыпали предложениями, шутками, угрозами – всем вперемежку. Порой откуда-то доносились обрывки музыки. Вспыхивали на другой стороне канала призрачные огоньки и брели, раскачиваясь, сквозь тьму – то подвыпившие посетители покидали с фонарями в руках таверны, направляя нетвердые стопы кто в бордель, кто в игорный дом, кто в курильню. Голова у Трясучки от всего этого кружилась. Тошнота усиливалась. Казалось, его вообще тошнило не переставая. Давно, с самого Вестпорта.

Во тьме послышались быстрые, гулкие шаги, и Трясучка, схватившись за рукоять топора, спрятанного под курткой, прижался к стене. Из тумана возникли и снова скрылись в нем, промчавшись мимо, несколько мужчин и женщин, одна из которых придерживала на бегу шляпу на своих взбитых стогом волосах. Промелькнули искаженные пьяными, дьявольскими ухмылками лица и сгинули в ночи, лишь туман завился водоворотами вослед развевавшимся плащам.

– Ублюдки, – проворчал Трясучка, выпустив топор и отлепившись от склизкой стены. – Их счастье, что я никого не треснул.

– Привыкай. Это Сипани. Город пьяниц. Город полуночников.

Полуночников тут хватало, это верно. На каждом углу, у каждого моста ошивались сомнительного вида мужчины, провожая прохожих пристальными взглядами. В дверях караулили женщины, многие из которых, несмотря на холод, были едва одеты.

– Скел! – крикнула одна Трясучке. – Всего за скел – ночь всей твоей жизни! Ладно, десять медяков! Восемь!

– Собой торгуют, – буркнул он.

– Все собой торгуют, – донесся до него приглушенный голос Монцы. – Это…

– Да, да. Чертов Сипани.

Монца остановилась, и он чуть не налетел на нее. Она откинула капюшон и уставилась на узкую дверь в осыпающейся кирпичной стене.

– Пришли.

– Еще один дворец?

– В настоящих дворцах побываем позже. Пока же у нас работа. Сделай грозный вид.

– Как скажете, начальник. – Трясучка выпрямился, состроил самую мрачную мину. – Как скажете.

Она постучала, и вскоре дверь отворилась. На пороге встала женщина, высокая и худая, как паучиха. Прислонилась плечом к одной стороне дверного косяка, уперлась рукой в другую, загородив своим телом вход. Побарабанила по косяку пальцем с таким видом, словно и туман принадлежал ей, и ночь, и визитеры тоже. Трясучка поднес фонарь немного ближе. Высветил жесткое, хитрое лицо, усеянное веснушками, всепонимающую улыбку, короткие рыжие волосы, стоящие на голове торчком.

– Шайло Витари? – спросила Монца.

– А вы, стало быть, Меркатто.

– Она самая.

– Смерть вам к лицу. – Хозяйка, прищурясь, взглянула на Трясучку холодными глазами, в которых читалась готовность к жестокой шутке. – А кто ваш мужчина?

Ответил он сам:

– Зовут меня Кол Трясучка, и я – не ее.

– Вот как? – Хозяйка улыбнулась Монце. – Чей же, в таком случае?

– Свой собственный.

Она издала смешок. Язвительный. Хотя язвительным, казалось, было в ней все.

– Это Сипани, дружок. Здесь каждый кому-нибудь принадлежит. Северянин?

– Имеете что-то против?

– Сбросил меня один как-то с лестницы. С тех пор и недолюбливаю. Почему Трясучка?

Вопрос застал его врасплох.

– Чего?

– Я слышала, на Севере мужчина должен заслужить свое имя. Не то делами, не то еще чем-то. Так почему Трясучка?

– Э… – Меньше всего ему хотелось выглядеть дураком перед Монцей. Он еще надеялся однажды снова оказаться в ее постели. И потому соврал: – Враги трясутся при виде меня от страха, вот почему.

– Надо же. – Витари отступила от двери, пропуская гостей, и, когда Трясучка подныривал под низкую притолоку, одарила его насмешливой улыбкой. – Какие трусливые у тебя, однако, враги.

– Саджам говорит, вы многих здесь знаете, – сказала Монца, когда хозяйка ввела их в маленькую комнату, освещенную только пламенем очага.

– Я знаю всех. – Витари сняла с огня дымящийся котелок. – Супу?

– Не мне, – ответил Трясучка, прислоняясь к стене и складывая руки на груди. Ему еще хорошо помнилось гостеприимство Морвира.

– И не мне, – сказала Монца.

– Как хотите.

Витари, налив себе кружку, села, закинула одну длинную ногу на другую и принялась покачивать острым носком черного сапога.

Монца заняла единственный оставшийся стул, слегка поморщившись, когда на него садилась.

– Саджам говорит, вы многое можете.

– Зависит от того, что вам нужно.

Монца взглянула на Трясучку. Он пожал плечами в ответ.

– Я слышала, в Сипани собирается прибыть король Союза.

– Собирается. Возомнил себя, похоже, великим государственным деятелем. – Витари улыбнулась, показав два ряда ровных, острых зубов. – Хочет принести в Стирию мир.

– Сейчас?

– Таковы слухи. По его инициативе состоится совещание, на котором будут оговорены условия мира между великим герцогом Орсо и Лигой Восьми. Прибудут все главы – кто жив еще, во всяком случае, как Рогонт и Сальер. Роль хозяина сыграет старик Соториус, поскольку Сипани вроде бы нейтральная территория. От лица великого герцога выступят его сыновья, королевские шурины.

Монца нетерпеливо подалась вперед, напомнив Трясучке канюка над падалью.

– Оба… Арио и Фоскар?

– Оба. Арио и Фоскар.

– Так что, быть миру? – спросил Трясучка и тут же об этом пожалел. Женщины одарили его презрительными усмешками – каждая в своем духе.

– Это Сипани, – сказала Витари. – Единственное, что здесь бывает, – туман.

– И на совещании ничего другого не будет, можешь не сомневаться. – Монца откинулась на спинку стула, нахмурилась. – Кроме тумана и шепота.

– Лига Восьми трещит по швам. Борлетта пала. Кантейн мертв. Виссерину грозит осада, едва погода улучшится. Разговоры этого не изменят.

– Арио будет сидеть, глупо ухмыляться, слушать и кивать, руша все надежды на то, что отец его пойдет на мирное соглашение. До тех самых пор, пока солдаты Орсо не появятся под стенами Виссерина.

Витари отхлебнула из кружки, поглядела, щурясь, на Монцу.

– А с ними – Тысяча Мечей.

– Сальер и Рогонт, да и все остальные тоже, прекрасно это понимают. Они не дураки. Скряги и трусы, возможно, но не дураки. Поэтому будут просто тянуть время, маневрируя.

– Маневрируя? – переспросил Трясучка.

– Виляя, – объяснила незнакомое слово Витари, снова показав ему все зубы. – Орсо мир не нужен, да и Лига Восьми его не ищет. Единственный человек, который едет сюда, надеясь на нечто большее, чем туман, – это его августейшее величество. Но, говорят, у него талант к самообману.

– Приобретенный вместе с короной, – сказала Монца, – однако меня его величество не интересует. Арио и Фоскар… чем они еще будут заниматься, помимо скармливания лжи своему зятю?

– В первый вечер после совещания оба посетят бал-маскарад в честь короля и королевы, который состоится во дворце Соториуса.

– Дворец, поди, хорошо охраняют, – поддержал разговор Трясучка. Стараясь не обращать внимания на доносившийся откуда-то детский плач.

Витари фыркнула.

– В одном зале соберется дюжина злейших врагов, самых осторожных людей на свете… Народу с оружием там будет больше, чем в битве при Адуе. Уж и не знаю, в каком месте к братьям труднее подобраться.

– Есть другие предложения? – огрызнулась Монца.

– Посмотрим. Я Арио не друг, но с одним из его друзей знакома. Очень, очень близким.

Монца сдвинула брови.

– Тогда нам нужно…

Внезапно скрипнула, открываясь, дверь, и Трясучка мигом развернулся к ней, наполовину вытащив топор.

На пороге появился ребенок. Девочка лет восьми с рыжими, всклокоченными волосами, в ночной рубашке, слишком для нее длинной. Из-под подола выглядывали только худенькие босые ступни.

Взгляд больших голубых глаз уперся в Трясучку. Потом – в Монцу. Потом метнулся к Витари.

– Мама, Кэс плачет.

Та опустилась перед малышкой на колени и пригладила ей волосы.

– Слышу, детка. Попробуй его успокоить. Скоро я приду и спою вам песенку.

– Ладно.

Девочка снова уставилась на Трясучку. Тот стыдливо запихал топор поглубже под куртку. Изобразил улыбку. Малышка попятилась и закрыла за собой дверь.

– Сыночек кашель подхватил, – сказала Витари прежним язвительным голосом. – Сперва один заболевает, за ним – все остальные, и напоследок – я. Знакомы с радостями материнства?

Трясучка поднял бровь.

– Как-то не довелось.

– С семейной жизнью мне не везет, – сказала Монца. – Так вы можете нам помочь?

Витари перевела взгляд с нее на Трясучку и обратно.

– Кто еще у вас в подручных?

– Есть один боец, Балагур.

– Хорошо дерется?

– Очень, – сказал Трясучка, вспомнив два окровавленных трупа в талинском переулке. – Правда, малость странноват.

– Северянин, надо думать, тоже по этой части. Еще кто?

– Отравитель с помощницей.

– Хороший?

– Да… по его словам. Зовут Морвир.

– Фу! – Витари скривилась, словно мочи хлебнула. – Кастор Морвир? Этот ублюдок не надежней скорпиона.

Монца ответила ей твердым, спокойным взглядом.

– И скорпион может быть полезен. Так вы поможете нам?

Глаза Витари превратились в щелки. Блеснули в свете очага.

– Помогу, но не бесплатно. Что-то подсказывает мне, что по окончании дела я перестану быть в Сипани желанной гостьей.

– О деньгах не беспокойтесь. Они будут, когда мы доберемся до принцев. Вы знаете людей, которые могут с этим помочь?

Витари глотнула еще супу, выплеснула остатки в очаг. Угли зашипели.

– Ох… кого я только не знаю.

Искусство убеждения

Ранним утром на кривых улочках Сипани еще царила тишина. Монца поежилась, плотнее запахнула куртку, спрятала руки под мышки. На посту у двери она стояла уже около часа, все больше коченея и выдыхая в туманный воздух облачка пара. Уши и ноздри пощипывало от холода. Странно, что сопли в носу не замерзали. Но она терпела. Должна была терпеть.

«Девять десятых войны – это ожидание», – писал Столикус.

Все десять – казалось ей сейчас.

Мимо, посвистывая, прошел мужчина, прокатил тачку, груженную соломой. Монца смотрела ему вслед, пока черный силуэт не растворился в тумане.

Ей хотелось, чтобы рядом был Бенна.

И еще хотелось, чтобы при нем была трубка.

Мысли застряли в голове, как заноза под ногтем, – не избавиться. Монца облизала пересохшие губы. О, чудесное, покалывающее жжение в легких… вкус дыма во рту, тяжесть, разливающаяся по рукам и ногам, свет, заполняющий мир, когда следа не остается от сомнений, ярости, страхов…

Вновь послышались шаги. Из темноты вынырнули две фигуры. Монца напряглась, сжала кулаки, не обращая внимания на боль в искалеченной руке. Впереди шла женщина в ярко-красном плаще с золотой вышивкой. Сзади – мужчина… слуга, тащивший на плече тяжелый сундук.

– Пошевеливайся! – крикнула женщина с едва заметным союзным акцентом. – Если я опять опоздаю…

Тишину прорезал звонкий свист Витари. Из подворотни выскользнул Трясучка, догнал слугу, ухватил за руки. Из ниоткуда вышел Баламут, нанес ему четыре мощных удара в живот. Бедняга и вскрикнуть не успел. Повалился на мостовую, и его начало рвать.

Зато вскрикнула женщина. Вытаращила глаза, развернулась, собираясь бежать. Но из мрака впереди донесся голос Витари, зловеще вопросивший:

– Карлота дан Эйдер, если не ошибаюсь?

Женщина, беспомощно вскинув руки, попятилась к двери, где поджидала Монца.

– У меня есть деньги! Я заплачу…

Витари непринужденной и развязной походкой выплыла из тумана, словно прогуливаясь по собственному саду.

– О конечно, заплатишь. Должна сказать, я была удивлена, узнав, что фаворитка принца Арио явилась в Сипани. Говорят, тебя не вытащить из его спальни.

Подгоняемая Витари, женщина все пятилась к двери, и Монца начала отступать в глубь коридора, морщась от острой боли в затекших ногах.

– Сколько бы ни платила вам Лига Восьми, я…

– Обижаешь. Я не работаю на них. Ты не помнишь меня? Не помнишь Дагоску? Свою попытку продать город гуркам? И как тебя поймали? – Витари выронила что-то из руки, и Монца увидела запрыгавший по камням мостовой крестообразный клинок, свисавший на цепочке с ее запястья.

– Дагоска? – В голосе Эйдер зазвучал неподдельный ужас. – Нет! Я сделала все, как он сказал! Все! Зачем ему…

– О, на Калеку я тоже больше не работаю. – Витари шагнула ближе. – Только на себя.

Женщина, пятясь, переступила порог и оказалась в коридоре. Повернулась и увидела поджидавшую там Монцу, чья рука в перчатке небрежно лежала на рукояти меча. Эйдер застыла неподвижно, лишь грудь вздымалась от прерывистого дыхания.

Витари вошла тоже, захлопнула за собой дверь и задвинула со зловещим лязгом засов.

– Вперед. – Дала пинка пленнице, и та, запутавшись в полах собственного плаща, чуть не упала. – Будь так любезна. – Последовал второй пинок, и Эйдер, не успевшая толком удержаться на ногах, перелетела через порог в комнату и грохнулась на пол.

Витари одной рукой легко вздернула ее и поставила на ноги. Монца медленно двинулась следом за ними, прихрамывая и плотно сжимая челюсти.

Как челюсти ее, комната знавала лучшие дни. Полуобвалившаяся штукатурка на стенах пузырилась от сырости и была покрыта черными, страшными пятнами плесени. Спертый воздух благоухал гнилью и луком.

В углу, прислонясь к стене, стояла Дэй с беззаботной улыбкой на лице и начищала рукавом сливу цвета свежего синяка. Которую предложила Эйдер:

– Не желаете?

– Что?! Нет!

– Напрасно. Вкусные.

– Садись. – Витари подтолкнула пленницу к расшатанному стулу, единственному предмету мебели в комнате. В подобных случаях единственный стул – весьма хорошее средство. Только не для Монцы сейчас. – Говорят, история движется по кругу. Но кто бы мог подумать, что наша новая встреча будет так похожа на предыдущую? Расплакаться можно. Тебе, во всяком случае.

С виду, однако, Карлота дан Эйдер не собиралась плакать. Она села прямо, сложила руки на коленях с редким самообладанием, учитывая обстоятельства. Можно сказать, даже с достоинством. Не первой молодости женщина, но очень хороша, тем более что все необходимые усилия к этому приложены. Тщательно напудрена, искусно подкрашена. На шее – сверкающее ожерелье из красных камней, на пальцах – золото. Похожа больше на графиню, чем на любовницу принца, и столь же к месту в этой прогнившей комнате, как в куче мусора – алмаз.

Витари медленно обошла ее кругом, наклонилась и прошипела в ухо:

– Прекрасно выглядишь. Всегда умела приземлиться на ноги. И все же это падение, не так ли? Из глав торговой гильдии – в подстилки принца Арио…

Эйдер и глазом не моргнула.

– Такова жизнь. Чего ты хочешь?

– Всего лишь поговорить. – Голос Витари стал вкрадчивым и мурлыкающим, словно перед ней был любовник. – Если ты, конечно, будешь отвечать на вопросы, которые нас интересуют. В противном случае мне придется причинить тебе боль.

– И получить от этого удовольствие, не сомневаюсь.

– Такова жизнь. – Витари вдруг ударила любовницу Арио по ребрам, с такой силой, что чуть не сбросила ее со стула. Та задохнулась, скорчилась. Кулак взлетел над ней снова. – Еще?

– Нет! – Эйдер подняла руку. Взгляд ее, словно в поисках защиты, обежал комнату, вернулся к Витари. – Нет… я… готова отвечать… только… скажи, что нужно.

– Почему ты приехала раньше своего любовника?

– Чтобы подготовиться к балу. Костюмы, маски, все…

Кулак ударил в то же место, еще сильней. Эйдер вскрикнула, с исказившимся от боли лицом обхватила себя руками, судорожно втянула воздух в грудь и закашлялась.

Витари нависла над ней, как паук над залетевшей в паутину мухой.

– Я теряю терпение. Зачем ты здесь?

– Арио собирается устроить… праздник… для брата. В честь дня его рождения.

– Что за праздник?

– Из тех, которыми знаменит Сипани. – Эйдер снова закашлялась. Повернув голову, сплюнула и забрызгала свой красивый плащ.

– Где?

– В Доме досуга Кардотти. Он снял его на ночь целиком. Для себя с Фоскаром и… других своих друзей. И выслал меня вперед, чтобы все подготовить.

– Отправил любовницу выбирать шлюх?

Монца фыркнула:

– Похоже на Арио. Что именно подготовить?

– Найти лицедеев. Привести в порядок дом. Убедиться, что там будет безопасно. Он… мне доверяет.

– Ну и дурак, – усмехнулась Витари. – Интересно, как он поступит, если узнает, на кого ты работаешь на самом деле? Для кого шпионишь? Для нашего общего дружка из Допросного дома, да? Калеки из инквизиции его величества? Докладываешь Союзу, как обстоят дела в Стирии… нелегко тебе, наверное, помнить, кого уже предала, кого собираешься предать на неделе.

Эйдер, так и сидевшая, обхватив руками грудь, взглянула на нее сердито.

– Я жить хочу.

– Умрешь, коль Арио узнает правду. Все, что для этого требуется, – маленькая записочка.

– Чего вы от меня хотите?

Монца шагнула вперед.

– Хотим, чтобы вы помогли нам подобраться к Арио и Фоскару. Хотим, чтобы вы впустили нас в ночь праздника в Дом досуга Кардотти. Что до лицедеев… хотим, чтобы вы наняли тех, кого пришлем мы. И никаких других. Ясно?

Лицо Эйдер побелело.

– Вы собираетесь их убить? – Ей не ответили, но молчание было достаточно красноречивым. – Орсо догадается, что я его предала! Калека узнает, что я его предала… да врагов страшней, чем эти двое, не найти во всем Земном круге! Лучше убейте меня сразу, сейчас!

– Хорошо. – Монца со звоном выхватила из ножен Кальвец.

Глаза Эйдер расширились.

– Погодите…

Монца приставила блестящий кончик меча к ямке между ее ключицами и слегка надавила. Любовница Арио, беспомощно взмахнув руками, вжалась в спинку стула.

– Нет! Нет!

Монца принялась вертеть запястьем. Безупречное стальное лезвие засверкало, наклоняясь то в одну сторону, то в другую, медленно вжимаясь, ввинчиваясь, вгрызаясь острием в горло. Из ранки тонкой темной струйкой засочилась кровь, поползла по груди. Эйдер взвизгнула громче:

– Ай! Нет… не надо, пожалуйста!

– Не надо? – Монца еще немного подержала ее прижатой к спинке стула. – Значит, умереть все-таки не готова? Мало кто готов… когда подходит время.

Затем отвела Кальвец, и Эйдер, вся дрожа, задыхаясь, качнулась вперед и схватилась рукой за окровавленное горло.

– Вы не понимаете! Это же не просто Орсо! Не просто Союз! Обоих поддерживает банк. Валинта и Балка. Оба – собственность банка, для которого Кровавые Годы – не более чем интермедия. Мелкий эпизод. Вы понятия не имеете, в чьем саду собираетесь нагадить…

– Не так. – Монца наклонилась к ней, заставив отпрянуть. – Мне все равно. А это меняет дело.

– Пора? – спросила Дэй.

– Пора.

Девушка, молниеносно вытянув руку, блестящей иглой кольнула Эйдер в ухо.

– Ай!

Дэй зевнула, убрала иголку в карман.

– Не бойтесь, это действует медленно. У вас остается по меньшей мере неделя.

– До чего?

– До того, как заболеете. – Дэй куснула сливу, сок брызнул на подбородок. – Фу, черт, – буркнула она, вытираясь пальцем.

– Заболею? – переспросила Эйдер.

– Ну да. И через день будете мертвее Иувина.

– Поможете нам – получите противоядие. И возможность бежать. – Рукой в перчатке Монца стерла кровь с кончика меча Бенны. – Расскажете кому-нибудь о наших планах, здесь или в Союзе, Орсо или Арио, или нашему дружку Калеке, и… – вогнала клинок обратно в ножны, – …Арио недосчитается одной из своих любовниц.

Эйдер, прижимая руку к горлу, обвела взглядом всех троих.

– Сучки злобные.

Дэй обсосала сливовую косточку и бросила ее на пол.

– Мы жить хотим.

– Дело сделано, – сказала Витари, поднимая за локоть любовницу Арио на ноги и подталкивая к двери.

Но на пути встала Монца.

– Что вы скажете слуге, когда очухается?

– Нас… ограбили?

Монца протянула руку в перчатке. Лицо у Эйдер перекосилось. Она расстегнула ожерелье, бросила в подставленную ладонь. Туда же полетели кольца.

– Достаточно для убедительности?

– Не знаю. Вообще-то вы похожи на женщину, которая будет защищаться. – С этими словами Монца двинула ей кулаком в лицо.

Эйдер вскрикнула, отшатнулась. Упала бы, если бы ее не подхватила Витари. Из носа и разбитых губ хлынула кровь. И, когда она снова подняла взгляд, в нем мелькнуло на миг необычное выражение. Несомненно, это было страдание. Страх, разумеется. Но и над тем и другим преобладала злоба.

Такой же взгляд, наверное, был у самой Монцы, когда ее сбрасывали с балкона.

– Вот теперь дело сделано, – сказала она.

Витари за локоть потащила Эйдер в коридор, к выходу. Заскрипели под ногами грязные половицы. Дэй вздохнула, отлепилась от стены, попыталась стряхнуть со спины следы штукатурки.

– Изящно и аккуратно.

– За что благодарить нужно не твоего хозяина. Где он?

– Мне больше нравится «нанимателя», а ушел он по каким-то неотложным делам.

– Делам?

– Что-то не так?

– Я плачу за мастера, не за щенка.

Дэй усмехнулась:

– Тяф, тяф. Да Морвир ничего такого не может, чего бы я не могла.

– Вот как?

– Он стареет. Слишком самонадеян. Там, в Вестпорте, чуть не погиб из-за лопнувшей веревки. Мне лично не хотелось бы, чтобы подобная неосторожность стала помехой вашему делу. Вы платите не за это. Нет ничего страшнее, чем иметь в компании неосторожного отравителя.

– Спорить не стану.

Дэй пожала плечами.

– В нашем ремесле всех случайностей не предусмотришь. Особенно в старости. Заниматься им на самом деле должны молодые.

Она неторопливо направилась к выходу, пропустив в дверях вернувшуюся Витари, на лице которой от выражения злой радости, как и от развязной походки, не осталось и следа. Черным сапогом она злобно отпихнула стул в угол. Сказала:

– Ну, лазейка найдена.

– Похоже на то.

– Как и было обещано.

– Как было обещано.

– Арио и Фоскар – в одном месте, и возможность до них добраться.

– Сработано славно.

Они посмотрели друг на друга, и Витари пробежала языком по губам, словно почувствовав на них горечь.

– Что ж, – пожала плечами. – Мне тоже хочется жить.

Жизнь пьяницы

– Винца, винца, винца… Где доброму человеку добыть винца?

Привалившись к стене, Никомо Коска, знаменитый солдат удачи, вновь запустил трясущуюся руку в кошелек, где по-прежнему не было ничего, кроме свалявшейся в комок серой пыли. Никомо выудил его, сдул с пальцев и проводил взглядом. Свое последнее, улетающее по ветру достояние.

– Дрянь! – В бессильной ярости швырнул кошелек в сточную канаву. Но тут же пожалел об этом. Чтобы поднять его, пришлось наклониться. Ветеран закряхтел, как старик.

Старик он и был. Потерянный человек. Почти мертвец. При последнем издыхании. Никомо медленно опустился на колени, глядя на свое отражение в лужице черной воды, скопившейся меж булыжниками мостовой.

Все отдал бы сейчас за крохотный глоток вина. Вот только отдавать было нечего. У него осталось лишь собственное тело. Руки, которые возносили королей к вершинам власти и сбрасывали их оттуда. Глаза, которые наблюдали поворотные моменты истории. Губы, которые целовали первых красавиц разных стран. Зудящий член, ноющие кишки, гниющая шея… с какой бы радостью он отдал все это за одну-единственную чарочку виноградного спирта. Да пойди, найди покупателя…

– Сам… как пустой кошелек. – Никомо с мольбой воздел налитые свинцовой тяжестью руки к черным небесам и возопил: – Кто-нибудь, дайте же мне этого чертова вина!

– Заткни пасть, говнюк! – отозвался грубый голос. Хлопнули, закрывшись, ставни, переулок погрузился в глубокий мрак.

Он обедал за одним столом с герцогами. Кувыркался в одной постели с графинями. Имя Коски ввергало в трепет целые города.

– Почему все это кончилось… так?

С трудом, превозмогая тошноту, он поднялся на ноги.

Пригладил волосы на больной голове, подкрутил обвисшие кончики усов. Двинулся по узкой улочке почти прежней своей, знаменитой победительной походкой к расплывчатому пятну фонарного света в туманной дали, и печальное лицо его овеял сырой, холодный ветер. Тут послышались шаги, и Коска торопливо развернулся.

– Добрый господин! Я нечаянно остался без средств… не могли бы вы ссудить мне немного денег, покуда…

– Пшел вон, оборванец. – Прохожий оттолкнул его с пути.

От оскорбления кровь прилила к лицу, щеки запылали.

– К вам обратился не кто-нибудь, а Никомо Коска, знаменитый солдат удачи! – Эффект был несколько испорчен тем, что пропитой голос дал петуха. – Капитан-генерал Тысячи Мечей! Бывший капитан-генерал то бишь… – Прохожий, исчезая в тумане, ответил непристойным жестом. – Я обедал… в одной постели… с герцогами! – Коска зашелся в приступе кашля, согнулся пополам, уперся трясущимися руками в трясущиеся колени. В груди, ходившей ходуном, как скрипучие кузнечные мехи, засаднило.

Вот она, жизнь пьяницы. Четверть проводишь сидя, четверть – лежа, четверть – на коленях, остальное время – раком. Наконец ему удалось отхаркнуть здоровенный ком мокроты, вылетевший изо рта, когда он кашлянул в последний раз. И это все, что после него останется? Расплеванное по сотням тысяч сточных канав? Да еще имя – символ предательства, алчности и расточительства?.. Со стоном крайнего отчаяния Коска выпрямился, устремил взор в пустые небеса. Где даже в звездах не мог найти сочувствия из-за скрывающего их вечного тумана Сипани.

– Один, последний шанс. Все, чего я прошу. – Он потерял уже счет последним шансам, которыми не воспользовался. – Всего один, Боже. – В бога он не верил ни дня. – Парки! – В них он тоже не верил. – Кто-нибудь! – Он ни во что не верил, кроме очередной выпивки. – Один… единственный… шанс.

– Ладно. Еще один.

Коска заморгал.

– Боже? Это… ты?

Кто-то захихикал. Издевательски, самым богомерзким образом. Женщина, судя по голосу.

– Может, на колени встанешь, Коска?

Он прищурился, вглядываясь в туман, и в нетрезвой голове началось некое подобие умственной деятельности. Появление человека, знающего его имя, добра не сулило. Врагов у него было гораздо больше, чем друзей, а кредиторов – гораздо больше, чем и тех, и других. Нетвердою рукой он поискал рукоять своего золоченого меча, но вспомнил, что заложил его еще в Осприи и купил другой, подешевле. Поискал рукоять дешевого, но вспомнил, что заложил его, едва прибыв в Сипани. И опустил трясущуюся руку. Невелика потеря. Сил не нашлось бы даже взмахнуть клинком, будь тот на месте.

– Кто здесь, черт тебя подери? Если я тебе должен, готовься… – к горлу подкатила тошнота, Коска длинно рыгнул, – …умереть.

Из тумана рядом с ним внезапно вынырнула темная фигура. Он резко повернулся, запутался в собственных ногах, упал и треснулся головой о стену. Аж искры из глаз посыпались.

– Так ты еще жив… Точно жив? – Над ним склонилась высокая худая женщина.

Лицо ее скрывала тень, но стоявшие торчком на голове волосы отливали в свете фонаря рыжим. Что-то знакомое…

– Шайло Витари. Вот уж кого не ждал увидеть. – Врагом она ему как будто не была. Но и другом тоже. Коска приподнялся на локте. На чем пришлось остановиться, поскольку улица тут же завертелась перед глазами. – Ты ведь не откажешься… утолить жажду умирающего, правда?

– Козьим молоком?

– Чем?

– Для желудка хорошо, говорят.

– Слыхал я, что у тебя кремень вместо сердца, но что его вовсе нет… ты думаешь, я пью молоко? Проклятье… мне бы всего чарочку. – Винца, винца, винца. – Всего одну, и с меня хватит.

– С тебя уже хватит. Давно на этот раз пьешь?

– Сдается, было лето, когда начал. А нынче что?

– Год точно другой. Сколько денег потратил?

– Все, что имел, и даже больше. Если найдется в мире монета, которая не прошла однажды через мой кошелек, я очень удивлюсь. Но именно сейчас я вовсе без средств, и если бы ты могла выделить мне какую-нибудь мелочь…

– Не разменивайся на мелочи. Пора меняться самому.

Коска кое-как поднялся на колени и ткнул себя трясущимся пальцем в грудь.

– Думаешь, лучшая часть моей души, усохшая, проссанная, в ужасе молящая избавить ее от пытки, не знает этого? – Беспомощно пожал плечами. – Чтобы измениться, человеку нужна помощь добрых друзей. Или врагов. Но друзья мои давно умерли, а враги… вынужден признаться, у них есть дела поинтересней.

– Не у всех, – послышался другой женский голос, от звука которого мурашки пробежали по телу Коски, так хорошо он был знаком старому солдату. И вслед за тем из мрака вынырнула еще одна фигура, в длинном плаще.

– Нет… – прохрипел Коска.

Он помнил, какой увидел ее впервые – растрепанной девчонкой девятнадцати лет, с мечом на боку, с прямым и ясным взглядом, в котором читались гнев, вызов и легкое презрение. Теперь лицо ее стало пустым, у рта появилась страдальческая складка. Меч висел на другом боку, правая рука в перчатке лежала на рукояти безжизненно. Взгляд оставался таким же непоколебимо прямым, но сейчас в нем было больше гнева, больше вызова и намного больше презрения. Кого винить?.. Он знал и сам, что ничего, кроме презрения, не заслуживает.

Тысячу раз он клялся ее убить, если, конечно, случится где-нибудь встретить. И брата ее убить, и Эндиша, Виктуса, Сезарию, Карпи Верного – всех вероломных ублюдков из Тысячи Мечей, которые его предали. Украли у него его место. Заставили бежать с поля битвы при Афиери в лохмотьях, оставшихся равно от одежд его и репутации.

Тысячу раз клялся… но Коска нарушал все клятвы, которые давал в своей жизни, и сейчас при виде ее не ощутил гнева. Вместо этого в душе вспыхнули разом поистершаяся уже жалость к себе, неожиданная глупая радость и жгучий стыд. Ибо по лицу ее было видно, насколько низко он пал. В носу у него защекотало, в глазах защипало от подкативших слез. И то, что глаза красны, как раны былых времен, его в кои-то веки порадовало. Расплачешься – никто не заметит.

– Монца… – Он попытался расправить на плечах грязный воротник, но руки так тряслись, что ничего не вышло. – Я слышал, тебя убили. Собирался отомстить, конечно…

– Мне? Или за меня?

Коска пожал плечами:

– Припомнить трудно… по дороге я остановился выпить.

– Пахнешь так, словно останавливался не однажды. – Разочарование в ее голосе кольнуло его не хуже стали. – А я слышала, что тебя в конце концов убили в Дагоске.

Не без труда он поднял руку, отмахнулся.

– По слухам, меня то и дело убивали. Врагам нравилось принимать желаемое за действительное. А где твой брат?

– Умер. – Лицо ее не дрогнуло.

– Жаль. Мальчик мне всегда нравился.

«Лживая, бесхарактерная, подлая гнида», – подумал он про себя.

– А ему всегда нравился ты.

Терпеть друг друга не могли, но какая теперь разница?..

– Если бы его сестра относилась ко мне получше, все могло бы быть по-другому.

– Нет смысла говорить о том, что могло бы быть. Нам обоим… есть в чем раскаяться.

Долгое мгновение они смотрели друг на друга молча. Она – сверху, он – снизу, стоя на коленях. Не так ему представлялась некогда эта встреча.

– Раскаяние… Издержки профессии, как говаривал Сазин.

– Возможно, нам стоит позабыть о прошлом.

– Я и вчерашнего-то дня не помню, – соврал Коска. Прошлое давило на него, как доспехи великана.

– Жить будущим в таком случае. У меня есть работа для тебя. Надеюсь, не откажешься?

– Что за работа?

– Сражаться.

Коска поморщился.

– До сих пор не можешь жить без сражений? Что я говорил тебе, и не раз? Наемнику не должно быть никакого дела до этого вздора.

– Меч – для бряцанья, не для драки.

– Узнаю свою девочку. Мне тебя не хватало, – ляпнул он, не успев подумать, закашлялся, заглушая стыд, и чуть не выкашлял легкие.

– Помоги ему, Балагур.

Пока они разговаривали, откуда-то незаметно появился еще и мужчина. Невысокий, но крепкого сложения и недюжинной силы, судя по тому, как легко он подхватил Коску и поставил на ноги.

– Сильная рука и доброе сердце, – промычал тот, борясь с очередным приступом тошноты. – Ваше имя Балагур? Вы филантроп?

– Преступник.

– Не вижу причины, по которой нельзя быть обоими сразу. В любом случае примите мою благодарность. Если вы еще укажете, в какой стороне таверна…

– Тавернам тебя придется подождать, – сказала Витари. – От чего виноторговцы, безусловно, понесут большие убытки. Совещание начнется через неделю, и ты нам нужен трезвым.

– Трезвым я больше не бываю. Это вредно. Мне послышалось, кто-то сказал «совещание»?

В глазах Монцы, устремленных на него, по-прежнему застыло разочарование.

– Мне нужен надежный человек. Отважный и опытный. Который не прочь схлестнуться с герцогом Орсо. – Губы ее дрогнули. – Лучше тебя для этого никого за такой короткий срок не найти.

Туманная улица накренилась, Коска ухватился за Балагура.

– Что у меня есть из твоего списка? Опыт?

– Хватит и того, если человек нуждается в деньгах. А ты в них очень нуждаешься, не так ли, старик?

– Да, будь я проклят. Но больше в стаканчике.

– Сделаешь свое дело, там посмотрим.

– Согласен. – Он вдруг обнаружил, что стоит выпрямившись, гордо задрав подбородок, и смотрит на Монцу сверху вниз. – Мы должны заключить договор о найме – точно как раньше делалось. Писанный круговым письмом, с перечислением всего снаряжения, какие составлял Саджам. Расписаться красными чернилами… да, кстати… где нам взять нотариуса среди ночи?

– Не волнуйся. Я поверю тебе на слово.

– Такого мне, пожалуй, еще никто не говорил во всей Стирии. Но как хочешь. – Коска решительно взмахнул рукой. – За мной, друзья, и постарайтесь не отставать. – Он отважно шагнул вперед и вскрикнул, поскольку нога внезапно подвернулась.

Кто-то подхватил его.

– Не туда, – послышался спокойный, низкий голос Балагура.

Преступник развернул его в другую сторону и скорее понес, чем повел за собою.

– Вы благородный человек, – пробормотал Коска.

– Я убийца.

– Не вижу причины, по которой нельзя быть сразу обоими…

Коска с усилием сосредоточил взгляд на Витари, шедшей впереди, потом перевел его на угрюмое лицо Балагура. Странная компания. Сплошь неудачники. Люди, которые по большому счету никому не нужны. Взглянул на Монцу, чья стремительная походка, хорошо ему памятная, была подпорчена хромотой.

И все они не прочь схлестнуться с великим герцогом Орсо. Безумцы. Или люди, лишенные выбора. Кто же в таком случае он?

За ответом далеко ходить не пришлось. Нет причины, по которой нельзя быть сразу обоими.

В стороне

Нож опускался, легко касался точильного камня и вновь взлетал. На лезвии вспыхивал и угасал свет. Двадцать взмахов в одну сторону, двадцать в другую. В мире мало что бывает хуже тупого ножа и мало что лучше острого. Поэтому Балагур, проверив пальцем холодный шероховатый край, улыбнулся. Острый…

– Дом досуга Кардотти – купеческий особняк, – холодным, деловым голосом говорила Витари. – Деревянный, как большинство домов в Сипани. С трех сторон окружает внутренний двор. Позади дома – Восьмой канал.

В кухне при заброшенном товарном складе был установлен длинный стол, за которым сейчас сидели шестеро. Меркатто и Трясучка, Дэй и Морвир, Коска и Витари. На столе красовался деревянный макет дома, окружающего с трех сторон двор; по прикидкам Балагура – в одну тридцать шестую от величины настоящего Дома досуга Кардотти. Но прикидки вряд ли были точны, а неточность ему не нравилась.

Витари провела кончиком пальца по крошечным окошкам в стене дома.

– В цокольном этаже расположены кухни, кладовые, курильня и зал для игры в карты и кости.

Балагур прижал руку к карману, с приятным чувством нащупал собственные кости, приютившиеся на груди.

– Оттуда две лестницы в разных концах ведут наверх. На первом этаже – тринадцать комнат, где гости развлекаются…

– Сношаются, – сказал Коска. – Мы все здесь люди взрослые, так давайте называть вещи своими именами.

Его налитые кровью глаза метнулись к двум бутылкам вина, стоявшим на полке, и вернулись к собеседникам. Не в первый раз, как заметил Балагур.

Палец Витари двинулся в сторону крыши.

– На верхнем этаже – три больших номера для… спаривания самых дорогих гостей. Королевский номер, расположенный посередине, достоин, по слухам, императора.

– И Арио наверняка решит, что его он тоже достоин, – прорычала Меркатто.

Компания увеличилась с пяти до семи человек, поэтому две буханки хлеба Балагур, легко врезаясь острым лезвием в пыхающую мучной пылью корку, разделил на четырнадцать кусков. Всего – двадцать восемь, по четыре каждому. Меркатто столько не съесть, но с лишним управится Дэй. Балагур терпеть не мог недоеденных кусков.

– По словам Эйдер, гостей у Арио с Фоскаром будет три-четыре дюжины, кое-кто с оружием, но не любители драться. Еще шесть телохранителей.

– Она правду говорит? – спросил Трясучка с грубоватым северным акцентом.

– Нам лгать не станет. Но в дело всегда может вмешаться случай.

– На такую прорву народа… надо бы побольше бойцов.

– Убийц, – снова встрял Коска. – Назовем их своими именами.

– Человек двадцать, – раздался жесткий голос Меркатто, – да вы трое.

Двадцать три. Любопытное число. Балагур откинул крючок на печной дверце, со скрипом отворил ее, и в лицо дохнуло жаром. Двадцать три не делится ни на что, кроме единицы. Никаких дробей. Никаких полумер. Число, похожее на саму Меркатто. При помощи тряпок он вытянул из печи большой котелок. Числа не лгут. В отличие от людей.

– И как же мы сумеем незаметно провести туда двадцать человек?

– Ожидается пирушка, – сказала Витари. – С увеселениями. Которые мы и обеспечим.

– Увеселения?

– Мы в Сипани. Где каждый второй – лицедей или убийца. Думаю, не составит большого труда найти таких, кто будет и тем и другим одновременно.

Балагура держали в стороне от обсуждения, но он не имел ничего против. Саджам попросил его делать то, что скажет Меркатто. И только. Жизнь становится намного легче, когда не обращаешь внимания на несправедливое к себе отношение, это он понял давно. И сейчас главной его заботой было тушеное мясо.

Помешав свою стряпню деревянной ложкой, он попробовал ее и остался доволен. Оценил на сорок один из пятидесяти. Запах жаркого, вид курящегося над котелком пара, звук потрескивающих поленьев в печи – все это сладостно напоминало о Схроне. О тушеном мясе, овсяной каше и супах, которые готовили там огромными чанами. Давно, в те времена, когда над головой его нависал, защищая, огромный каменный массив, и числа складывались, и все имело смысл.

– Сперва Арио попьянствует, – сказала Меркатто, – поиграет в игры, покрасуется перед своими дружками-идиотами. Потом отправится в Королевский номер.

Потрескавшиеся губы Коски сложились в ухмылку.

– Где, как я понимаю, его будут поджидать женщины?

– Одна – черноволосая, другая – рыжая. – Меркатто обменялась твердым взглядом с Витари.

– Сюрприз, достойный императора, – хохотнул Коска.

– Когда Арио умрет, что произойдет быстро, мы заглянем в следующую дверь и нанесем визит того же рода Фоскару. – Меркатто перевела взгляд на Морвира. – Наверху, пока хозяева развлекаются, будут караулить стражники. Ими можете заняться вы с Дэй.

– Правда? – Отравитель оторвался на миг от созерцания своих ногтей. – Достойное применение для наших талантов, ничего не скажешь.

– Постарайтесь на этот раз не отравить полгорода. Братьев желательно убить, не привлекая ненужного внимания. Но если что-то пойдет не так… за дело примутся лицедеи.

Старый наемник ткнул трясущимся пальцем в макет.

– Занимаем сначала двор, потом игорный зал и курильню, потом лестницы. Гостей окружаем и разоружаем. Со всей вежливостью, разумеется, и деликатностью. Просто придерживаем.

– Придерживаем. – Меркатто постучала по столешнице обтянутым перчаткой указательным пальцем. – Хочу, чтобы все вы накрепко вбили это слово себе в головы. Мы убиваем Арио, убиваем Фоскара. Возникнут затруднения – разбирайтесь с ними должным образом, но лишней крови старайтесь не проливать. Хлопот нам потом и без того хватит. Все понятно?

Коска прочистил горло.

– Думаю, стаканчик помог бы мне уложить это в…

– Понятно, – перебил Трясучка. – Гостей придерживать, обходиться без лишней крови.

– Два убийства. – Балагур поставил котелок на середину стола. – Одно и еще одно, и все. Еда готова.

Он начал раскладывать жаркое по тарелкам, мечтая убедиться, что каждому досталось одинаковое количество кусочков мяса. И лука, и моркови. И одинаковое количество бобов. Но, пока он их сосчитает, еда остынет. К тому же Балагур знал, что такая точность многих раздражает. В Схроне как-то раз началась даже массовая драка, и Балагур убил двоих, а третьему отрезал руку. Сейчас ему не хотелось убивать. Хотелось есть. Поэтому он удовлетворился, выдав каждому одинаковое количество черпаков, и ощущение беспокойства его покинуло.

– Вкусно, – набив рот, прочавкала Дэй. – Потрясающе. А еще дадут?

– Где вы научились готовить, мой друг? – спросил Коска.

– В Схроне. Провел три года на кухне. Человек, который меня учил, был главным поваром герцога Борлетты.

– За что он попал в тюрьму?

– Убил жену. Разрубил ее на части, приготовил жаркое и съел.

За столом воцарилась тишина.

Нарушил ее Коска, откашлявшись:

– Надеюсь, в этом жарком нет ничьей жены?

– Мясник сказал – баранина, и я ему верю. – Балагур поднял вилку. – Человечину так дешево не продают.

И вновь наступило неловкое молчание – как всегда, когда Балагур произносил больше трех слов кряду. Потом Коска хохотнул:

– Зависит от обстоятельств. Помнишь, Монца, детей, которых мы нашли при осаде Мориса? – Взгляд у нее стал еще мрачнее обычного, но это его не остановило. – Хотели было продать их каким-нибудь работорговцам, но, думаете, смогли…

– Конечно! – возопил вдруг Морвир, чуть не сорвавшись на визг. – Весело вам! Что может быть смешней, чем дети-сироты, которых продают в рабство?

За столом снова стало тихо. Отравитель и наемник свирепо уставились друг на друга. Обмен такими взглядами Балагуру случалось видеть в Схроне, когда прибывало пополнение и люди вынуждены были сидеть вдвоем в одной камере. Порой они попросту не понимали друг друга. Порой проникались ненавистью с первого взгляда. Оказывались слишком разными. Или, наоборот, слишком похожими. Здесь предсказать развитие событий было, конечно, сложнее. Но в Схроне, если два человека смотрели друг на друга так, дело рано или поздно заканчивалось убийством.

Выпить, выпить, выпить… Взгляд Коски соскользнул с лица Морвира, этой расфуфыренной вши, вниз, на полный вина бокал отравителя, обласкал бокалы остальных, вернулся неохотно к собственной тошнотной кружке с водой. И приковался наконец, словно схвачен был щипцами, к бутылке, стоявшей на столе. Один рывок – и она в руках. Интересно, сколько удастся выпить, прежде чем отнимут? Некоторые люди под давлением обстоятельств умеют пить очень быстро…

Тут он заметил, что за ним наблюдает Балагур. И увидел в печальных, мертвенных глазах бывшего арестанта нечто эдакое, отчего решил не спешить. В конце концов, он – Никомо Коска! Или был им, во всяком случае. Ввергал в трепет города… и так далее. Слишком много лет он не думал ни о чем, кроме очередной выпивки. Настало время задуматься о большем. Хотя бы о выпивке после очередной. Но меняться было нелегко.

Пот лил с него ручьями. Голова раскалывалась. Шея зудела и, стоило ее почесать, начинала зудеть еще сильнее. Он скалился, как череп, и слишком много говорил. Сам это понимал. Но оставалось лишь улыбаться и говорить… или же лечь и умереть.

– …Спасла мне жизнь при осаде Мориса, да, Монца? Это ведь в Морисе было? – слышал он собственный сиплый голос. – Черт знает, откуда выскочил на меня этот гад. Мгновенный выпад! – Изобразив сей выпад неверным пальцем, он чуть не опрокинул кружку с водой. – И тут она проткнула его мечом. Попала прямо в сердце, клянусь. Спасла мне жизнь. В Морисе. Спасла мне… жизнь…

Лучше бы не спасала. Кухня раскачивалась и кренилась, как корабельная каюта в сильнейший шторм. Вот-вот, казалось, выплеснется из бокалов вино, вылетит жаркое из тарелок и все попадает со стола. Коска сознавал, что шторм бушует лишь в голове, однако, когда качка усиливалась, невольно крепче цеплялся за стол.

– …Все бы ничего, если бы назавтра она не сделала это снова. В плечо мне угодила стрела, и я свалился в треклятый ров. Все видели… с обеих сторон. Одно дело – выставить меня дураком перед друзьями, но перед врагами…

– Ты все перепутал.

Коска взглянул на Монцу, прищурился.

– Да что ты? – Сказать по правде, он и последней своей фразы не помнил, не говоря уж об осаде, после которой пропьянствовал этак с дюжину лет.

– В ров упала я, а ты прыгнул туда за мной и вытащил. Рискуя жизнью и получив при этом стрелу в плечо.

– Неужели я мог такое сделать? – Сосредоточиться сил не было ни на чем, кроме отчаянного желания выпить. – Да… должен признаться, подробности теперь вспомнить трудновато. Возможно, если бы мне налили винца, я…

– Хватит, – сказала она с тем самым видом, с каким вытаскивала его раньше то из одной таверны, то из другой. Сейчас, пожалуй, даже еще более злым и разочарованным. – Я должна убить пять человек, и у меня нет времени кого-то спасать. Особенно от его собственной глупости. Пьяница для меня бесполезен.

Все сидевшие за столом молча наблюдали за его страданиями.

– Я не пьяница, – просипел Коска. – Просто люблю вкус вина. Так сильно, что мне необходимо время от времени выпивать немного, иначе делается нехорошо. – Комната снова накренилась, он крепче сжал в руке вилку.

Все захихикали, и он тоже выдавил улыбку. Пусть посмеются, пока могут. Поскольку Никомо Коска всегда смеется последним. Когда у него есть силы, конечно.

Морвир чувствовал себя отодвинутым в сторону. Один на один он был блистательным собеседником, само собой разумеется, но в больших компаниях обычно терял непринужденность. И то, что происходило сейчас, напоминало ему не самым приятным образом столовую в сиротском приюте, где старшие кидались в него едой. После чего, как правило, следовали шушуканье в дортуаре под покровом ночной темноты, побои, обливание холодной водой и прочие пытки.

Да и трудновато было бы испытывать непринужденность в присутствии двух новых помощников Меркатто, которых она наняла, даже не подумав спросить у него совета. Шайло Витари – женщина, торгующая информацией, весьма компетентная, безусловно, но крайне неприятная в общении. Палач. Как-то раз им довелось уже поработать вместе, и радости ему это не доставило. Сама мысль о том, что можно причинять кому-то боль собственными руками, казалась Морвиру омерзительной. Но Шайло знала Сипани, поэтому ее он еще мог терпеть. Временно.

Никомо Коска был бесконечно хуже. Печально знаменитый своим вероломством и непостоянством наемник, предатель без чести и совести, готовый на все ради собственной выгоды. Пьяница, бабник, мот, наделенный темпераментом бешеного пса. Бахвал с невероятно раздутым мнением о своих дарованиях. Полная противоположность Морвиру. И мало того, что этому опасно непредсказуемому человеку оказали доверие, посвятив во все планы, его трясущуюся оболочку еще и обхаживали. Над шутками его смеялась даже Дэй, помощница самого Морвира, если только рот у нее не был занят, что случалось, по общему мнению, нечасто.

– Компания злоумышленников, собравшаяся в заброшенном складе… – вещал между тем Коска, блуждая вокруг стола налитыми кровью глазами. – Разговоры о масках, переодеваниях и оружии… Не понимаю, как среди них мог оказаться столь благоразумный человек, как я. Судя по всему, тут затевается что-то нехорошее!

– В точности мои мысли! – визгливо вставил Морвир. – Такого пятна на своей совести я иметь не хочу! Поэтому и добавил вам в тарелки экстракт вдовьего цветка. Надеюсь, вы чувствуете себя вполне счастливыми в эти последние мгновенья перед агонией?

На него, мгновенно онемев, недобро уставились все шестеро.

– Шутка, разумеется, – хихикнул он, сообразив, что словесная эскапада его ни малейшего успеха не имела.

Трясучка медленно выдохнул. Меркатто кисло усмехнулась. Дэй хмуро уставилась в тарелку.

– Куда забавней, на мой взгляд, – сказала Витари, – было бы попросту съездить кому-нибудь по физиономии.

– Юмор отравителя. – Коска метнул в Морвира свирепый взгляд, впечатление от коего было несколько подпорчено дребезжанием вилки, зажатой в его трясущейся руке, о тарелку. – Мою возлюбленную убили ядом. С тех пор я не питаю ничего, кроме отвращения, к вашему ремеслу. И ко всем, естественно, кто им занимается.

– Вряд ли я должен нести ответственность за действия всех людей, работающих в одной со мной области. – Морвир счел за лучшее не упоминать о том, что в данном случае ответственность лежала лично на нем. Сефелина, великая герцогиня Осприйская, наняла его около четырнадцати лет назад, дабы убить Никомо Коску. В результате весьма досадного недоразумения он промахнулся и убил его любовницу.

– Ос я давлю, где вижу, не дожидаясь, пока меня ужалят. По мне, так презрения заслуживают все эти люди, если их вообще можно назвать людьми. Отравители – ничтожнейшие из трусов.

– Уступающие только пьяницам, – не замешкался с ответом Морвир, брезгливо оттопырив губу. – Эти отбросы человечества могли бы даже вызвать сострадание, не будь они столь мерзки. И предсказуемы, как животные. Пьяница, подобно ручному голубю, стремящемуся домой, всегда возвращается к бутылке. Не в силах измениться, выбрав для себя бегство единственным способом спасения от несчастий. Ибо в трезвом виде он задыхается в мире, который для него полон лишь боли старых неудач и страха новых. Вот истинная трусость. – Довольный собой, Морвир поднял бокал и сделал большой глоток вина. Пить много он не привык и чувствовал уже изрядную тошноту, но все же выдавил улыбочку.

Худая рука Коски, следившего за тем, как он глотает вино, стиснула край стола с такой силой, что костяшки побелели.

– Как мало вы меня понимаете! Я могу бросить, когда захочу. Собственно, уже бросил. Вот увидите. – Наемник поднял ходившую ходуном руку. – Мне бы только полстаканчика сейчас, чтобы перестать трястись, как паралитик!

Все засмеялись, напряжение схлынуло, но Морвир перехватил взгляд, брошенный на него Коской. Убийственно злой. Старый пропойца мог казаться безвредным, как деревенский дурачок, но некогда он считался одним из опаснейших людей в Стирии. Не принимать такого человека всерьез было бы верхом глупости. Морвир же глупостью не страдал. И давно не был тем маленьким сироткой, который, когда его били, плакал по матери.

Осторожность – на первом месте, всегда. И всюду.

Монца говорила мало, только по делу, и ела мало, с трудом управляясь с вилкой искалеченной рукой. Сидела во главе стола, но держалась тем не менее в стороне. На расстоянии, которое командир должен сохранять между собой и рядовыми, наниматель – между собой и наемниками, а женщина, которую ищут, – между собой и всеми остальными, если она наделена хоть крупицей разума. Держаться в стороне было нетрудно. Она занималась этим годами, предоставляя говорить, смеяться и очаровывать Бенне. Командиру очарование ни к чему. Женщине-командиру – тем более. И так приходилось все время отводить глаза от Трясучки, упорно поедавшего ее взглядом. То, что произошло в Вестпорте, было слабостью. И повторения допускать она не собиралась.

– Вы вроде как давно знакомы, – сказал Трясучка, переведя наконец взгляд с Монцы на Коску. – Старые друзья?

– Скорей, родственники. – Наемник взмахнул вилкой столь неистово, что только чудом не выколол никому глаз. – Мы сражались плечом к плечу, будучи благородными воинами Тысячи Мечей, самой знаменитой бригады наемников во всем Земном круге!

Монца нахмурилась. Воспоминания Коски о кровавом прошлом упорно возвращали ее к решениям, принятым когда-то, и свершенным в результате делам, которые хотелось бы навеки забыть.

– Мы прошли с боями всю Стирию вдоль и поперек, когда генералом был Сазин. Вот было времечко для наемников! Потом все стало как-то… сложнее.

Витари фыркнула:

– Хочешь сказать, опаснее?

– Один черт. Раньше люди были богаче, стены ниже и раны заживали быстрее… А потом Сазин поимел стрелу в руку, потерял эту самую руку и умер. И меня выбрали капитан-генералом. – Коска потыкал вилкой мясо. – Хороня старого волка, я понял, что сражаться – слишком тяжелая работа. И захотел, подобно многим высокопоставленным людям, заниматься ею как можно реже. – Он одарил кривой ухмылкой Монцу. – Поэтому мы разделили бригаду пополам.

– Ты разделил ее пополам.

– Одну половину возглавил я, вторую – Монца со своим братом. После чего мы распустили слух о ссоре между нами. И начали наниматься на разные стороны при всяком разногласии, какое находилось, – а найти их было нетрудно – и… делали вид, что сражаемся.

– Делали вид? – пробормотал Трясучка.

Трясущиеся нож и вилка Коски с лязгом столкнулись над тарелкой.

– Мы неделями гонялись друг за другом, подчищая тем временем страну, устраивали изредка безобидные стычки и в конце каждого сезона становились богаче, не потеряв при этом ни одного человека. Гнильцой попахивает, конечно. Но так же выгодно, как война всерьез. Мы пару раз даже целое сражение изобразили, верно, Монца?

– Было дело.

– А потом она заключила договор с Орсо, великим герцогом Талина, и решила, что хватит с нее изображать. Решила, пора устроить настоящее сражение, с наточенными мечами и выпадами без промаха. Надумала взять верх, да, Монца? Позор на твою голову, ты ведь не сказала мне, что с притворством покончено. Я мог бы предупредить своих парней и спасти в тот день несколько жизней.

– Парней… – фыркнула она. – Признайся уже, что тебя никогда не волновала ничья жизнь, кроме собственной.

– Кое-кого я все-таки ценил выше. Правда, выгоды из этого никогда не извлекал, как и они сами. – Коска все сверлил налитыми кровью глазами лицо Монцы. – Кто из твоих людей пошел против тебя? Карпи Верный, да? Неверный, как оказалось?

– Был верным – лучше пожелать невозможно. Покуда не всадил в меня нож.

– И теперь, конечно, занимает кресло капитан-генерала?

– По слухам, втиснул-таки в него свою жирную задницу.

– Как ты – свою тощую… после меня. Но на то, чтобы он это сделал, должны были дать согласие кое-какие другие капитаны, не так ли? Милейшие парни… Эндиш, выродок. Сезария, жирная пиявка. Виктус, глумливый червяк. Они ведь оставались при тебе, эти прожорливые свиньи?

– Рыл из кормушки не вынимали. Но все трое предали меня, как тебя в свое время. Так что ничего нового ты мне сказать не можешь.

– Никто не бывает благодарен в конечном счете. Ни за победы, которые им приносишь. Ни за деньги, которые даешь. В какой-то миг ты им надоедаешь, и как только учуют что получше…

Терпение Монцы лопнуло. Командиру нельзя раскисать при подчиненных. Женщине-командиру – тем более.

– И как этакий знаток человеческой природы докатился до состояния одинокого, нищего пропойцы, а, Коска? Не притворяйся, будто я не давала тебе шанса – тысячу раз. Ты профукал их, как все, что имел. И сейчас меня интересует один вопрос – этот ты тоже собираешься профукать? Сделаешь, о чем я прошу? Или останешься мне врагом?

Коска ответил ей печальной улыбкой.

– Для людей нашей профессии враги – предмет гордости. Если жизнь нас с тобой чему-то и научила, так это тому, что приглядывать нужно за друзьями. Мои поздравления повару.

Он бросил вилку в тарелку, встал и удалился из кухни почти по прямой линии.

Монца обвела взглядом угрюмые лица оставшихся за столом.

«Врагов своих не бойся, – писал Вертурио. – Бойся друзей».

Кучка головорезов

По заброшенному складу гуляли сквозняки. Сквозь щели в ставнях внутрь пробивались тонкие лучи света, разрисовывая яркими полосками пыльные половицы, сваленные в углу пустые ящики, поверхность стола, стоявшего посреди комнаты. Трясучка рухнул на расшатанный стул рядом. В голень вдавилась рукоять ножа, который выдала ему Монца. Болезненно напомнив о том, для чего он нанят, о том, что жизнь становится еще опасней и страшней, чем дома, на Севере. И сам он не только не делается лучше, но, напротив, даже опускается. С каждым днем все ниже.

Так какого же дьявола он здесь торчит? Потому, что хочет Монцу?.. Это так, вынужден был признать Трясучка, и то, что после Вестпорта она держится с ним холодно, только усиливает его тягу. Потому, что ему нужны деньги? И это так. На деньги можно чертовски много всего купить. Потому, что ему нужна работа? Да. Потому, что он в этой работе силен? Да.

Потому, что работа его радует?..

Трясучка нахмурился. Некоторые люди не созданы для того, чтобы делать добро. Может, и он из таких?.. Уверенности в том, что бытие хорошим человеком стоит приложенных усилий, оставалось с каждым днем все меньше.

От этих мыслей его отвлекла хлопнувшая дверь. Из комнат наверху, где устроены были спальни, спустился по скрипучей деревянной лестнице Коска, почесывая красную сыпь на шее.

– Доброе утро.

Старый наемник зевнул.

– И вправду утро… Уж и не помню, когда видел его в последний раз. Красивая рубашка.

Трясучка поддернул рукава. Черный шелк, блестящие костяные пуговицы, богатая вышивка на манжетах. Сам он выбрал бы что попроще, конечно, но Монце понравилась именно эта рубашка.

– Не замечал.

– Когда-то и я любил красиво одеться. – Коска уселся на другой расшатанный стул, рядом с Трясучкой. – Брат Монцы тоже, между прочим… помнится, была у него рубашка, точь-в-точь такая.

На что пытается намекнуть старый ублюдок, Трясучка не понял. Но понял со всей уверенностью, что вряд ли ему доставит удовольствие это слышать.

– Да?

– Она, конечно, много рассказывала о брате? – Коска улыбнулся как-то странно, словно ему известно было что-то, чего Трясучка не знал.

– Говорила, он умер.

– Понятно.

– Еще говорила, что горюет по нему.

– Уж в этом не сомневайся.

– Мне следует знать больше?

– Побольше знать нам всем не мешало бы. Однако это ее дело, не мое.

– Где она? – рявкнул Трясучка, чье терпение подошло к концу.

– Монца?

– Кто ж еще?

– Она не хочет, чтобы ее видели раньше времени. Да ты не волнуйся. Я нанимал бойцов по всему Земному кругу. Лицедеи – тоже дело нехитрое. Или ты имеешь что-то против того, чтобы отбором занимался я?

Против Трясучка имел много чего, зная, что единственной заботой Коски очень долгое время была бутылка. Отец Трясучки, после того как Девять Смертей убил его старшего сына, отрезал ему голову и подвесил к штандарту, тоже начал пить. Пить, и буянить, и трястись с похмелья. Не в силах больше решать, что хорошо, что плохо, он потерял уважение своих людей, разрушил все, что построил, и умер, не оставив Трясучке ничего, кроме недоброй памяти.

– Не доверяю я пьющим людям, – брякнул он напрямик. – Человек начинает пить, потом становится слабым, потом теряет разум.

Коска скорбно покачал головой.

– Как раз наоборот. Сперва человек теряет разум, потом становится слабым, потом начинает пить. Бутылка – следствие, а не причина. Но, хотя я тронут твоей заботой до глубины души, прошу тебя обо мне не беспокоиться. Сегодня я чувствую себя гораздо лучше! – Наемник вытянул перед собой руки. Они и вправду почти уже не тряслись. Так, слегка подрагивали. – Оглянуться не успеешь, как буду в полном порядке.

– Жду не дождусь увидеть это. – Из кухни появилась Витари.

– Все ждут не дождутся, Шайло! Но хватит обо мне… Сколько негодяев, ворья и прочего людского мусора удалось тебе отрыть в гнусных помойках старого Сипани? Много ли воинственных фигляров ты собираешься представить на наш суд? Музыкантов-преступников? Танцоров-головорезов? Певцов-разбойников? Жонглеров… э-э-э…

– Убийц, – подсказал Трясучка.

Коска широко улыбнулся.

– Без экивоков и, как всегда, в точку.

– Экивоков?..

– Грубо. – Витари уселась на последний свободный стул и развернула на столе лист бумаги. – Для начала уличный оркестрик, который я нашла близ гавани. Сдается мне, музыканты эти зарабатывают больше грабежом, чем исполнением серенад.

– Играют не по правилам, да? Самое то, что надо. – Коска вытянул тощую шею, как петух, собравшийся кукарекнуть. – Входите!

Дверь скрипнула, вошли пятеро. Такого вида, какой сочли бы сомнительным даже там, откуда прибыл Трясучка. Волосы сальные. Лица в оспинах. Глаза сощуренные, рыскающие с подозрением по сторонам. Вместо одежды лохмотья.

Сжимая в грязных руках обшарпанные инструменты, шаркая ногами по полу, все пятеро гуськом приблизились к столу. Один принялся почесывать пах. Другой – ковырять в носу барабанной палочкой.

– И кто вы такие? – вопросил Коска.

– Мы? Оркестр, – ответил тот, что стоял первым.

– И как ваш оркестр называется?

Они переглянулись.

– Никак. На кой это?

– Тогда – ваши собственные имена, если нетрудно. А еще – инструменты, которыми вы владеете, как музыканты и бойцы.

– Я – Солтер, – сказал первый. – С барабаном управляюсь и с булавой. – Откинул полу куртки, предъявил тусклый блеск железа. – С булавой – лучше, коли честно.

– Я – Морк, – представился следующий. – Труба и сабля.

– Олопин. Рожок и молот, – объявил третий.

– Тоже Олопин. Брат вот этому. – Четвертый ткнул большим пальцем в сторону третьего. – Скрипка и ножички. – Выметнул из рукавов пару длинных ножей, поиграл ими.

Последний, с перебитым носом, страшней которого Трясучка еще не видал, хотя ему случалось видеть сломанные носы, сказал:

– Гурпи. Лютня и лютня.

– Ты бьешься лютней? – удивился Коска.

– Да запросто. – Тот изобразил, как наносит удар по голове, и, ухмыльнувшись, показал два ряда зубов цвета дерьма. – У меня топор в ней запрятан.

– А! Ну что ж, теперь сыграйте, ребятки. Хорошо бы, что-нибудь веселенькое.

Трясучка не шибко разбирался в музыке, но даже он мог сказать, что оркестру этому далеко до совершенства. Барабан не попадал в ритм. Труба отчаянно хрипела. Лютня фальшивила – должно быть, из-за куска железа внутри. Коска, однако, закрыв глаза, кивал, словно никогда не слышал музыки слаще.

Через пару тактов он крикнул:

– Чудо, какие многоталанные ребятки! – Музыкальный тарарам начал заикаться и заглох. – Всех берем, платим за ночь сорок скелов каждому.

– Сорок… каждому? – разинул рот барабанщик.

– Плата по окончании. Но работа будет нелегкая. Драться придется наверняка, а может быть, даже и играть. Ваша музыка станет последним, что услышат наши враги. Готовы на такой подвиг?

– За сорок скелов каждому? – Все пятеро разухмылялись. – А то. Конечно, господин. За этакие деньги на все готовы.

– Молодцы. Мы знаем, где вас искать.

Оркестр вышел вон.

– Жуткие уроды, – сказала Витари.

– Тем и хороша маскарадная пирушка, – ответил Коска. – Напялить шутовские костюмы, и кто там разглядит их рожи?

У Трясучки мысль доверить свою жизнь этой компании восторга не вызвала.

– Но игру-то услышат?

Коска фыркнул.

– В Дом Кардотти приходят не за музыкой.

– Может, надо было проверить, как они дерутся?

– Если так же, как играют, беспокоиться не о чем.

– Но играют они, как дерьмо!

– Как сумасшедшие. При удаче и дерутся так же.

– Но нам не…

– Вот уж каким тебя не считал, так это нервным. – Коска подмигнул Трясучке. – Не мешало бы тебе поучиться жизни, друг мой. Главное в достижении победы – натиск и кураж.

– Кураж?

– Безрассудство, – сказала Витари.

– Быстрота, – добавил Коска. – И умение поймать момент.

– И где они у нас? – спросил Трясучка у Витари. – Натиск и этот… как его…

– Если все пойдет по плану, Арио и Фоскар окажутся в своих номерах в одиночестве, и… – Она громко щелкнула пальцами. – Уже не важно будет, кто и как играет на лютне. Время истекает. Осталось четыре дня до того, как великие мира сего съедутся на совещание в Сипани. В идеальном мире я нашла бы людей получше. Но наш мир не таков.

Коска испустил тяжкий вздох.

– Это точно. Однако не будем падать духом – всего несколько секунд, и у нас уже есть пятеро человек! Мне бы сейчас стаканчик вина, и мы благополучно…

– Никакого вина, – прорычала Витари.

– До чего дошло – человеку уже и горло промочить нельзя. – Старый наемник придвинулся так близко, что Трясучка мог разглядеть каждую красную жилочку на его лице. – Жизнь – океан скорбей, мой друг… Входите!

Следующий едва протиснулся в складскую дверь, так он оказался огромен. Выше Трясучки на несколько пальцев и намного тяжелее. Массивный подбородок его покрывала густая щетина, голову венчала шапка седых кудрей, хотя с виду он еще не был стариком. Под громадными сапогами жалобно застонали половицы, когда верзила этот двинулся к столу, слегка ссутулившись, словно бы стесняясь своих гигантских размеров.

Коска присвистнул.

– Ну и великан!

– Нашла в таверне на Первом канале, – сказала Витари. – Пьян был как скотина, но гнать его оттуда боялись. По-стирийски, кажется, ни слова не знает.

Коска повернулся к Трясучке:

– Может, ты с ним побеседуешь? Как представитель северного братства?

Никакого особого братства там, среди пустынного пространства, покрытого снегами, Трясучка не помнил. Но попытаться стоило.

Давненько он не разговаривал на родном языке, и слова казались даже какими-то непривычными.

– Как тебя зовут, друг?

Великан, услышав северное наречие, вроде бы удивился.

– Седой. – И показал на свои кудри. – Они всегда были такого цвета.

– Что тебя сюда привело?

– Работу ищу.

– Какую?

– Да какую бы ни дали, пожалуй.

– А если это будет убийство?

– Оно, поди, и будет. Ты северянин?

– Да.

– А по виду – южанин.

Трясучка нахмурился. Одернул щегольские манжеты, потом и вовсе убрал руки под стол.

– Нет уж. Меня зовут Кол Трясучка.

Седой заморгал.

– Трясучка?

– Ага. – Приятно было понять, что человек этот знает его имя. Все-таки гордости у Трясучки оставалось еще в достатке. – Слышал обо мне?

– Ты ведь был в Уфрисе, с Ищейкой?

– Верно.

– И с Черным Доу, да? Чистая работенка, как я слыхал.

– Так и было. Взяли город, потеряв всего двоих человек.

– Всего двоих. – Верзила медленно кивнул, не сводя глаз с его лица. – Это и вправду здорово.

– Да. Он вообще был хороший командир, Ищейка. Лучший, думается мне, от кого я получал приказы.

– Что ж… раз самого Ищейки тут нет, для меня будет честью встать плечом к плечу с таким человеком, как ты.

– Дело говоришь. Я тоже рад, что ты с нами. Берем его, – добавил Трясучка по-стирийски.

– Уверен? – спросил Коска. – У него глаза какие-то… угрюмые, и мне это не нравится.

– Вам не мешало бы поучиться жизни, – рыкнул Трясучка. – Куража дерьмового набраться.

Витари смешливо фыркнула, а Коска схватился за грудь.

– Убит! Сражен своим же оружием! Ладно, берем твоего маленького друга. Итак… что мы можем сделать, имея парочку северян? – Он поднял палец. – Мы можем поставить сценку! Изобразить тот знаменитый северный поединок… ты знаешь, о чем я, – между Фенрисом Ужасающим и… как его звали-то…

– Девять Смертей. – Спина у Трясучки похолодела, когда он произнес это имя.

– Слышал, значит?

– Я был там. Самолично. Держал щит на краю круга.

– Чудесно! Сможешь, стало быть, привнести в представление толику исторической точности.

– Толику?

– Чуточку, – буркнула Витари.

– Проклятье, отчего бы так и не сказать – «чуточку»?

Коска, увлеченный собственной выдумкой, его уже не слышал.

– Дух жестокости! Благородные господа будут в восторге от такого зрелища! И какой предлог может быть лучше для того, чтобы открыто пронести оружие!

Трясучке ничуть не хотелось участвовать в подобном представлении. Рядиться под человека, который убил его брата, человека, которого едва не убил он сам, делать вид, будто сражаешься… Единственное, что радовало, – хотя бы на лютне не придется бренчать.

– Что он говорит? – прорычал на северном Седой.

– Мы с тобой будем изображать поединок.

– Изображать?

– Я тебя понимаю. Но они тут какое только дерьмо не изображают. Мы сделаем вид. Для увеселения.

– Круг дело несмешное. – Великан и впрямь смотрел невесело.

– Здесь – смешное. Сначала мы с тобой притворимся, потом, с другими, будем драться по-настоящему. Сорок скелов, если думаешь, что справишься.

– Ладно. Сначала притворяемся. Потом деремся по-настоящему. Я понял.

Седой смерил Трясучку долгим взглядом и вышел.

– Следующий! – крикнул Коска.

В дверь проскочил тощий, юркий человечек в оранжевом трико и ярко-красной куртке, с большой сумкой в руке.

– Ваше имя?

– Не кто иной, как… – человечек отвесил церемонный поклон, – …Ронко Невероятный!

Старый наемник вскинул брови. Сердце у Трясучки упало.

– И каковы ваши инструменты – как артиста и воина?

– Одни и те же, господа! – Тот снова поклонился им с Трясучкой. Затем – Витари. – Госпожа…

Он начал отворачиваться, незаметно пошарил при этом в сумке, потом быстро развернулся обратно, надул щеки…

Что-то затрещало, и с губ Ронко сорвалась ослепительная огненная струя. Трясучка ощутил на щеке жаркий укус, так близко она пролетела. Скатился бы со стула, если бы успел. Но остался вместо этого сидеть как приклеенный, изумленно моргая, покуда глаза заново привыкали к полумраку склада.

На столе некоторое время еще плясали два огненных язычка, один – у самых дрожащих пальцев Коски. Потом они зашипели и погасли, испустив дымок, от запаха которого Трясучку чуть не вырвало.

Ронко Невероятный прочистил горло.

– Э… вышло несколько мощнее, чем я намеревался…

– Но чертовски впечатляюще! – Коска отогнал от лица дым. – Это – развлечение, без всяких сомнений, и, без всяких сомнений, убийственное. Вы наняты, господин Ронко. Сорок скелов за ночь.

Тот просиял.

– Рад служить! – Снова поклонился им, еще ниже. – Господа! Госпожа! Я… удаляюсь.

– Вы уверены? – спросил Трясучка, когда за Ронко закрылась дверь. – Чуточку опасно, не кажется? Огонь в деревянном доме…

Коска снова подмигнул ему.

– Я думал, у всех северян бешеный нрав и плохие зубы. Если дело повернется плохо, огонь в деревянном доме может послужить тем самым уравнителем, который нам нужен.

– Уравнителем? – переспросил Трясучка.

Плохое слово выбрал старый наемник… В горах Севера великим уравнителем называли смерть.

– Этак он и нас вместе с домом уравняет. Если вы не заметили, негодяй не слишком меток. Огонь – это опасно.

– Огонь – это прекрасно. Он нанят.

– Но он не…

– Ша. – Коска поднял руку, призывая к молчанию.

– Нам надо бы…

– Ша.

– Я только…

– Ша, я сказал! У тебя на родине не знают такого слова? Меркатто поручила мне подобрать артистов, и это означает, уж прости, что я решаю, кто будет нанят. Мы не голосуем. Ты готовишь зрелище, которое должно привести в восторг гостей Арио. Я занимаюсь планированием. Как тебе это?

– По мне, верный путь к беде, – сказал Трясучка.

– К беде! – Коска усмехнулся. – Что ж, поглядим. А пока – кто там у нас дальше?

Витари заглянула в список, подняла рыжую бровь.

– Барти и Кюммель – акробаты, гимнасты, метатели ножей и канатоходцы.

Коска подтолкнул Трясучку локтем.

– Канатоходцы… видал? Ну, разве это может кончиться плохо?

Миротворцы

День выдался на редкость ясный для города туманов. Небо ярко голубело, холодный воздух бодрил. К благородным трудам своим по устроению мира предстояло приступить великим мира сего, созванным на совещание королем Союза. Жаждущие поглазеть на властителей Стирии повысовывались из всех окон и дверей, заполонили все крыши, растеклись разноцветными ручьями по обеим сторонам улицы, напирая на грязно-серые шеренги солдат, не пускавших зевак на мостовую. Шум толпы оглушал. Рокотание тысяч голосов, прорезаемое воплями

уличных торговцев, бранью, возбужденными выкриками, походило на гомон войска перед сражением, когда каждый ожидает с трепетом начала кровопролития.

И никому, конечно, не было ни малейшего дела до пяти человек, которые тоже вышли посмотреть на процессию с крыши старого склада.

Трясучка облокотился на парапет и уставился вниз, на улицу. Коска, беспечно упершись сапогами в крошащуюся каменную резьбу, принялся почесывать воспаленную шею. Витари прислонилась к стене и скрестила длинные руки на груди. Балагур встал столбом чуть поодаль и ушел, судя по виду, в себя. Морвира с помощницей не было – они отправились куда-то по своим делам, что не очень-то понравилось Монце. К отравителю она с первой встречи не питала никакого доверия. А после Вестпорта он вообще вызывал у нее подозрение.

И это ее подручные… Глубоко вздохнув, она облизала губы и сплюнула в толпу. «Когда Бог хочет наказать человека, – говорится в кантийских священных писаниях, – он посылает ему глупых друзей и умных врагов».

– Ну и народу, – сказал Трясучка, щурясь с ошеломленным видом. Точь-в-точь таким, какого она от него и ожидала. – Жуть сколько.

– Да. – Взгляд Балагура прошелся по толпе, губы беззвучно задвигались, отчего у Монцы возникло тревожное ощущение, будто он пытается подсчитать, сколько именно.

– Это что! – небрежно отмахнулся Коска от половины Сипани. – Видели бы вы толпу на улицах Осприи после моей победы в Островной битве! В два раза больше, самое малое. Цветы сыпались, как дождь с небес!.. Жаль, вас там не было.

– Я была, – сказала Витари. – В два раза меньше, самое большее.

– Тебе доставляет нездоровое удовольствие обсирать мои мечты?

– Отчасти.

Витари усмехнулась, глядя на Монцу, но та ей улыбкой не ответила, думая о триумфальной встрече, которую устроили им в Талине после падения Каприле, вспоминая, как улыбался и рассылал по сторонам воздушные поцелуи Бенна, привстав на стременах. Как толпа выкрикивала ее имя, хотя сразу следом ехали плечом к плечу в задумчивом молчании Орсо и Арио. Ей бы тогда понять…

– Вот они! – Коска, опасно перевесившись через перила, приставил руку к глазам. – Поприветствуем наших великих вождей!

Толпа загомонила громче, едва на улицу въехали семь знаменосцев, возглавлявших процессию, державших копья с флагами склоненными под одинаковым углом – в знак равенства сторон, иллюзии, без которой в мирных переговорах не обойтись. Раковина Сипани. Белая башня Осприи. Три пчелы Виссерина. Черный крест Талина. Рядом – эмблемы Пуранти, Аффойи и Никанте, слабо трепетавшие на ветру. Следом за ними всадник в раззолоченных доспехах вез золотое солнце Союза на черном древке.

Первым из великих и славных… или низких и подлых – смотря кого спросишь – толпе явился Сотириус, канцлер Сипани. Дряхлый, как сама древность, с жидкими белыми волосами и бородой, клонившийся к земле под тяжестью толстой цепи, знака должности, которую носить он начал задолго до того, как Монца появилась на свет. Вперед он продвигался при помощи трости и старшего из множества своих сыновей, тоже немолодого, с виду лет шестидесяти. За ними, выстроившись в несколько рядов, шли именитые горожане Сипани в шелках и золотой парче, увешанные драгоценностями, ярко сверкавшими в солнечных лучах.

– Канцлер Сотириус, – сообщил Коска Трясучке. – Хозяин, согласно обычаю, идет пешком. Жив еще, ублюдок старый.

– Но выглядит так, словно отдых ему не помешал бы, – проворчала Монца. – Мертвец ходячий.

– Не совсем… Хотя уже и слеп наполовину, однако видит до сих пор лучше многих. Всеми признанный хозяин Сипани. Сумел ведь как-то двадцать лет сохранять его нейтральность. Даже в Кровавые Годы. С тех самых пор, как я разгромил его в Островной битве!

Витари фыркнула.

– Насколько помню, деньги ты брать у него не перестал, когда протухли отношения с Сефелиной Осприйской.

– С какой стати? Наемнику разборчивость ни к чему. В нашем деле нужно плыть по течению. Для пловца же верность – доспехи, тянущие на дно.

Монца, заподозрив, что это сказано специально для нее, хмуро покосилась на Коску, но тот трещал себе дальше, словно никого из присутствующих в виду не имел.

– Правда, старик Соториус никогда меня особо не устраивал. То была женитьба по расчету, несчастливый брак. И на развод после победы мы оба согласились с радостью. У миролюбцев мало работы для наемников, а владетель Сипани и славу, и богатство добыл себе миром.

Витари, глядя на шествующих мимо состоятельных горожан, криво усмехнулась:

– И теперь, похоже, надеется торговать им навынос.

Монца покачала головой:

– Единственный товар, который никогда не купит Орсо.

За Соториусом следовали вожди Лиги Восьми. Злейшие враги Орсо, а следовательно, и ее, Монцы, до падения с горы. Сопровождал их целый полк прихлебателей, щеголявших нарядами всех цветов радуги. Впереди на черном скакуне ехал герцог Рогонт, небрежно держа поводья в одной руке и кивая толпе всякий раз, как его приветствовали. Человек он был известный, кивать приходилось часто и в разные стороны, отчего голова у него вертелась, как у болбочущего индюка. Рядом на чалой приземистой лошадке восседал втиснутый неведомым образом в седло Сальер, чей розовый двойной подбородок сползал по золоченому вороту мундира то в одну, то в другую сторону в такт конскому шагу.

– Кто этот толстяк? – спросил Трясучка.

– Сальер, великий герцог Виссерина.

Витари хихикнула.

– Которым останется еще месяц-другой от силы. Войска у него кончились летом. Их разгромила на Высоком берегу Монца. Запасы продовольствия – осенью. Фермеров разогнала и поля сожгла вокруг города Монца. Союзники тоже быстро подходят к концу. Голову герцога Кантейна выставила у ворот Борлетты Монца. Даже отсюда видно, как ему не по себе, выродку.

– Стыдись, – сказал Коска. – Мне этот человек всегда нравился. Видела бы ты картинную галерею у него во дворце! Величайшая коллекция живописи в мире… по его словам. Истинный знаток. А какой у него был стол в свое время, лучший в Стирии!..

– Это видно, – вставила Монца.

– Непонятно только, как ему удалось забраться в седло?

– Подняли на веревках и опустили, – съязвила Витари.

Монца фыркнула:

– Или вырыли траншею и загнали под него лошадь.

– А второй кто? – спросил Трясучка.

– Рогонт, великий герцог Осприи.

– Ну, этот хоть похож на герцога.

Трудно не согласиться, подумала Монца. Высокий, широкоплечий, лицо красивое, кудри черные и густые…

– Похож. – Она снова сплюнула. – Но не более того.

– Он племянник одной из моих бывших нанимательниц, ныне, к счастью, покойной, герцогини Сефелины. – Коска дочесался до того, что на шее выступила кровь. – Его называют

принцем благоразумия. Графом осторожности. Герцогом проволочек. Прекрасный полководец, по общим отзывам, только вот рисковать не любит.

– Я бы выразилась жестче, – сказала Монца.

– Мало кто способен выразиться жестче, чем ты.

– Сражаться он не любит.

– Ни один хороший полководец не любит сражаться.

– Но должен время от времени. Рогонт же, выступая противником Орсо все Кровавые Годы, отделывался мелкими стычками. Мастер отводить войска, лучший в Стирии.

– Отступление – труднейшая наука. Может, он просто так и не поймал свой момент.

Трясучка грустно вздохнул:

– Все мы ждем своего момента.

– Шансов у него больше нет, – сказала Монца. – Когда падет Виссерин, дорога на Пуранти откроется, и дальше… ничего, кроме самой Осприи и коронации Орсо. Никаких проволочек. Время осторожности истекло.

Они поравнялись со старым складом – Рогонт и Сальер. Два человека, которые вместе с честнейшим и почтеннейшим, ныне мертвым герцогом Кантейном, организовали Лигу Восьми, дабы защитить Стирию от ненасытного честолюбия Орсо. Или чтобы вторгнуться на его законные земли и сразиться уже между собой за то, что останется. Смотря кого спросишь… Коска смотрел, как они проезжают мимо, с меланхоличной улыбкой на губах.

– Когда долго живешь, видишь, как все рушится… Каприле – где его былая слава?

Витари насмешливо поглядела на Монцу.

– Ваша работа, не так ли?

– Масселия, позорно сдавшаяся Орсо, – где ее неприступные стены?

Улыбка Витари стала шире.

– И это ваша?..

– Борлетта пала, – все сокрушался Коска, – отважный герцог Кантейн погиб.

– Да, – рявкнула Монца, не дожидаясь, пока Витари снова откроет рот.

– Из восьми участников непобедимой Лиги осталось пятеро, а скоро будет четверо, и трое из них, как всем известно, не отличаются остротой ума.

Монца отчетливо расслышала шепот Балагура:

– Восемь… пять… четыре… три…

К складу как раз подъехали последние трое, за которыми, словно след по воде за тремя утками, тянулись разодетые приближенные. Младшие компаньоны Лиги Восьми. Лирозио и герцог Пуранти, вида весьма воинственного благодаря великолепным доспехам и еще более великолепным усам. Юная графиня Котарда из Аффойи – бледненькая девица, казавшаяся еще бледнее в светло-желтых шелках, от которой ни на шаг не отставал ее дядя и первый советник. Первый любовник, по словам некоторых. Последним ехал Патин, Первый Гражданин Никанте, – с нечесаными волосами, одетый в рубище и подпоясанный веревкой, дабы показать, что он ничем не лучше последнего крестьянина на его попечении. По слухам, Патин носил шелковое нижнее белье и спал в золотой кровати, причем отнюдь не в одиночестве. И это скромнейший из влиятельных…

Парад величия продолжался, и Коска уже разглядывал следующих его участников.

– Силы небесные! Кто эти юные божества?

Смотрелась парочка изумительно, ничего не скажешь. Они восседали на одинаковых серых скакунах, держались с одинаковой горделивостью. Облачены были в белое и золотое – цвета, безупречно гармонирующие между собой. Белоснежное платье девушки плотно облегало ее неправдоподобно стройную и высокую фигуру, сзади тянулся длинный шлейф, расшитый сверкающей нитью. Золоченая кираса юноши сияла, как зеркало, скромную корону его

украшал единственный камень. Такой огромный, что Монца могла разглядеть грани на расстоянии в сто шагов.

– Экая невероятная царственность, сдохнуть можно, – усмехнулась она.

– Я прямо-таки носом чую запах величия, – подхватил Коска. – Встал бы на колени, если бы не боялся, что они подломятся.

– Его августейшее величество, верховный король Союза. – Голос Витари был сама язвительность. – И его королева, разумеется.

– Тереза, жемчужина Талина. Ох и сияет…

– Дочь Орсо, – процедила сквозь зубы Монца. – Сестра Арио и Фоскара. Королева Союза и… потаскух в придачу.

Толпа при виде короля – пусть он был чужестранцем на стирийской земле, пусть к амбициям Союза здесь относились с величайшей подозрительностью, пусть жена его была дочерью Орсо – разразилась приветственными криками куда громче, чем при виде собственного престарелого канцлера.

«Люди чаще отдают предпочтение вождю, который выглядит великим, – писал Бьяловельд, – нежели тому, кто таковым является».

– Не сказал бы я, что он самый нейтральный из посредников. – Коска задумчиво выпятил нижнюю губу. – Связан с Орсо и его выводком так крепко, что пальца не просунешь. Муж, брат и зять в одном лице…

– Разумеется, он считает себя выше подобных низменных соображений. – Монца скривилась, глядя на приближавшуюся королевскую чету.

Казалось, в этот серый и грязный город они случайно съехали прямо со страниц какой-нибудь героической сказки. Для полноты картины не хватало лишь крыльев у скакунов. И как только прицепить не догадались?.. На шее у Терезы красовалось великолепное длинное ожерелье из огромных камней, сверкавших на солнце так ярко, что смотреть было больно.

Витари покачала головой.

– Сколько драгоценностей можно навешать на одну женщину?

– Еще чуть-чуть – и задохнется под ними, сучка, – прошипела Монца. Рубин, подаренный Бенной, казался в сравнении с этими камнями детской безделушкой.

– Зависть препаршивая штука, дамы. – Коска подтолкнул локтем Балагура. – По мне, так она очень даже ничего, правда, друг мой? – Тот не ответил, и наемник пристал к Трясучке: – Правда?

Северянин коротко покосился на Монцу.

– По мне, не очень.

– Что вы за люди! В жизни не встречал таких бездушных парней. Моя весна, быть может, давно и миновала, но сердце по-прежнему молодо, не то что у вас. Оно еще способно дрогнуть при виде юной влюбленной парочки.

Монце, однако, в пылкие чувства между королем и королевой не верилось, сколько бы те ни улыбались друг другу.

– Несколько лет назад, до того, как она стала королевой… всего, кроме собственного ума… Бенна поспорил со мною, что уложит ее в постель.

Коска поднял бровь.

– Любил твой брат сеять свое семя где ни попадя. Ну и?..

– Оказалось, что он не в ее вкусе.

На самом деле оказалось, что Монца интересовала ее куда больше…

За королевской четой почтительно следовала свита, превосходившая своим великолепием сопровождение всей Лиги Восьми. Не менее двух десятков фрейлин, тоже обвешанных драгоценностями с головы до ног. Дворяне из Срединных земель, Инглии и Старикланда, в мехах, с тяжелыми золотыми цепями на плечах. Сзади тащились тяжеловооруженные всад-

ники, чьи доспехи покрывала пыль. Каждому приходится глотать ее за вышестоящими. Уродливая правда власти.

– Король Союза… – задумчиво вымолвил Трясучка, глядя вослед проехавшей чете. – Это же самый могущественный человек во всем Земном круге, да?

Витари фыркнула:

– Это человек, за которым он прячется. Ты, похоже, не слишком-то разбираешься в политике?

– В чем?

– Во лжи. Союзом управляет Калека. А этот мальчик со всем своим блеском – лишь маска, которую он носит.

Коска вздохнул.

– Осмелюсь предположить, и ты наденешь маску, если будешь выглядеть, как Калека…

Ликующие крики удалились вслед за королем и королевой, и на смену им пришло угрюмое молчание. Сделалось так тихо, что Монца услышала поскрипывание колес, когда по улице тронулся золоченый экипаж. По бокам от него двигались колонны грозного вида стражников, чье оружие сверкало не так ярко, как у союзных, зато выглядело пригодным к делу. Следом ехала толпа разряженных и непригодных ни для какого дела господ.

Монца крепко сжала правый кулак, потревожив искалеченные косточки. Боль пронзила кисть, отдалась в плечо, и губы девушки тронула мрачная улыбка.

– Они, – сказал Коска.

Арио восседал справа, обложившись подушками, слегка раскачиваясь вместе с коляской. На лице его застыло обычное выражение ленивого презрения. Фоскар, сидевший рядом, был бледен и настороженно поворачивал голову на каждый звук. Самодовольный кот и нетерпеливый щенок в одной корзинке…

Гобба был никто. Мофис – всего лишь банкир. Когда места их заняли другие люди, Орсо вряд ли даже заметил это. Но Арио и Фоскар – его сыновья. Его драгоценная плоть и кровь. Его будущее. Убить их – почти то же самое, что воткнуть кинжал в брюхо самому Орсо.

Улыбка Монцы сделалась шире, когда она представила себе его лицо в момент получения вести.

«Ваша светлость! Ваши сыновья… мертвы…»

Тишину вдруг расколол пронзительный вопль:

– Убийцы! Подонки! Орсово отродье!

Отчаянно размахивая руками, кто-то пытался пробиться через заслон.

– Проклятье Стирии!

Толпа пришла в движение, недобро загомонила. Сотириус мог сколько угодно называть себя нейтральным, но жители Сипани не питали ни малейшей любви к Орсо и его выводку. Знали, что, покончив с Лигой Восьми, он примется за них. Некоторым людям всегда и всего мало.

Двое из нарядных господ обнажили мечи. Блеснула сталь, послышался слабый вскрик. Фоскар, пытаясь разглядеть, что происходит, начал подниматься на ноги. Но Арио потянул его вниз и усадил на место, не отрывая при этом взгляда от собственных ногтей.

Спокойствие было восстановлено. Коляска проехала, свита – тоже. Последними проскакали солдаты в форме войск Талина, миновали старый склад и скрылись с улицы.

– Представление окончено, – вздохнул Коска, отталкиваясь от перил и направляясь к двери на лестницу.

– Жаль… я бы любовалась им вечно, – усмехнулась Витари и двинулась за ним.

– Одна тысяча восемьсот двенадцать, – сказал Балагур.

Монца взглянула на него с удивлением.

– Чего?

– Людей. В процессии.

– И что?

– Сто пять камней в ожерелье королевы.

– Черт… я спрашивала, сколько их?

– Нет.

Балагур последовал за остальными.

Она осталась одна. По-прежнему крепко, до боли, сжимая правый кулак и плотно сомкнув челюсти, сердито поглядела вниз, на улицу, с которой уже расходились зрители, поежилась под порывом начавшего крепчать ветра.

– Монца…

Не одна. Повернув голову, она встретилась глазами с Трясучкой, стоявшим куда ближе, чем хотелось бы.

Вид был такой, словно поиск слов был тяжелейшей работой. Он заговорил:

– Это все так… как будто мы не… не знаю. После Вестпорта… я только хотел спросить…

– Лучше не спрашивай.

Она обошла его и тоже скрылась в дверях.

Подготовка

Никомо Коска с улыбкой на губах прикрыл глаза, облизнулся, глубоко втянул носом воздух и поднес ко рту бутылку. Выпить, выпить, выпить… Стук стеклянного горлышка о зубы, столь много обещающий, прохладная влага на языке, сладостно скользящая в горло, когда глотаешь… если только это не вода, конечно.

Он поднялся с постели, влажной от пота, и в одной ночной рубахе, такой же сырой и липкой, прокрался в кухню в поисках вина. Или любой паршивой кислятины, которая дарует человеку хмель. Чего угодно, лишь бы спальня перестала раскачиваться, как телега на бездорожье, разбежались муравьи, ползающие по телу, и унялась проклятая головная боль. Пропади все пропадом. И попытка измениться, и Меркатто с ее местью тоже.

Надеясь, что остальные еще в постели, он испытал ужасное разочарование и неловкость, когда увидел у печки Балагура, уже варившего к завтраку овсянку. Правда, через некоторое время вдруг понял, что странным образом рад встрече с бывшим арестантом. В неизменном спокойствии Балагура ему чудилось нечто почти магическое. В этой абсолютной уверенности, позволяющей молчать часами, не беспокоясь, кто что подумает… Коска как будто и сам делал первый шаг к необычному для себя спокойствию. Но не к молчанию. Болтал он не останавливаясь, покуда сумрачный свет, пробивавшийся сквозь щели в ставнях, становился ярче, предвещая восход.

– …какого черта я пошел на это, а, Балагур? Сражаться, в моем возрасте!.. Сражаться… вот уж чего никогда не любил. Да еще и на одной стороне с этим хвастливым клопом, Морвиром! Отравителем! Гнуснейшим из убийц!.. Прекрасно сознавая к тому же, что я нарушаю первое правило солдата…

Балагур, помешивая овсянку, приподнял бровь. Коска был почти уверен, что бывший арестант знает, зачем он сюда пришел, но никогда не скажет об этом вслух. Уголовники в большинстве своем удивительно тактичны. Поскольку в тюрьме бестактность может оказаться роковой.

– Первое? – спросил Балагур.

– Никогда не воюй за слабую сторону. И вообще… я тоже всегда терпеть не мог герцога Орсо, но понимаю тем не менее, что между ненавистью к человеку и попыткой эту ненависть воплотить пролегает пропасть, бездонная и весьма опасная. – Коска стукнул кулаком по столу,

отчего макет Дома Кардотти подпрыгнул. – Особенно когда действуешь в интересах женщины, которая уже предала тебя однажды…

Мысли его, подобно ручным голубям, неизменно возвращающимся в любимую и ненавистную клетку, устремились, минуя девять пролетевших лет, в Афиери. Он вспомнил скачущих навстречу лошадей, солнце, встающее над горизонтом, как вспоминал это бесконечное множество раз, напиваясь в грязных дешевых тавернах, ночуя на дрянных постоялых дворах всего Земного круга. Отличная игра, думал он тогда в пьяном угаре, любуясь умело организованной притворной атакой. Вспомнил теперь первый холодок страха, когда всадники не сбавили хода. Леденящий ужас, когда они смяли строй его ничего не подозревавших солдат. Смесь ярости, отчаяния, тошноты, пьяного головокружения, когда он мчался прочь с поля боя, где разносили в клочья его бесшабашное войско и его воинскую репутацию. Эта смесь ярости, отчаяния, тошноты, пьяного головокружения преследовала Коску неотступно с тех пор, подобно собственной тени.

Он хмуро поглядел на свое кривое отражение в стекле бутылки с водой.

– Память о победах растаяла, – сказал тихо, – умерла, растворившись в болтовне, не более убедительной, чем иная ложь. О неудачах, разочарованиях, раскаянии – жива, словно все случилось вчера. Улыбки девушек не помнятся так… Только обиды, в которых мы обвиняем других. Толчок неведомо чьего плеча в толпе, заставляющий нас злобствовать целый день. Месяц. Вечно. – Он скривил рот. – Из этого-то и состоит прошлое. Из поганых моментов, которые сделали нас теми, кто мы есть.

Балагур все молчал, что подзуживало Коску к откровениям похлеще всяких расспросов.

– И самый горький в моей жизни момент, когда против меня пошла Монцкарро Меркатто… Мне бы отомстить ей вместо того, чтобы помогать мстить самой. Мне бы убить ее, а заодно Эндиша, Сезарию, Виктуса и прочих моих бывших друзей-ублюдков из Тысячи Мечей. Так какого же черта я тут делаю, Балагур?

– Говорите.

Коска фыркнул:

– Как обычно. Мне всегда отказывает здравый смысл, если дело касается женщин. – И разразился вдруг лающим смехом. – По правде говоря, он отказывает напрочь в любом затруднительном положении. Потому-то жизнь моя и полна треволнений. – Он со стуком поставил бутылку на стол. – Довольно грошовой философии! Суть в том, что мне нужно измениться. И, что еще важнее, отчаянно нужны деньги. – Поднялся из-за стола. – Чертово прошлое. Я – Никомо Коска, черт подери! Я смеялся врагам в лицо! – Сделал паузу. – И я возвращаюсь в постель. Премного благодарен вам, мастер Балагур, вы прекрасный собеседник.

Бывший арестант на мгновение оторвал взгляд от котелка с кашей.

– Я едва ли слово сказал.

– Вот именно.

Утреннюю трапезу Морвир сервировал для себя на маленьком столике в маленькой спаленке, служившей, вероятно, когда-то верхней кладовой в заброшенном складе, расположенном во вредном для здоровья районе Сипани, города, который он всегда терпеть не мог. Сервировка состояла из кривоватой миски с холодной овсянкой, помятой кружки с горячим чаем и надколотого стакана с теплой водой. Рядом стройной шеренгой выстроились семнадцать флакончиков, бутылочек и кувшинчиков с разнообразными пастами, жидкостями и порошками – прозрачными, белыми и желтыми в основном, не считая зеленовато-синей выжимки скорпионьего яда.

Морвир сунул в рот ложку каши и, прожевывая ее без особого удовольствия, откупорил четыре ближних сосудика. Вынул из связки игл одну, окунул ее в первый пузырек, кольнул себя в тыльную сторону руки. Окунул во второй, сделал то же самое. Затем – в третий и в чет-

вертый, после чего брезгливо бросил иглу. Поморщился, увидев крохотную бисеринку крови, выступившую на месте укола. Проглотил еще ложку каши и откинулся на спинку стула, пережидая нахлынувшую волну головокружения.

– Чертов ларинк!

И все же стоило принимать каждое утро маленькую дозу и претерпевать легкое недомогание, чем получить однажды большую по злому умыслу или случайно и скончаться от разрыва кровяных сосудов мозга.

Заставив себя проглотить еще порцию соленой слизи, он открыл следующую склянку в ряду, взял оттуда щепотку горчичного корня, заткнул одну ноздрю и втянул порошок через другую. Содрогнулся, ощутив жжение в носу, поводил языком по мгновенно онемевшему рту. Глотнул чаю, но тот неожиданно оказался кипятком, и Морвир, захлебнувшись, выкашлял его обратно.

– Чертов горчичный корень!

Восхитительная действенность порошка на его клиентов приятности его употребления самому Морвиру не прибавляла. Как раз наоборот. В тщетной надежде смыть едкую горечь он прополоскал рот водой, прекрасно зная, что будет чувствовать ее еще несколько часов.

Затем он поставил перед собою в ряд следующие шесть склянок. Сковырнул крышечки, вынул пробочки. Содержимое их можно было бы принять по очереди, но долгие годы подобных завтраков научили Морвира тому, что лучше уж отделаться разом. Поэтому он набрызгал, накапал и насыпал необходимое количество в стакан с водой, тщательно перемешал ложкой и выпил тремя большими, судорожными глотками.

Поставил стакан на стол, вытер слезы, выступившие на глазах. Почувствовал было приступ тошноты, но тут же все и прошло. В конце концов, он проделывал это каждое утро в течение двадцати лет. А если бы не приучил себя…

Морвир ринулся к окну, распахнул ставни и успел высунуть голову наружу как раз вовремя, чтобы скудный завтрак его угодил в грязный переулок под складом. С тяжким стоном выпрямился, высморкал из носа едкие сопли и побрел, пошатываясь, к умывальнику. Зачерпнул из тазика воды, омыл лицо, глядя на себя в зеркало. Неприятнее всего было то, что в бунтующий желудок следовало запихнуть еще каши. Очередная жертва, которую никто не оценит, одна из многих, на которые он шел ради совершенства.

Приютские дети его талантов не ценили. Как и учитель, недоброй памяти Маймах-йин-Бек. Как и жена. И многочисленные подмастерья. Похоже было, что нынешняя нанимательница тоже не в состоянии оценить его самоотверженность, его терпение, его героические – без всякого преувеличения! – усилия, совершаемые в интересах ее дела. Никомо Коске, этому распутному старому пьянице, оказывали уважения куда больше, чем ему.

– Я обречен, – безутешно пробормотал он. – Обречен только давать и давать, ничего не получая взамен.

В дверь постучали, голосок Дэй спросил:

– Вы позавтракали?

– Почти.

– Всем велено собраться внизу. Идем к Кардотти. Фундамент закладывать. Необходимую подготовку производить… – Похоже, говорила она с набитым ртом. И удивительно, коль это было не так.

– Я догоню!

Он услышал удаляющиеся шаги.

Все-таки есть один человек по меньшей мере, который восхищается его профессиональным уменьем. Относится к нему с надлежащим уважением. Оправдывает самые высокие ожидания. Дэй… он начинает ей доверять, понял Морвир, и как помощнику, и как человеку. Гораздо больше, чем дозволяет осторожность на самом деле.

Но даже он, наделенный столь экстраординарными талантами, не в состоянии справиться со всем в одиночку. Морвир испустил глубокий вздох и отвернулся от зеркала.

Лицедеи, или убийцы, а вернее, и те, и другие, заполонили весь первый этаж склада. Двадцать пять человек, считая самого Балагура. Возле стола сидели, вытянув ноги, три черноволосые танцовщицы-гурчанки в затейливых масках в виде кошачьих мордочек. У двоих маски были подняты, у третьей, которая заботливо полировала кривой кинжал, опущена, и сквозь раскосые прорези недобро поблескивали глаза. Рядом расположились музыканты, тоже в масках, только серебряных и в виде нот, одетые в черные щеголеватые курточки и трико в желто-серую полоску, и наигрывали джигу, наловчившись уже исполнять ее более или менее сносно.

Здесь же был и Трясучка в потертой кожаной тунике и облезлой меховой накидке на плечах, с круглым деревянным щитом на одной руке и тяжелым мечом в другой. И Седой с дубиной в руках, усеянной гвоздями, лицо которого полностью скрывала железная маска. Трясучка что-то быстро говорил на северном, показывая, как именно он будет махать мечом и как на это должно отвечать Седому.

Барти и Кюммель, акробаты, одетые в шутовские костюмы в обтяжку, спорили между собой на союзном языке. Один пылко размахивал при этом коротким мечом. К их разговору прислушивался Ронко Невероятный, поглядывая по сторонам из-под маски, расписанной красными, желтыми и оранжевыми язычками пламени. Перебрасывались у него за спиной ножами, казавшимися вспышками света в полутьме, трое жонглеров. Остальные… кто праздно стоял, привалившись к стене, кто сидел на полу, подобрав под себя ноги, кто выделывал антраша, кто костюм подгонял на скорую руку.

Коску Балагур узнал не сразу. Старый наемник вырядился в бархатный плащ, расшитый серебром сверху донизу, на голове у него был цилиндр, в руках – длинная черная трость с толстым золотым набалдашником. Сыпь на шее запудрена, напомаженные седые усы торчат пиками, сапоги начищены до блеска. Маска усеяна искрящейся зеркальной пылью.

Но глаза Коски искрились еще ярче. И к Балагуру он подошел торжественной поступью циркового распорядителя.

– Друг мой, надеюсь, вы в порядке. Спасибо, что выслушали утром.

Тот, сдерживая улыбку, кивнул. В добродушном юморе Коски ему чудилось нечто почти магическое – в этой абсолютной уверенности, позволяющей говорить и говорить, не сомневаясь, что его будут слушать и смеяться… Балагур как будто и сам начинал чувствовать желание говорить.

Коска протянул ему маску в виде пары костей. Там вместо точек были прорези для глаз. Две единицы.

– Надеюсь, вы окажете мне честь присмотреть нынче вечером за игровым столом?

Балагур дрогнувшей рукой принял маску.

– Буду очень рад.

Вся безумная компания тронулась наконец в путь по кривым улицам, тесным переулочкам, узким мостикам через каналы, гнилым садам, укрытым туманами, сквозь серый и сырой сумрак, приглушавший шаги и вонявший солью – предательская вода здесь всегда была где-то рядом. Поэтому Трясучка то и дело недовольно морщил нос.

Полгорода, казалось, нацепило маски и карнавальные костюмы, будто праздник какой случился. Все, кто не был приглашен на бал в честь царственных гостей Сипани, решили повеселиться сами и занялись этим основательно, с раннего утра. Одни оделись без причуд, в обычные выходные наряды и скромные полумаски. Другие расстарались вовсю – напялили широченные шаровары, обувь на высоких каблуках, лица закрыли золотыми и серебряными масками со звериными оскалами и безумными улыбками. Они живо напоминали Трясучке

окровавленное лицо Девяти Смертей, когда тот бился в кругу, и его дьявольскую ухмылку. Отчего на душе спокойней не становилось. Пусть он и одет был сейчас, как некогда на Севере, в кожу и мех, и оружие при себе имел почти такое же, как тогда, – щит и тяжелый меч.

Мимо пронеслось несколько человек, разряженных в желтые перья и маски с огромными клювами, визжа, как стая спятивших чаек. Что спокойствия тоже не прибавило. Вдали, в тумане, мельтешили, выпрыгивая с гиканьем из-за углов, перебегая с песнями площади, другие странные фигуры. Чудовища и великаны. И ладони у Трясучки покрылись липким потом при воспоминании о том, как под Дунбреком вышел из такого же тумана Фенрис Ужасающий, неся с собою смерть. Здесь, конечно, всего лишь скакало на ходулях всякое дурачье… и тем не менее. Происходит что-то странное, когда человек надевает маску. Вместе с внешним видом меняется его поведение. Порой он и на человека-то становится не похож. Словно превращается в кого-то другого…

Все это не нравилось бы Трясучке, даже если бы вечером не предстояло совершить убийство. Казалось, город Сипани построен на границе с преисподней, откуда набежали черти и перемешались с людьми, а те и внимания не обращают, будто так и надо. Ему пришлось даже напомнить себе, что самой странной и по-настоящему опасной из всех странных и опасных с виду компаний, шляющихся здесь по улицам, является его собственная персона. Если по городу и ходят черти, наистрашнейший из них – он сам. Мысль эта лишила его последнего спокойствия.

– Сюда, друзья мои!

Коска повел всех через площадь, где сквозь туман виднелись четыре облетевших дерева и большой дом, деревянный, с внутренним двором. Точно такой стоял несколько последних дней в складской кухне на столе.

У железных решетчатых ворот караулили четверо вооруженных стражников. Коска, звонко цокая каблуками, проворно взбежал по лестнице.

– С добрым утром вас, господа!

– У Кардотти нынче днем закрыто, – прорычал в ответ ближайший стражник, – и вечером тоже.

– Не для нас. – Коска взмахом трости очертил всю свою разномастную труппу. – Мы – актеры, которых специально для сегодняшнего торжества выбрала и наняла супруга принца Арио, Карлота дан Эйдер. Так что открывайте, да поживее, у нас полно дел, надо подготовиться. За мной, дети мои, выше голову! Люди жаждут развлечений, и они их получат!

Двор оказался больше, чем ожидал Трясучка, и одновременно сильно его разочаровал. И это лучший бордель Земного круга?.. Булыжники поросли мхом. Меж верхними окнами натянуты веревки, на которых сушатся, развеваясь на ветру, простыни. Составлены в одном углу вкривь и вкось винные бочонки. Бродит, помахивая стершейся метлой, сгорбленный старикашка. Свирепо треплет о стиральную доску нечто, подозрительно смахивающее на нижнее белье, неопрятная толстуха…

Еще здесь стояли стол и несколько стульев, позолоченных некогда, но давно облезших, где сидели со скучающим видом три худосочные девицы. Одна держала в руке раскрытую книгу. Вторая не сводила глаз с ногтей, которые подпиливала. Третья без всякого интереса поглядывала на фигляров, расслабленно откинувшись на спинку стула и попыхивая глиняной трубочкой для курения чаги.

Коска вздохнул:

– Нет на свете ничего более прозаичного и менее возбуждающего, чем бордель при свете дня.

– Похоже на то. – Трясучка проводил взглядом жонглеров, которые уже нашли для себя уголок и принялись распаковывать орудия труда – в том числе ножи.

– Я всегда считал, что у шлюх замечательная жизнь. У тех, что пользуются спросом, во всяком случае. Бездельничаешь целыми днями, а когда тебя призывают к работе наконец, занимаешься ею лежа.

– Маловато чести в этом, – сказал Трясучка.

– От дерьма хоть цветы лучше растут. От чести и такой пользы нету.

– Но что потом, когда состаришься и никто тебя больше не хочет? Остается лишь отчаяние, думается мне, да раскаяние.

Коска печально улыбнулся.

– Как у каждого из нас, друг мой. Чем бы мы ни занимались – все едино. Хоть солдатом будь, хоть наемным убийцей… никто тебя не хочет, когда состаришься. – Он двинулся мимо Трясучки в глубь двора, постукивая на ходу тростью. – В каком-то смысле все мы шлюхи. – Выхватил из кармана пестрый платок, помахал девицам и поклонился. – Мое глубокое почтение, дамы.

– Старый козел, – буркнула в ответ на родном языке Трясучки та, которая курила, и снова запыхтела трубкой.

Оркестр начал настраивать инструменты, извлекая из них хрипы и скрипы, мало чем отличавшиеся от того, что считалось у этих исполнителей настоящей музыкой.

В дом из двора вели две двери. Слева – в игорный зал, справа – в курильню. Оттуда имелся выход к лестницам на второй этаж. Трясучка окинул взглядом увитую плющом, обшитую потемневшими от сырости досками стену, посмотрел на узкие окошки первого этажа. Комнаты для гостей. Выше, на втором этаже большие окна из разноцветного стекла. Королевский номер – для самых дорогих гостей. Там будут развлекаться братья Арио и Фоскар…

– Эй.

Кто-то тронул его за плечо, Трясучка повернулся и заморгал.

Перед ним стояла высокая женщина в великолепных черных мехах, в длинных черных перчатках, с черными волосами, подобранными с одной стороны и ниспадавшими мягкой волной на белое лицо. Сквозь прорези маски, усеянной мелкими хрусталиками, на Трясучку смотрели блестящие глаза.

– Э… – Он с трудом сумел оторвать взгляд от ее грудей, ложбинка меж которыми влекла неодолимо, как улей медведя. – Я могу вам чем-нибудь… э…

– Уж и не знаю, можешь ли.

Накрашенные губы чуть изогнулись не то в улыбке, не то в усмешке. Голос показался Трясучке знакомым. И в разрезе юбки он заметил вдруг розовый шрам на ноге красавицы.

– Монца? – спросил тихо.

– Кто же еще отважится к тебе подойти? – Она смерила его взглядом с головы до ног. – Выглядишь почти таким же дикарем, как при нашей первой встрече.

– Так и задумано, поди. А вы выглядите… – Он замешкался, подбирая слово.

– Шлюхой?

– Ну, если только очень дорогой.

– Дешевки не терплю. Что ж, я отправляюсь наверх дожидаться гостей. Если все пойдет хорошо, увидимся на складе.

– Ладно. Если пойдет… – Хорошо в жизни Трясучки уже давно ничего не шло. Он бросил хмурый взгляд на разноцветные окна. – Справитесь?

– С Арио-то? Конечно. Трепещу в предвкушении этого момента.

– Знаю, просто… может, я вам понадоблюсь…

– Ты бы лучше сосредоточил свой куцый умишко на собственных делах. О себе я сама побеспокоюсь.

– Я так уже беспокоюсь. На двоих хватит…

– Мне казалось, ты оптимист, – бросила она через плечо, направившись к дому.

– Может, вы меня разубедили, – проворчал он вслед.

Не нравилось ему, когда она с ним так разговаривала. Правда, когда совсем не разговаривала, было еще хуже.

Трясучка повернулся, увидел, что на него таращится Седой, и сердито топнул ногою.

– Чего стоишь без дела? Давай уже разметим этот чертов круг, пока не состарились!

Монца, вышагивая на высоких каблуках рядом с Коской по игорному залу, чувствовала себя крайне неуютно. К каблукам она не привыкла. Не привыкла к ощущению сквозняка, овевающего ноги. Корсеты были пыткой и в лучшие времена. И то обстоятельство, что в надетом на нее сейчас лифе вместо двух вынутых косточек таились длинные, тонкие ножи, острием торчавшие вверх, рукоятью упиравшиеся в поясницу, удобней его отнюдь не делало. Лодыжки, колени и бедра уже дрожали от напряжения. Подкрадывалось то и дело желание покурить, но Монца усердно его отгоняла. За последнее время ей пришлось вытерпеть столько боли, что нынешние муки казались ничтожной платой за возможность оказаться рядом с Арио. И полоснуть кинжалом по его насмешливому лицу. Только эта мысль и придавала ее походке кое-какую бойкость.

В конце зала, между карточными столами, застланными до времени зелеными покрывалами, стояла в горделивой позе, поджидая их, Карлота дан Эйдер в красном платье, достойном императрицы.

– Кто бы на нас поглядел, – усмехнулась, подойдя, Монца. – Генерал в одежде шлюхи и шлюха в одежде королевы. Нынче вечером все рядятся в чужое обличье.

– Это политика. – Любовница Арио хмуро поглядела на Коску. – Кто с вами?

– Магистр Эйдер, какая нечаянная радость! – Старый наемник в поклоне сорвал с себя цилиндр, обнажив потную лысину. – Я и не мечтал увидеть вас когда-нибудь снова.

– Вы!.. – Взгляд ее похолодел. – Тоже замешаны… вообще-то я могла бы догадаться. Если бы не думала, что вас убили в Дагоске.

– Все так думали, но оказалось, что я был просто… мертвецки пьян.

– Не настолько, однако, чтобы не найти способ меня предать.

Коска пожал плечами:

– Предавать честных людей – стыд и срам. Но предателей… трудно отделаться от мысли о некоей… вселенской справедливости. – Он улыбнулся ей, потом Монце и снова повернулся к Эйдер: – Три таких верных человека, как мы, на одной стороне?.. Жду не дождусь увидеть, чем это обернется.

Ничем хорошим, подозревала Монца.

– Когда приедут Арио с Фоскаром?

– Когда закончится бал у Соториуса. Около полуночи.

– Что ж, подождем.

– Противоядие, – холодно напомнила Эйдер. – Я сделала свое дело.

– Получите его, когда я получу голову Арио на блюде. Не раньше.

– А если что-то пойдет не так?

– Умрете вместе с нами. Поэтому давайте надеяться, что все сложится гладко.

– Что вас удержит от того, чтобы дать мне умереть в любом случае?

– Моя блистательная репутация честного игрока и порядочного человека.

Эйдер, что никого не удивило, не засмеялась.

– Я пыталась сделать доброе дело в Дагоске! – Она ткнула себя пальцем в грудь. – Доброе! Пыталась спасти людей! И посмотрите, чем все для меня кончилось!

– Возможно, это урок для любителей добрых дел. – Монца пожала плечами. – Я лично с такими проблемами не сталкивалась.

– Вы еще шутите! Знаете ли вы, на что это похоже – жить в страхе каждую минуту?

Монца резко шагнула вперед, заставив ее отпрянуть к стене.

– Жить в страхе? – прорычала она, едва не царапнув маску Эйдер своей. – Поздравляю со вступлением в мое братство ужаса! Хватит ныть… сегодня на балу вы должны улыбаться Арио и прочим подонкам! – Она понизила голос до шепота. – А потом привести его сюда. И братца его тоже. Делайте, что я говорю, и для вас все еще может кончиться хорошо.

Ей самой в это плохо верилось, как и Эйдер. Ибо нынешние празднества мало для кого могли кончиться хорошо.

Дэй в последний раз провернула сверло, скрежетнувшее по дереву, затем легко высвободила его. Тьму чердака прорезал тонкий луч света, лег ярким круглым пятном ей на щеку. Девушка улыбнулась Морвиру, и он застыл на миг, пронзенный внезапным горько-сладким воспоминанием – мать улыбается ему при свете свечи…

– Готово.

Не время для ностальгии… Он подавил нахлынувшие чувства и осторожно двинулся вперед, всецело сосредоточась на том, чтобы не шагнуть мимо балки. Если потолок пробьет вдруг дрыгающаяся черная нога, это, несомненно, послужит некоторым поводом для беспокойства сыновей Орсо и их стражников… Добравшись до своей помощницы, Морвир заглянул в дырочку, которую, конечно, невозможно было заметить снизу среди обильных лепных украшений потолка. Увидел часть богато украшенного, отделанного деревянными панелями и устланного дорогими гуркскими коврами коридора. И две высокие двери, над ближней из которых красовалась резная корона.

– Место угадано безупречно, дорогая моя. Королевский номер.

Отсюда будут видны все стражники, которые встанут у дверей… Морвир полез в карман куртки, нахмурился. Похлопал по остальным карманам. И похолодел.

– Проклятье! Я забыл запасную трубку со стрелами! А вдруг…

– Я захватила две. На всякий случай.

Морвир прижал руку к груди.

– Слава судьбе… нет! К черту ее! Слава твоей запасливости и предусмотрительности! Что бы я без тебя делал?

Дэй одарила его своей невинной улыбкой.

– Примерно то же, что и сейчас, только в одиночестве. Осторожность – на первом месте, всегда.

– Как это верно! – Он понизил голос. – Идут. – В коридоре появились Меркатто и Витари, обе в масках, напудренные, разодетые, или, вернее сказать, раздетые, как и подобает служительницам подобных заведений. Витари открыла дверь под короной, шагнула в номер. Меркатто бросила быстрый взгляд на потолок, кивнула и последовала за ней. – Вошли. Пока все идет по плану. – Впрочем, для неприятных неожиданностей времени оставалось предостаточно. – Как дела во дворе?

Дэй проползла на животе в дальний конец чердака, где крыша спускалась к балкам, и выглянула через заранее просверленные дырки во двор.

– Похоже, к приему гостей все готово. Что теперь?

Морвир, осторожно ступая, подошел к маленькому запыленному оконцу, смахнул ребром ладони паутину со стекла. Солнце почти уже скрылось за рваной линией крыш, и в городе шепотов сгущались синие сумерки.

– Маскарад во дворце Сотириуса должен близиться к концу. – По другую сторону канала, расположенного позади Дома досуга Кардотти, начали загораться первые окна и первые факелы. Морвир брезгливо стряхнул с руки паутину. – Теперь мы сидим на этом гнусном чердаке и ждем, когда прибудет его высочество принц Арио.

Секс и смерть

К ночи Дом досуга Кардотти преобразился. Стал похож на волшебную страну, столь же далекую от серой реальности, как луна от земли. Игорный зал озарили триста семнадцать свечей. Балагур сосчитал их, покуда их водружали на тихонько позвякивавшие люстры и втыкали в ослепительно сверкавшие подсвечники и канделябры.

Покрывала с игровых столов были убраны. Один из банкометов тасовал карты, второй сидел, глядя в пространство, третий считал и аккуратно складывал фишки. Балагур вел счет вместе с ним, только про себя. В дальнем конце зала пожилой служитель смазывал колесо фортуны. Оно было не слишком благосклонно к тем, кто с ней играет, насколько мог судить Балагур. Он давно заметил нечто необъяснимое в играх со случаем. Случай всегда против игрока. Вроде бы сначала ты побеждаешь цифры, но в конечном итоге они побеждают тебя.

Все вокруг сияло и мерцало, как спрятанные в пещерном мраке сокровища, а ярче всего женщины – принарядившиеся к этому времени, надевшие маски и казавшиеся при теплом свете свечей какими-то нереальными со своими длинными, изящными руками и ногами, умащенными и присыпанными блестками, с глазами, загадочно блещущими сквозь прорези золоченых масок, с губами и ногтями, красными, как свежая кровь…

В воздухе витали непривычные, будоражащие запахи. В Схроне женщин не было, и Балагур с трудом сдерживал возбуждение, успокаивал себя, бросая кости снова и снова и складывая выпавшие цифры. Дошел уже до четырех тысяч двухсот…

Мимо проплыла очередная женщина, с шорохом волоча по гуркскому ковру подол юбки, в разрезе которой показывалась при каждом шаге голая нога. Двухсот… Взгляд его приклеился к этой ноге, сердце ускорило свой бег. Двухсот… двадцати шести. Балагур вновь взял себя в руки, перевел взгляд на кости.

Тройка и двойка. Все как обычно, беспокоиться не о чем. Он услышал шум за окном, выпрямился и выглянул во двор. Начали прибывать гости.

– Добро пожаловать, друзья, добро пожаловать к Кардотти! У нас есть все, чего только могут пожелать взрослые мальчики! Карты и кости, игры, требующие удачи и мастерства, – сюда, пожалуйста! А эта дверь для тех, кто предпочитает нежные объятья матушки хаски! Вино и любые напитки по требованию. Пейте вволю, друзья мои! Всю ночь во дворе вас ждут самые разнообразные развлечения! Жонглеры, танцовщицы, музыканты… и даже, может быть, немного крови для тех, кто жаждет драки! Что же до женского общества… ну, этого у нас предостаточно…

В ворота вливался поток напудренных мужчин в масках. Среди костюмов от дорогих портных было уже не протолкаться, сквозь оживленное перекрикивание с трудом пробивалась веселая музыка, которую наяривал оркестр, расположившийся в одном углу двора. В другом перебрасывались сверкающей струей стеклянных бокалов жонглеры. Замелькали женщины в толпе, перешептываясь с гостями. Кое-кого уже повели в дом. По лесенке на второй этаж, конечно… Коска поневоле задумался, не перепадет ли нынче и ему несколько мгновений радости?..

– Вы само очарование, – обратился он, приподняв цилиндр, к проплывавшей мимо стройной блондинке.

– Гостями займись! – рявкнула та злобно в ответ.

– Я всего лишь подбодрить вас пытаюсь. Помочь хочу.

– Помочь хочешь – ублажи кого-нибудь! У меня и так работы хватает.

Ее тронули за плечо, она с лучезарной улыбкой повернулась, взяла желающего под руку и скрылась с глаз.

– Откуда их столько? – прошипел Коске на ухо Трясучка. – Говорили, три-четыре дюжины будет, кое-кто с оружием, но не мастера драться! А их тут уже в два раза больше!

Коска улыбнулся и хлопнул северянина по плечу.

– Вижу! Но это же так приятно, когда устраиваешь пирушку и гостей приходит больше, чем ждешь! Значит, кто-то пользуется любовью…

Трясучку шутка не позабавила.

– Не мы, уж точно. И как мы их всех придержим?

– С чего ты взял, что я знаю? По моему опыту, жизнь полна неожиданностей. Остается только покоряться обстоятельствам и делать, что можешь.

– Говорили, шесть стражников от силы. А это кто тогда? – Трясучка мотнул головой в сторону кучки мужчин сурового вида, в кирасах поверх стеганых курток, в масках из обычной стали, при мечах и длинных ножах, с угрюмо выдвинутыми вперед чеканными подбородками. Глаза их так и шарили по двору, высматривая угрозу.

– Хм-м, – промычал Коска, – вот и я о том же думаю.

– Думаете? – Мощная длань северянина крепко обхватила его руку. – Когда без башки вот-вот останетесь?

– Я вообще частенько думаю. – Коска высвободился. – И знаешь, что забавно? При этом попросту не боюсь.

Оставив Трясучку, он затесался в толпу. Принялся бродить среди гостей, похлопывая их по плечам, сыпля шутками, призывами выпить и полюбоваться представлением. Чувствуя себя в своей стихии – порока и разгула. И, конечно, опасности…

Его страшили старость, неудачи, предательство. Возможность показаться дураком. Но никогда не страшило предстоявшее сражение. Самые счастливые мгновения своей жизни Коска пережил, дожидаясь начала боя – глядя, как приближаются маршем бесчисленные гурки к Дагоске, следя за тем, как разворачиваются войска Сипани перед Островной Битвой, вскакивая в седло при свете луны, чтобы отбить вылазку врага из-за стен Муриса. Опасность его только радовала. Ибо исчезало беспокойство о будущем. Забывались промахи прошлого. Оставалось лишь прекрасное настоящее.

Он зажмурился, прислушиваясь к оживленной болтовне гостей, втянул носом воздух так глубоко, что в груди закололо. Сейчас ему даже выпить не хотелось.

И, открыв глаза, он увидел, что в ворота вошли еще двое человек. Толпа подобострастно расступилась, освобождая дорогу принцу Арио, одетому в алую куртку с расшитыми рукавами, из которых свисали шелковые манжеты такой длины, что возникало сомнение, сумеет ли принц при желании взять что-нибудь в руки. Золотую маску его венчал султан из разноцветных перьев, похожий на павлиний хвост, заколыхавшийся, когда Арио без всякого воодушевления огляделся по сторонам.

– Ваше высочество! – Коска, сорвав с головы цилиндр, низко поклонился. – Ваш приход воистину… воистину честь для нас.

– Да, да, – сказал Арио. – Как и приход моего брата. – Он вяло повел рукой в сторону стоявшего рядом человека в белоснежном наряде и маске в виде половинки солнца, которому, судя по тому, как нерешительно он топтался на месте, идти сюда не слишком хотелось. То был Фоскар, без сомнения, хотя с бородой Коска его еще не видел. – Не говоря уж о нашем общем друге, мастере Сульфуре, – закончил Арио.

– Увы, я остаться не могу. – Вперед выступил еще один человек, таившийся за спинами братьев. Кудрявый, неприметной внешности, скромно одетый. – Дел слишком много. Ни минутки покоя… – Он улыбнулся Коске, и тот заметил, что глаза у него разного цвета – один зеленый, другой голубой. – Этой же ночью я должен быть в Талине и говорить с вашим отцом. Нельзя предоставлять гуркам свободу действий.

– Конечно. Будь они прокляты, эти твари. Счастливого вам пути, Сульфур. – Арио едва заметно кивнул.

– Счастливого пути, – буркнул и Фоскар, когда спутник их шагнул обратно за ворота.

Коска снова нахлобучил цилиндр на голову.

– Что ж, из всех почтенных гостей вы самые желанные! Прошу вас, насладитесь представлением! К вашим услугам любые развлечения. – Он чуть придвинулся, сверкнул озорной улыбкой. – И верхний этаж. Осмелюсь сказать, там, в Королевском номере, ваши высочества поджидает нечто необыкновенное.

– Идем, брат. Посмотрим, может, нам и вправду удастся отвлечь тебя от забот. – Арио бросил недовольный взгляд на оркестр. – О, небеса, неужели эта женщина не могла найти музыкантов получше?

Толпа расступилась перед братьями. Следом за ними двинулись несколько веселых господ. И еще четверо – суровых, в доспехах и при оружии. Все они скрылись за дверью игорного зала, и Коска слегка нахмурился.

Страха он по-прежнему не испытывал. Но такое количество вооруженного народу вызывало тем не менее вполне разумное беспокойство. Попробуй, действительно, усторожи всех…

Коска метнулся к воротам, тронул караульного, стоявшего снаружи, за плечо.

– Никого больше не впускать. У нас битком, – сказал он, затем, захлопнув ворота прямо перед удивленным лицом стражника, запер их на замок и ключ спрятал в жилетный карман.

На долю друга принца Арио, мастера Сульфура, выпала честь быть последним человеком, который прошел сюда через парадный вход этой ночью.

Коска махнул рукой оркестру:

– Гряньте-ка что-нибудь повеселей, ребятки! Мы здесь для того, чтобы развлекать!

Морвир, стоя на коленях во тьме чердака, смотрел сквозь просверленные в стене под скатом крыши дырки вниз, во двор, по которому непрерывно сновали гости в ярких маскарадных костюмах, то исчезая в доме, то выходя обратно, то собираясь кучками, то рассеиваясь, сверкая и искрясь в свете фонарей. До слуха Морвира доносились громкие непристойные восклицания и приглушенная неразборчивая болтовня, нестройная музыка и веселый смех. Но самому ему было не до веселья.

– Почему их так много? – прошептал он себе под нос. – Мы ждали меньше половины. Похоже, что-то пошло наперекосяк…

К темным холодным небесам взметнулась струя белого пламени, последовал взрыв аплодисментов. Морвир покачал головой. Ронко… полный идиот, подвергающий опасности и собственную жизнь, и жизнь любого, кто окажется рядом. Если нанять его было разумной мыслью, тогда он, Морвир, император…

Дэй издала сдавленное шипение. Он осторожно подполз к ней по тихо поскрипывавшим балкам и приложил глаз к дырке в полу.

– Кто-то идет.

С лестницы в коридор вошли восемь человек в масках. Четверо из которых явно были стражниками, судя по начищенным до блеска кирасам. Двое – в чем уж вовсе сомневаться не приходилось – девицами, служившими у Кардотти. Но ни те, ни другие Морвира не интересовали. А вот последние двое…

– Арио и Фоскар, – шепнула Дэй.

– Они, должно быть… кто же еще?

Покуда стражники занимали места по сторонам дверей, сыновья Орсо перебросились несколькими короткими фразами. Затем Арио, хохотнув, низко поклонился, подхватил под руки обеих девиц и двинулся к дальней двери. А брат его шагнул к Королевскому номеру.

Морвир нахмурился.

– Похоже, все пошло наперекосяк…

Номер был воплощением чьего-то нелепейшего представления о том, как может выглядеть королевская опочивальня. В глазах рябило от изобилия всевозможных узоров, золотых и серебряных вышивок, малинового шелка, которым была застелена чудовищной величины кровать под пологом, заваленная подушками. Пузатый шкафчик ломился от разноцветных бутылок с напитками. С потолка, сплошь покрытого лепниной, свисала огромная люстра. Передняя стенка камина являла собой двух вырезанных из зеленого мрамора обнаженных женщин, державших блюдо с фруктами.

На стене висела картина с изображением еще одной гурии с нечеловечески большой грудью. Красавица купалась в ручье, отчего счастлива была, судя по выражению лица, неимоверно.

– От этой кошмарной музыки у меня голова разболелась, – проворчала Витари, подсовывая палец под корсет и почесываясь.

– А у меня – от этой дурацкой кровати. – Монца кивнула в сторону устрашающего ложа. – Особенно на фоне обоев.

Обои были в ядовито-голубую и бирюзовую полоску, с золотыми звездами…

– Не хочешь, да закуришь. – Витари ткнула пальцем в мраморный столик возле кровати, где лежала трубка из слоновой кости и стоял граненый стеклянный кувшинчик с хаской.

Монца на все это и без того посматривала. Весь последний час.

– О деле думайте, – резко сказала она, переводя взгляд на дверь.

– Думаю. – Витари поддернула юбку. – Мучение с этими чертовыми тряпками. И как только некоторые…

– Тс-с.

В коридоре послышались шаги.

– Они, – кивнула Витари. – Вы готовы?

Монца переступила с ноги на ногу, и в поясницу больно ткнулись рукояти ножей.

– Поздновато вроде отказываться.

– Ну, если только мы не решим покувыркаться с ними вместо этого…

– Нет уж, останемся верны убийству.

Надеясь, что поза ее выглядит достаточно соблазнительной, Монца уперлась правой рукой в оконную раму. Сердце пустилось вскачь, кровь зашумела в ушах.

Дверь медленно, со скрипом, отворилась, через порог переступил мужчина. Высокий, с головы до ног в белом, в золотой маске в виде половинки солнца. С безупречно подстриженной бородой… сквозь которую просвечивал неровный шрам на подбородке.

Монца захлопала глазами.

Не Арио. И даже не Фоскар.

– Дерьмо, – чуть слышно выдохнула Витари.

Тут Монца узнала гостя, и ее бросило в жар. Не сын Орсо, но зять. Не кто иной, как сам великий миротворец, его августейшее величество, верховный король Союза.

– Готов? – спросил Коска.

Трясучка откашлялся еще разок. В горле словно застряло что-то с того самого мгновенья, как он пришел в это проклятое место.

– Поздновато вроде отказываться.

Безумная ухмылка старого наемника сделалась еще шире.

– Ну, если только ты не решишь покувыркаться с ними вместо этого… Дамы! Господа! Прошу внимания!

Оркестр умолк, лишь скрипка зазудела на одной ноте. Отчего легче на душе у Трясучки не стало.

Коска замахал тростью, отгоняя зрителей от круга, размеченного в середине двора.

– Подальше, друзья мои, подальше, ибо вы вот-вот окажетесь в ужасной опасности! Перед вашими изумленными и недоверчивыми глазами будет разыгран один из интереснейших моментов истории!

– Как я трахаюсь? – вопросил кто-то, вызвав буйный смех у окружающих.

Очередным взмахом трости Коска чуть не выколол гостю глаз.

– Как кое-кого убивают!

К скрипке присоединился барабан. Бум, бум, бум… По сторонам озаренного факельным светом круга образовался еще один – из масок птиц, зверей, солдат, клоунов, скалящихся черепов, ухмыляющихся чертей, из-под которых выглядывали пьяные, скучающие, злые, исполненные любопытства лица. Не то Барти, не то Кюммель вознесся над толпой, запрыгнув на плечи собрату, и начал хлопать в ладоши в такт барабанному бою.

– Ради увеселения вашего и просвещения, а также в назидание…

Что бы это могло значить, Трясучка понятия не имел.

– …Дом досуга Кардотти представляет…

Глубоко вздохнув, он поднял щит и меч, шагнул в круг.

– …приснопамятный поединок между Фенрисом Ужасающим, – Коска тростью указал на Седого, ввалившегося в круг с другой стороны, – и Логеном Девятипалым!

– Но у него десять пальцев! – крикнул кто-то, снова вызвав смех у толпы.

Лишь Трясучке было не до смеха. Выглядел Седой, конечно, далеко не так жутко, как настоящий Фенрис, однако видом своим отнюдь не успокаивал. Здоровенный детина с лицом, закрытым черной железной маской, с выкрашенной в синий цвет левой рукой и выбритой левой половиной головы… Дубина, зажатая в его могучих кулаках, казалась таким суровым и опасным оружием, что Трясучке пришлось даже напомнить себе, что они на самом деле в одном лагере. Это всего лишь притворство. Притворство…

– С вашей стороны разумней будет, господа, отодвинуться! – прокричал Коска, и вдоль круга пробежались танцовщицы-гурчанки с черными кошачьими мордочками на черных лицах, оттесняя зрителей от края. – Здесь может пролиться кровь!

– Тем лучше! – Новый взрыв смеха. – Что мы, пришли смотреть, как эти два болвана танцуют друг с другом?

Толпа разразилась улюлюканьем, гиканьем и свистом. Явно неодобрительными. И Трясучка засомневался вдруг, что задуманное ими действо помахаться впустую несколько минут, потом проткнуть мечом пузырь со свиной кровью, припрятанный под мышкой у Седого, заставит этих недоносков хлопать. Ему вспомнился настоящий поединок под стенами Карлеона, от исхода которого зависела судьба всего Севера. Вспомнились холодное утро, пар от дыхания в воздухе, кровь на снегу. Карлы, стоящие вдоль круга и с ревом потрясающие щитами. Как отнеслись бы к этому дурацкому представлению они?.. Жизнь порою водит человека странными тропами, что правда, то правда.

– Начали! – крикнул Коска, выскакивая из круга.

Седой испустил зычный рев и, замахнувшись дубиной, ринулся в атаку. Замахнулся нешуточно. И ударил нешуточно. Трясучка успел вскинуть щит, но сила удара была такова, что на ногах он не устоял, грохнулся на задницу, и левая рука разом онемела. При этом собственным мечом он зацепил бровь… хорошо, глаз не выколол. Перекатился на четвереньки, и в тот же миг на булыжники, где он только что сидел, обрушилась дубина – аж каменная крошка брызнула во все стороны. И на ноги-то встать не успел, когда Седой вновь бросился в атаку, столь яростно, словно и впрямь замыслил смертоубийство. Уворачиваясь, Трясучка заметался по кругу, как кошка, брошенная в клетку с волками. Что-то не помнил он такого уговора… похоже, великан решил устроить этим ублюдкам представление, которое запомнится им надолго.

– Убей его! – со смехом выкрикнул кто-то.

– Крови, крови нам, болваны!

Трясучка крепче стиснул рукоять меча. Его охватило вдруг дурное предчувствие. Сильное, как никогда.

Бросание костей обычно успокаивало Балагура. Только не этой ночью. Его охватило вдруг дурное предчувствие. Сильное, как никогда. Он смотрел, как они катятся по столу, подскакивая и переворачиваясь, и пощелкивание их отдавалось в его вспотевшей коже покалыванием.

Остановились.

– Двойка и четверка, – сказал он.

– Вижу! – огрызнулся гость в маске-полумесяце. – Они меня ненавидят, эти чертовы кости! – И швырнул их на стол так, что те запрыгали.

Балагур, нахмурясь, потянулся за ними, бережно подгреб к себе.

– Пятерка и тройка. Дом выигрывает.

– Кажется, это уже становится обычным делом, – прорычал другой гость, в маске-кораблике, и друзья поддержали его недовольным ропотом.

Все они были пьяны. Пьяны и глупы. Выигрыш для дома и есть обычное дело, по этой причине в нем всегда приветствуются азартные игры. Но объяснять это гостям в обязанности Балагура не входило.

В дальнем конце зала кто-то радостно завопил – колесо фортуны выкинуло загаданное число. Кое-кто из игроков в карты снисходительно зааплодировал.

– Проклятые кости… – «Полумесяц» схватился за бокал с вином.

Балагур начал собирать фишки и аккуратно складывать их поверх собственных растущих пирамидок. Дышать было трудно, столько непривычных запахов витало в воздухе – духов, пота, вина, табачного дыма. Он вдруг осознал, что стоит с открытым ртом. И поспешно его закрыл.

Король Союза посмотрел на Монцу, потом на Витари. Красивый, величавый… и совершенно ненужный и нежеланный. Монца вдруг осознала, что стоит с открытым ртом. И поспешно его закрыла.

– Не сочти за непочтительность, – сказал он Витари, – но одной девушки мне более чем достаточно, и слабость я питаю… всегда питал… к темноволосым. – Повел рукою в сторону двери. – Надеюсь, я не обижу тебя, если попрошу нас оставить. Тебе заплатят, я прослежу за этим.

– Вы очень добры.

Витари покосилась на Монцу, и та в ответ почти незаметно пожала плечами, лихорадочно и безуспешно пытаясь сообразить, как выбраться из собственноручно сооруженной ловушки.

Оттолкнувшись от стены, Витари направилась к двери. Проходя мимо короля, нежно коснулась рукой его груди.

– Будь проклята моя рыжая мамаша…

Дверь за ней закрылась.

– Весьма… – король деликатно откашлялся, – приятная комната.

– Вам легко угодить.

Он смешливо фыркнул:

– Моя жена так не сказала бы.

– Жены редко отзываются о мужьях хорошо. Поэтому-то вы к нам и приходите.

– В данном случае не совсем так. Я получил ее благословение. Жена моя ожидает третьего ребенка и… впрочем, вряд ли тебе это интересно.

– Я выслушаю с интересом все, что вы скажете. За это мне и платят.

– Разумеется. – Король несколько нервно потер руки. – Наверное, стоит выпить.

Она кивнула в сторону шкафчика:

– Все – там.

– Хочешь чего-нибудь?

– Нет.

– Нет… ну, конечно. – Вино с бульканьем полилось из бутылки. – Ведь для тебя в этом нету никакой новизны.

– Никакой, – согласилась Монца, хотя не могла припомнить, когда в последний раз изображала шлюху и проводила время с королем.

Выбор у нее был невелик. Переспать с ним или убить его. Но ни то, ни другое не привлекало. Убийство Арио уже означало большой скандал. Об убийстве же короля и говорить нечего… пусть он и зять Орсо.

«Когда перед полководцем два темных пути, – писал Столикус, – ему следует выбрать тот, что посветлее». Вряд ли он имел в виду обстоятельства, в которых очутилась Монца, но дела это не меняло. Скользя рукою по одному из столбиков, поддерживавших полог кровати, она медленно, осторожно опустилась на малиновое покрывало. И тут взгляд ее упал на трубку.

«Когда перед полководцем два темных пути, – писал Фаранс, – ему следует найти третий».

– Вы, похоже, волнуетесь, – сказала она.

Король приблизился к изножью кровати.

– Должен признаться, я очень давно не бывал… в подобных местах.

– Есть кое-что, что поможет вам успокоиться. – И, не дожидаясь, пока он скажет «нет», Монца, повернувшись к нему спиной, принялась набивать трубку. С чем справилась быстро, поскольку делала это каждый вечер.

– Хаска? Боюсь, я…

– На нее вам тоже требуется благословение жены? – Монца вручила ему трубку.

– Нет, разумеется.

Она поднялась на ноги, взяла свечу, поднесла огонек к чашечке.

Первую затяжку он выкашлял сразу. Вторую – чуть позже. Затянувшись в третий раз, сумел удержаться от кашля, после чего выдохнул белую струйку дыма.

– Твой черед, – сказал хрипло, передавая трубку Монце и садясь на кровать.

Из чашечки еще курился дымок, щекоча ноздри.

– Я… – О, как же ей хотелось покурить, до дрожи. – Я… – И трубка уже в руке. Но не время для удовольствий. Она должна оставаться в здравом уме.

Губы короля тронула глуповатая улыбка.

– А тебя кто должен благословить? – прошептал он. – Обещаю, что не скажу… о-о-о…

Монца снова поднесла свечу к чашечке, глубоко втянула дым, почувствовала, как загорелись легкие.

– Чертовы сапоги, – забормотал король, пытаясь стащить с себя начищенную до блеска обувь. – Страшно неудобные. Платишь… сто марок… и, кажется, вправе ожидать, что… – Один сапог слетел с ноги, сверкнув как молния, ударился со стуком в стену.

Монце вдруг стало трудно стоять.

– Еще. – Она передала трубку королю. – Ну… что плохого в этом? – Уставилась на ярко вспыхнувший огонек свечи. Бурые крупинки в чашечке заискрились радужно, словно россыпь драгоценных камней, запылали оранжевым пламенем, потом ослепительно красным и, обратившись в серый пепел, погасли.

Король выпустил ей в лицо длинную струю дыма, она закрыла глаза, вдохнула его всей грудью. Дым заклубился в голове облаком.

– О-о-о…

– Что это? – Король огляделся по сторонам. – Мне кажется или…

– Да. Да… все так.

Комната светилась. Боль в ногах стала ласковым щекотанием. Все тело слегка пощипывало. Монца присела на тихо скрипнувший матрац. Никого… лишь они вдвоем с королем Союза сидят в борделе на безобразной кровати. Что может быть чудесней?

Король медленно облизнул губы.

– Моя жена. Королева, как ты знаешь. Я уже говорил это? Она – королева. И не всегда…

– Ваша жена любит женщин, – услышала Монца собственный голос. Фыркнула, брызнув слюной, утерлась. – Очень любит.

Глаза короля в прорезях маски были розовыми. Взгляд лениво блуждал по ее лицу.

– Женщин? О чем мы говорили? – Он слегка подался вперед. – Я больше… не волнуюсь… совсем. – Провел непослушной рукой по ее ноге. – Думаю… – пробормотал, снова облизывая губы, – думаю…

Глаза его закатились, и он опрокинулся на спину, разбросав руки. Медленно повернул голову, отчего маска съехала набок, и затих, посапывая.

От него веяло таким покоем… Монце тоже захотелось прилечь. Все-то она бегает, все тревожится… Нужно отдохнуть. Она это заслужила. Но какая-то мысль все же не давала покоя… сначала она должна что-то сделать. Что?.. Монца поднялась на ноги, постояла, раскачиваясь взад и вперед.

Арио.

– А. Вот что.

Оставив его величество лежать на кровати, она побрела к двери. Комната накренилась в одну сторону, пытаясь ее опрокинуть, потом в другую. Хитрая тварь… Монца нагнулась, стащила с ноги туфлю на высоком каблуке, оступилась и чуть не упала. Скинула вторую, и та полетела прочь медленно, словно якорь, погружающийся в воду. Поглядев после этого на дверь, Монца с трудом удержалась от того, чтобы не зажмуриться. Потому что между нею и выходом встала мозаичная стена из голубого стекла, огоньки свечей за которой превратились в сияющие столбы, слепившие глаза.

Морвир кивнул своей помощнице – черной скрюченной фигурке, которую не разглядеть было бы во тьме чердака, если бы на улыбающемся личике не лежала наискосок тонкая световая полоска. Дэй кивнула в ответ.

– Я займусь стражниками возле Королевского номера, – прошептал он. – Ты – остальными.

– Ясно. Когда?

«Когда» – это был наиважнейший вопрос. Морвир снова заглянул в дырку, нервно пошевеливая пальцами одной руки, в другой сжимая трубку с отравленными иглами. Дверь в Королевский номер открылась, оттуда вышла Витари. Миновала стражников, хмуро глянула на потолок и удалилась. Что с Меркатто, что с Фоскаром? – ни намека. Морвир точно знал, что уход Витари в планы не входил. Тем не менее он все равно должен был убить стражников, поскольку получил за это плату и вообще всегда строго следовал договору. Чем и отличался среди многого прочего от отребья вроде Никомо Коски.

Но когда? Когда, когда?..

Морвир нахмурился. До слуха донеслось вдруг тихое, но отчетливое чавканье.

– Ты что, ешь?

– Всего лишь маленькую булочку…

– Прекрати сейчас же! Мы на работе, черт побери, и я пытаюсь думать! Йота профессионализма… неужели я прошу слишком многого?

Время шло под невнятный аккомпанемент бездарных музыкантов, но внизу не происходило никакого движения, если не считать переминания с ноги на ногу стражников. Морвир медленно покачал головой. Похоже, в данном случае, как уже бывало не раз, не имело смысла ждать какого-то особо подходящего момента. Он набрал в грудь воздуху, поднес трубку к губам, прицелился в того стражника, что подальше…

Дверь в номер Арио со стуком распахнулась. В коридор вышли две женщины, одна поправляла на ходу юбки. Морвир, с раздутыми уже щеками, задержал дыхание. Девицы прикрыли за собою дверь и упорхнули. Один из стражников что-то сказал другому, тот засмеялся. Послышался тишайший в мире свист – Морвир разрядил трубку, – и смех оборвался.

– Ой! – Стражник хлопнул себя рукой по голове.

– Что такое?

– Не знаю… вроде кто-то ужалил.

– Ужалил? И кто же… – Настал черед второго стражника схватиться за голову. – Черт!

Первый нащупал в волосах иглу, поднес ее к свету.

– Иголка. – Он потянулся за мечом, но в следующий миг привалился к стене и сполз на пол. – Что-то мне…

Второй шагнул вперед, качнулся, потянулся неведомо за чем и рухнул ничком. Морвир удовлетворенно кивнул и повернулся к Дэй, стоявшей на коленях возле своей дырки, просверленной неподалеку.

– Порядок? – спросил он.

– Конечно. – В одной руке у нее была трубка с отравленными иглами, в другой булочка, от которой она тут же и откусила.

Морвир вновь посмотрел на двух неподвижных стражников возле Королевского номера.

– Прекрасная работа, дорогая моя. Но, увы, вся… которую нам доверили.

Он начал собирать снаряжение.

– Мы не останемся посмотреть, что будет?

– Зачем? Увидеть мы можем только, как умрут люди, а это лично я уже видел. Не раз. И можешь мне поверить, одна смерть мало чем отличается от другой. У тебя есть веревка?

– Конечно.

– Побеспокоиться о безопасном отступлении никогда не рано.

– Осторожность – на первом месте, всегда.

– Именно так.

Дэй размотала припасенную веревку, привязала один конец к стропилу. Затем, подняв ногу, выбила из рамы окошко. Морвир услышал, как оно с плеском шлепнулось в канал под домом.

– Безупречно. И что бы я без тебя делал?

– Умри! – И Седой снова ринулся на него, вознеся над головой свое гигантское бревно.

Трясучка ахнул вместе с толпою и еле успел увернуться. Ветер от пролетевшей мимо дубины овеял лицо. Кое-как поймал Седого в захват и прошипел на ухо, покуда тот пытался вырваться:

– Какая навозная муха тебя укусила?

– Месть!

Седой пихнул его коленом, стряхнул с себя. Трясучка попятился, спешно пытаясь сообразить, как успокоить разбушевавшегося великана.

– Месть? За что, ублюдок хренов?

– За Уфрис! – Огромный сапог Седого поднялся, норовя опуститься Трясучке на ногу, и тот поспешно отпрыгнул.

Выглянул из-за щита.

– Уфрис? Но там же никого не убили!

– Точно?

– Двух человек на пристани, но…

– Моего брата! Всего двенадцати годков!

– Я тут ни при чем, мразь ты этакая! Их Черный Доу убил!

– Черного Доу тут нету, а я матери своей поклялся, что заставлю кого-нибудь заплатить! И ты достаточно «при чем», чтобы выбить плату из тебя, дерьмо!

Уворачиваясь от очередного свирепого замаха, Трясучка взвизгнул по-бабьи, что, конечно, услышали зрители, жаждавшие крови не меньше, чем если бы смотрели на настоящий поединок, и радостно завопили.

Месть, стало быть. Обоюдоострый клинок, который настигает тебя, когда не ждешь. Трясучка чувствовал, как по лицу течет кровь от предыдущего, пропущенного удара, и в голове вертелась лишь одна мысль – до чего же несправедливо все складывается. Он попытался жить правильно, как советовал ему некогда брат. Попытался стать лучше. И вот… гляньте-ка, куда заводят человека добрые намерения. Прямиком в дерьмо.

– Но ведь я… ничего худого не сделал! – прорычал он на северном.

Седой сплюнул сквозь дырку для рта.

– Как и мой брат!

Дубина вновь взлетела и понеслась вниз с устрашающей скоростью. Трясучка метнулся в сторону, отбил удар, резко вздернув щит, и краем его изо всех сил саданул Седому под челюсть. Брызнула кровь, тот отшатнулся.

У Трясучки все еще была гордость. Единственное, что он сумел сохранить. И ярость вскипела в груди волной, как это бывало дома, на Севере, когда он оказывался в гуще схватки. Будь он проклят, если позволит отправить себя в грязь какому-то здоровенному ублюдку, который не может отличить хорошего человека от плохого.

– Месть, говоришь? – взревел Трясучка. – Будет тебе месть, погоди!

Коска вздрогнул, когда Трясучка, приняв удар на щит, отскочил в сторону. Потом молодой северянин что-то прорычал на северном, весьма злобно, и полоснул мечом воздух, лишь на палец не достав Седого, зато в замахе едва не зацепив зрителей, которые поспешно отпрянули.

– Потрясающе, – залепетал кто-то, – дерутся почти по-настоящему! Я непременно найму их на свадьбу дочери…

Он был прав – северяне устроили славное представление. Пожалуй, даже слишком. Сейчас они кружили настороженно, не сводя друг с друга глаз, пытаясь время от времени достать противника ногой или оружием, с той напряженной сосредоточенностью, которая свойственна людям, знающим, что малейший промах будет означать смерть. У Трясучки были в крови волосы, падавшие на лоб. У Седого – горло, от пореза, нанесенного краем щита. Еще на кожаной куртке его, на груди, виднелась длинная царапина, оставленная мечом.

Зрители перестали выкрикивать непристойности, разинули рты, приковавшись взглядом к бойцам, то подаваясь вперед, чтобы лучше видеть, то назад при каждом взмахе оружия. Почуяли нечто, сгустившееся в воздухе, как гнетущее затишье перед грозой. Истинную, смертоубийственную ярость.

У Коски уже не было сомнений, что они и впрямь пытаются убить друг друга, и как их остановить, он не имел ни малейшего понятия. Снова вздрогнул, когда очередной удар дубины по щиту едва не свалил Трясучку с ног. Метнул встревоженный взгляд на разноцветные окна верхнего этажа.

Что-то говорило ему, что этой ночью здесь будет больше, чем два трупа.

За дверью Монца обнаружила трупы двух стражников. Один сидел, привалясь к стене и глядя в потолок. Второй лежал на полу ничком. И казались они не мертвыми, а попросту спящими.

Она похлопала себя по щекам, пытаясь выбить из головы дурман. Навстречу качнулась другая дверь, за ручку ухватилась чья-то рука в черной перчатке. Проклятье. Ей ведь нужно войти. Монца постояла немного, пошатываясь, в ожидании, когда рука уберется и пропустит ее.

– Ох.

Рука, оказывается, была ее собственная. Монца повернула ручку, дверь внезапно открылась, и она чуть не упала внутрь комнаты, стены которой поплыли вокруг, плавясь на глазах и струясь водопадами. В камине потрескивало пламя – искрящийся кристалл. В открытое окно лилась музыка. Звуки ее, как и звуки воплей во дворе, были видимыми – вились веселыми искорками у окна, ныряли в него, устремлялись к Монце и щекотали ей уши.

На кровати, широко раскинув руки и ноги, лежал принц Арио, совершенно голый. Тело его на фоне смятого покрывала казалось белым. Он лениво повернул голову, и на светящейся стене за кроватью заиграли длинные тени от перьев, украшавших маску.

– Еще одна? – пробормотал принц и сделал глоток вина из бокала, зажатого в руке.

– Надеюсь… мы вас… не окончательно утомили. – Голос Монцы прозвучал гулко, словно в пустом ведре.

Она двинулась к кровати, чувствуя себя беспомощным кораблем в разбушевавшемся красном море мягкого ковра.

– Смею думать, я еще могу быть на высоте, – сказал Арио, нашаривая свой член. – Но ты, похоже, имеешь передо мной преимущество. – Он погрозил ей пальцем. – Слишком много одежды.

– Да. – Она повела плечами, и меховая накидка соскользнула на пол.

– Перчатки сними. – Он похлопал себя по руке. – Ни к чему они мне.

– Мне тоже.

Она стянула длинные, щекочущие кожу перчатки, и Арио уставился на ее правую руку. Монца поднесла ее к глазам и растерянно заморгала. От локтя до кисти тянулся длинный розовый шрам, сама кисть выглядела, как клешня. Ладонь расплющена, пальцы скрючены, мизинец упрямо торчит в сторону.

– Ох. – Она и забыла об этом.

– Изуродованная рука. – Арио встрепенулся, стал подползать к ней, извиваясь на кровати, раскачивая перьями на маске и членом. – Как это… экзотично.

– Правда? – Вспыхнуло воспоминание о сапоге Гоббы, топчущем руку, и Монцу на мгновенье обдало холодом. На губах ее появилась усмешка. – Это нам тоже не нужно. – Взявшись за султан из перьев, она сдернула с принца маску и бросила в угол.

Арио улыбнулся. Вокруг глаз его виднелись оставленные маской розовые круги. И, глядя принцу в лицо, Монца ощутила, что сияние хаски в голове затухает. Вспомнила, как он вонзал кинжал в шею ее брата. Как сбрасывал его с балкона. Как ныл, что поранился при этом.

Вот он, перед ней. Наследник Орсо.

– Ты груба. – Он сполз с кровати, встал на ноги. – Я должен преподать тебе урок.

– Может, лучше я вам преподам?

Он подошел так близко, что Монца учуяла запах его пота.

– Храбрая… дразнит меня. Очень храбрая. – Провел по ее руке пальцем. – Среди женщин мало настолько храбрых. – Придвинулся еще ближе, сунул руку в разрез юбки, огладил ляжку, сжал ягодицы. – У меня такое ощущение, будто я тебя знаю.

Монца, когда он притянул ее к себе, взялась искалеченной рукой за край своей маски.

– Знаешь? – Другую руку плавно завела за спину, нащупала рукоять одного из ножей. – Конечно, знаешь. – И сдернула маску.

Арио еще улыбался мгновение, шаря глазами по ее лицу. Потом в ужасе вытаращился.

– Эй, кто-нибудь!..

– Сто скелов на этот бросок! – рявкнул игрок в маске-полумесяце, высоко подняв руку с костями. Публика в зале повернулась к нему, притихла.

– Сто скелов.

Для Балагура ставка не имела значения. То были не его деньги, и названная сумма представляла интерес лишь в той степени, в какой касалась счета. Проигрыш и выигрыш ничем друг от друга не отличались.

«Полумесяц» погремел костями в кулаке.

– Давайте, дряни вы этакие! – Швырнул их на стол. Кости покувыркались, подскакивая, замерли.

– Пятерка и шестерка.

– Ха! – Приятели «полумесяца» возрадовались, зашумели, принялись хлопать его по спине, словно, выбросив одни цифры вместо других, он совершил нечто выдающееся.

Гость в маске-кораблике потряс кулаками в воздухе.

– Победа!

Другой, в маске лисы, сделал непристойный жест.

Свечи как будто разгорелись ярче. Так ярко, что счета не разглядеть. Слишком уж душно было в этой комнате, закрытой со всех сторон и битком набитой людьми. Рубашка Балагура прилипла к потному телу, когда он наклонился за костями.

Поднял их и снова бросил.

Несколько зевак у стола ахнули.

– Пятерка и шестерка. Дом выигрывает.

Люди вечно забывают, что вероятность выпадения любого счета столь же велика, как и всякого другого, даже уже выпавшего. Вот и «полумесяц» забыл, поэтому следующие его слова не слишком потрясли Балагура.

– Ты жульничаешь, мерзавец!

Бывший арестант лишь нахмурился. Услышь он такое в Схроне, зарезал бы… попросту обязан был бы это сделать, чтобы впредь никому не пришло в голову его оскорблять. И задумываться не стал бы, резать или не резать. Но сейчас он не в Схроне. На воле. И ему велено сдерживаться… Он заставил себя забыть о рукояти ножа, нагретого его телом. И только пожал плечами.

– Пятерка и шестерка. Кости не лгут.

Начал пододвигать к себе фишки, но «полумесяц» схватил его за руку. Подался вперед и пьяно ткнул пальцем ему в грудь.

– Да они у тебя наверняка со свинцом.

Челюсти у Балагура окаменели, горло сдавило так, что стало трудно дышать. По спине, с висков заструился, щекоча, пот. Холодный гнев поднялся неудержимо и завладел им без остатка.

– С чем? – почти шепотом спросил он.

Еще тычок в грудь, и еще.

– Врут твои кости.

– Мои кости… что?

Тесак Балагура разрубил пополам маску-полумесяц и раскроил череп под ней. Затем вошел в разинутый рот под маской-корабликом. Острие вышло через затылок. Балагур выдернул нож и снова вонзил его. И снова…

Раздался пронзительный женский вопль. Балагур смутно сознавал, что на него уставились все, кто был в зале, четыре дюжины человек… может, больше, может, меньше. Он опрокинул стол. Посыпались бокалы, фишки, деньги. Гость в лисьей маске, с брызгами крови на бледной щеке, вытаращился на него так, что глаза чуть не вылезли из орбит.

Балагур навис над ним.

– Извинись! – проревел во всю мощь легких. – Извинись перед моими чертовыми костями!

– Эй, кто-нибудь!..

Крик Арио захлебнулся на вдохе, перешел в хрип. Принц уставился вниз. Монца – тоже. Рукоять ножа торчала во впадине между его бедром и пахом, совсем рядом с обвисшим членом, и по руке ее текла кровь. Арио испустил пронзительный, тонкий, жуткий визг, который оборвался через секунду, когда нож вонзился ему ниже уха и пробил насквозь шею.

Принц, вытаращив глаза, одной рукой беспомощно уцепился за ее нагое плечо. Другой, трясущейся, нащупал рукоять ножа. Меж пальцев его засочилась густая, черная кровь. Текла она и по ногам, пятная красным бледную кожу. Он вновь разинул рот, но вместо крика вырвался лишь тихий хлюпающий звук – вдохнуть мешал стальной клинок в горле. Затем он начал, пятясь, заваливаться на спину, и Монца завороженно следила за тем, как руки его бессильно ловят что-то в воздухе и белое лицо превращается в размытую сияющую полосу.

– Трое мертвы, – прошептала она. – Осталось четверо.

Он допятился до окна, ударился, падая, головой в разноцветное стекло. Створки распахнулись. И, кувыркнувшись через подоконник, Арио полетел в ночь.

Дубина обрушилась на Трясучку снова, грозя расколоть голову, как яйцо. Но притомившийся уже, как видно, Седой открыл при этом левый бок. Трясучка, уходя от удара, развернулся кругом, одновременно вскидывая меч, и опустил его, рыча, на выкрашенную в синий цвет руку великана. Меч с чавкающим звуком прорубил плоть, отсек руку и глубоко вошел с левой стороны в живот. Кровь из обрубка брызнула фонтаном в лица зрителям. Дубина, которую еще сжимала отрубленная рука, покатилась, гремя, по булыжникам. Кто-то взвизгнул. Кто-то, ничего еще не поняв, засмеялся.

– И как они это делают?

А потом Седой заверещал – словно прищемив дверью ногу.

– Черт! Больно! А-а-а!.. Что с моей… где…

Уцелевшей рукой он дотянулся до левого бока, схватился за рану. Рухнул на одно колено, запрокинул голову и завыл. Вой оборвался, когда меч Трясучки ударил с лязгом меж глазных прорезей железной маски и проломил ее. Великан опрокинулся на спину, огромные сапоги взметнулись в воздух и глухо стукнулись оземь.

На этом праздничное представление кончилось.

Оркестр издал еще несколько хрипов и стонов, музыка смолкла. Двор погрузился в тишину, лишь из игорного зала доносились какие-то крики. Трясучка уставился на труп Седого, на кровь, что вытекала из-под проломленной маски. Вся ярость его разом угасла. Теперь он чувствовал лишь боль в руке, холодок испарины на лбу и медленно подкрадывающийся ужас.

– И почему со мной вечно случается такое?

– Потому что ты плохой… плохой человек, – сказал Коска, стоявший у него за плечом.

На лицо Трясучки упала тень. Он только успел поднять глаза, как сверху в круг свалилось вниз головой чье-то нагое тело, обрызгав и без того не успевших прийти в себя зрителей кровью.

Настоящее представление

Мгновенно началась полная сумятица.

– Король! – взвизгнул кто-то, неведомо с чего.

И по залитому кровью двору внезапно заметались люди, не знающие, куда бежать. Завыли, завопили, запричитали… Гвалт поднялся такой, что и мертвый оглох бы. Трясучку пихнули в щит, он инстинктивно пихнул щитом в ответ и опрокинул кого-то на труп Седого.

– Это Арио!

– Убили! – Гость схватился было за меч, но один из музыкантов шагнул вперед и невозмутимо раскроил ему голову булавой.

Крики стали громче. К ним присоединились лязг и скрежет стали. Трясучка увидел, как одна из танцовщиц-гурчанок вспорола кривым ножом живот гостю. Тот, блюя кровью, вытащил меч и нечаянно ткнул им в ногу пробегавшего сзади человека. Зазвенело, разбиваясь, стекло, из окна игорного зала вылетел кто-то, отчаянно размахивая руками. Паника и безумие распространялись стремительно, как огонь по сухой траве.

Один из жонглеров принялся метать ножи – с равной угрозой для жизни как врагов, так и друзей. Кто-то схватил Трясучку за правую руку. Он, не глядя, ударил этого человека локтем в лицо, вскинул меч, собираясь рубануть, и лишь тогда разглядел, что то был Морк, трубач, у которого из разбитого носа текла кровь. Меж темными мечущимися фигурами показалось вдруг оранжевое сияние. И вопли слились в нестройный оглушающий хор.

– Горит!

– Воды!

– Прочь с дороги!

– Фокусник! Дайте что-нибудь…

– Помогите! Помогите!

– Рыцари-телохранители, ко мне! Сюда!

– Где принц? Где Арио?

– Кто-нибудь, помогите!

– Назад! – крикнул Коска.

– А? – Трясучка уставился на него, не будучи уверен, к кому это относится. Мимо пролетел, сверкнув во мраке, нож, с лязгом закувыркался по булыжникам под ногами.

– Назад! – Коска уклонился от удара мечом, взмахнул тростью, высвободив из нее длинный, тонкий клинок, и вонзил его в горло напавшему. Затем пырнул кого-то еще, но промахнулся и чуть не проткнул Трясучку, когда тот попытался отступить.

Старого наемника едва не достал мечом один из приятелей Арио в маске, походившей на квадратный ящик. Но из-за спины его вынырнул Гурпи и треснул по этому ящику лютней. Деревянный корпус инструмента разлетелся в щепки, топор, таившийся внутри, прорубил плечо до груди, и кровавые останки рухнули наземь.

Вновь полыхнуло пламя, по толпе пробежала рябь, когда люди, отчаянно толкаясь, ринулись прочь. Стена их вдруг расступилась, и прямо на Трясучку выбежал Ронко Невероятный, объятый с ног до головы белым пламенем, подобно дьяволу, вырвавшемуся из ада. Трясучка отпрянул, толкнул его что было силы щитом. Ронко ударился в стену, отлетел от нее, разбрызгивая капли жидкого огня, и окружающие бросились врассыпную, разя клинками кого попало, не глядя. Огонь пополз, потрескивая, по высохшему плющу, затем взревел и перекинулся на деревянную стену, озарив трепещущим светом запруженный двор. Разбилось со звоном окно. Загромыхали ворота, в которые начали колотиться люди, требуя выпустить их отсюда. Трясучка сбил огонь со щита о стену. Ронко, по-прежнему объятый пламенем, катался по земле, издавая невнятное клокотание, как кипящая в котле вода. Неверный, пляшущий свет, отбра-

сываемый огнем, выхватывал из темноты, куда ни глянь, чудовищные хари – маски гостей и фигляров.

Пытаться понять, что происходит, не было ни времени, ни смысла. Теперь значение имело лишь, кто выживет, кто погибнет. Трясучка гибнуть не желал. И начал пятиться вдоль стены, отпихивая обгорелым щитом всех, кто подбегал слишком близко.

Сквозь толпу пробивались два стражника в доспехах. Один рубанул на ходу мечом Барти – или Кюммеля, не разберешь – и на отмахе снес часть черепа кому-то из гостей Арио. Тот, схватившись рукой за голову, с визгом завертелся на месте. Между пальцев его и из-под золотой маски хлынула темными струйками кровь. Уцелевший акробат – Барти или Кюммель, неведомо, – вонзил этому стражнику в затылок длинный нож, по самую рукоять, и заулюлюкал, увидев острие, выглянувшее из груди.

Второй стражник пробился к Трясучке, вскинул меч и яростно проорал что-то вроде как на союзном языке. В намерениях его сомневаться не приходилось, кем бы и откуда он ни был, и уступать ему право первого удара Трясучка не собирался. Он взмахнул, рыча, собственным клинком, но стражник тут же шмыгнул в сторону, и меч вошел в чью-то грудь – женщины, нечаянно занявшей его место. Та с воплем, перешедшим в хрипы, отлетела к стене, начала сползать по ней наземь, цепляясь за плющ. Из носа ее хлынула кровь, потекла по белому горлу. Из-под съехавшей набок маски на Трясучку уставился один глаз.

Двор, освещенный пламенем, разгоравшимся все ярче, походил на сумасшедший дом. На поле битвы в ночи… но битвы без противника, без цели, без победителей. Толпа безжалостно топтала тела упавших – живых и мертвых, израненных, окровавленных. Дергался запутавшийся в остатках лютни – деревянных обломках и порванных струнах – Гурпи, не в состоянии даже взмахнуть топором. И в тот миг, когда Трясучка увидел его, еще какой-то стражник рубанул музыканта мечом, и черная в свете пожара кровь брызнула фонтаном.

– В курильню! – прошипел Коска, сметая кого-то с дороги своей тростью-клинком. Возможно, одного из жонглеров – не разберешь…

Трясучка ринулся вслед за старым наемником в открытую дверь, и вместе они навалились на нее с обратной стороны, пытаясь закрыть. В щель всунулась рука, схватилась за косяк, и Трясучке пришлось бить по ней рукоятью меча, пока она не убралась. Коска с силой захлопнул дверь, повернул ключ в замке и, выдернув его, швырнул на пол.

– Что дальше? – спросил Трясучка.

Наемник вытаращил на него глаза.

– С чего ты взял, черт побери, что я знаю?

Шум свалки во дворе сделался тише. Зал для курения, длинный, с низким потолком, пропахший сладким дымом хаски, весь усеян был подушками, увешан колышущимися занавесями, уставлен тусклыми светильниками. Кто-то похрапывал. Кто-то бессмысленно хихикал. У противоположной стены сидел на полу мужчина в сдвинувшейся маске с длинным клювом, с широкой ухмылкой на лице, и едва удерживал в расслабленной руке трубку.

– А как же остальные? – спросил Трясучка, вглядываясь в полумрак прищуренными глазами.

– По-моему, дошло уж до того, что каждый сам за себя, тебе не кажется? – Коска, пыхтя, поволок большой сундук к двери, сотрясавшейся от ударов снаружи. – Где Монца?

– Они смогут сюда пробраться через игорный зал? Или… – Тут с грохотом разлетелось вдребезги окно, осколки стекла звонко застучали по полу. Трясучка попятился в глубь зала, чувствуя, как сердце молотом бухает в груди. – Коска?

Ничего не разглядеть было, кроме дыма, тьмы, трепещущего за окном зарева, тусклого мерцания светильников… Он запутался в занавеси, дернул за нее, сорвал с перекладины под потолком. В горле запершило. Дым хаски мешался с дымом пожара, висел в воздухе туманной пеленой.

Затем откуда-то слева донеслись вопли и такой грохот, словно в горящий дом ворвался бешеный бык.

– Кости! Мои кости! Мерзавцы!

– Помогите!

– Кто-нибудь, позовите… кто-нибудь!

– Наверху! Король наверху!

В дверь начали колотить чем-то тяжелым, Трясучка услышал, как затрещало под ударами дерево. Откуда ни возьмись перед ним появился человек.

– Простите, вы не могли бы…

Он ударил его щитом, отшвырнул от себя и начал пробираться туда, где, как ему помнилось, должна была находиться лестница. Монца наверху. На последнем этаже. Дверь за спиной с грохотом распахнулась, в курильню ворвались неверные отсветы пожара, бурый дым, толпа людей с обнаженными клинками. Бежавший впереди показал на Трясучку.

– Вот он! Вот!

Трясучка левой рукой схватил светильник, метнул в него, но промахнулся и попал в стену. Светильник разбился, вспыхнувшее масло выплеснулось на занавесь. Толпа бросилась врассыпную, кто-то, с загоревшимся рукавом, завизжал. Трясучка ринулся в глубь дома, спотыкаясь то и дело о разбросанные повсюду подушки и налетая на столики. Чья-то рука схватила его за лодыжку, он рубанул по ней мечом. Прорвался сквозь удушливую дымную пелену к двери, которую угадал по тонкой полоске света, очерчивавшей проем, открыл ее пинком, ожидая каждое мгновенье смертельного удара промеж лопаток.

И, тяжело дыша, перепрыгивая через две ступеньки, понесся по винтовой лестнице наверх, к комнатам, где гости развлекались. Или трахались – кому что больше нравится… По пути попался выход в отделанный панелями коридор, откуда, как раз в тот миг, когда Трясучка с ним поравнялся, выскочил человек. Едва не столкнувшись, они уставились друг другу в маски. То оказался один из придурков в начищенных до блеска доспехах. Он, оскалившись, схватил одной рукой Трясучку за плечо, а другой попытался отвести меч для удара, но уперся локтем в стену.

Трясучка без раздумий боднул его в лицо головой, услышал, как хрустнул нос. Слишком тесно было на лестнице, чтобы махать мечом, поэтому следом он двинул противника краем щита в бедро, коленом меж ног, вызвав сдавленный вопль, затем развернул его вокруг себя и пинком отправил вниз по лестнице. Стражник, выронив меч, загромыхал от стены к стене и скрылся за поворотом. А Трясучка снова поспешил наверх, задыхаясь от подступившего кашля.

Снизу по-прежнему доносились грохот и крики:

– Король! Спасите короля!

Теперь он преодолевал лишь по одной ступеньке зараз, бессильно опустив щит, чувствуя, как тяжелеет с каждым мгновеньем меч. Мучимый мыслью о том, остался ли кто-нибудь в живых. Перед глазами вставала то женщина, которую он убил во дворе, то рука в дверях, по которой он лупил, не жалея силы. В коридор, куда привела наконец лестница, Трясучка ввалился, пошатываясь. Помахал перед собой щитом в надежде разогнать дым.

На полу под окнами лежали чьи-то черные, неподвижные тела. Возможно, она тоже была уже мертва. Погибнуть мог любой. Все могли… Он услышал кашель. Прищурил глаза, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь дым, который валил в коридор клубами через верхнюю щель дверей. Увидел женщину с длинными черными волосами, которая, согнувшись и вытянув перед собой обнаженные руки, пробиралась сквозь этот дым.

Монца.

Трясучка ринулся к ней, стараясь не дышать и держаться ниже дымных облаков. Обхватил ее за талию, она со стоном повисла у него на шее. Лицо ее все было в кровавых пятнах, вокруг рта и носа чернела копоть.

– Пожар, – прохрипела Монца.

– Уходим. – Он повернулся вместе с ней туда, откуда пришел, и замер.

В коридор с лестницы вбежали двое в доспехах. Один указывал на него рукой.

– Дерьмо.

Трясучка вспомнил макет дома Кардотти. С задней стороны Восьмой канал. Ударом ноги распахнул окно. Увидел далеко внизу, за клубами дыма, воду, качавшую отражения огненных сполохов.

– Всегда был себе худшим врагом, – процедил, стиснув зубы.

– Арио мертв, – протяжно сказала ему в ухо Монца.

Он бросил меч, крепко схватил ее обеими руками.

– Что ты де…

Поднял и бросил в окно. Услышал, как она взвизгнула на лету, сорвал с руки щит, метнул в стражников, которые бегом приближались к нему по коридору, вскочил на подоконник и прыгнул сам.

Дым всколыхнулся, понесся вверх. В лицо, в горящие глаза ударил ветер, забился в открытый рот. Ноги обдало холодом, и вокруг забурлила, увлекая Трясучку ко дну, кромешная тьма. Грудь сдавило так, что он чуть было не хлебнул воды. Не зная, куда плыть, отчаянно замолотил руками. Ударился обо что-то головой.

Невидимая рука ухватила его за подбородок, потянула. Лицо вдруг овеял холодный воздух, и Трясучка с силой втянул его в грудь вперемешку с водой. Задыхаясь от дыма, который успел вдохнуть, воды, которую успел глотнуть, соленой вони, которой дышал сейчас, он почувствовал, что его тащат куда-то дальше, и заметался, пытаясь вырваться.

– Тихо, ты, дурак!

Плечо проехалось по каменной стене. Трясучка попытался схватиться за нее и нашарил какое-то железное кольцо, на котором и повис, выкашливая из легких поганую воду канала. Рядом оказалась Монца, прижалась к нему, крепко обхватив за талию одной рукой и подгребая другой. Дыхание обоих, хриплое и прерывистое, заметалось эхом под аркой моста, смешиваясь с плеском воды.

По ту сторону черного обвода арки виден был Дом досуга Кардотти, над которым высоко в небеса вздымалось пламя, с треском и ревом разбрасывая снопы искр, рассыпая пепел и пылающие головни. Над ним черно-коричневым облаком клубился дым. На воде, на лице Монцы плясали отсветы цвета огня – красные, золотые, оранжевые.

– Дерьмо, – прохрипел Трясучка, дрожа от холода, от неостывшего еще возбуждения боя, от всего того, что успел он натворить в своем безумии. К глазам подступили горячие слезы. Остановить которые не было сил. И он заплакал, сотрясаясь всем телом так, что чуть не выпустил из руки кольцо. – Дерьмо… дерьмо… дерьмо…

– Ч-ш-ш. – Монца прихлопнула ему рот ладонью. Вверху, на мосту, зазвучали торопливые шаги, кто-то что-то прокричал. Оба крепче прильнули друг к другу и к скользкой каменной стене. – Ч-ш-ш.

За то, чтобы прижаться к ней вот так, он многое отдал бы всего несколько часов назад. Но сейчас почему-то любовного волнения не испытывал.

– Что произошло? – шепотом спросила Монца.

Он даже смотреть на нее не мог.

– Понятия не имею.

Что произошло

Укрывшись в тени, Никомо Коска, знаменитый солдат удачи, наблюдал за помещением склада. Сквозь щели прогнивших ставней не просачивался свет, и все, казалось, было спокойно. На улице – ни души. Ни одного разъяренного стражника. Внутренний голос твердил, что лучше бы ему уйти отсюда в ночь и позабыть навеки о Монцкарро Меркатто вместе с ее безумной жаждой мести. Но Коске нужны были деньги, а советы внутреннего голоса он ценил обычно не выше кучки дерьма. Поэтому он лишь вжался глубже в дверной проем, когда мимо пронеслась женщина в маске, приподняв юбки и хихикая на бегу. За нею гнался мужчина.

– Вернись, дрянь такая… поцелуй меня!

Шаги затихли вдали.

Коска с горделивым видом, словно был хозяином этой улицы, пересек ее, нырнул в переулок за складом, прижался к стене. Бочком подобрался к задней двери. Высвободил из трости клинок. Тот, тихо лязгнув, холодно блеснул во тьме. Коска повернул ручку, тихонько отворил дверь. Осторожно переступил порог…

– Стоять.

Горла его коснулся металл.

Он разжал руку, клинок со стуком упал на пол.

– Я погиб.

– Коска… ты?

Лезвия у горла уже не было. В тени за дверью стояла Витари.

– Шайло, ты уже переоделась? Мне больше нравилось платье, которое было на тебе у Кардотти. Гораздо женственней…

– Фу. – Она вышла из-за двери в темный коридор. – Это нижнее белье – сущая пытка.

– Придется мне удовлетвориться грезами о нем.

– Что произошло у Кардотти?

– Что произошло? – С трудом нагнувшись, он двумя пальцами нашарил на полу и поднял свой клинок. – Думаю, лучшим описанием послужат слова «кровавая ванна». Потом начался пожар. Должен признаться… я поспешил уйти. – По правде говоря, он был сам себе противен из-за того, что сбежал, спасая свою никчемную шкуру. Но от некоторых привычек – особенно привычек всей жизни – трудновато отказаться на старости лет. – Может, ты мне скажешь, что там случилось?

– Случился король Союза.

– Кто?.. – Коска вспомнил человека в белом, чье лицо укрывала маска в виде половинки солнца, и который не слишком-то походил на Фоскара. – А-а-а… так вот почему было столько стражи.

– Как твои лицедеи?

– Поубавилось их изрядно. Здесь никто не показывался?

Витари покачала головой:

– Пока нет.

– Тогда, возможно, и вовсе не осталось. С наемниками всегда так. Легко приходят, уходят еще легче, и не замечаешь порой, куда подевались…

В кухне сидел Балагур, сгорбившись над столом, бережно катая по нему кости при свете единственного тусклого фонаря. Рядом грозно поблескивал тяжелый тесак.

Коска подошел, взглянул на кости.

– Тройка и четверка?

– Тройка и четверка.

– Семь. Самый обычный счет.

– Средний.

– Можно мне?..

Балагур коротко взглянул на него.

– Да.

Коска, собрав кости, мягко выкатил их из кулака на стол.

– Шесть. Вы выигрываете.

– В том-то и беда.

– Правда? А моя беда – вечный проигрыш… Что произошло? Там, в игорном зале?

– Кое-что.

На шее у бывшего арестанта виднелась длинная, темная в тусклом свете полоска еще не засохшей крови.

– Вы… э-э-э… испачкались в чем-то, – сказал Коска.

Балагур стер полоску, посмотрел пустыми глазами на ставшие красно-коричневыми пальцы.

– В крови.

– Да. Много было крови нынче ночью.

Сейчас, когда Коске больше ничто не угрожало, кружащее голову сознание опасности начало ослабевать, и вновь зашевелились, оживая, призраки прошлого. Руки затряслись. Выпить, выпить, выпить…

Он прошел из кухни в склад.

– О! Распорядитель нашего смертоубийственного цирка! – Сверху, облокотившись на лестничные перила, ему насмешливо улыбнулся Морвир. Стоявшая рядом Дэй неторопливо сдирала шкурку с апельсина.

– Наши отравители! Живы… какая жалость. Что произошло у Кардотти?

Морвир поморщился.

– Нам было поручено устранить стражников на верхнем этаже. Что мы и сделали – вполне успешно и незаметно. Оставаться после этого в доме нас не просили. Наоборот, велели убраться. Нанимательница наша, не вполне нам доверяя, опасалась, как бы у Кардотти не случилось… поголовного истребления.

Коска пожал плечами.

– Истребление по определению своему не бывает выборочным.

– Как бы там ни было, но вы тоже сделали свое дело. И думаю, никто не станет возражать, если позволите себе принять это…

Морвир шевельнул рукой, вниз полетело что-то блестящее. Коска инстинктивно поймал сей предмет, не дав ему упасть на пол. В руках оказалась металлическая фляга с плещущейся внутри жидкостью, точь-в-точь такая, какая была когда-то у него самого. Которую он продал… где-то она сейчас? О, чудесный союз холодного металла и жгучего напитка… при воспоминании рот мгновенно наполнился слюной. Выпить, выпить, выпить…

Он успел наполовину отвинтить крышечку, прежде чем опомнился.

– Один из важнейших жизненных уроков – не торопиться принимать дары отравителей.

– Единственный яд, что там содержится, ничем не отличается от того, который вы принимаете всю жизнь. И никогда не перестанете принимать.

Коска поднял флягу.

– Ваше здоровье. – Перевернул ее и, вылив содержимое на пол, швырнул в угол комнаты. Но проследил, куда именно она упала, – на случай, если внутри все же осталось несколько капель. – Никаких известий о нашей нанимательнице? – спросил у Морвира. – И ее северном щенке?

– Никаких. Пожалуй, нам следует рассмотреть возможность, что их уже и не будет.

– Он прав. – В проеме двери, ведущей в кухню, встала черным силуэтом Витари. – Слишком велики шансы, что оба погибли. И что мы будет делать в таком случае?

Дэй посмотрела на свои ногти.

– Что до меня, я залью́сь слезами.

У Морвира, однако, были другие планы.

– Нам следует подумать, как разделить деньги, которые Меркатто оставила здесь…

– Нет, – сказал Коска, которого предложение это по неведомой причине изрядно раздражило. – Подождем.

– Здесь небезопасно. Кого-то из лицедеев могли схватить, и он, вполне возможно, уже рассказывает в данный момент, где мы скрываемся.

– Волнующая мысль, правда? Я сказал, подождем.

– Ждите, если вам угодно, но я…

Коска легким движением выхватил нож. Клинок, сверкнув во тьме, вонзился с глухим стуком в деревянную стену и завибрировал в каком-то футе или двух от лица Морвира.

– Это вам маленький подарочек от меня.

Отравитель поднял бровь.

– Я не испытываю благодарности к пьяницам, мечущим в меня ножи. Что, если бы вы попали?

Коска усмехнулся:

– Я попал. Мы ждем.

– Для человека, печально прославившегося своим непостоянством, подобная верность женщине, которая предала его однажды… кажется мне чем-то невероятным.

– Мне тоже. Но я всегда был непредсказуемым мерзавцем. Может, решил измениться? Дал торжественную клятву быть трезвым, верным и исполнительным во всех своих делах с этого момента.

Витари фыркнула:

– Великий день!..

– И долго мы будем ждать? – спросил Морвир.

– Пока я не скажу, что можно уйти.

– А если… я захочу… уйти раньше?

– Вы отнюдь не так умны, как вам кажется. – Коска уставился ему в глаза. – Но не делать этого ума у вас хватит.

– Успокойтесь, вы оба! – рявкнула Витари голосом, в котором звучало что угодно, только не спокойствие.

– Я не намерен исполнять приказы какого-то полоумного пьянчуги!

– Может, поучить вас…

Тут громыхнула дверь, и в склад ввалились два человека. Коска мгновенно высвободил клинок из трости. Звякнула своей цепочкой Витари. Дэй выхватила невесть откуда маленький арбалет и нацелила его на дверь. Но пришельцы оказались не стражниками. То были Монца и Трясучка – мокрые насквозь, в грязи и саже, запыхавшиеся так, словно пробежали, не останавливаясь, половину Сипани. Как оно, возможно, и было.

Коска ухмыльнулся:

– Помяни ее – и она тут как тут! А мастер Морвир предлагал уже поделить твои денежки на случай, если ты сгорела вместе с домом Кардотти.

– Извините, что разочаровала, – прохрипела Монца.

Морвир метнул в Коску свирепый взгляд.

– Уверяю вас, я нисколько не разочарован. Ваша жизнь представляет для меня куда больший интерес, измеряющийся не одной тысячей скелов. Просто… подумал о непредвиденном повороте.

– Лучше быть готовым ко всему, – сказала Дэй, опуская арбалет и принимаясь высасывать сок из апельсина.

– Осторожность – на первом месте, всегда.

Монца двинулась вперед, пошатываясь, подволакивая одну босую ногу. Крепко стиснув зубы от боли. Одежда ее, и раньше-то оставлявшая маловато простора для воображения, была изорвана в клочья. Коска разглядел длинный красный шрам на тощей ноге, еще один – на плече, протянувшийся вниз, к локтю. Правую руку – бледную, костлявую, покрытую гусиной кожей, – Монца прижимала к бедру, словно пытаясь укрыть ее от посторонних глаз.

Ему вдруг стало не по себе. Словно он увидел изуродованную каким-то варваром картину, которой всегда восхищался. Которой втайне надеялся обладать… быть может. Неужто и вправду?.. Он скинул с себя плащ, протянул ей, когда она проходила мимо. Но Монца не взяла.

– Должны ли мы считать, что вы не слишком удовлетворены нашей нынешней работой? – спросил Морвир.

– До Арио добрались. Могло быть и хуже. Мне нужно переодеться в сухое. Мы немедленно покидаем Сипани.

Она заковыляла вверх по лестнице, волоча за собой по пыльным ступенькам подол изорванной юбки, протиснулась мимо Морвира.

Трясучка, захлопнув входную дверь, прислонился к ней и запрокинул голову.

– Вот истинная сучка бессердечная, – пробормотала Витари, глядя вслед Монце.

Коска поджал губы.

– Я всегда говорил, что в ней черт сидит. Но у кого точно сердца не было, так это у ее братца.

– Тьфу. – Витари развернулась и шагнула в кухню. – Это был комплимент.

Монца едва успела закрыть за собой дверь и сделать несколько шагов по комнате, как внутренности у нее скрутило, словно в живот лягнули. Ее вырвало прямо на пол, так обильно, что не было возможности перевести дух.

После этого она, содрогаясь от омерзения, принялась стаскивать с себя одеяние шлюхи. Мокрая ткань липла к телу, покрытому мурашками, тошнота подступала снова от одного только запаха гнилой воды. Онемевшие пальцы с трудом справлялись с крючками и петлями, пуговицами и пряжками. Наконец она, рыча, сорвала эти лохмотья и швырнула на пол.

При свете одинокого фонаря увидела себя в зеркале – сгорбленную, как нищая бродяжка, трясущуюся, как пьяница, с красными шрамами на белой коже, с мокрыми, растрепанными волосами. Восставший из воды труп утопленницы.

«Ты – мечта. Видение. Сама богиня войны!»

Ее снова затошнило. Она подковыляла к сундуку, вытащила оттуда дрожащими руками сухую одежду. Надела рубашку, принадлежавшую некогда Бенне. И на миг Монце показалось, что ее обняли его руки. Только эта малость у нее и осталась…

Она села на кровать, обхватила себя руками и начала раскачиваться взад и вперед, желая поскорее согреться. Но снова подкатила тошнота, и вырвало ее на этот раз одной желчью. Едва приступ миновал, она заправила рубашку Бенны за пояс и, скривившись от боли в ногах, натянула сапоги. Потом подошла к тазику для умывания и принялась плескать холодной водой в лицо, смывая краску и пудру, кровь и сажу, забившуюся в уши и в нос, замаравшую волосы.

– Монца! – раздался за дверью голос Коски. – У нас высокая гостья.

Морщась, она натянула на искалеченную руку кожаную перчатку, с трудом протиснула в нее скрюченные пальцы. Судорожно вздохнула всей грудью, затем вытащила из-под матраса Кальвец и пристегнула к поясу. И сразу на душе стало легче.

Монца открыла дверь.

Посреди склада стояла Карлота дан Эйдер в красном плаще, расшитом сверкающими золотыми узорами, и смотрела, как она, стараясь не хромать, спускается с Коской по лестнице.

– Что, черт побери, произошло у Кардотти? Дом до сих пор горит! В городе суматоха!

– Что произошло? – рявкнула в ответ Монца. – Может, вы расскажете мне об этом? Вместо Фоскара явилось его чертово августейшее величество!

Эйдер нервно сглотнула, черный струп у нее на горле дрогнул.

– Фоскар не пошел. Сказал, голова болит. Поэтому Арио взял с собой зятя.

– А еще дюжину рыцарей-телохранителей, – сказал Коска. – Личных телохранителей короля. И гостей гораздо больше, чем ожидалось. Что закончилось не слишком хорошо. Для всех.

– Арио?.. – побледнев, начала Эйдер.

Монца уставилась ей в глаза.

– Сдох.

– Король?.. – Голос гостьи упал до шепота.

– Жив был. Когда я от него уходила. Но потом начался пожар. Не знаю, успели ли его вытащить.

Эйдер, глядя в пол, потерла висок.

– Я надеялась, что у вас ничего не выйдет.

– Вам не повезло.

– Без последствий не обойдется. В подобных случаях никогда не обходится. Некоторые последствия предвидеть можно, некоторые – никак. – Она протянула руку. – Противоядие.

– Его нет.

– Но я выполнила свою часть договора!

– Яда тоже не было. Всего лишь укол чистой иглой. Вы свободны.

Эйдер безрадостно рассмеялась ей в лицо.

– Свободна? Орсо не успокоится, покуда не скормит меня собакам! Может, от него я еще и смогу спастись, но от Калеки… никогда. Я подвела его, подвергла опасности жизнь его драгоценного короля. Этого он так не оставит. Он ничего так не оставляет… Теперь вы счастливы?

– Можно подумать, у меня был выбор. Орсо и его приспешники умрут, или умру я, только и всего. Счастье тут ни при чем. – Монца, отворачиваясь, пожала плечами. – Вы бы лучше позаботились о бегстве.

– Я отправила письмо.

Монца застыла, снова повернулась к ней:

– Письмо?

– Еще утром. Великому герцогу Орсо. Писала его в некоторой горячке, поэтому плохо помню, о чем там говорится. Но имя Шайло Витари упомянуто. Как и Никомо Коски.

Коска отмахнулся:

– У меня всегда была куча высокопоставленных врагов. Предмет гордости. И прекрасная тема для разговора за обеденным столом.

Эйдер одарила презрительной усмешкой сначала его, потом Монцу.

– Кроме этих двух имен, еще и имя Меркатто.

Монца нахмурилась.

– Меркатто…

– Вы же не считаете меня полной дурой? Я знаю, кто вы. Теперь и Орсо узнает. И то, что вы живы, и то, что вы убили его сына. И то, что вам помогали. Мелкая месть, возможно, но… что смогла, то и сделала.

– Месть? – Монца медленно кивнула. – Что ж. Я вас понимаю. Но лучше бы вы этого не делали. – Рука ее легла на рукоять Кальвеца, чуть слышно скрипнула сталь.

– Что, убьете меня теперь? Ха! Я и так уже покойница, считай.

– Зачем же мне тогда напрягаться? Тем более что вас нет в моем списке. Можете идти. – Эйдер мгновение смотрела на нее, открыв рот, словно собираясь что-то сказать, потом передумала и повернулась к двери. – Не хотите пожелать мне удачи?

– Что?

– Как я понимаю, вам остается надеяться лишь на то, что я убью Орсо.

Бывшая любовница Арио остановилась:

– Да уж, надежда велика! – и вышла за дверь.

IV. Виссерин

Война без огня столь же ничего не стоит, как колбаса без горчицы.
Генрих V

Тысяча Мечей сражалась за Осприю против Муриса. Сражалась за Мурис против Сипани. Потом за Сипани – против Муриса, и снова за Осприю. В промежутке между походами по найму разграбила для своего удовольствия Оприле. Через месяц, сочтя, что не все оттуда выгребла, навестила его снова и оставила на месте города полыхающие развалины. Наемники сражались за всех против никого и за никого против всех, в то же время почти и не сражаясь.

Только поджигая, грабя, воруя, мародерствуя, насилуя и вымогая.

Никомо Коске нравилось окружать себя диковинками, придававшими ему самому ореол необычности и романтизма. Под такую категорию вполне подпадала девятнадцатилетняя воительница, неразлучная с младшим братом, поэтому он держал обоих при себе. Сначала находя их забавными. Потом – полезными. А потом и необходимыми.

Холодными зимними утрами Коска упражнялся с Монцей в фехтовании. Разгоряченное дыхание, пар в воздухе, блеск и лязганье стали… Он был сильнее, она – проворней. Неплохая пара. Они язвили, плевались друг в друга и хохотали. Соратники, собиравшиеся на них посмотреть, смеялись тоже – над тем, как часто обводит их капитана вокруг пальца девчонка, которая вдвое его моложе. Смеялись все, кроме Бенны. Воин из него был никакой.

Зато он обладал чутьем к цифрам и потому занимался бумажной работой, а еще – закупкой снаряжения, а также учетом и продажей награбленного и распределением вырученного. Делал деньги для всех и наделен был легким нравом, и вскоре стал всеобщим любимчиком.

Монца была способной ученицей. Она быстро усвоила все, о чем писали Столикус и Вертурио, Бьяловельд и Фаранс. Усвоила все, что преподавал Никомо Коска. Узнала все о тактике и стратегии, маневрировании и тыловом обеспечении, ориентировании на местности и предугадывании замыслов врага. Она училась, наблюдая, потом училась, делая. Всем искусствам и всем наукам, какие только нужны солдату.

– Черт в тебе сидит, – твердил ей Коска, когда напивался, что случалось нередко.

Она спасла ему жизнь в Мурисе. Потом он спас жизнь ей. И снова все смеялись, кроме Бенны. Спаситель из него был никакой.

Когда погиб от стрелы старик Сазин, командиры Тысячи Мечей дружно выбрали капитан-генералом Коску. Монца с Бенной остались при нем. Монца разносила его приказы по командирам. Потом начала объяснять ему, какие приказы следует отдать. Потом сама начала их отдавать, покуда он валялся пьяным, от его имени. А потом уже и от собственного. И никто не возражал, поскольку распоряжалась она лучше, чем Коска, даже когда тот бывал трезв.

А трезв он бывал по мере того, как месяцы складывались в годы, все реже и реже. Приказы отдавал уже только в тавернах. Упражнялся только с бутылкой. И, когда Тысяча Мечей опустошала очередную часть страны и наступала пора двигаться дальше, Монца разыскивала его по всем тавернам, курильням и борделям и, найдя, тащила в лагерь на себе.

Ей это не доставляло ни малейшего удовольствия, как и Бенне, не отстававшему от сестры, но они многим были обязаны Коске, который взял их некогда под свое покровительство, поэтому она и продолжала с ним возиться. И, когда в вечерних сумерках они, шатаясь – Коска под тяжестью выпитого, она под его тяжестью, – брели к лагерю, он шептал ей на ухо:

– Монца, Монца, что бы я без тебя делал?

Итак, месть

Цокали каблуками по начищенному до блеска полу начищенные до блеска кавалерийские сапоги генерала Ганмарка. Скрипели рядом башмаки управляющего герцогским двором. Передразнивало звук их торопливых шагов эхо, отражаясь от стен огромного пустого зала, где лениво кружились в солнечных лучах редкие пылинки. Лишь сапоги самого Шенкта, из мягкой кожи, грязные и изрядно поношенные, ступали совершенно бесшумно.

– Оказавшись в присутствии его светлости, – суетливо стрекотал управляющий, – вы приближаетесь к нему без неподобающей спешки, не глядя ни вправо, ни влево, а только под ноги, дабы не встретиться взглядом с его светлостью. Останавливаетесь на белой полосе ковра – не перед нею и не за ней, ни при каких обстоятельствах, а строго на ней. Затем встаете на колени…

– Я на колени не встаю, – сказал Шенкт.

Управляющий резко повернул к нему голову совершенно совиным движением.

– Исключение делается только для правителей иностранных держав! Все остальные…

– Я не встаю на колени.

Управляющий задохнулся было от возмущения, но его осадил Ганмарк:

– Ради всего святого! Убит сын и наследник герцога Орсо! Его светлость не станет порицать человека, не вставшего на колени, лишь бы тот помог свершиться мести. – Он повернулся к Шенкту: – Как вам будет удобней – хоть на коленях, хоть нет.

Стражники в белых мундирах развели перед ними скрещенные алебарды, давая пройти, и Ганмарк широко распахнул двустворчатые двери.

За ними оказался зал, устрашающе огромный, богато изукрашенный, величественный. Каким и подобает быть тронному залу самого могущественного лица Стирии. Но Шенкт видывал и залы побольше, и людей позначительней, поэтому трепета не испытал. По мозаичному полу тянулся вдаль красный ковер с белой полосой на одном конце. За ним возвышался помост, перед которым стояла дюжина стражников при полном вооружении. На помосте красовалось золотое кресло. В кресле восседал Орсо, великий герцог Талина. Весь в черном, и выражение лица его казалось еще мрачнее одеяния.

Перед Орсо и его свитой расположилась на коленях полукругом необычная, зловещего вида компания, состоявшая человек из шестидесяти, если не больше, всех рас и всех комплекций. Оружия ни при ком сейчас не было, но Шенкт не сомневался, что в иное время его у них хватает. Некоторых он даже знал в лицо. Бандиты. Наемные убийцы. Охотники за людьми. Представители его профессии, если, конечно, можно сказать, что у маляра и живописца одна профессия.

Он приблизился к помосту без неподобающей спешки, не глядя ни вправо, ни влево. Миновал полукруг наемных убийц и остановился точно на белой полосе. Посмотрел вслед генералу Ганмарку, который, обойдя стражников, поднялся по ступенькам к трону и, наклонившись, прошептал что-то на ухо Орсо. Управляющий с неодобрительным видом занял место по другую сторону от герцога.

Орсо устремил взгляд на Шенкта. Глаза их встретились. В зале тем временем воцарилась особая, гнетущая тишина, какая свойственна лишь очень большим пространствам.

– Значит, это он. Почему не на коленях?

– Не стоит на них, видимо, – сказал Ганмарк.

– Все стоят. Чем вы отличаетесь от других?

– Ничем, – ответил Шенкт.

– И все же не стоите.

– Привычка. Давняя. Не более того.

Орсо сощурился.

– А если вас попытаются заставить?

– Пытались.

– И что?

– Я не вставал.

– Что ж, и не надо, в таком случае. У меня убили сына.

– Сочувствую.

– По вашему виду не скажешь.

– Это не мой сын.

Управляющий содрогнулся, но Орсо не отвел от Шенкта запавших глаз.

– Любите говорить правду, как погляжу. Прямота – ценное качество для высокопоставленных людей. У вас великолепные рекомендации.

Шенкт промолчал.

– То дело в Колоне… я так понимаю, это ваша работа. Только ваша, от начала и до конца. Говорят, что там осталось, и трупами-то назвать было трудно.

Шенкт снова промолчал.

– Вы этого не подтверждаете?

Шенкт посмотрел ему в лицо и ничего не ответил.

– Но и не отрицаете.

И вновь – ни слова.

– Люблю неразговорчивых. Человек, который мало говорит с друзьями, врагам и подавно ничего не скажет.

Молчание.

– Моего сына убили. Выбросили из окна борделя, как ненужный хлам. Убили также многих его друзей и товарищей, моих подданных. Мой зять, не кто иной, как король Союза, спасся из горящего дома бегством лишь по воле случая. Сотириус, канцлер Сипани, этот полутруп, что принимал их в своем городе, ломает руки и твердит, что сделать ничего не может. Меня предали. Лишили сына. Поставили… в тупик. Меня! – внезапно возопил герцог, нарушив тишину в зале и заставив всех присутствовавших там вздрогнуть.

Всех, кроме Шенкта.

– Месть, стало быть.

– Месть! – Орсо стукнул кулаком по подлокотнику кресла. – Скорая и ужасная.

– Скорой не обещаю. Ужасную гарантирую.

– Что ж, пусть она тогда будет медленной… мучительной и беспощадной.

– Возможно, возникнет необходимость нанести некоторый ущерб вашим подданным и их собственности.

– Любой ценой. Доставьте мне головы. Каждого, кто участвовал в этом деле хотя бы в малой степени, – мужчины, женщины, ребенка. Какая бы необходимость при этом ни возникла. Доставьте мне их головы.

– Головы, стало быть.

– Сколько вы хотите в качестве аванса?

– Нисколько.

– Даже…

– Если я выполню свою работу, вы заплатите мне сто тысяч скелов за голову главаря и по двадцать тысяч за каждого пособника. Максимум – четверть миллиона. Такова моя цена.

– Весьма немалая! – проворчал управляющий. – На что вам столько денег?

– Считать их и смеяться, поскольку богатому человеку нет нужды отвечать на вопросы дураков. Вы не найдете ни одного нанимателя, который был бы недоволен моей работой. –

Шенкт обернулся и медленно обвел взглядом сброд, стоявший полукругом за спиной. – Можете заплатить меньше людям помельче, коль вам угодно.

– И заплачу, – сказал Орсо. – Если кто-нибудь из них найдет убийц первым.

– Других условий я бы и не принял, ваша светлость.

– Хорошо, – прорычал герцог. – В таком случае ступайте. Все ступайте! И свершите за меня… месть!

– Вас отпускают! – визгливо выкрикнул управляющий.

Послышались возня, шорох, топот – охотники за людьми, торопливо поднявшись с колен, направились к выходу. Шенкт развернулся тоже и зашагал по ковру в сторону дверей, степенно, без спешки, не глядя ни вправо, ни влево.

Дорогу ему вдруг загородил один из убийц, темнокожий, роста среднего, зато шириною с дверь, в цветастой яркой рубахе, сквозь дыры которой виднелись дряблые мускулы. Скривил толстые губы.

– Ты – Шенкт? Я ожидал большего.

– Молись тому богу, в которого веришь, чтобы тебе никогда не пришлось увидеть большее.

– Не верю я ни в какого бога.

Шенкт пригнулся и тихо сказал ему на ухо:

– Советую начать.

Кабинет генерала Ганмарка, хоть и не маленький с любой точки зрения, казался загроможденным вещами. С каминной полки на входящих хмуро взирал бюст Иувина в увеличенную величину, чья каменная лысина отражалась в великолепном зеркале из цветного виссеринского стекла. По обеим сторонам от стола красовались монументальные вазы высотой почти по плечо. Стены сплошь увешаны картинами, две из которых были воистину огромны. Чудесные картины. Слишком хорошие, чтобы теряться в столь многочисленном соседстве.

– Весьма впечатляющая коллекция, – сказал Шенкт.

– Вот это полотно – кисти Кольера. Чуть не сгорело вместе с особняком, где я его нашел. Эти два – Назурин, то – Орхус. – Ганмарк, не глядя, безошибочно ткнул в сторону каждого пальцем. – Ранний период, но тем не менее… Вазы были преподнесены в дар первому императору Гуркхула много сотен лет назад и каким-то образом попали в дом некоего богача под Каприле.

– А оттуда к вам.

– Пытаюсь спасти, что только можно, – сказал Ганмарк. – Чтобы в Стирии, когда кончатся Кровавые Годы, осталось хоть немного истинных ценностей.

– Или у вас.

– Уж лучше они достанутся мне, чем огню. Начинается военная кампания, завтра утром я отбываю, дабы осадить Виссерин. Схватки, поджоги, грабежи. Марши и контрмарши. Глад и мор, конечно же. Смерть и увечья, разумеется. И все это как гром с небес. Всеобщая кара, настигающая каждого ни за что. Война, Шенкт, война. И подумать только, когда-то я мечтал быть честным и благородным человеком. Творить добро.

– Все мы об этом мечтали.

Генерал поднял бровь.

– Даже вы?

– Даже я. – Шенкт вынул нож. Гуркский боевой серп, небольшой, но чертовски острый.

– Желаю вам в таком случае удачи. Я же могу только… стараться уменьшить масштабы разорения.

– Нынче времена разорения.

Шенкт достал из кармана деревяшку, из которой уже частично вырезана была собачья голова.

– А когда они были иными?.. Вина не желаете? Из погребов самого Кантейна.

– Нет.

Покуда генерал наливал себе вина, Шенкт неспешно орудовал ножом, роняя на пол мелкую стружку и превращая оставшуюся часть деревяшки в собачье туловище. Не произведение искусства, конечно, как висящие кругом картины, но то, что нужно. Есть что-то умиротворяющее в размеренных движениях лезвия, в бесшумном полете стружки…

Ганмарк взялся за кочергу, поворошил без всякой надобности дрова в камине.

– Вы знаете, кто такая Монцкарро Меркатто?

– Капитан-генерал Тысячи Мечей. Весьма удачливый военачальник. Я слышал, она погибла.

– Умеете ли вы хранить секреты, Шенкт?

– Не одну сотню храню.

– Да, конечно. Конечно. – Генерал тяжело вздохнул. – Смерть ее… и ее брата заказал герцог Орсо. Многочисленные победы сделали Меркатто популярной в Талине. Слишком популярной. Его светлость опасался, что ей захочется посягнуть на его трон, как многим наемникам. Вы не удивлены?

– Я сталкивался со всеми видами смерти. И поводами для нее.

– Конечно. – Ганмарк хмуро уставился в огонь. – То была нехорошая смерть.

– Хороших не бывает.

– И все же. Эта была нехорошей. Два месяца назад исчез телохранитель герцога Орсо. Что никого не удивило, ибо человек он был глупый, имел порочные склонности, водил дурные компании, о безопасности своей не заботился, врагов при этом имел много. Его исчезновению значения я не придал.

– И что?

– Месяцем позже в Вестпорте отравили банкира Орсо, вместе с половиной служащих банка. Это уже другое дело. Он очень заботился о своей безопасности. И отравить его было труднейшей задачей, требующей наличия высокого профессионализма и отсутствия всякого милосердия. Но он замешан был в политических играх Стирии, а они смертельно опасны, и немногие, в них играющие, наделены милосердием.

– Это так.

– Сами Валинт и Балк подозревали, что причиной могла быть давняя вражда с гуркскими конкурентами.

– Валинт и Балк.

– Вы имели дело с их банком?

Шенкт чуть замешкался с ответом.

– Возможно, они меня разок нанимали. Продолжайте.

– Теперь убит принц Арио. – Генерал ткнул пальцем себе под ухо. – Ударом кинжала в то же место, куда сам он ударил Бенну Меркатто. Потом его сбросили с высоты, из окна…

– Вы думаете, Монцкарро Меркатто жива?

– Через неделю после гибели сына герцог получил письмо. От некоей Карлоты дан Эйдер, в прошлом любовницы принца Арио. Мы давно подозревали, что она вступила с ним в связь, чтобы шпионить для Союза, но Орсо относился к этому снисходительно.

– Странно.

Ганмарк пожал плечами:

– Мы дружим с Союзом. Помогли ему выиграть последние круги бесконечных войн с гурками. Вместе пользуемся поддержкой банкирского дома Валинта и Балка. Не говоря уже о том, что король Союза – зять Орсо. Естественно, мы засылаем друг к другу шпионов, но по-

добрососедски, не забывая о хороших манерах. Если уж тебе приходится принимать шпионку, хорошо, если она еще и красива, а в красоте Карлоте дан Эйдер не откажешь. Она была с принцем Арио в Сипани. И после его смерти исчезла. А потом пришло письмо.

– И что в нем сказано?

– Что ее вынудили под угрозой отравления помочь убийцам Арио. Что в число их входил наемник по имени Никомо Коска, палач по имени Шайло Витари, а руководила ими… сама Меркатто. Очень даже живая.

– Вы в это верите?

– У Эйдер нет причины нам лгать. Тем более что письмо не спасет ее от гнева его светлости, если ее найдут, и она должна это понимать. Я точно знаю, что Меркатто была еще жива, когда ее сбросили с балкона. И мертвой я ее не видел.

– Теперь она хочет отомстить.

Ганмарк безрадостно усмехнулся.

– Кровавые Годы. Все хотят отомстить. Но Змея Талина, Палач Каприле… которая никого на этом свете не любила, кроме своего брата… если она жива, то не просто хочет отомстить, а жаждет. Трудно вообразить более целеустремленного врага.

– Стало быть, мне нужно разыскать женщину по имени Витари, мужчину по имени Коска и змею по имени Меркатто.

– Только никто не должен знать, что она, возможно, жива. Узнай в Талине, что ее смерть – дело рук Орсо… могут начаться беспорядки. А то и бунт. В народе ее очень любили. Считали талисманом. Человеком, приносящим счастье. Она ведь сама была из народа и возвысилась благодаря личным качествам. А его светлость… Война все тянется, налоги все растут… Его любят меньше, чем хотелось бы. Я могу надеяться на ваше молчание?

Ответом ему было молчание.

– Хорошо. В Талине остались друзья Меркатто. Кто-нибудь, возможно, знает, где она сейчас. – Генерал поднял голову, и на усталом лице его заиграли оранжевые отблески огня. – Впрочем, о чем я говорю… это же ваша работа – искать людей. Искать и… – Он снова потыкал кочергой в рдеющие угли, искры рассыпались снопами. – Мои советы вам не нужны, не так ли?

Шенкт убрал незаконченную деревянную фигурку в карман, нож – в ножны, и повернулся к двери.

– Нет.

На нижнем этаже

Солнце садилось за леса, землю укрывали тени, когда они подъезжали к Виссерину. Башни его видны были на расстоянии в несколько миль. Десятки… сотни башен, тонких, как дамские пальчики, тянущихся ввысь к серо-голубому небу, усеянных крохотными искорками горящих кое-где окон.

– Сколько же их… – пробормотал Трясучка себе под нос.

– На башни всегда была мода в Виссерине, – усмехнулся Коска. – Некоторые стоят еще со времен до Новой империи, многие века. Знатные семьи состязаются меж собой, кто построит выше. Гордятся ими. Помню, когда я еще маленьким был, одна упала раньше, чем ее достроили, улицы за три от той, где я жил. Раздавила кучу бедняцких домишек. За амбиции богачей вечно бедняки расплачиваются. Однако редко жалуются, поскольку… э-э-э…

– Мечтают собственные башни иметь?

Коска хохотнул:

– Ну да, мечтают, надо думать. Не понимают, что, чем выше забираешься, тем ниже падать приходится.

– Люди вообще редко понимают это, пока земля навстречу не летит.

– Правда ваша. И боюсь, многие из богачей Виссерина вскоре рухнут…

Балагур и Витари зажгли факелы, Дэй тоже и пристроила его возле облучка, чтобы освещал путь. Факелы начали разгораться повсюду вокруг них, и дорога превратилась в ручей из огоньков, текущий по черной земле к морю. Красивое зрелище… в какое-нибудь другое время. Но не сейчас, когда война на пороге и ни у кого нет охоты им любоваться.

Чем ближе к городу, тем больше делалось на дороге людей. Половина их, похоже, не чаяла попасть в Виссерин, дабы обрести укрытие за его стенами, а вторая – выбраться оттуда и убежать куда подальше. Война предоставляет фермерам паскудный выбор – либо остаться на своей земле и ждать обязательного поджога, грабежа, насилия и почти неизбежной смерти, либо укрыться в городе, коль там найдется место, рискуя быть ограбленным собственными защитниками или вражескими солдатами, если город падет. А то еще бежать в холмы, где можно с равной вероятностью попасть в руки врага, умереть с голоду и попросту замерзнуть насмерть холодной ночью.

Война, конечно, убивает какую-то часть солдат, но те, что выжили, остаются при деньгах, при костре, вокруг которого можно сидеть, распевая песни. Куда больше она убивает простых крестьян, и уцелевшие остаются ни с чем. На пепелище.

Словно мало было причин для дурного настроения, с потемневшего неба начал накрапывать дождь, постепенно усиливаясь и посверкивая в свете факелов, которые принялись шипеть и плеваться. Земля под ногами превратилась в липкую грязь. Холодные капли щекотали непокрытую голову Трясучки, но мысли его были далеко. Они неслись туда же, где блуждали все последние несколько недель, – к дому Кардотти, к черному делу, которое сотворил там Трясучка.

Брат его всегда говорил, что последнее это дело – убить женщину. Уважение к женщинам и детям, верность старым обычаям и своему слову – вот то, что отличает человека от животного и карлов от убийц. Трясучка не хотел ее убивать, но… коли машешь мечом в толпе, изволь нести ответственность за последствия. Хороший человек, которым он приехал сюда стать, должен был бы обгрызть ногти до кровавого мяса после того, что он сделал. Но Трясучка, вспоминая глухой звук, с каким клинок его вошел в грудь женщины, ее изумленное лицо, когда она сползала по стене, умирая, чувствовал лишь облегчение, оттого что остался безнаказанным.

Убийство по нечаянности женщины в борделе – зло, преступление, как принято считать. А намеренное убийство мужчины в бою – проявление доблести? Подвиг, которым гордятся, о котором распевают песни?.. Было время, у костра на холодном Севере, когда разница казалась Трясучке простой и очевидной. Но больше он не видел ее с прежней ясностью. И не потому, что совсем запутался. Наоборот, вдруг отчетливо понял – коли уж взялся убивать людей, покончить с этим нет никакой возможности.

– Судя по виду, вас одолевают мрачные мысли, мой друг, – сказал Коска.

– Время такое, что не до шуток.

Наемник усмехнулся.

– Старик Сазин, мой учитель, сказал однажды, что смеяться нужно каждое мгновенье, пока живешь, поскольку потом с этим будет трудновато.

– Правда? И что с ним стало?

– Умер от загнившей раны в плече.

– Жалкий конец.

– Ну, – сказал Коска, – если жизнь шутка, то черная.

– Уж лучше не смеяться тогда, коли она шутит так зло.

– Или подстраивать под нее свое чувство юмора.

– Это ж какое должно быть чувство юмора, чтобы смеяться над этим?

Коска, глядя на черные стены Виссерина, выплывающие навстречу из дождевой завесы, почесал шею.

– Вынужден признаться, у меня тоже сейчас не получается видеть забавную сторону дела.

Глядя на мечущиеся огоньки у ворот, нетрудно было догадаться, что там настоящая давка. И по мере того, как путники подъезжали ближе, лучше дело не становилось. Из города еще выходили старики, молодежь, женщины с детьми. Кто нес пожитки на собственной спине, кто вел на поводу мула с поклажей. Скрипели тележные колеса, меся липкую грязь. Люди выходили, проталкивались сквозь возбужденную толпу, но вот войти, похоже, мало кому удавалось. Страх гнетущим облаком висел в воздухе, и облако это все сгущалось.

Трясучка соскочил с коня, размял ноги, проверил, легко ли ходит меч в ножнах.

– Ничего, – сказала Монца, выглянув из-под капюшона. К лицу ее прилипли мокрые черные волосы. – Прорвемся.

– Вы абсолютно уверены, что нам туда надо? – спросил Морвир.

Она смерила его хмурым взглядом.

– Дня через два сюда придет армия Орсо. Что означает – Ганмарк тоже придет. И Карпи Верный, возможно, с Тысячей Мечей. Где они – там должны быть и мы, только и всего.

– Вы, конечно, хозяйка. Но я считаю своим долгом сказать, что целеустремленность тоже может быть чрезмерной… Наверняка существует менее опасная альтернатива тому, чтобы запереть себя, как в западне, в городе, который скоро будет осажден вражескими войсками.

– Нет никакого проку ждать их где-то в другом месте.

– Никакого проку не будет, если мы все погибнем. План, который не гнется под давлением обстоятельств, а ломается, хуже, чем… – Монца отвернулась, не дослушав, и начала пробиваться сквозь толпу к арке. – О, женщины, – процедил вслед Морвир.

– Что – женщины? – рыкнула Витари.

– За исключением присутствующей здесь, разумеется, они предпочитают думать сердцем, а не головой.

– Поскольку она платит, так, на мой взгляд, пусть думает хоть задницей.

– Умереть богатым – все равно, знаете ли, умереть.

– Но лучше, чем умереть бедным, – сказал Трясучка.

Вскоре к ним начали проталкиваться стражники, разгоняя народ копьями и оставляя за собой свободный проход к воротам. Рядом с хмурым командиром шла Монца, которая наверняка посеяла несколько монет и теперь пожинала урожай.

– Вы, там, с фургоном! – Командир ткнул пальцем в сторону Трясучки и остальной компании. – Проходите. Только вы шестеро, и все.

Толпа вокруг гневно зароптала. Кто-то пнул ногою фургон, стронувшийся с места.

– Дерьмо! Где справедливость? Всю жизнь я плачу налоги Сальеру, и меня оставляют за воротами?

Трясучка направил было коня следом за фургоном, но еще кто-то схватил его за руку. Какой-то окончательно отчаявшийся фермер.

– Почему пропускают этих сволочей? У меня семья…

Трясучка ударил его кулаком в лицо. Сгреб за куртку, когда тот упал, вздернул на ноги и ударил снова, опрокинув на спину в грязь. Из носа фермера, когда тот попытался подняться, хлынула черная в темноте кровь. Коль начал бучу, лучше ее тут же и закончить. Одним быстрым и жестоким поступком предотвратить то худшее, что может последовать. Так делал обычно Черный Доу. Поэтому Трясучка шагнул вперед и ударом сапога в грудь снова уложил его на спину.

– Оставайся-ка, где есть.

Поблизости стояли еще несколько человек. Мужчины, женщина, двое детей. Молоденький парнишка, не сводя с Трясучки глаз, пригнулся, вроде как готовясь к драке. Сын фермера, наверно.

– Я жить хочу, мальчик, потому так дерьмово и поступаю. Тебя тянет рядышком прилечь?

Парнишка покачал головой. Трясучка взял коня под уздцы, цокнул языком и зашагал к арке. Не слишком быстро. Готовый к тому, что у кого-нибудь еще хватит глупости испытать его силу. Но не успел и двух шагов сделать, как снова поднялся крик – что в них такого особенного и почему их пропускают, бросая всех прочих на произвол судьбы. Фермер, оставшийся без зубов, значил слишком мало, чтобы за него заступаться. Те, кто еще не видел худшего, понимали, что увидят, и очень скоро. Так что единственной их заботой было как можно дальше отодвинуть этот срок.

Дуя на ободранные костяшки пальцев, Трясучка вошел под арку, двинулся следом за своими по длинному темному туннелю, пытаясь вспомнить, что говорил ему Ищейка там, в Адуе, сто лет тому назад, как теперь казалось. Что-то о крови, которая, проливаясь, влечет за собой новую кровь, и о том, что никогда не поздно исправиться. Никогда не поздно стать хорошим человеком.

Хорошим человеком был Рудда Тридуба, лучше не бывает. Всю жизнь хранил верность старым обычаям и никогда не выбирал легкий путь, если считал его неправильным. Трясучка гордился тем, что воевал рядом с этим человеком и называл его своим командиром, но что, в конце концов, принесло Тридубе его благородство? Несколько добрых слов, сказанных у костра со слезами на глазах? Многотрудную жизнь и последнее пристанище в грязи?.. Черный Доу был мерзавцем, хуже коего Трясучка не встречал, человеком, который никогда не сходился с врагом лицом к лицу, если мог захватить его со спины врасплох. Жег, не задумываясь, целые деревни, нарушал собственные клятвы и плевал на то, чем это может кончиться. Беспощаден, как чума, совести имел с блошиный член. И сейчас он сидел в кресле Скарлинга, и половина Севера ему подчинялась, а остальные боялись даже упомянуть его имя.

Туннель вывел в город. На стершиеся булыжники мостовой лилась вода из дырявых водосточных желобов. Стояли вдоль дороги промокшие люди с нагруженными мулами и телегами, дожидаясь возможности выбраться, глазея на путников, едущих в обратном направлении. Трясучка запрокинул голову, сощурив от дождя глаза, уставился на башню, уходившую вершиной в черное небо. Раза в три, наверное, выше высочайшей башни Карлеона. Но вовсе не самая высокая из тех, что стояли вокруг.

Он покосился на Монцу украдкой, как уже наловчился это делать. Обычное хмурое выражение на решительном лице, по которому пробегают отсветы факелов проходящих мимо горожан, глаза смотрят прямо вперед. Поставила себе цель и делает все, чего та требует. И плевать ей и на совесть, и на последствия. Сначала месть, а все сомненья – потом…

Трясучка повозил языком во рту, сплюнул. Чем больше он видит, тем глубже понимает, что она права. Милосердие и трусость – одно и то же. Никто не выдает наград за хорошее поведение. Ни здесь, ни на Севере. Нигде. Хочешь что-то – так бери это. И тот человек велик, кто нахватал больше всех. Хорошо, наверное, было бы, если бы жизнь была другой.

Но она такая, какая есть.

У Монцы все онемело и болело – как всегда. Она устала и злилась – как всегда. Курить хотела сильнее, чем когда бы то ни было. И – словно в качестве острой приправы к пресному вечеру – еще промокла, замерзла и натерла о седло задницу.

Виссерин помнился ей прекрасным городом, полным сверкающего стекла, изящных зданий, изысканной еды, смеха и свободы. Правда, у нее было на редкость хорошее настроение, когда она приезжала сюда в последний раз – теплым летом, а не стылой весной, с Бенной, а не с чужими людьми, ждущими от нее распоряжений, и без намерения убить четверых человек.

Но даже с учетом всего этого очень уж далек оказался сейчас город от чудесного цветущего сада, жившего в ее памяти.

Всюду, где горели светильники, ставни были плотно закрыты, и только пробивавшийся сквозь щели скудный свет выхватывал порой из тьмы маленькие стеклянные фигурки в нишах

над дверями. То были духи – хранители дома, приносящие благополучие и отгоняющие зло. И ставили их там по старинному обычаю, со времен еще до Новой империи. Монца поневоле задумалась о том, много ли пользы будет от этих кусочков стекла, когда в город ворвется армия Орсо. Сомнительно… В Виссерине царил страх, и ощущение нависшей над ним угрозы было столь острым, что даже волоски на шее Монцы вставали дыбом.

Хотя пустыми улицы не назвать. По ним спешили, кто в доки, кто к воротам, испуганные горожане. Взрослые, дети, старики, с тюками на спинах, с тележками, нагруженными узлами и сундуками, ящиками и корзинами, забитыми тем ненужным хламом, которому, конечно же, предстояло быть брошенным где-нибудь на обочине дороги под Виссерином. Пустая трата времени и сил в подобные времена – попытка спасти все… кроме собственной жизни.

Коли уж решил бежать – делать это надо быстро.

Но многие к тому же решили бежать в город и, к величайшему смятению своему, обнаружили, что оказались в тупике. Теперь они стояли на улицах, под дождем, зябко кутаясь в одеяла. Прятались в подворотнях, в темных сводчатых галереях пустого рынка, вжимаясь в стены, когда мимо проходила колонна солдат с факелами, в усеянных каплями дождя доспехах.

Ночная тьма полнилась звуками – звоном бьющегося стекла, треском разрубаемого дерева, криками, злыми и испуганными. Порою – и воплями отчаяния.

Монца догадывалась, что грабежом, не дожидаясь прихода врага, занялись уже сами горожане. Решили, покуда власти заняты собственным спасением, свести счет-другой, прихватить вещицу-другую, которыми всегда хотелось обладать. Настал один из тех редких моментов, когда имеется возможность получить что-то даром, и воспользоваться им не преминут многие, когда армия Орсо встанет вокруг города. Хрупкий налет цивилизации уже начал таять…

Отряд Монцы, медленно продвигавшийся по улицам, то и дело провожали взглядами – кто боязливым, кто подозрительным, кто оценивающим, – пытаясь понять, достаточно ли путники слабы или богаты, стоит ли тратить время на ограбление. Монца переложила поводья в правую руку. Пусть натягивать больно, зато левую можно держать на бедре, поближе к рукояти меча. Единственный закон сейчас в Виссерине – острый клинок. А ведь враг еще даже не подошел…

«Я видел ад, – писал Столикус, – и это был большой осажденный город».

Дорога привела их к мраморной арке, из-под замкового камня которой ручьем хлестала вода. Выше на стене красовалась фреска. В самом верху ее восседал на троне герцог Сальер, коему кисть художника оптимистично придала вместо безобразной тучности приятную пухлость. Рука его воздета была в благословляющем жесте, отеческая улыбка лучилась неземной добротой. У подножия трона граждане Виссерина, начиная от высшего сословия и заканчивая низшим, смиренно вкушали плоды его чудесного правления. Хлеб, вино и прочую благодать. Ниже, вдоль обвода арки, золотые буквы в рост человека гласили: «Милосердие, справедливость, отвага». Но какой-то правдолюбец, сумевший туда взобраться, намалевал на штукатурке красной краской еще и слова «жадность, жестокость, трусость».

– Велика самонадеянность жирной гадины Сальера, – сказала Монце с усмешкой Витари, чьи рыжие волосы побурели от дождя. – И все же, кажется, настал конец его бахвальству, вы как думаете?

Та в ответ только хмыкнула. Все, о чем она могла думать, глядя в хитрое лицо Витари, – это насколько ей можно доверять. Даже в осажденном городе самую большую угрозу для Монцы по-прежнему представляли ее собственные спутники. Витари примкнула к ней ради денег – мотив весьма рискованный, потому что всегда может найтись какой-нибудь ублюдок с карманами поглубже. Коска… можно ли вообще доверять пьянице, прославившемуся своим вероломством, которого к тому же однажды предала сама? Балагур… кто, черт возьми, знает, что творится у этого парня в голове?

Но все они кажутся милыми родственниками рядом с Морвиром. Монца бросила на него взгляд через плечо и обнаружила, что он тоже смотрит на нее с облучка, довольно угрюмо. Ходячая отрава, а не человек… и в тот момент, когда сочтет это выгодным, раздавит ее, как клеща, без всякого сожаления. Решение ехать в Виссерин его уже раздосадовало, но чего Монце хотелось менее всего, так это объяснять свой выбор. Говорить, что Орсо уже получил письмо Эйдер. Уже предложил изрядный куш – из денег Валинта и Балка – за ее смерть и отправил рыскать по Стирии половину наемных убийц Земного круга, жаждущих положить ее голову в свой мешок. Вместе с головами всех ее помощников, разумеется.

Поэтому в центре боевых действий они наверняка будут в большей безопасности, чем в любом другом месте.

И единственный, кому она может доверять, хотя бы отчасти, – это Трясучка.

Он ехал рядом, большой, хмурый, молчаливый. В Вестпорте его болтовня Монцу раздражала, но сейчас, как ни странно, угнетало молчание. Он спас ей жизнь в туманном Сипани. И пусть жизнью она давно не дорожила, поступок этот все же изрядно поднял его в ее глазах.

– Что-то тебя совсем не слыхать.

В темноте она не видела толком его лица, лишь тени в глазных впадинах и под скулами, да твердые очертания челюсти.

– Сказать нечего, думается мне.

– Раньше тебя это не останавливало.

– Да. Но я с тех пор начал кое-что понимать.

– Правда?

– Может, вам кажется, что мне это дается легко, но, чтобы сохранить надежду, приходится прилагать усилия, которые, похоже, никогда не окупятся.

– Я думала, стать лучше – само по себе награда.

– Маловатая, боюсь, за такую работу. Коли вы не заметили, здесь вот-вот начнется война.

– Поверь, я знаю, что такое война. Полжизни ею занималась.

– И что с того? Я тоже. И повидал немало, чтобы понять – война не то место, где можно сделаться лучше. Думаю, начну-ка я теперь жить по-вашему.

– Ну, впору в бога уверовать и восхвалить его!.. Добро пожаловать в реальный мир.

Монца усмехнулась, но почувствовала при этом некоторое разочарование. Сама она давно уже отказалась от всех попыток быть порядочным человеком, но почему-то ей была приятна мысль иметь в знакомых хоть одного.

Натянув поводья, она придержала коня. Фургон догнал ее, громыхая, и остановился тоже.

– Приехали.

Убежище, которым они с Бенной обзавелись в Висссерине, было старинной постройкой, возведенной в те времена, когда у города еще не было надежных стен и всякому имущему человеку приходилось самому оборонять свое добро. То был каменный дом-башня в пять этажей, с пристроенной конюшней, с узкими окнами-бойницами на нижнем этаже и зубчатым ограждением на крыше. Черная громада на фоне ночного неба, резко выделявшаяся среди скопища низеньких кирпичных и деревянных домишек вокруг. Монца поднесла было ключ к замку и нахмурилась. Входная дверь оказалась приоткрытой. В боковой щели виднелся свет, озарявший шершавый камень стены. Приложив палец к губам, Монца показала на него.

Трясучка поднял здоровенную ногу и одним ударом распахнул дверь. Послышался скрежет – отъехало в сторону что-то, подпиравшее ее изнутри. Монца, схватившись за рукоять меча, метнулась в дом.

Мебели в кухне не было, зато оказалось полно людей, оборванных, измученных с виду. И все они в испуге уставились на нее при свете одинокой свечи. Сидевший на пустой бочке коренастый мужчина с рукой на перевязи вскочил и схватился за палку. Крикнул:

– Проваливай!

Другой, одетый в грязную фермерскую блузу, шагнул, помахивая топором, ей навстречу. Но тут из-за спины Монцы, поднырнув под низкую притолоку, появился Трясучка. Выпрямился, отбросив на стену громадную тень, держа в руке уже обнаженный, блестящий меч.

– Сами проваливайте.

Фермер, испуганно таращась на грозное оружие, попятился.

– Чего надо… вы кто?

– Я? – рявкнула Монца. – Хозяйка дома, паршивец!

– Одиннадцать их тут, – сказал Балагур, вошедший в дверь с другой стороны.

Кроме этих мужчин, в кухне были еще две старухи. Старик, совсем дряхлый, скрюченный, с трясущимися узловатыми руками. Молодая женщина с младенцем на руках, одних примерно лет с Монцей. Две маленькие большеглазые девчушки, державшиеся с ней рядом, похожие, как близнецы. И девушка лет шестнадцати, стоявшая возле нерастопленного очага, держа в одной руке кухонный нож, которым только что потрошила рыбу, а другой пытаясь затолкать себе за спину мальчика, лет десяти с виду.

Девчонка, считай, охраняющая своего младшего брата…

– Убери меч, – сказала Монца Трясучке.

– Что?

– Нынче ночью никого не будут убивать.

Трясучка поднял густую бровь.

– И кто сейчас оптимист?

– Повезло вам, что я купила большой дом. – Монца остановила взгляд на мужчине с рукой на перевязи, поскольку он казался главой семьи. – Места всем хватит.

Тот нерешительно опустил палку.

– Мы фермеры из долины, искали, где бы укрыться. В доме все так и было, когда пришли, мы ничего не украли. И мешать вам не будем…

– Уж пожалуйста. Здесь только вы, никого больше?

– Меня звать Фарли. Это моя жена…

– Мне ваши имена без надобности. Оставайтесь тут, внизу, только не путайтесь под ногами. И наверх не суйтесь, там мы поселимся. Ясно? Тогда никто никого не обидит.

Он кивнул, и страх в его глазах сменился облегчением.

– Ясно.

– Балагур, отведите лошадей в конюшню. И фургон уберите с улицы.

При виде жалких лиц этих фермеров, беспомощных, нищих, не знающих, на что надеяться, на душе у Монцы сделалось совсем тошно. Оттолкнув ногой с дороги сломанный стул, она начала подниматься по темной лестнице, с трудом переставляя одеревеневшие после дня в седле ноги. Близ четвертого этажа ее нагнал Морвир. За ним шли Коска, Витари и Дэй, тащившая сундучок.

Морвир нес с собой фонарь, и лицо его, подсвеченное снизу, казалось удрученным.

– Эти крестьяне для нас определенно опасны, – сказал он. – Впрочем, проблема легко решается. Король ядов в данном случае не нужен. Милостынька в виде краюхи хлеба, сдобренной леопардовым цветком, и больше они нам…

– Нет.

Морвир захлопал глазами.

– Если вы намерены предоставить им полную свободу там, внизу, я вынужден заявить решительный протест…

– Никаких протестов. Решаю я. Вы с Дэй можете занять эту комнату. – Он повернулся к двери, и Монца выхватила у него из руки фонарь. – Коска, вы с Балагуром – на втором этаже. Вы, Витари, получается, спите одна на третьем.

– Сплю одна. – Та отшвырнула ногою в сторону валявшийся на полу кусок штукатурки. – Трагедия всей моей жизни.

– Что ж, спущусь в фургон в таком случае и принесу свой багаж в гостиницу Палача Каприле для бездомных крестьян. – Морвир неприязненно покачал головой и зашагал вниз.

– Давно пора, – рявкнула ему в спину Монца.

Она помешкала на площадке, прислушиваясь к его шагам, пока те не затихли вдали и пока на всей лестнице не воцарилась тишина, не считая доносившегося со второго этажа голоса Коски, болтавшего о чем-то с Балагуром. Тогда она вошла в комнату к Дэй и тихонько прикрыла за собой дверь.

– Надо поговорить.

Девушка в этот миг, открыв сундучок, вынимала из него ломоть хлеба.

– О чем?

– О том же, о чем мы говорили в Вестпорте. О твоем нанимателе.

– Занудством своим замучил, да?

– Только не говори, что тебя не мучает.

– Каждый день, вот уже три года.

– Нелегко на него работать, думаю. – Монца, глядя ей в глаза, шагнула ближе. – Рано или поздно всякий ученик выходит из тени своего учителя. Если, конечно, хочет стать учителем сам.

– Поэтому вы предали Коску?

Монца чуть замешкалась с ответом.

– И поэтому тоже. Иногда человек должен идти на риск. Ставить на карту все. И у тебя для подобного шага, надо заметить, причины куда весомей, чем были у меня, – она сказала это таким тоном, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

Теперь замешкалась Дэй.

– Что за причины?

Монца притворилась удивленной.

– Так ведь… рано или поздно Морвир предаст меня и переметнется к Орсо. – Уверенности в этом у нее, конечно, не было, но отчего бы и не оградить себя заранее от такой возможности?

– Вот как? – Дэй больше не улыбалась.

– Ему не нравятся мои действия.

– Кто вам сказал, что они нравятся мне?

– Неужели ты не понимаешь?

Дэй с хлебом в руке, забыв в кои-то веки о еде, настороженно прищурилась.

– Чтобы переметнуться к Орсо, ему понадобится на кого-то переложить вину. За смерть Ариo. Найти козла отпущения.

Наконец она поняла.

– Нет, – возразила сердито. – Я ему нужна.

– Сколько ты при нем? Три года, говоришь? До этого он ведь как-то без тебя справлялся? И сколько у него помощников было? Ты видишь поблизости хоть одного?

Дэй открыла рот, похлопала глазами, закрыла его. Вид у нее стал задумчивый.

– Может быть, конечно, никуда он не уйдет, мы дружно завершим дело и расстанемся по-приятельски. Отравители частенько оказываются славными людьми, коли узнаешь их получше. – Монца подалась вперед, понизила голос до шепота: – Только, когда он скажет тебе, что уходит к Орсо, не говори, что я тебя не предупреждала.

И, оставив насупившуюся Дэй с куском хлеба, она тихо выскользнула за дверь и прикрыла ее за собой легким прикосновением пальцев. Поглядела на лестницу, но Морвира там

не увидела, лишь перила, уходящие в темноту. Кивнула сама себе. Семечко посажено, остается ждать, что из него вырастет.

Кое-как переставляя усталые ноги, поднялась на верхний этаж, в комнату под самой крышей, по которой чуть слышно барабанил дождь.

В комнату, где некогда они с Бенной провели счастливый, светлый месяц, выкроенный из череды темных лет. Вдали от войны. Смеялись, болтая без умолку, любуясь видом города из окна. Жили той жизнью, какая могла бы у них быть, не посвяти они себя войнам и умудрись неведомым образом разбогатеть. Монца невольно улыбнулась. В нише над дверью так и стояла маленькая стеклянная статуэтка. Их собственный домашний дух. Ей вспомнилась улыбка Бенны в тот миг, когда он подталкивал фигурку вглубь кончиками пальцев.

«Будет присматривать за тобой, когда спишь, как ты всю жизнь за мной присматривала».

Монца перестала улыбаться. Подошла к окну, потянула на себя облупившийся ставень. Спящий город был укрыт серой завесой дождя, который тут же застучал по подоконнику. Сверкнула молния вдали, высветив на миг мокрые крыши внизу, темные силуэты других башен. Потом над городом глухо и сердито зарокотал гром.

– Где сплю я? – В дверях возник Трясучка с одеялом, перекинутым через плечо, держась одной рукою за косяк.

– Ты?

Монца снова посмотрела на стеклянную статуэтку в нише у него над головой, опустила взгляд на Трясучку. Может, она и была разборчивой когда-то, давным-давно, но тогда у нее был Бенна, и две руки, и войско за спиной. Теперь за спиной не имелось ничего, кроме шестерых дорогостоящих неудачников, доброго меча да кучи денег. Может, командиру и следует держаться на расстоянии от солдат, а женщине, которую ищут, – на расстоянии ото всех, но она больше не военачальник. Бенна умер, а ей кое-что требуется. Некоторые плачут над своими несчастьями, некоторые собираются с силами и начинают жить заново, каким бы дерьмом эта жизнь ни выглядела. Она локтем закрыла ставень, присела, морщась, на скрипучую старую кровать и поставила фонарь на пол.

– Здесь, со мной.

– Здесь? – Он вскинул брови.

– Да, оптимист. Нынче тебе везет. – Монца оперлась на локти и вытянула в его сторону ногу. – Давай уже закрой дверь и помоги мне снять эти долбаные сапоги.

Крысы в мешке

Выйдя на крышу башни, Коска прищурился. Ему на муки, казалось, был создан даже солнечный свет, но, видимо, он это заслужил. Вокруг раскинулся Виссерин – мешанина из деревянных и кирпичных домишек, каменных особняков кремового цвета, зеленых древесных крон, видневшихся в тех местах, где разбиты были парки и пролегали широкие проспекты. В лучах утреннего солнца сияли, как драгоценные камни, окна и статуи из цветного стекла, установленные на крышах богатых домов. И всюду, отбрасывая длинные тени поверх нагромождения крыш, торчали башни, некоторые – намного выше той, где стоял Коска.

На юге в серо-голубом небе клубился дым – еще работали знаменитые стекольные мастерские, расположенные на острове близ берега, и кружили над морем чайки, казавшиеся отсюда крохотными пятнышками. На востоке блестящей темной змеей вилась между домов, разделяя город на две части, соединенные четырьмя мостами, река Виссер. На островке среди реки стоял дворец великого герцога Сальера. Там Коска провел немало приятных вечеров, будучи почетным гостем знаменитого знатока искусств и гурмана. Когда сам еще был любим, внушал восхищение и страх. Так давно, что теперь казалось, будто это было вовсе не с ним.

Возле зубчатого парапета на фоне голубого неба неподвижно стояла Монца. Меч ее и вытянутая левая рука составляли единую прямую линию от плеча до кончика клинка. Ярко сияла сталь, лучился кровавым светом рубин на пальце, блестела кожа от пота. Безрукавка прилипла к разгоряченному телу. Коска подошел ближе, поднес ко рту винный кувшин, невозмутимо сделал большой глоток, и Монца опустила меч.

– Все гадала, долго ли ты продержишься.

– Это всего лишь вода, как ни жаль. Разве ты не слышала моей торжественной клятвы никогда больше не прикасаться к вину?

Она фыркнула:

– Много раз, только проку было мало.

– Я медленно и мучительно исправляюсь.

– И это слышала, а проку видела еще меньше.

Коска вздохнул:

– Что должен сделать человек, чтобы его восприняли всерьез, наконец?

– Может, хотя бы раз в жизни сдержать слово?

– О, мое хрупкое сердце, разбитое в прошлом не единожды! Выдержит ли оно такой удар? – Он водрузил ногу на зубчатый парапет рядом с Монцей. – Знаешь, я ведь родился в Виссерине, всего за несколько улиц отсюда. Счастливое детство, увы, сменилось бурной юностью, полной нечестивых приключений. Одно из которых и вынудило меня бежать из города и пытать счастья в качестве наемника.

– Вся жизнь твоя полна таких приключений.

– И то правда. – Приятных воспоминаний у него и в самом деле было немного. И большинство их, как понял Коска сейчас, бросив взгляд на Монцу, было связано с ней. Большинство лучших мгновений его жизни и… самое худшее. Он коротко вздохнул и, приложив к глазам руку, посмотрел на запад, где за серой городской стеной начиналось лоскутное одеяло полей. – Не видать еще наших талинских друзей?

– Скоро будут. Генерал Ганмарк не из тех, кто опаздывает на поле битвы. – Она сделала паузу, хмурясь, как всегда. – Когда ты собираешься сказать то, что говорил мне как-то раз?

– Что именно?

– Насчет Орсо.

– Ну, это ты и так знаешь.

– «Никогда не доверяй своему нанимателю». – То был урок, полученный им от герцогини Сефелины Осприйской и дорого ему стоивший. – Сейчас жалованье тебе плачу я.

Коска заставил себя улыбнуться, несмотря на боль в растрескавшихся губах.

– Но ведь наша подозрительность в совместных делах всегда на высоте.

– Конечно. Я тебе дерьмо свое не доверю сбросить в реку.

– Экая досада. Твое дерьмо наверняка пахнет розами. – Он прислонился к парапету, посмотрел, щурясь, на солнце. – Помнишь, как мы, бывало, фехтовали по утрам? До того, как ты стала слишком хороша.

– До того, как ты стал слишком много пить.

– Но ведь тогда я уже не мог фехтовать как следует, не так ли? Всему есть предел, в том числе и желанию человека позориться перед завтраком. Это Кальвец у тебя?

Она подняла меч, и по клинку пробежало солнечное сияние.

– Заказывала его для Бенны.

– Бенны? И на кой хрен ему нужен был Кальвец? Вместо вертела использовать и печь на нем яблоки?

– Он и этого в свое время не делал.

– Был у меня тоже… чертовски хороший меч. Проиграл его в карты. Пить хочешь? – Коска поднял кувшин.

Монца протянула руку.

– Давай…

– На!

Он плеснул ей водой в лицо, она вскрикнула, отшатнулась. Коска выхватил из ножен свой меч и, отшвырнув кувшин, ринулся в атаку. Первый выпад Монца умудрилась парировать, от второго кое-как ушла, поскользнулась, упала и едва успела откатиться, как клинок его лязгнул о свинец крыши в том месте, где она только что была. Вскочила на ноги, пригнулась, держа Кальвец наготове.

– Сдаешь, Меркатто, – хохотнул Коска, проходя в центр крыши. – Десять лет назад тебя не сбила бы с ног какая-то тухлая вода.

– Я не из-за этого упала, дурак. – Не сводя с него пристального взгляда, она вытерла рукой в перчатке лоб. С волос у нее капало. – Ты еще чему-нибудь успел научиться или вода в лицо – вершина твоего мастерства?

Этим она, пожалуй, и была, по правде говоря.

– Отчего бы нам не проверить?

Она прыгнула вперед, клинки скрестились с лязгом и звоном. На голом правом плече ее Коска заметил длинный шрам. И еще один – близ кисти, который отчасти скрывала черная перчатка.

Он махнул в сторону этого шрама мечом.

– Левой рукой сражаешься? Надеюсь, не из жалости к старику?

– Жалости? Думала, ты знаешь меня лучше.

Один удар он отбил, но второй последовал так быстро, что Коска едва успел увернуться, отделавшись прорехой в куртке, оставленной ее клинком.

Вскинул брови.

– Хорошо, я малость сбросил вес в последнем запое.

– Не мешало бы еще сбросить, на мой взгляд. – Монца, прикусив зубами кончик языка, двинулась вокруг него.

– Хочешь встать спиной к солнцу?

– Нечего было учить меня грязным трюкам. Может, левой поработаешь, чтобы немного уравнять силы?

– И лишиться преимущества? Думал, ты знаешь меня лучше!

Коска сделал обманное движение вправо, ушел влево, и клинок ее проткнул пустоту. Она была проворней, конечно, но левой рукой действовала далеко не так быстро, как правой. Топнув по ноге Монцы, он снова чуть не опрокинул ее и, улучив момент, кончиком клинка прочертил легкую царапину поперек шрама у нее на плече, превратив его в крест.

Она взглянула на порез, в конце которого выступила капелька крови.

– Мерзавец старый.

– Так, мелочь… на память обо мне.

Красуясь, он описал мечом круг, хлестнул им воздух. Она сделала выпад, и клинки их вновь залязгали, сходясь, рубя, парируя. С той же ловкостью, с какою можно было бы шить в перчатках. Когда-то на них специально приходили посмотреть, но, похоже, время не пощадило обоих.

– Один вопрос… – Он заглянул ей в глаза. – Почему ты меня предала?

– Устала от твоих идиотских шуточек.

– Я это заслужил, конечно. Каждого наемника поджидает предательский удар, в грудь или в спину. Но от тебя?.. – Он сделал колющий выпад, сопроводил его рубящим, заставив ее шарахнуться назад, морщась. – После всего, чему я тебя научил… всего, что дал тебе, – защиту, деньги, общество равных?.. Ты была для меня как родная дочь!

– Мать, скорее. Ты напивался так, что гадил в штаны. Я была перед тобой в долгу, но всему есть предел. – Она вновь двинулась вокруг него, сохраняя расстояние между кончиками мечей не более чем в толщину пальца. – Я бы отправилась за тобой в ад, но не хотела брать туда своего брата.

– Почему? Ему там было самое место.

– Заткнись, дерьмо! – Она обманула его финтом, сменила угол атаки, и ему пришлось отпрыгнуть назад – с изяществом полудохлой жабы. Он уже и забыл, какого труда требует фехтование. Легкие горели, руку от плеча до кисти нестерпимо ломило. – Не я, так кто-нибудь другой сделал бы это… Сезария! Виктус! Эндиш! – Каждое ненавистное имя сопровождалось резким выпадом и лязгом меча о меч. – Они из кожи вон лезли, лишь бы избавиться от тебя в Афиери!

– Не говори мне об этом проклятом месте!

И, парировав следующий удар Монцы, он перешел в атаку с почти былой мощью, загоняя ее в угол крыши. Понимал, что должен закончить бой раньше, чем умрет, выдохшись. Сделал выпад, поймал ее меч своим. Под скрежет сцепившихся эфесов опрокинул ее спиной на зубчатый парапет, увидел улицу далеко внизу за ее головой. Лица их оказались так близко, что он ощутил на щеке ее прерывистое, горячее дыхание. И чуть не поцеловал ее… и чуть не столкнул с крыши. Не сделал ни того, ни другого лишь потому, видимо, что не мог понять, чего ему хочется больше.

– С правой рукой ты была лучше, – прохрипел он.

– А ты был лучше десять лет назад.

Она выскользнула из-под его меча, и невесть откуда взявшийся мизинец руки в перчатке ткнул Коске в глаз.

– И-и-и! – завизжал он, схватившись свободной рукой за лицо. В следующий миг в промежность ударило колено, и боль пронзила его молнией от низа живота аж до шеи. – А-а-а… – Он выронил клинок и скорчился, не в силах вздохнуть.

– Так, мелочь… на память обо мне. – Следом кончик ее меча оставил у него на щеке жгучую царапину.

– Ох!

Он медленно осел на крышу. Снова оказавшись на коленях. С которых, видно, и вставать на самом деле не стоило…

До слуха со стороны лестницы донеслись чьи-то аплодисменты.

– Витари… – прохрипел Коска, когда она вышла на солнце и оказалась перед ним. – И почему ты… вечно застаешь меня… в самые унизительные моменты моей жизни?

– Нравится мне это, вот почему.

– Суки… счастья своего не понимаете… вам такой боли никогда не испытать…

– А ты роди попробуй.

– Заманчивое предложение… не будь у меня отбито необходимое место… непременно поймал бы тебя на слове…

Но, как с ним часто бывало, попытка остроумия пропала втуне. Витари напряженно уставилась куда-то вдаль, за зубчатый парапет, и Монца тоже. Коска кое-как поднялся на ноги. С видневшегося в просвете между двумя башнями холма с западной стороны города спускалась длинная колонна всадников, и по небу бурым облаком расползалась пыль, поднятая конскими копытами.

– Вот они, – сказала Витари.

Где-то в городе зазвонил колокол, потом еще один и еще.

– И вот, – сказала Монца.

Появилась вторая колонна. Над холмом с северной стороны заколыхался столб дыма.

Солнце поднималось все выше, припекая увеличивающуюся с годами лысину Коски и покрывая ее, несомненно, полезным для здоровья загаром, покуда он смотрел, как на полях за городом разворачиваются войска герцога Орсо. Полк за полком без суеты занимали свои позиции, оставаясь на недосягаемом для стрелы расстоянии от стен. На севере перебрался через реку большой отряд и замкнул кольцо окружения. Пехоту, покуда та выстраивалась аккуратными шеренгами, прикрывала конница, потом она отошла, намереваясь, видимо, приступить к уничтожению всего, что осталось по недосмотру уцелевшим во время прошлого похода.

Затем прибыл обоз, и на вытоптанной земле позади боевого строя начали появляться ряды телег и палаток. Защитникам города только и оставалось, что смотреть, как талинцы вокруг него окапываются – размеренно и методично, подобно колесикам единого механизма гигантских часов. Совершенно не в духе Коски, даже когда тот бывал трезвым. Строгий инженерный расчет и никакого артистизма, и все же подобная организованность не могла не вызывать восхищения.

Коска широко раскинул руки.

– Добро пожаловать, всяк и каждый, на осаду Виссерина!

На крыше к тому времени собрались и все остальные поглядеть, как Ганмарк зажимает город в тиски. Монца с угрюмым лицом и развевающимися на ветру черными волосами стояла, упершись левой рукою в бедро, держа бессильную правую на рукояти меча. Трясучка рядом с Коской бросал по сторонам хмурые взгляды из-под насупленных бровей. Балагур, сидя у двери на лестницу, без устали катал кости. Витари и Дэй обсуждали что-то, стоя поодаль, у парапета. Вышел и Морвир, с видом еще кислее обычного, если это, конечно, было возможно.

– Неужто ваше чувство юмора сдалось перед такой мелочью, как осада? Не падайте духом, друзья мои! – Коска дружески шлепнул Трясучку по могучей спине. – Не каждый день случается видеть столь огромную и столь хорошо организованную армию! Впору поздравить друга Монцы, генерала Ганмарка с его исключительной выдержкой и умением наводить порядок. Может, письмо ему напишем?

– Мой дорогой генерал Ганмарк, – сказала сквозь зубы Монца и сплюнула на парапет. – Всегда ваша Монцкарро Меркатто.

– Послание незамысловатое, – заметил Морвир, – но он его, конечно, оценит.

– Сколько ж там солдат… – проворчал Трясучка.

От двери донесся тихий голос Балагура:

– Тринадцать тысяч четыреста. Примерно.

– В основном, талинская гвардия. – Коска взмахнул подзорной трубой. – Несколько полков от союзников Орсо – вон, видите флаги Этризани на правом крыле, ближе к реке? И еще несколько от Сезале в центре. Все, однако, регулярные войска. А наших старых товарищей, Тысячи Мечей, не видать. Досадно. Неплохо было бы возобновить кое с кем дружеские отношения, правда, Монца? С Виктусом, Сезарией, Эндишем. Ну и, конечно, с Карпи Верным.

Возобновить… и отомстить старым друзьям.

– Наемники встанут дальше, на востоке. – Монца резким кивком указала за реку. – Будут отгонять герцога Рогонта с осприйцами.

– Великая забава для всех участников!.. Но мы, так уж получилось, здесь. А генерал Ганмарк, – Коска махнул рукой в сторону кишевших за городскими стенами солдат, – предположительно, там. Как нам счастливо воссоединиться с ним? У тебя, наверное, есть план?

– Ганмарк – человек образованный. Любит живопись.

– И что? – спросил Морвир.

– У герцога Сальера самая большая коллекция живописи.

– Потрясающая, – вставил Коска, успевший не однажды насладиться ее созерцанием. Во всяком случае, сделать вид, наслаждаясь на самом деле вином.

– По слухам, лучшая в Стирии. – Монца шагнула к парапету, взглянула на дворец Сальера на речном острове. – Как только город падет, Ганмарк ринется сюда, пылая жаждой спасти бесценные полотна от разграбления.

– Присвоить их, – поправила Витари.

Монца тверже сжала челюсти.

– Орсо нужно разделаться с этой осадой побыстрее. Оставить как можно больше времени на то, чтобы уничтожить Рогонта. Покончить уже с Лигой Восьми и заявить свои права на корону до наступления зимы. Это означает штурмы, проломленные стены и кучи трупов на улицах.

– Прелестно! – хлопнул в ладоши Морвир. – Что такое улица, застроенная величавыми зданиями, засаженная изысканными деревьями, если она не усыпана при этом трупами?..

– С мертвецов мы снимем доспехи, форму и оружие. Когда город падет, что случится очень скоро, изобразим из себя талинцев. Проберемся во дворец, и когда Ганмарк, с небольшим количеством охраны, скорей всего, явится спасать коллекцию Сальера…

– Убьем мерзавца! – закончил Трясучка.

Последовала пауза.

– Мне кажется, в этом плане есть один… крохотный недостаток, – начал Морвир, и визгливые интонации его голоса царапнули Коску, словно когти. – Дворец великого герцога Сальера в настоящее время одно из самых тщательно охраняемых мест во всей Стирии. А мы – не в нем. И вряд ли дождемся приглашения.

– Напротив, у меня уже есть. – Все вытаращили на Коску глаза, и на душе у него разом потеплело. – Мы с Сальером были весьма близки несколько лет тому назад, когда он нанял меня уладить кое-какие разногласия с Пуранти. Вместе обедали раз в неделю, и Сальер заверил меня, что я всегда буду у него желанным гостем, когда бы ни оказался в городе.

Лицо отравителя стало похоже на карикатурную маску презрения.

– Это было, случайно, не до того, как вы стали непросыхающим пьяницей?

Коска отмахнулся небрежно, но про себя скрупулезно занес очередное оскорбление в растущий счет.

– В процессе долгого и приятного становления таковым. Подобно гусенице, превращающейся в бабочку. Как бы там ни было, приглашение остается в силе.

Витари прищурилась.

– И как ты, черт возьми, собираешься им воспользоваться?

– Обратившись к страже у дворцовых ворот и сказав что-нибудь вроде: «Я – Никомо Коска, знаменитый солдат удачи, пришел на обед».

Воцарилось неловкое молчание, словно он предложил не выигрышную идею, а исполинскую кучу дерьма.

– Извини, – пробормотала наконец Монца, – но я сомневаюсь, что твое имя откроет двери, как раньше…

– Разве что в отхожее место. – Морвир с усмешкой покачал головой.

Дэй, глядя в сторону, хихикнула. Даже у Трясучки как-то подозрительно скривился рот.

– Витари и Морвир, – холодно сказала Монца. – Это будет вашим заданием. Понаблюдайте за дворцом и найдите возможность в него пробраться.

Оба взглянули друг на друга без малейшего воодушевления.

– Коска, ты ведь разбираешься в форменной одежде? – спросила она.

Он вздохнул:

– Как никто другой. Каждый наниматель норовит тебя одеть в свою собственную. Помню, глава городского управления Вестпорта выдал мне мундирчик из золотой парчи, удобный, как свинцовая…

– Нам бы лучше что-нибудь менее бросающееся в глаза.

Коска выпрямился и трясущейся рукой отдал честь.

– Генерал Меркатто, во исполнение ваших приказов готов напрячь все силы!

– Не стоит. В твоем возрасте… вдруг надорвешься. Возьми с собой Балагура, когда начнется штурм.

Бывший арестант только пожал плечами и бросил кости в очередной раз.

– Чинно-благородно разденем мертвецов догола! – Коска шагнул было к лестнице, но замер, заметив кое-что в бухте. – К общему веселью присоединился флот герцога Орсо.

На горизонте отчетливо виднелись корабли под белыми парусами, несущими черный крест Талина.

– Еще гости к герцогу Сальеру, – сказала Витари.

– Он – хлебосольный и радушный хозяин, но даже ему, думается, трудновато будет принять такое множество посетителей сразу. Город окружен полностью. – Коска улыбнулся.

– Тюрьма, – сказал Балагур и вовремя сдержал улыбку.

– Мы беспомощны, как крысы в мешке! – взвизгнул Морвир. – А вы словно радуетесь!

– Пять раз я был в осаде и пережил при этом восхитительные ощущения. Ограничение выбора действует удивительно. Заставляет работать разум. – Коска втянул воздух носом и выдохнул его со счастливым видом. – Когда жизнь – тюремная камера, ничто не может сделать тебя более свободным, чем плен.

Опасная вылазка

Огонь…

К ночи Виссерин стал пристанищем пламени и теней. Бесконечным лабиринтом из разбитых стен, обвалившихся крыш, торчащих балок. Кошмарным сном, где слышались бестелесные вопли и неслышно передвигались во тьме призрачные силуэты. Всюду высились остовы домов с зияющими дырами окон и дверей, распахнутых словно бы в немом крике, откуда вырывались огненные языки, жадно облизывая стены. В пламя рушились обугленные стропила, оно тут же принималось пожирать их. В небо взлетали гейзеры белых искр, и черным снегом сыпался оттуда на землю пепел. В городе появились новые башни – изгибающиеся, дымовые, подсвеченные породившим их огнем, затмевающие собой звезды.

– Сколько мы добыли в последний раз? Три?

В глазах Коски плясало отражение уличного пожара.

– Три, – прохрипел Балагур.

Добыча лежала в сундуке у него в комнате. Две кирасы, одна с квадратной дыркой, оставленной арбалетной стрелой, и мундир, снятый с юного лейтенанта, которого придавило рухнувшей печной трубой. Жаль парнишку, но с другой стороны, думал Балагур, это ведь его соратники рассеяли огонь по всему городу.

У осаждающих были катапульты, пять на западном берегу реки, три на восточном. Имелись они и на двадцати двух белопарусных кораблях в гавани. В первую ночь Балагур не спал до рассвета, наблюдая за их действием. В город забросили сто восемнадцать горящих метательных снарядов. Где-то пламя разрасталось, где-то выгорало и гасло, где-то очаги его сливались друг с другом, и сосчитать их поэтому было невозможно. Цифры покинули Балагура, оставили его, испуганного, в одиночестве. Понадобилось всего шесть коротких дней и трижды две ночи на то, чтобы мирный Виссерин превратился в руины.

Единственной нетронутой частью города остался остров посреди реки, где стоял дворец герцога Сальера. Там находились картины, по словам Меркатто, и другие ценные вещи, которые Ганмарк, предводитель армии Орсо, человек, коего они явились сюда убить, желал спасти. Он готов был сжигать дома без счета и людей, в них проживающих, без счета. По его приказу кровь лилась днем и ночью. Но эти мертвые, нарисованные предметы трогать было нельзя. По

мнению Балагура, такого человека следовало посадить в Схрон. Чтобы в мире за стенами узилища стало безопасней. А вместо этого ему повиновались, им восхищались, и мир пламенел пожарами. Казалось, все неправильно, все перевернуто с ног на голову. Но, возможно, Балагур и впрямь не умел отличать правильное от неправильного, как сказали судьи.

– Готов?

– Да, – соврал Балагур.

Коска сверкнул широчайшей улыбкой:

– Тогда вперед, к бреши, еще разок, дорогой друг! – и потрусил по улице, одной рукой придерживая меч, другой шляпу на голове.

Балагур сглотнул комок в горле и поспешил следом, беззвучно шевеля губами. Считая свои шаги. Все равно было, что считать, лишь бы не виды смерти, его подстерегавшей.

И чем ближе подходили они к западному краю городу, тем хуже становилось. Все больше языков пламени вздымалось к небесам со всех сторон – ужасающих в своем великолепии демонов, с ревом и треском вгрызающихся в ночь, опаляющих глаза своим жаром, заставляющих плакать. Хотя Балагур, возможно, и без того плакал бы, глядя, как огонь уничтожает все кругом. Если тебе нужна какая-то вещь, зачем ее сжигать? А если не нужна, зачем сражаться ради того, чтобы отобрать ее у другого? В Схроне люди тоже умирали. Часто умирали. Но ничего не уничтожали при этом. Слишком мало было там вещей, чтобы их разрушать. И дорога была каждая.

– Чертов гуркский огонь! – ругнулся Коска, когда они обходили очередной полыхающий дом. – Десять лет назад никому и не снилось, что его можно использовать как оружие. Потом с его помощью превратили в груды пепла Дагоску, пробили бреши в стенах Агриона. А сейчас не успели город осадить – и давай все жечь… В мое время мы тоже не прочь были спалить дом-другой, просто чтобы поторопить события, но ничего подобного не творили. Война велась ради денег, и некоторый наносимый ущерб был прискорбным побочным эффектом. А теперь ее ведут именно ради разрушения, и чем более основательного, тем лучше. Все наука, друг мой, наука… Которая должна была, как я думал, сделать нашу жизнь легче…

Мимо топала цепочка черных от копоти солдат, чьи доспехи поблескивали оранжевым отражением огня. Суетилась возле горящего дома цепочка черных от копоти горожан, передававших из рук в руки ведра с водой. На лицах их плясали отсветы этого негасимого пламени, делая их похожими на злых духов, рыщущих в душной ночи. На полуразрушенной стене дома виднелась огромная фреска. Герцог Сальер, закованный в броню, сурово указующий путь к победе. Он наверняка и флаг держал, подумал Балагур, но верхняя часть стены обвалилась, а вместе с нею и поднятая рука. Из-за игры огненных сполохов казалось, будто нарисованное лицо его кривится, нарисованные губы двигаются, а нарисованные вокруг солдаты бросаются вперед, к бреши.

Когда Балагур был молод, в Схроне, в двенадцатой камере по его коридору, сидел старик, который взялся как-то рассказывать байки о далеком прошлом. О временах еще до Старых времен, когда этот мир и нижний были единым целым и по земле свободно разгуливали демоны. Заключенные над ним смеялись, Балагур – тоже, поскольку в Схроне благоразумие требует делать все, что делают остальные, и не выделяться. Но позже, когда никого рядом не было, он все же подошел к старику и спросил, сколько в точности лет прошло с тех пор, как Эус запечатал врата, лишив демонов возможности выбираться на землю. Старик этого не знал. Сейчас Балагуру казалось, что обитатели нижнего мира прорвались-таки через врата и хлынули в Виссерин, неся за собою хаос.

Они торопливо миновали горящую башню, сквозь пробитую крышу которой пламя вырывалось вверх, делая ее похожей на гигантский факел. Балагур обливался потом, кашлял, снова обливался потом. Во рту у него было бесконечно сухо, в горле бесконечно саднило. Руки почернели от сажи.

В конце улицы, заваленной битым камнем, замаячили зубчатые контуры городской стены.

– Приближаемся! Не отставайте!

– Да… я… – только и смог прохрипеть Балагур, задыхаясь в дыму.

Навстречу им, осторожно пробиравшимся по узкой улочке, озаренной трепещущим красноватым светом, заваленной битым камнем, хлынул приливною волной шум битвы. Лязг и скрежет стали, яростный ор многих голосов. Звуки, которыми полнился однажды Схрон во время великого бунта, покуда шестеро самых опасных заключенных – в том числе Балагур – не решили, что пора остановить это безумие. Кто бы остановил безумие здесь?..

Раздался грохот, как при землетрясении, ночное небо полыхнуло красным сиянием. Коска, пригнувшись, метнулся за обгоревшее дерево, припал к стволу. Балагур притаился рядом. В ушах у него так громко отдавался стук сердца, что почти заглушал шум битвы, который все усиливался.

Шагов сто оставалось от этого места до бреши – рваного пятна мрака среди защитной стены, откуда валом валила в город талинская армия. Словно в кошмарном сне, по россыпи битого камня ползли муравьями солдаты – вниз, к выжженной дотла площади, где, верно, шло поначалу, после первого штурма, организованное сражение, которое превратилось теперь в хаотичную, яростную схватку между защитниками, укрывавшимися за баррикадами на краю площади, и захватчиками, к которым вновь и вновь подходили через брешь свежие силы, чтобы пополнить через несколько мгновений бессмысленного боя число мертвецов.

Над свалкой сверкали лезвия топоров и мечей, мелькали копья и пики, трепыхались рваные флаги. Во все стороны летели стрелы, пущенные защитниками из-за баррикад, талинцами из-за стены, неведомо кем с разрушенной башни возле бреши. На глазах у Балагура сверху от стены отвалился огромный кусок каменной кладки и рухнул в людской круговорот, проделав в нем изрядную прореху. Сотни людей сражались и умирали в адском свете факелов, метательных снарядов, горящих зданий. Балагуру не верилось, что это происходит на самом деле. Казалось, перед ним живая сцена, выстроенная художником, решившим написать батальное полотно.

– «Брешь в стене Виссерина», – пробормотал он себе под нос, сделав из рук рамку и представив себе эту картину висящей на стене в гостиной какого-нибудь богача.

Для двух человек, собирающихся убить друг друга, существует определенная последовательность действий. Для нескольких человек тоже. Даже для дюжины… И в подобных ситуациях Балагура ничто не смущало. Следуй установленному порядку, и, если ты сильней, быстрей и сообразительней, выйдешь из боя живым. Но здесь никакого порядка не было. Бессмысленная свалка. Поди узнай, в какой момент тебя нечаянно толкнут сзади, и ты окажешься на пике. Случайность на случайности. Можно ли предвидеть стрелу, пущенную из лука или арбалета, или камень, упавший сверху? Угадать, с какой стороны приближается смерть, и увернуться от нее? Это походило на азартную игру, где ставка на кону – твоя жизнь. Игру, которую в конечном итоге – как в Доме досуга Кардотти – ты можешь только проиграть.

– Похоже, жарко тут у них! – крикнул ему в ухо Коска.

– Жарко?

– Бывал я, правда, и в схватках пожарче! Брешь в Мурисе походила на двор скотобойни, когда мы закончили.

Голова у Балагура кружилась, и он с трудом заставил себя выговорить:

– Вы тоже… вот так?..

Коска небрежно отмахнулся.

– И не раз. Только это быстро надоедает, если ты не сумасшедший. Может, оно и кажется забавой, но нормальному человеку в такой свалке не место.

– Как они различают, где враг? – прохрипел Балагур.

На черном от копоти лице Коски сверкнула улыбка.

– Да никак обычно. Главное – целиться в правильную сторону и надеяться, что… ой.

От людского водоворота отделилась вдруг волна и хлынула, щетинясь оружием, к улочке, где они прятались. Защитники то были или захватчики, Балагур не понял – они и на людей-то не больно походили. Но, повернувшись, увидел, что навстречу им по той же улочке движется стена копий. Отсветы огня заметались на тусклом металле, на каменных лицах. Не люди – машины для убийства.

– Сюда!

Коска схватил Балагура за руку, толкнул в какую-то дверь в державшемся еще куске стены. Влетев в нее, тот споткнулся, чуть не упал. Не то сбежал, не то соскользнул по огромной куче битого камня куда-то вниз, подняв облако пепла, лег рядом с Коской на живот. Поднял голову. На оставленной ими улочке уже завязался бой. Люди сражались и умирали. Сквозь крики и свирепый рев их, сквозь клацанье металла Балагур расслышал вдруг что-то странное. Бросил взгляд на Коску. Тот, стоя на коленях, трясся всем телом в непонятном веселье.

– Вы смеетесь?

Старый наемник вытер черным от копоти пальцем глаза.

– А что остается?

Они находились в каком-то темном рву, заваленном камнями. Улица? Засыпанный канал? Сточная канава?.. Неподалеку рылись в мусоре люди в лохмотьях. Лежал мертвец лицом вниз, возле которого сидела на корточках женщина, отпиливая ножом с его руки палец с кольцом.

Коска поднялся на ноги, вытянул из ножен клинок.

– Пошла прочь!

– Это наш покойник! – Откуда-то выскочил тощий, косматый оборванец с дубинкой в руке.

– Нет, наш.

Коска поиграл мечом. Сделал шаг вперед, и оборванец, попятившись, чуть не кувыркнулся через обгоревший куст.

Женщина перепилила наконец кость, сорвала кольцо, сунула в карман. Палец швырнула в Коску, выругалась и бросилась вместе со своим напарником наутек.

Старый наемник смотрел им вслед, не убирая меча.

– Это талинец, – сказал Балагуру. – Раздевайте!

Балагур покорно подошел к мертвецу, нагнулся, начал расстегивать доспехи. Снял спинную пластину кирасы. Положил ее в мешок.

– Живей, мой друг, пока эти помойные крысы не вернулись.

Балагур и сам не собирался мешкать, но у него тряслись руки. Почему – он не понимал. Никогда раньше не тряслись. Он стянул с солдата ножные латы, грудную пластину, свалил и их в мешок. Четвертые доспехи. Три плюс один. Добыть еще три, и на каждого будет по одному. Потом они, возможно, сумеют убить Ганмарка, и, кончено, он вернется в Талин, снова будет сидеть у Саджама за карточной игрой, считать монеты… Каким же счастливым казалось сейчас то время!.. Он нагнулся и выдернул из шеи мертвеца арбалетную стрелу.

До него донеслось чуть слышное:

– Помогите…

Почудилось?.. Тут он увидел, что глаза у солдата открыты. Губы шевельнулись.

– Помогите…

– Чем? – шепнул Балагур.

Расстегнул крючки и пуговицы стеганой нижней рубахи, со всей возможной бережностью стянул ее с солдата, стараясь не задеть рукавами кровоточащие обрубки пальцев. Затолкал в мешок, после чего осторожно перекатил его снова лицом вниз, как тот лежал изначально.

– Готово? – Коска указал на выгоревшую изнутри башню, опасно накренившуюся набок. – Может, туда?

– Почему туда?

– А почему бы и не туда?

Балагур не мог сдвинуться с места. Теперь у него тряслись колени.

– Я идти не могу.

– Понимаю, но нам нужно держаться вместе.

Старый наемник повернулся было к башне, но Балагур схватил его за руку. Изо рта потоком хлынули бессвязные слова:

– Я счет забыл! И не могу… не могу думать. На какой цифре мы сейчас остановились? На какой? …я сошел с ума?

– Вы? Нет, друг мой. – Коска улыбнулся и хлопнул Балагура по плечу. – Вы совершенно нормальны. А это… все это… – он сорвал с себя шляпу и взмахнул ею, указывая на творившееся вокруг, – …это – безумие!

Милосердие и трусость

Трясучка стоял у окна, открыв одну створку, и смотрел на горящий Виссерин. Огненный ореол очерчивал с одного боку контуры его темной фигуры. Плясали оранжевые отсветы на упрямой, щетинистой челюсти, могучем плече, мускулистой руке, изгибе бедра, впадинке на голой ягодице. Оконная рама казалась рамой живого портрета.

Будь здесь Бенна, он, разумеется, сказал бы, что в последнее время она многовато рискует. Ну… может, сначала спросил бы, кто этот голый верзила-северянин, и лишь потом заговорил о риске. Отправиться по доброй воле в город, которому грозит осада, где смерть ходит по пятам так близко, что дыхание ее щекочет затылок. Связаться, забыв об осторожности, с мужчиной, которому платишь. Позволить каким-то фермерам остаться в доме… Да, она рисковала. И чувствовала ту пьянящую смесь страха и возбуждения, которая знакома всякому настоящему игроку. Бенне это не понравилось бы. Впрочем, предостережений его она не слушала и тогда, когда он был жив. Поневоле приходится рисковать, если не знаешь, за что схватиться, а Монца всегда умела делать правильный выбор.

Умела, во всяком случае, пока не убили Бенну и не сбросили с балкона ее саму.

Из темноты донесся голос Трясучки:

– Откуда у вас взялся этот дом?

– Брат его купил. Давно.

Ей вспомнилось, как Бенна стоял у окна, щурясь на солнце, поворачивался к ней, улыбался… На миг и ее собственных губ коснулась улыбка.

Трясучка не повернулся. И не улыбнулся.

– Вы с ним дружили? Со своим братом?

– Да, дружили.

– Я со своим тоже. С ним все делались друзьями, кто его знал. Такой уж он был. А потом его убили. Человек по имени Девять Смертей. Убил и приколотил его голову к штандарту.

Монце об этом слушать не хотелось. Перед глазами сразу встало обмякшее лицо Бенны в тот миг, когда его тащили к балкону.

– Кто бы мог подумать, что у нас столько общего? Ты отомстил?

– Хотел. Спал и во сне видел. И возможность была, не один раз. Отомстить Девяти Смертям. Сколько народу желало бы это сделать…

– И что?

Она увидела, как сжались его челюсти.

– В первый раз я спас ему жизнь. Во второй – отпустил. Решил стать хорошим человеком.

– И таскаешься с тех пор по свету, как бродячий торговец, пытаясь всучить милосердие каждому встречному? Спасибо, я не покупаю.

– Да я, кажется, уже не предлагаю. Пытался все это время быть хорошим, добродетельные пути нахваливал… Себя надеялся убедить, что поступил правильно, когда ушел. Разорвал круг. Но неправильно поступил, это точно. Милосердие и трусость – одно и то же, как вы сами говорите. И круг все вертится, сколько ни старайся. Месть… это не ответ на вопрос. Она не сделает мир честнее и солнце ярче. Но она лучше, чем отказ от мести. Намного лучше, черт побери.

– Я думала, ты твердо решил стать последним хорошим человеком в Стирии.

– Я старался поступать правильно, когда мог. Но имя у нас на Севере не дают, пока не сделаешь какое-нибудь черное дело, и я свое сделал. Сражался рядом с Черным Доу и Крумммохом-и-Фейлом, да и с самим Девятью Смертями, коли на то пошло. Видали бы вы зимы там, откуда я родом… – В выражении его лица появилось что-то такое, чего Монца еще не видела. И не ожидала увидеть. – Мне бы хотелось быть хорошим человеком, это правда. Но вам оно не надо, а что надо – я знаю.

Мгновение они молчали, глядя друг на друга. Он – прислонившись к окну, она – лежа на кровати, с подложенной под голову рукой.

– Если ты и впрямь такой ублюдок бессердечный, зачем вернулся за мной? Тогда, к Кардотти?

– Так вы же мне деньги должны.

Всерьез это было сказано или в шутку, она не поняла.

– Согрел сердце, называется.

– А еще – вы единственный друг, которого я нашел в этой чертовой безумной стране.

– При том, что ты мне даже не нравишься.

– Я еще надеюсь, что вдруг понравлюсь.

– Ты знаешь… всякое может случиться.

При свете, проникавшем в окно, она увидела на его лице улыбку.

– Пустили меня к себе в постель. Позволили Фарли со всей семьей остаться в доме. Уж не удалось ли мне все-таки всучить вам толику милосердия?

Монца потянулась.

– Может, внутри этой грубой, но красивой оболочки я по-прежнему маленькая девочка, дочка фермера, которая тоже хочет быть хорошей. Не думал об этом?

– Боюсь, что нет.

– Да и каков выбор на самом деле? Выставить их на улицу – могут начать болтать. Так безопасней, когда они нам чем-то обязаны.

– Безопасней всего – вернуть их в грязь.

– Чего бы тебе тогда не спуститься, убийца, и не обезопасить нас всех? Ничего сложного – для героя, который подавал оружие Черному Лоу.

– Доу.

– Не важно. Штаны только надеть не забудь.

– Я не говорю, что их убить надо или еще что, просто напоминаю. Милосердие и трусость – одно и то же, как я слыхал.

– Я сделаю, что надо, не волнуйся. Всегда делаю. Но я не Морвир. Не стану убивать ради своего спокойствия одиннадцать крестьян.

– Приятно слышать. Из людей, которые в банке умерли, никто вам, кажется, беспокойства не причинял, только тем разве, что один из них был Мофис.

Она нахмурилась.

– В план они не входили.

– Как и гости Кардотти.

– У Кардотти тоже все пошло не по-моему, если ты заметил.

– Еще как заметил. Палач Каприле… так вас называют? А там что произошло?

– То, что надо было сделать. – Ей вспомнились скачка в темноте, тревога, сжавшая сердце при виде дыма над городом. – Делать что-то и получать удовольствие от того, что делаешь, – разные вещи.

– Но приводят к одному и тому же результату, верно?

– Что ты можешь об этом знать? Не припомню, чтобы я тебя там видела. – Она прогнала воспоминание, поднялась с кровати. Безмятежность, дарованная последней трубкой хаски, улетучилась, и Монца вдруг почувствовала себя неловко под его взглядом – совершенно голая, не считая неизменной перчатки на правой руке, с исполосованным шрамами телом. Взглянула на казавшиеся размытыми за пузырчатым стеклом закрытой половинки окна очертания города, башен, полыхавшего тут и там огня. – Я позвала тебя не затем, чтобы ты напоминал мне о моих ошибках. Сама знаю, что до черта их наделала.

– Кто не наделал?.. А зачем вы меня позвали?

– Затем, что питаю страшную слабость к здоровенным парням с куриными мозгами. А ты что думал?

– О, я стараюсь думать поменьше. Вредно это для моих куриных мозгов. Но что-то мне начинает казаться, будто вы вовсе не такая твердокаменная, какой притворяетесь.

– Откуда это? – Она дотронулась до шрама у него на груди. Провела кончиком пальца по неровно зарубцевавшейся коже.

– У каждого из нас были свои раны, думаю. – Он огладил рукою шрам у нее на бедре.

Монца напряглась – от смеси страха и возбуждения, все еще владевших ею, к которым прибавилась толика отвращения.

– У некоторых похуже, чем у других.

– Всего лишь отметины. – Он провел большим пальцем поочередно по всем шрамам на ее ребрах. – Меня они не смущают.

Она сорвала перчатку с изуродованной правой руки и ткнула ею ему в лицо.

– Не смущают?

– Нет. – И руку ее вдруг обхватили его большие ладони, сильные и горячие.

Монца на миг оцепенела. Дыхание перехватило от омерзения, словно она нечаянно застала Трясучку ласкающим мертвое тело. Она хотела было вырвать руку, но тут он начал поглаживать ее ладонь и скрюченные пальцы. До самых кончиков. С удивительной нежностью. Доставляя удивительное удовольствие. Глаза ее сами собой закрылись, рот приоткрылся. Монца распрямила ладонь, насколько это было возможно, вздохнула.

Он придвинулся ближе, и она почувствовала тепло его тела, его дыхание на своем лице. В последнее время вымыться удавалось редко, и от Трясучки пованивало. Изрядно, но не так уж противно. Впрочем, от нее и от самой пованивало. Он потерся шершавой, щетинистой щекой о ее щеку, ткнулся носом ей в нос, потом зарылся лицом в шею. Монца слабо улыбнулась, ощутив легкий озноб – возможно, из-за ветра, задувавшего в открытое окно, несущего запахи пожара.

Одной рукой удерживая по-прежнему ее изуродованную руку, другою он снова огладил ее бедро. Добрался до груди, потеребил сосок. Монца дотронулась до его члена, уже готового, твердого, подняла ногу, сбив при этом пяткой со стены часть расслоившейся штукатурки, положила на подоконник. Рука его тут же оказалась меж ее широко расставленными теперь ногами.

Она легонько потянула его за ухо, разворачивая лицом к себе, пальцем раздвинула губы, скользнула языком в рот. Чувствовался привкус дешевого вина, которое они пили вместе, так что и у нее во рту он наверняка остался. Но кого это дерьмо волнует, в самом-то деле?..

Монца притянула его к себе, прижалась крепче. Не думая сейчас ни о своем мертвом брате, ни об искалеченной руке, ни об осаде города, ни о курении, ни о людях, которых должна

убить. В мире остались лишь его руки и ее, его член и ее вагина. Не слишком много, быть может, но то, что нужно.

– Давай… трахни меня, – выдохнула она ему в ухо.

– Да, – хрипло отозвался он, подхватил ее под колени, опрокинул на кровать.

Та заскрипела, когда Монца задвигалась, освобождая для него место. Он встал на колени меж ее раздвинутых бедер, поглядел на нее, свирепо скалясь. Она ответила таким же оскалом, страстно желая продолжения. Почувствовала, как заскользил по ляжкам, то по одной, то по другой, кончик его члена в поисках входа.

– Где, черт…

– Ох уж эти северяне – на стуле сидя, собственной задницы не найдут.

– Я не задницу свою ищу.

– Дай-ка… – Приподнявшись на локте, она взялась за его член и помогла попасть в нужное место.

– Ох.

– Ох, – передразнила Монца. – Вот она где.

– Ага. – Он задвигал бедрами, входя с каждым толчком глубже. – Вот… она… где. – Зарылся пальцами в поросль внизу ее живота, принялся ласкать.

– Легче! – Монца отбросила его руку, положила на ее место собственную. – Не орехи колешь, дурак.

– Твой орех – твое дело, понял. – Он наклонился над ней, чтобы упереться руками в кровать, член выскользнул, но она тут же поместила его обратно. И оба задвигались в поисках единого ритма, постепенно прилаживаясь друг к другу.

Монца глаз не закрывала и видела в тусклых отсветах огня, бушевавшего за окном, что он тоже на нее смотрит. Скалясь, как она, так же тяжело дыша. Он потянулся к ее губам, но, когда она приподнялась навстречу, отодвинулся, не дав себя поцеловать, и дразнил ее так до тех пор, пока она не уронила голову на подушку, охваченная сладостным содроганием.

Потом провела искалеченной рукой по его спине, добралась до ягодиц, стиснула одну, чувствуя, как та напрягается и расслабляется все быстрее и быстрее. Под влажные шлепки разгоряченных тел друг о друга скользнула пальцами глубже, меж ягодиц. Снова подняла голову, укусила его за губу, он куснул ее в ответ, зарычав. Монца зарычала тоже. Он опустился на один локоть и свободной рукою принялся тискать ее грудь, крепко, до боли.

Кровать скрипела все яростней. Монца закинула ноги ему на спину. Его рука скользнула ей в волосы, прошлась по монетам под кожей, потянула голову вверх. Губы их встретились, и Монца всосала в рот его язык, покусывая, облизывая. Они осыпали друг друга жадными, глубокими, беспорядочными поцелуями – не похожими на поцелуи. Палец Монцы погрузился меж его ягодиц еще глубже.

– Что за хрень!

Он так резко поднялся на руках, выйдя из нее, словно она ударила его по лицу. И замер – напряженно и неподвижно. Монца отдернула руку.

– Да ладно, – прошипела. – Ты не стал от этого меньше мужчиной. Но твоя задница – твое дело. Буду держаться подальше, раз…

– Да я не про то. Вы слышали?..

Она не слышала ничего, кроме собственного хриплого дыхания. И подалась к нему снова.

– Давай… никого там нет, кроме…

Дверь с треском распахнулась, брызнули во все стороны щепки от выломанного замка. Трясучка, путаясь в одеяле, скатился с кровати. Монца, которую ослепил внезапный свет фонаря, увидела лишь, как блеснули чьи-то доспехи и взметнулся меч. Услышала глухой металлический стук и крик.

Трясучка грохнулся на пол. В лицо ей брызнуло несколько капель крови. В руке мгновенно оказалась рукоять Кальвеца. В правой, увы, никчемной… которая в силу привычки успела вытянуть его на несколько дюймов из ножен.

– Не надо этого делать.

На Монцу направила взведенный арбалет шагнувшая через порог женщина с круглым миловидным лицом и гладко забранными назад волосами. Стоявший над Трясучкой мужчина с мечом выпрямился, тоже повернулся к Монце. Лица его она так и не разглядела, лишь контуры доспехов и шлема. В комнату, громко топая, ввалился еще солдат с фонарем в одной руке и сверкающим топором в другой. Она разжала скрюченные пальцы, Кальвец, наполовину вытащенный из ножен, упал на пол.

– Так-то лучше, – сказала женщина.

Трясучка застонал и, щурясь от яркого света, попытался подняться. По лицу его текла кровь из неглубокой раны на голове. Ударили, видать, плашмя, не острием меча. Солдат с топором шагнул к нему и несколько раз прошелся сапогом по ребрам, заставив скорчиться с рычанием у стены. Тут появился третий с какой-то скомканной курткой, перекинутой через руку.

– Вы здесь, капитан Лангриер?

– Нашли что-то? – спросила женщина, передавая ему арбалет.

– Вот… и еще несколько таких же.

– Похоже на талинскую форму. – Она взяла у него куртку, показала Монце. – И что вы об этом скажете?

Потрясение той, вызванное неожиданным вторжением, сменилось леденящим страхом. Солдаты Сальера. Мысли ее были настолько заняты Ганмарком и войсками Орсо, что места для другой стороны не оставалось. Теперь, однако, деваться было некуда… Ей вдруг захотелось выкурить еще трубочку, да так сильно, что даже затошнило.

– Это не то, о чем вы думаете, – через силу прохрипела Монца, остро сознавая, что сидит перед ними совершенно голая и всем ясно, чем она только что занималась.

– А вы знаете, о чем я думаю?

В дверях появился еще один солдат, с длинными вислыми усами.

– Там в одной комнате куча бутылок и прочей дряни. Трогать я побоялся. На яды похоже.

– Яды, говоришь, сержант Пелло? – Лангриер склонила голову набок, почесала шею. – Ну, это уж совсем подозрительно.

– Я все могу объяснить. – В горле у Монцы пересохло, поскольку объяснить она ничего не могла. Так, во всяком случае, чтобы эти ублюдки ей поверили.

– У вас будет такая возможность. Но не здесь, а во дворце. Закуйте их.

Один солдат завел поморщившемуся Трясучке руки за спину, защелкнул на них наручники, поставил его на ноги. Другой бесцеремонно заломил назад руку Монце.

– Ай! Поосторожней с моей рукой!

Ее стащили с кровати, пихнули к дверям, и Монца, поскользнувшись, чуть не упала. Равновесие восстановила без всякого изящества. До него ли сейчас было?.. Из ниши на происходившее в доме смотрела стеклянная статуэтка Бенны. Беспомощная против вторжения.

– Можно нам хотя бы одеться?

– Не вижу смысла. Погодите… – Монцу вывели на лестничную площадку, где горел еще один фонарь, и Лангриер присела, вглядываясь в зигзагообразные шрамы у нее на бедре и на ляжках, с почти уже незаметными точками от снятых швов. Потыкала в них большим пальцем, словно проверяя на свежесть окорок в мясницкой лавке. – Пелло, ты когда-нибудь видел такие отметины?

– Нет.

Она подняла взгляд на Монцу.

– Откуда они у вас?

– Брила письку, бритва соскользнула.

Лангриер захохотала.

– Мне нравится. Смешно.

Пелло захохотал тоже.

– Ага.

– Хорошо, что у вас есть чувство юмора. – Лангриер выпрямилась, отряхнула пыль с колен. – Оно вам пригодится. – Ладонью толкнула Монцу в лоб, и та, не устояв, кубарем покатилась по лестнице.

Ударилась плечом о ступеньки, отбила спину, ободрала колени. Развернулась на лету головой вниз, впечаталась носом в стену, взвизгнула и растянулась наконец на полу, проехавшись напоследок бедром по штукатурке. Приподняла голову, и лестница закружилась перед глазами, как у пьяной. Во рту появился вкус крови. Монца сплюнула, но он не исчез.

– Фу-у… – выдохнула она.

– Ну что, не до шуток больше? Парочка этажей еще осталась, коль желание острить не прошло.

Прошло… Монца не сопротивлялась, когда ее подняли на ноги, зарычала только от боли в плече.

– А это что?

С пальца сдернули кольцо, и через мгновение она увидела свой рубин на руке улыбающейся Лангриер, которая поднесла его, любуясь, ближе к свету.

– Вам идет, – сказал Пелло.

Монца промолчала. Если утрата подарка Бенны окажется худшим, что произойдет с ней в ближайшее время, она сможет считать себя счастливицей.

На нижних этажах тоже суетились солдаты, вываливая все из сундуков и роясь в вещах. Опрокинули один из ящиков Морвира, зазвенело, разбиваясь, стекло. Монца увидела растрепанную Дэй, сидевшую на кровати со скованными за спиной руками. Взгляды их встретились на миг, но посмотрели они друг на друга без особого сочувствия. Помощнице Морвира еще повезло, что она была одета, когда за ними пришли.

Монцу затолкали в кухню, где она прислонилась, тяжело дыша, к стене. По-прежнему голая, но вполне уже к этому равнодушная. Здесь она увидела Фарли с братом, к которым подошла Лангриер, вытаскивая из кармана кошелек.

– Похоже, вы были правы. Шпионы. – Она отсчитала в подставленную ладонь монеты. – По пять скелов за каждого. Герцог Сальер благодарит вас за усердие. Мы всех взяли или еще кто-нибудь остался?

– Остались, четверо.

– Что ж, покараулим их тут. А вам лучше подыскать другое жилье для своей семьи.

Монца, слизывая с губ кровь, текущую из носа, смотрела на Фарли и думала о том, чем обернулась ее благотворительность. Продали за пять скелов. Бенну удручил бы, наверное, размер вознаграждения, но саму ее куда больше взволновало другое. Когда Монцу поволокли вон из дома, фермер проводил ее взглядом. И во взгляде этом не было вины. Возможно, он считал, что всего лишь позаботился таким образом о своей семье в нелегкое военное время. Возможно, гордился тем, что у него хватило на это храбрости. И возможно даже, был по-своему прав.

Похоже, в мире ничего не изменилось с тех пор, как Вертурио сказал: «Милосердие и трусость – одно и то же».

Странная парочка

По мнению Морвира, вполне обоснованному, на чердаках в последнее время ему приходилось торчать слишком уж часто. Ничуть не утешало то, что этот чердак был открыт практически со всех сторон. Крыши над ним почти не осталось, и в лицо задувал холодный ветер. Это самым неприятнейшим образом напоминало о той далекой весенней ночи в приюте, когда Морвира заманили на крышу две юные красотки и оставили там в одной ночной рубашке, заперев выход. Нашли его только утром – трясущегося, с синими губами, замерзшего чуть не до смерти. И все смеялись…

Общество, в котором он сейчас пребывал, тоже не согревало. Рядом в темноте сидела Шайло Витари и, прищурив один глаз, смотрела другим в подзорную трубу. В городе за спиной бушевали пожары. Может, война и полезна для представителей его ремесла, но Морвир предпочел бы держаться от нее подальше. Как можно дальше на самом деле. Осажденный город – не место для цивилизованного человека. Он соскучился по своему саду. По своей мягкой пуховой перине.

Морвир подтянул воротник, пытаясь прикрыть им уши, и вновь устремил взор на дворец великого герцога Сальера, угнездившийся на длинном узком острове посреди стремительного Виссера.

– Почему человеку моих талантов поручено заниматься подобными исследованиями?.. Категорически не понимаю. Я – не полководец.

– О, нет. Вы – убийца гораздо меньшего масштаба.

Морвир хмуро покосился на нее.

– Вы тоже.

– Конечно, но я не жалуюсь.

– Я негодую, будучи загнан туда, где идет война.

– Стирия. Весна. Как же без войны-то?.. Давайте составим уже, наконец, план действий и уйдем отсюда.

– Куда? В благотворительное заведение Меркатто, ведающее предоставлением крова бездомным сельскохозяйственным рабочим? Там так разит ханжеским лицемерием, что у меня желчь разливается.

Витари подышала на сложенные ковшиком руки.

– И все же там лучше, чем здесь.

– Неужто? Внизу орет без продыху фермерское отродье. Вверху часами расшатывает полы наша нанимательница, предаваясь отнюдь не утонченным эротическим забавам с варваром-северянином. Скажите, есть ли на свете что-нибудь более выводящее человека из равновесия, чем звуки… чужого… э-э-э… соития?

Витари усмехнулась:

– Тут вы правы. Полы скоро треснут.

– Голова у меня треснет раньше. Скажите, неужели йота профессионализма – такое уж большое требование?

– Кого это волнует, пока она платит?

– Меня, пока ее легкомыслие грозит мне безвременной кончиной. Но, видимо, придется мириться с тем, что есть.

– Так, может, не будем ныть, займемся делом? Нам нужно пробраться во дворец.

– Пробраться… ибо благородные правители стирийских городов доверяют своему народу, всегда рады приветствовать в своих дворцах незваных гостей…

Морвир в который раз оглядел через подзорную трубу фасад высившегося над быстрыми водами реки здания. Архитектурные достоинства его были весьма невелики для обители про-

славленного эстета. Смешение несочетающихся стилей, как результат – нелепое нагромождение башенок, террас, куполов, фронтонов, увенчанное одиноко торчащей высокой башней. Караульное помещение у ворот укреплено весьма обстоятельно – смотровые башенки, бойницы, простые и навесные, позолоченная опускная решетка на съезде с моста, ведущего на остров из города. И отряд из пятнадцати солдат при полном вооружении.

– Ворота слишком хорошо охраняются, фасад слишком хорошо просматривается, чтобы пытаться залезть, хоть через окно, хоть через крышу.

– Согласна. Единственное место, где можно остаться незамеченными, – северная стена.

Морвир махнул подзорной трубой в сторону упомянутой стены – узкой, отвесной, сложенной из поросшего мхом серого камня, с темными витражными окнами и парапетом в виде горгульи наверху. Будь дворец кораблем, плывущим вверх по реке, стена эта являла бы собой его нос, вокруг покатого основания коего вода бурлила и пенилась с особым неистовством.

– Возможно, ее и не охраняют, но и добраться до нее сложней всего.

– Боитесь?

Он опустил трубу, увидел, что Витари ухмыляется, и ответил не без раздражения:

– Скажем так, сомневаюсь в наших шансах на успех. Хотя, признаться, перспектива увидеть, как вы шлепаетесь с веревки в воду, меня несколько согревает, но перспектива последовать за вами не прельщает ничуть.

– Почему бы не сказать попросту, что боитесь?

Неуклюжую попытку подначить его Морвир оставил без внимания. Еще в приюте на них не поддавался, а уж теперь и подавно.

– Нам, конечно, понадобится лодка.

– Думаю, найти что-нибудь выше по реке будет нетрудно.

Морвир пожевал губами, взвешивая положительные стороны плана.

– Что ж, преимущество еще и в том, что мы обеспечиваем возможность отхода. Той части предприятия, которая, кажется, решительно не интересует Меркатто. Как только Ганмарк заплатит по счетам, мы можем, оставаясь переодетыми, выбраться на крышу и спуститься по веревке в лодку. А потом уплыть в море и…

– Поглядите-ка туда.

Витари показала на вооруженный отряд, появившийся по улице перед домом, и Морвир навел на него подзорную трубу. Около дюжины солдат конвоировали двоих человек, абсолютно голых, с руками, скованными за спиной. Женщину и высокого, крепкого мужчину.

– Похоже, шпионов поймали, – сказала Витари. – Не повезло кому-то.

Один из солдат ткнул мужчину тупым концом копья, тот, не удержавшись на ногах, упал задом кверху. Морвир хихикнул:

– Да уж, подземелья Сальера имеют мрачную репутацию даже среди прочих стирийских тюрем. – И нахмурился, продолжая глядеть в трубу. – Погодите-ка… женщина, похоже…

– Меркатто. Дотрахалась!

– Что это?.. – Морвира вдруг охватил такой ужас, какого он сам от себя не ожидал. – Проклятье! У них моя помощница!

– Плевать на вашу помощницу! Взяли нашу нанимательницу! А это значит – и мои деньги тоже!

Морвир лишь бессильно заскрежетал зубами, когда пленников перегнали через мост на остров и за ними накрепко закрылись неприступные ворота.

– Черт! В башне больше не безопасно! Туда нельзя возвращаться!

– Час назад вам была противна сама мысль о возвращении в это логово лицемерия и разврата.

– Но там осталось все мое снаряжение!

– Сомневаюсь. – Витари мотнула растрепанной головой в сторону дворца. – Оно в коробках, которые тащили солдаты.

Морвир шлепнул в раздражении ладонью по балке, сморщился, занозив палец, сунул его в рот, пососал.

– Проклятье… все пропало!

– Спокойно, Морвир, спокойно.

– Я спокоен!

Самым разумным было бы сейчас найти лодку, подплыть тихонько к дворцу Сальера, миновать его и выйти в море… списать свои потери со счета, вернуться в любимый сад и взять другого ученика, предоставив Меркатто и ее кретину-северянину пожинать последствия их собственной глупости. Осторожность – на первом месте, всегда. Но…

– Я не могу оставить там свою помощницу, – рявкнул он. – Не могу!

– Почему?

– Потому что… ну… – Почему, он и сам толком не знал. – Категорически не желаю проходить сквозь муки обучения новой!

Издевательская ухмылка Витари сделалась шире.

– Прекрасно. Вам нужна ваша девушка, мне – мои деньги. Будем предаваться отчаянию или все-таки попытаемся войти? Способ тот же – на лодке к северной стене и по веревке на крышу.

Морвир с тоской глянул на отвесную каменную стену.

– Вы в самом деле сумеете туда забраться?

– Я и в мушиную задницу заберусь. Меня лично тревожит, сумеете ли вы справиться с лодкой.

Сомнений в своих силах Морвир не стерпел.

– Попробуйте-ка найти гребца лучше! Я удержу на месте лодку, даже если течение будет в два раза сильней. Только нам это не понадобится. Вбить крюк в стенную кладку – и лодка простоит там хоть всю ночь.

– Это хорошо.

– Хорошо. Замечательно. – Перепалка вызвала у него сильнейшее сердцебиение. Пусть он недолюбливает эту женщину, но в способностях ее сомневаться не приходится. Лучшей напарницы, с учетом всех обстоятельств, не сыщешь. Весьма красива к тому же, по-своему, конечно. Непоколебимая сторонница дисциплины. И требовательностью своей не уступит строжайшей из приютских нянек…

Она вдруг прищурилась:

– Надеюсь, вы не собираетесь повторить предложение, которое сделали в прошлый раз, когда мы работали вместе?

Морвир ощетинился:

– Никаких повторений не будет, уверяю вас!

– Прекрасно. Поскольку я охотней трахнусь с дикобразом.

– Вы еще тогда успешно довели до моего сведения свои предпочтения! – ответил он резко и поторопился сменить тему: – Нет смысла мешкать. Давайте искать судно, пригодное для наших целей. – Бросил последний взгляд на дворец, прежде чем двинуться к выходу с чердака, и замер. – А это кто?

По мосту к воротам бесстрашно приближалась чья-то одинокая фигура. Сердце у Морвира упало. Эта павлинья походка, которую ни с какой другой не перепутаешь…

– Коска. Что еще задумал чертов пьяница?

– Кто знает, что творится в его чесоточной голове?

Старый наемник подошел к воротам столь уверенно, словно это был его дворец, а не герцога Сальера, и помахал стражникам рукой. До Морвира донесся его голос, заглушаемый стонами ветра, но ни единого слова, увы, было не разобрать.

– Что они говорят?

– Вы не умеете читать по губам? – проворчала Витари.

– Нет.

– Приятно слышать, что хоть в каком-то деле вы не величайший в мире знаток. Стражники спрашивают у него пароль.

– Разумеется! – Это он и сам понял, увидев скрестившиеся перед Коской алебарды.

Наемник сорвал с себя шляпу и низко поклонился.

– Он отвечает… «мое имя – Никомо Коска»… «знаменитый солдат удачи»… «и пришел я»… – Витари опустила подзорную трубу, нахмурилась.

– Ну?

Она перевела взгляд на Морвира:

– Отобедать с герцогом.

Тьма

Полнейший мрак. Монца широко открыла глаза, потом прищурилась, но так ничего и не увидела, кроме непроглядной угнетающей черноты. Поднеси она к лицу руку – и той не увидела бы. Если бы могла поднести руку или двинуть ею хоть в какую-нибудь сторону.

Она была прикована цепями за запястья к потолку, за лодыжки – к полу. Могла лишь, повиснув на руках, прикоснуться ступнями к сырым, холодным каменным плитам. Встав на цыпочки, могла чуточку облегчить немилосердную боль в руках, ребрах и спине. Ненадолго – икры вскоре начинало ломить, все сильнее и сильнее, пока уже эту боль не приходилось облегчать, снова повиснув на руках. Мучительное, унизительное, пугающее положение, но хуже всего было то, что она понимала – самое страшное впереди.

Где Дэй, оставалось только догадываться. Похлопала, вероятно, своими большими глазищами, уронила одинокую слезинку, сказала, что знать ничего не знает, и ей поверили. Людям с такими лицами обычно верят. Монце не повезло – у нее такого лица и в детстве не было. Не заслужила, видать… Трясучка был где-то рядом в чернильной тьме, гремел цепями, пытаясь высвободиться, и ругался, не переставая, сперва на северном наречии, потом по-стирийски.

– Чертова Стирия. Дерьмовый Воссула. Дерьмо… дерьмо.

– Хватит! – прошипела Монца. – Лучше… ну, не знаю… силы побереги.

– Думаете, они нам помогут?

Она вздохнула:

– Не помешают.

Ничто им не поможет. Ничто.

– Чтоб я сдох… писать хочу.

– Так писай! – огрызнулась Монца. – Какая тебе разница?

Он что-то буркнул. Послышалось журчание. Она с удовольствием присоединилась бы, но мочевой пузырь свело от страха. Монца в очередной раз привстала на цыпочки. Болели ноги, руки, спина, даже дышать было больно.

– У вас есть план? – Голос Трясучки дрогнул, растаял в мертвящей тьме.

– Какой еще план, дурак? Они думают, что мы шпионы, работаем на врага. Уверены в этом! Попытаются заставить нас говорить и, поскольку мы не сможем сказать ничего такого, что им хочется слышать, попросту убьют!

Раздался звериный рык, снова загремели цепи.

– Зря дергаешься, не вырваться.

– А что я должен делать? – спросил Трясучка, судя по голосу, готовый расплакаться. – Висеть и ждать, пока нас не придут резать?

У Монцы самой непривычно сжалось горло. Глаза защипало. Способа спастись она не видела. Надежды нет… да и откуда ее взять человеку, закованному в цепи, голому, сидящему во тьме кромешной, глубоко под землей?..

– Не знаю, – прошептала она. – Не знаю.

Заскрежетал отпираемый замок, и Монца торопливо вскинула голову. По телу пробежал холодок. Дверь отворилась со скрипом, в глаза ударил слепящий свет. По каменным ступеням, шаркая ногами, спустилась темная человеческая фигура с факелом. Следом – еще одна.

– Ну, что мы тут поделываем?

Женский голос. Лангриер. Та самая, что их арестовала. Та самая, что столкнула Монцу с лестницы и отняла кольцо. А с ней – Пелло, усатый сержант. Оба в грязных кожаных передниках, в толстых рукавицах. Готовые к трудам палачей. Пелло принялся обходить подвал, зажигая факелы на стенах. В чем не было необходимости – они могли бы принести с собой фонари. Но при факелах, конечно, было страшнее. Как будто Монца и так уже не боялась дальше некуда. Свет озарил шершавые каменные стены, поросшие мхом, склизкие от сырости. Два стола, заваленные разнообразными железными инструментами. Далекого от изысканности вида.

В темноте, кажется, было лучше…

Лангриер разожгла жаровню, склонилась над ней, терпеливо раздувая угли. Круглое лицо ее при каждом выдохе озарялось оранжевым светом.

Пелло сморщил нос.

– Кто написал?

– Он, – сказала Лангриер. – Но какая разница?

Монца смотрела, как та засовывает в угли железные прутья, и горло у нее сжималось все сильнее. Бросила взгляд на Трясучку, он тоже глянул на нее. Молча, ибо сказать было нечего.

– Погоди, скоро они оба описаются.

– Хорошо вам говорить, не вы убираете.

– Убирала и похуже. – Лангриер посмотрела на Монцу скучающе. Без ненависти. Пустыми глазами. – Дай им попить, Пелло.

Тот поднес Монце кувшин. И хотелось бы плюнуть ему в лицо и обложить непристойной бранью, но она умирала от жажды. Да и не время было выказывать гордость. Поэтому Монца открыла рот, он приставил кувшин к ее губам, и она начала пить. Закашлялась, снова припала к горлышку. Вода потекла по подбородку, закапала на холодные каменные плиты под ногами.

Глядя, как она пытается отдышаться, Лангриер сказала:

– Видите, мы тоже люди. Но предупреждаю честно – это последняя доброта, которую мы оказываем, если вы не станете помогать.

– Война, парень. – Пелло подошел с кувшином к Трясучке. – Война, и вы на другой стороне. На милосердие у нас времени нет.

– Поведайте нам что-нибудь, – сказала Лангриер. – Хоть что-то, что я смогу передать своему полковнику, тогда мы оставим вас в покое, на время, и все будут гораздо счастливее.

Монца посмотрела ей в глаза, пытаясь принять самый убедительный вид.

– Мы не на стороне Орсо. Как раз наоборот. Приехали сюда…

– Но форма у вас – его, не так ли?

– Мы думали смешаться с его солдатами, если те возьмут город. А сюда приехали, чтобы убить Ганмарка.

– Генерала Орсо? – Пелло, подняв брови, взглянул на Лангриер.

Та пожала плечами:

– Может быть, и так. А может, они талинские шпионы. И убить собирались герцога. Что, по-твоему, вероятнее?

Пелло вздохнул:

– Мы не новички в этом деле. Правильным ответом девять раз из десяти оказывается тот, что напрашивается сам собой.

– Девять из десяти. – Лангриер развела руками, словно извиняясь. – Так что попробуйте рассказать что-нибудь поинтереснее.

– Я не знаю, черт возьми, ничего поинтереснее, – сквозь зубы прошипела Монца. – Это все, что…

Лангриер внезапно с размаху саданула кулаком ей по ребрам

– Правду! – Вторым ударила с другой стороны. – Правду! – Последовал удар в живот. – Правду! Правду! Правду! – выкрикивала она с каждым ударом, брызжа Монце в лицо слюной.

Под сырыми сводами подвала заметалось эхо, заглушая сдавленный хрип Монцы. Она не могла сделать ничего из того, чего отчаянно требовало тело, – ни рук опустить, ни согнуться, ни упасть, ни даже вздохнуть. Была беззащитна, как туша на крюке в мясницкой лавке. И, когда Лангриер устала выбивать из нее кишки, лишь немо содрогалась некоторое время в своих оковах, покуда напряжение отпускало сведенные мышцы. Наконец ее вырвало водой, после чего Монце удалось со стоном втянуть в грудь воздух. И ее вырвало снова. Спутавшиеся волосы упали на лицо, она повисла безвольно на цепях, подобно мокрой простыне на веревке, поскуливая при каждом вдохе, как побитая собака, не в силах остановиться… да и не желая.

Услышала, как зашаркали по камню сапоги Лангриер, двинувшейся к Трясучке.

– Итак… она – полная дура, это ясно. Дадим шанс тебе, верзила. И начнем с простого. Как звать?

– Кол Трясучка, – осипшим от страха, напряженным голосом ответил он.

– Трясучка! – Пелло захихикал.

– Северянин. И кто только придумывает им такие смешные имена?.. А как ее имя?

– Меркатто. Она называет себя Монцкарро Меркатто.

Монца медленно покачала головой. Не потому, что Трясучка выдал ее имя. А потому, что понимала – правда не поможет.

– Да что ты? У меня, в моей скромной камере – Палач Каприле собственной персоной? Дурак, Меркатто уже полгода как нет в живых! А я начинаю уставать. Ты, видно, думаешь, что мы бессмертны, поэтому можно попусту тратить время?

– Они последние глупцы? – спросил Пелло. – Или отчаянные смельчаки? Как по-вашему?

– Не вижу разницы.

– Придержать его?

– Давай, коль ты не против. – Лангриер покрутила локтем, поморщилась. – Чертово плечо разболелось. К дождю, как всегда.

– Ох уж это ваше чертово плечо…

Пелло повернул ворот, загромыхала цепь, отпущенная на длину шага. Руки у Трясучки опустились. Но если он и испытал облегчение, то ненадолго. Пелло, зайдя сзади, пнул его под колени, вынудив на них упасть, отчего руки снова вздернулись кверху, потом наступил сапогом ему на икры, не давая таким образом подняться.

– Послушайте! – Несмотря на холод, по лицу Трясучки покатился пот. – Мы не работаем на Орсо! Я ничего не знаю о его войске. Ничего… вообще ничего не знаю!

– Это правда, – прохрипела Монца, но так тихо, что никто не услышал. И даже это ничтожное усилие снова вызвало у нее рвотные спазмы, от которых заломило ребра.

Пелло, обхватив одной рукою Трясучку за шею, другою с силой запрокинул ему голову, вынудив поднять лицо вверх.

– Нет! – пронзительно закричал Трясучка, косясь вытаращенным глазом на Монцу. – Это все она! Меркатто! Она меня наняла! Убить семь человек! Отомстить за ее брата! А я… а я…

– Держишь? – спросила Лангриер.

– Держу.

Трясучка завопил громче:

– Это она! Хочет убить герцога Орсо! – Его трясло так, что зубы клацали. – Мы уже убили Гоббу и банкира! Банкира… как его… Мофиса! Отравили, а еще… еще… убили принца Ариo в Сипани! У Кардотти! А теперь…

Тут Лангриер положила конец этим ненужным признаниям, сунув ему в зубы обгрызенную деревяшку.

– Не хотелось бы, чтобы ты откусил себе язык. Я пока еще не услышала ничего ценного.

– У меня есть деньги, – прохрипела Монца, к которой наконец вернулся голос.

– Что?

– У меня есть деньги! Золото! Целые ящики! Не здесь, правда, но… Это золото Хермона! Только…

Лангриер засмеялась:

– Не поверите, но здесь вспоминают о припрятанных где-то сокровищах все. Не помогает, увы.

Пелло ухмыльнулся:

– Имей я хотя бы десятую часть того, что обещали мне в этом самом подвале, так был бы богачом. Но я – не богач, коли вам интересно.

– И даже будь у вас горы золота, на что они мне сейчас, черт возьми? Опоздали вы с подкупом. Город окружен врагами. От денег никакого проку.

Лангриер помяла плечо, поморщилась, описала рукою в воздухе круг, потом потянула из жаровни железный прут. Раздался металлический скрежет, взметнулись оранжевые искры. Внутренности Монцы скрутило судорогой страха.

– Я говорю правду, – прошептала она. – Правду.

Но всякое мужество ее покинуло.

– Конечно, конечно. – И Лангриер, шагнув вперед, ткнула раскаленным до желтого свечения прутом Трясучке в лицо.

Послышался треск, какой издает выложенный на горячую сковороду кусок сала, только громче, но его тут же перекрыл отчаянный, хриплый, животный рев Трясучки. Выгнувшись всем телом, он забился, как рыба на крючке, но Пелло с неумолимостью палача держал прут крепко.

Повалил пар, вспыхнул крохотный язычок огня, который Лангриер тут же задула заученным движением, не переставая вдавливать прут Трясучке в глаз, поворачивая его так и этак. И вид у нее при этом был такой, с каким она могла бы протирать, к примеру, кухонный стол, занимаясь изрядно надоевшей работой по хозяйству, которую некому, увы, кроме нее, сделать.

Треск сделался тише. Вопль Трясучки, когда закончился воздух в легких, перешел в стонущее сипение. На губах его пузырилась слюна, стекая с деревяшки, вставленной между оскаленными зубами. Лангриер отступила. Взглянула на прут, остывший до темно-оранжевого цвета, покрытый с одной стороны дымящейся черной копотью, и брезгливо бросила его обратно в жаровню.

Пелло разжал руки, голова Трясучки упала на грудь. Теперь слышалось только его хриплое, клокочущее дыхание. Монца не знала, в сознании ли он, чувствует ли сейчас что-то. И молилась про себя о том, чтобы не чувствовал. В подвале стоял запах горелого мяса. Она не могла на него посмотреть. Не могла. Но должна была. Увидела страшную черную полосу на щеке, упиравшуюся в глаз, красное месиво вокруг нее из плоти, лишенной кожи, и волдырей, блестящее от вытопленного жира. Тут же опустила взгляд, уставилась в пол. Дыхание застряло в сжавшемся горле, тело стало влажным и холодным, как у утопленницы.

– Ну вот. И стало ли кому-нибудь лучше от этого? От того, что вы промолчали несколько лишних минут о своих тайнах? Что не скажете вы – мы вытянем из той маленькой желтоволо-

сой сучки наверху. – Лангриер помахала рукой перед лицом. – Черт, опять эта вонь… Опускай ее, Пелло.

Цепи загремели, и Монца, повалившись на пол, ободрала колени о каменный пол. Она не в силах была даже стоять, избитая, перепуганная. Трясучка все хрипел. Лангриер растирала плечо. Пелло, закрепляя цепи, прицокивал языком. После чего Монца ощутила подошву сапога на своих икрах.

– Пожалуйста, – прошептала она, трясясь всем телом и стуча зубами. Монцкарро Меркатто – грозный Палач Каприле, ядовитая Змея Талина, чудовище, купавшееся в крови, – стала лишь воспоминанием. – Не надо…

– Думаете, мы получаем от этого удовольствие? Не хотим договариваться с людьми по-доброму? Мне так последнее нравится гораздо больше, правда, Пелло?

– Гораздо.

– Очень вас прошу, скажите хоть что-то, чем можно было бы воспользоваться. Хотя бы… – Лангриер закрыла глаза, потерла их тыльной стороной ладони. – Хотя бы… от кого вы получаете приказы. Начнем с этого.

– Хорошо, хорошо! – В глазах у Монцы защипало. Покатились, щекоча, слезы по лицу. – Я скажу! – Что говорить, она понятия не имела. – Ганмарк! Орсо! Талин! – Бред какой-то. Ничто. Все. – Я… я работаю на Ганмарка. – Все что угодно, лишь бы железный прут оставался в жаровне еще хоть несколько мгновений. – Получаю приказы от него!

– Непосредственно от него? – Лангриер угрюмо покосилась на Пелло. Тот, оторвавшись от ковыряния заусенцев, ответил ей таким же угрюмым взглядом. – Ну да, конечно. К нам вот тоже частенько забегает его светлость, великий герцог Сальер, полюбопытствовать, как идут дела. Считаете меня полной идиоткой, черт вас дери? – Она с силой ударила Монцу по лицу, раз, другой, разбила губы в кровь. Щеки у той загорелись, комната закружилась перед глазами. – Сочиняете на ходу?

Пытаясь избавиться от тумана в голове, Монца потрясла ею.

– Ч… то вы… х… тите от м… ня ус… шать? – выговорила кое-как вздувшимися губами.

– Что-нибудь ценное, мать вашу!

Монца вновь шевельнула губами, пустив струйку кровавой слюны, но ничего на этот раз не сказала. Лгать было бесполезно. Правду говорить – тоже. Вокруг шеи ее тугим арканом обвилась рука Пелло, запрокинула ей голову.

– Нет! – пронзительно закричала она. – Нет! Н-н-н… – Меж зубов оказалась деревяшка, влажная от Трясучкиной слюны.

Силуэт Лангриер расплылся перед полными слез глазами.

– Чертово плечо! – Та покрутила рукой. – Клянусь, мне побольнее, чем вам, будет, но никто меня не жалеет. – Вытащила из углей другой железный прут, в бело-желтом свечении которого блеснули бисеринки пота на ее лице. – Страдания других людей – что может быть скучнее?

Она шагнула вперед, подняла прут, и мокрые от слез глаза Монцы распахнулись и приковались намертво к его раскаленному добела кончику, замаячившему перед самым лицом. Она уже чувствовала жар на щеке, почти чувствовала боль. Лангриер наклонилась…

– Остановитесь.

Краем глаза Монца увидела размытую фигуру наверху лестницы. Похлопала ресницами, пытаясь прояснить зрение. Разглядела толстого мужчину в просторном белом одеянии.

– Ваша светлость! – Лангриер с такой поспешностью сунула прут обратно в жаровню, словно это ее собирались им жечь.

Рука Пелло, державшая голову Монцы, разжалась, сапог перестал давить на ноги.

Едва заметные на пухлом бледном лице герцога Сальера глазки медленно двинулись от Монцы к Трясучке, вернулись к Монце.

– Они?

– Они. – Из-за плеча его выглянул Никомо Коска. И никого еще за всю свою жизнь Монца не была так рада увидеть.

Старый наемник поморщился.

– Слишком поздно… для глаза Трясучки.

– Но хотя бы вовремя для его жизни. Капитан Лангриер, что вы сделали с ее телом?

– Эти шрамы у нее уже были, ваша светлость.

– Правда? Недурная коллекция. – Сальер медленно покачал головой. – Произошла наиприскорбнейшая ошибка. Эти два человека – мои почетные гости. Найдите им какую-нибудь одежду и немедленно займитесь его раной.

– Разумеется. – Лангриер выдернула кляп изо рта Монцы, коротко поклонилась. – Я глубоко сожалею о своей ошибке, ваша светлость.

– Она вполне объяснима. Война. Никому нельзя верить. – Герцог испустил тяжкий вздох. – Генерал Меркатто, надеюсь, вы переночуете у меня во дворце и позавтракаете с нами утром?

Загремели цепи, освобожденные руки Монцы бессильно упали на колени. Кажется, она успела выдохнуть «да», прежде чем разрыдалась так бурно, что говорить уже не могла. Слезы хлынули по лицу ручьями.

От ужаса, боли. И неизмеримого облегчения.

Ценитель живописи

Сидя в просторном обеденном зале герцога Сальера, где его светлость, несомненно, проводил большую часть своей жизни, всякий подумал бы, что это – самое обычное утро времен мира и изобилия. В дальнем углу играли что-то благозвучное четыре музыканта, улыбаясь столь лучезарно, будто исполнение серенад во дворце, окруженном со всех сторон врагами, являлось пределом их мечтаний. Длинный стол заставлен был деликатесами: рыбой и моллюсками, хлебцами и пирожными, фруктами и сырами, мясными блюдами, десертами, конфетами. Золоченые блюда стояли стройными рядами, как ордена на генеральской груди. Еды хватило бы человек на двадцать, при том что за столом сидело всего трое и двое из них аппетита не имели.

Монца выглядела не слишком хорошо. Губы потрескавшиеся, лицо пепельно-серое, распухшее, в синяках, один глаз красный от полопавшихся сосудов, руки дрожат. У Коски сердце кровью обливалось при каждом взгляде на нее, и успокаивал он себя лишь тем, что могло бы быть и хуже. Вспомнить Трясучку, например. Коска мог поклясться, что всю ночь слышал сквозь толстые стены его стоны.

Он потянулся было вилкой к колбаске, хорошо прожаренной, с черными полосками от решетки. Тут же перед глазами мелькнуло лицо Трясучки, хорошо прожаренное, с черной полосой, и Коска, кашлянув, подцепил вместо колбаски половинку сваренного вкрутую яйца. Почти донес до тарелки, когда заметил вдруг ее сходство с глазом, после чего поспешно стряхнул с вилки обратно на блюдо. И, чувствуя подкатившую тошноту, решил удовольствоваться чаем. Представив себе, что туда подлита добрая порция бренди.

Герцог Сальер без устали предавался воспоминаниям о былой славе, что свойственно людям, чьи лучшие деньки давно позади. Любимое развлечение самого Коски… Но если окружающим при этом было так же скучно, как ему сейчас, то стоило, пожалуй, навеки от него отказаться.

– …Ах, какие пиры я закатывал в этом самом зале! Каких великих людей угощал за этим столом! Рогонта, Кантейна, Соториуса… самого Орсо, к слову сказать. Хотя я никогда не доверял этому хорьку, даже в те времена.

– Куртуазные танцы сильных мира сего, – вставил Коска. – Партнеры в которых обычно то и дело меняются.

– Такова политика. – Сальер пожал плечами, и валик жира вокруг его подбородка всколыхнулся. – Приливы и отливы. Вчера – герой, сегодня – злодей. Вчера – победа… – Заглянул в свою пустую тарелку, насупился. – Боюсь, вы последние мои славные гости, и оба вы, простите меня, конечно, знавали более славные времена. Тем не менее! Гость есть гость, и всякому из них должно радоваться!

Коска устало улыбнулся. Монца даже этим себя не побеспокоила.

– Вам не до шуток сегодня? Можно подумать, мой город уже сгорел, глядя на ваши вытянутые лица! Впрочем, за столом нам в любом случае делать уже нечего. Я съел в два раза больше вас обоих, клянусь, вместе взятых.

Коска подумал, что герцог и весит в два раза больше обоих. Сальер поднял со стола бокал с каким-то белым напитком, поднес к губам.

– Что это вы пьете?

– Козье молоко. Не слишком вкусно, зато весьма полезно для пищеварения. Пойдемте, друзья мои… и враги, конечно, ибо ничего нет ценнее для влиятельного человека, чем добрый враг… прогуляемся немного. – Он, кряхтя, с усилием выбрался из кресла, отставил бокал и зашагал вместе с гостями по изразцовому полу к выходу, помахивая в такт музыке пухлой рукой. – Как ваш компаньон-северянин?

– Все еще очень страдает, – буркнула Монца, судя по виду, тоже пребывавшая не в лучшей форме.

– Э… да… ужасно. Но такова война, такова война. Капитан Лангриер сказала, вас было семеро. Светленькая малышка с детским личиком у нас, молчаливый мужчина, притащивший талинские доспехи, тоже… с самого рассвета пересчитывает, кажется, содержимое моих кладовых. Но и без его сверхъестественного умения управляться с цифрами можно заметить, что не хватает… еще двоих.

– Нашего отравителя и пыточных дел мастера, – сказал Коска. – Досадно, хороших найти не так-то просто.

– Приятная у вас компания.

– Какова работа – такова и компания. Боюсь, они успели уже покинуть Виссерин.

И, имея хоть каплю здравого смысла, пытаются покинуть саму Стирию. За что Коска не стал бы их винить.

– Бросили вас, да? – фыркнул Сальер. – Понимаю ваши чувства. Меня бросили мои союзники, армия, подданные. Я в полном расстройстве. Единственное оставшееся утешение – картины. – Жирным пальцем он указал на арку, за открытыми дверями которой сиял яркий солнечный свет.

Опытный глаз Коски отметил углубление в каменном полу и металлические острия, поблескивавшие в щели на потолке. Опускная решетка, конечно же.

– Ваша коллекция хорошо защищена.

– Естественно. Самая ценная во всей Стирии, собиралась долгие годы. Начало ей положил еще мой великий дед.

Сальер провел их в длинный коридор, устланный по центру сверкающего мраморного пола шитым золотом ковром. Свет лился в огромные окна, расположенные по одной стене коридора. Вторая увешана была бесконечной вереницей картин в золоченых рамах.

– Эта галерея отведена под мастеров Серединных земель, – пояснил Сальер.

Портрет лысого угрюмого Цоллера, изображения королей Союза – Гарода, Арнольта, Казамира и множества других. Вся компания выглядела столь самодовольно, будто испражнялись они чистым золотом… Сальер остановился перед монументальным полотном, посвя-

щенным смерти Иувина. Крошечная фигурка в дремучем лесу, истекающая кровью при свете молнии, распоровшей грозовое небо.

– Каково письмо… каков колорит, а, Коска?

– Поразительно, – отвечал тот, хотя, на его взгляд, одна мазня здесь не слишком отличалась от другой.

– Сколько счастливых дней провел я в глубоких размышлениях над этими шедеврами… В поисках скрытых смыслов, вложенных мастерами в свою работу.

Старый наемник, вскинув брови, покосился на Монцу. Побольше бы глубоких размышлений над планами военных кампаний, а не над пачкотней давно умерших маляров, и глядишь, Стирия находилась бы сейчас совсем в другом положении.

– Скульптура Старой империи, – сказал герцог, когда они прошли через широкую дверь в другую залитую светом галерею, уставленную по обеим сторонам древними статуями. – Не поверите, во сколько обошлась мне доставка из Халциса.

Герои, императоры, боги… Из-за отбитых носов и рук, туловищ, испещренных сколами и выбоинами, казалось, будто все они пребывают в состоянии неприятного удивления. Забытые победители древности, превратившиеся в увечных калек, словно бы вопрошали: где я? И где, скажите на милость, мои руки?..

– Я долго размышлял, что делать, – сказал вдруг Сальер, – и очень хотел бы услышать ваше мнение, генерал Меркатто. Ваша беспощадность, целеустремленность, готовность идти до конца известны всей Стирии и за ее пределами тоже. Я же никогда не отличался решительностью. Больше думаю о том, что могу проиграть в результате какого-то действия. И меня куда сильней притягивают все те двери, которые будут закрыты, чем та единственная, которую я должен открыть, и таящиеся за ней возможности.

– Для воина это недостаток, – сказала Монца.

– Знаю. Я слабый человек, наверное, и плохой воин. Предпочитал верить в добрые намерения, честные слова и благородные поступки. И теперь, похоже, вместе со своими подданными должен расплатиться за это.

А может, и не только за это, подумал Коска. Еще и за алчность свою, измены и вечные подстрекательства к войне.

Сальер взглянул на статую, изображавшую крепко сложенного лодочника. Смерть, возможно, переправляющую души грешников в ад.

– Я мог бы бежать из города. Спуститься на лодке по реке под покровом ночной темноты. Уйти морем и поручить себя милосердию союзника, великого герцога Рогонта.

– Всего лишь отсрочка, – буркнула Монца. – Рогонт будет следующим.

– Это верно. И потом, человеку моих масштабов… бежать… ужасно унизительно. Возможно, я мог бы сдаться вашему доброму другу, генералу Ганмарку?

– Вы знаете, чем это кончится.

Дряблое лицо Сальера внезапно отвердело.

– А вдруг он не настолько лишен сострадания, как прочие псы Орсо? – И тут же вновь обмякло, утонув в жировых складках. – Но, думаю, вы правы. – Сальер взглянул со значением на статую, потерявшую голову в каком-то из минувших веков. – Голова на колу – лучшее, на что я могу надеяться. Чем кончили добрый герцог Кантейн и его сыновья… не так ли, генерал Меркатто?

Она ответила ему спокойным взглядом.

– Да, чем кончили Кантейн и его сыновья.

Головы на кольях, подумал Коска, все в том же почете, что и прежде.

Они повернули за угол, оказались в другой галерее, увешанной полотнами. Сальер хлопнул в ладоши.

– Здесь – стирийцы! Величайшие из наших соотечественников! Чье наследие будет жить еще долго после того, как мы умрем и нас забудут. – Остановился перед изображением оживленной рыночной площади. – Возможно, я мог бы договориться с Орсо? Откупиться, выдав ему заклятого врага? Женщину, которая убила его старшего сына и наследника?

Монца и глазом не моргнула.

– Удачи вам.

– Увы. Удача дезертировала из Виссерина. Орсо не пошел бы на переговоры, даже если бы я мог вернуть ему сына живым и невредимым, так что вам уж точно ничего не грозит. И остается… самоубийство. – Герцог указал на полотно в темной раме, на котором полуголый солдат в лохмотьях протягивал меч потерпевшему поражение командиру. Для последнего жертвоприношения, надо думать, коего требовала честь. Вот она, честь, до чего доводит… – Вонзить клинок в свою нагую грудь, подобно доблестным героям прошлого?

На следующей картине весело ухмылялся виноторговец, прислонясь к бочке и разглядывая на свет полный бокал. Винца, винца, винца…

– Или отравиться? Добавить яду в вино. Запустить скорпиона в постель. Аспида в штаны… – Герцог улыбнулся обоим гостям. – Нет? Может, повеситься? Я слышал, у мужчин, когда их вешают, часто случается извержение. – Помахал рукой возле паха, поясняя, словно кто-то мог не понять, в каком значении он употребил это слово. – Повеселей, чем яд, выглядит в любом случае. – Потом вздохнул и уставился мрачно на изображение женщины, застигнутой врасплох во время купания. – Но не стану притворяться, будто у меня хватит духу на такой подвиг. Самоубийство, я имею в виду, не извержение. На последнее-то я еще могу сподобиться раз в сутки, несмотря на свои габариты. А как с этим у вас, Коска?

– Как у чертова вулкана, – брякнул тот, не желая уступать ему в циничности.

– Но что же делать? – задумчиво протянул Сальер. – Что де…

К нему шагнула Монца:

– Помочь мне убить Ганмарка.

Брови у Коски взлетели на лоб сами собой. Избитая, вся в синяках, окруженная врагами, она уже снова рвется в бой. И впрямь – беспощадная, целеустремленная и готовая идти до конца.

– Зачем мне это нужно?

– Затем, что он придет за вашей коллекцией. – Она всегда умела найти у человека уязвимое место. Не раз это делала на глазах Коски. С ним самим, в частности. – Придет, распихает по сундукам ваши картины, статуи, посуду и отошлет их морем в Фонтезармо, чтобы украсить отхожие места Орсо. – Прекрасно сказано – «отхожие места»… – Ганмарк ценитель живописи, как и вы.

– Да он ничто в сравнении со мной! – Загривок Сальера разом побагровел от гнева. – Обыкновенный вор, хвастун, слабоумный мужеложец, выродок, заливший кровью щедрые поля Стирии, словно земля ее недостойна касания его сапог! Он может отнять у меня жизнь, но картин моих не получит никогда! Уж об этом я позабочусь!

– Об этом я могу позаботиться, – прошипела Монца, подходя к нему еще ближе. – Он придет, как только возьмет город. Примчится, желая поскорее завладеть вашей коллекцией. Мы будем ждать его здесь, одетые в талинскую форму. И только он войдет… – она щелкнула пальцами, – …решетка опустится, и он у нас в руках! У вас в руках! Помогите же мне.

Но гнев Сальера уже остыл. Сменился обычной напускной беззаботностью.

– А это – мои самые любимые вещицы. – Герцог указал на два полотна, висевшие рядышком. – Они изначально были задуманы как пара. Женщины Партео Гавры. Мать и возлюбленная потаскуха.

– Матери и потаскухи, – хмыкнула Монца. – Проклятье художников. Но мы говорили о Ганмарке. Помогите мне!

Сальер устало вздохнул:

– Ах, Монцкарро, Монцкарро. Если бы вы пришли ко мне за помощью лет этак пять назад – до Душистых сосен… До Каприле. Прошлой весной хотя бы – до того, как выставили голову Кантейна над воротами. Даже тогда мы многое еще могли бы сделать, побороться за свободу. Даже…

– Извините, если я чересчур резка, ваша светлость, но этой ночью меня избивали, как бесчувственный кусок мяса. – На последнем слове голос Монцы слегка дрогнул. – Вы хотели услышать мое мнение. Так вот, вы проиграли потому, что слишком слабы, безвольны и нерасторопны, а не потому, что слишком добры. Пока у вас с Орсо была одна и та же цель, вы успешно воевали на его стороне и с одобрением относились к его методам, пока те приносили вам лишнюю землю. Ваши люди и жгли, и насиловали, и убивали, когда вам это было выгодно. И никакой любви к свободе вы тогда не питали. Единственной щедростью, которую видели от вас крестьяне Пуранти, была щедрость на притеснения. Вы можете, конечно, изображать мученика, Сальер, только не передо мной. Меня и без того тошнит.

Коска вздрогнул. Правды тоже бывает многовато, особенно если говорится она наделенному властью человеку.

Герцог сощурился.

– «Чересчур резка»?.. Если вы и с Орсо беседовали в том же духе, неудивительно, что он сбросил вас с горы. Я и сам уже не прочь иметь поблизости гору. Скажите – раз мы дошли до подобной откровенности, – что вы сделали, чтобы так его разгневать? Мне казалось, он любил вас, как дочь. Больше, чем собственных детей, во всяком случае… хотя никто из этой троицы особой привлекательностью и не отличается. Лисица, сварливая бабенка и мышонок.

Ее покрытое синяками лицо исказилось.

– Меня слишком полюбили его подданные.

– Да. И что?

– Он испугался, что я украду у него трон.

– В самом деле? А вы, конечно, никогда не поглядывали в сторону этого трона?

– Только для того, чтобы покрепче утвердить в нем Орсо.

– Вот как? – Сальер с улыбкой взглянул на Коску. – А ведь это было бы далеко не первое сиденье, которое ваши верные когти вырвали из-под его законного владельца, не правда ли?

– Я ничего не делала! – рявкнула Монца. – Только битвы для него выигрывала, в результате чего он стал величайшим человеком в Стирии! Ничего!

Герцог Виссерина вздохнул.

– У меня заплыло жиром тело, а не мозги, Монцкарро. Но будь по-вашему. Вы ни в чем не виноваты. И в Каприле никого не убивали, наоборот, раздавали жителям пряники. Держите, коль вам так хочется, свои секреты при себе. Много вам теперь от них проку.

Гулким сводчатым коридором они прошли в сад, расположенный в центре галерей Сальера, и Коска зажмурился от брызнувшего в глаза яркого света. Все здесь дышало свежестью. Бежала с журчанием вода в маленькие прудики по углам. Ласковый ветерок шевелил цветы на клумбах, ерошил листву аккуратно подстриженных деревьев, срывал лепестки с сулджукских вишен, вырванных из родной земли и перевезенных через море для услаждения взора герцога Виссерина.

Над всем этим возвышалась установленная на вымощенной камнем площадке величественная статуя – в два человеческих роста, а то и больше, – из белоснежного, чуть ли не светящегося мрамора. Обнаженный мужчина, стройный, как танцовщик, и мускулистый, как борец, держал в вытянутой руке бронзовый, позеленевший от времени меч, словно призывая войско штурмовать обеденный зал. Шлем его был сдвинут на затылок, совершенные черты лица выражали властную суровость.

– «Воитель», – пробормотал Коска, зайдя в тень огромного клинка, окруженного ослепительным ореолом солнечного света.

– Да, работы Бонатине, величайшего из стирийских скульпторов. Возможно, лучшая из его скульптур, созданная во времена расцвета Новой империи. Стояла некогда на лестнице Сенатского дома в Борлетте. Откуда забрал ее мой отец – в качестве контрибуции после Летней войны.

– Он воевал? – Монца скривила потрескавшиеся губы. – Из-за этого?

– Совсем недолго. Но дело того стоило. Она прекрасна, правда?

– Прекрасна, – соврал Коска.

Прекрасен кусок хлеба для голодного. Прекрасна крыша для бездомного. Прекрасно вино для пьяницы. Лишь те, кому нечего желать, ищут красоту в куске камня.

– А вдохновил скульптора Столикус, как я слышал, отдавший приказ начать знаменитую атаку в битве при Дармиуме.

Монца подняла бровь.

– И возглавивший ее, кажется? Думаю, по такому поводу он все-таки надел бы штаны.

– Это называется «художественная вольность», – огрызнулся Сальер. – Когда человек фантазирует, он вправе делать так, как ему нравится.

Коска сдвинул брови.

– В самом деле? А мне всегда казалось, что чем ближе к правде, тем больше мастер создает деталей, делающих работу стоящей…

Его прервал быстрый перестук каблуков. К герцогу торопливо подошел офицер с взволнованным, потным лицом, в измазанном с левой стороны сажей мундире. Опустился на одно колено и склонил голову.

– Ваша светлость…

Сальер даже не взглянул на него.

– Говорите, что там у вас.

– Был еще один приступ.

– Сразу после завтрака? – Герцог положил руку на живот и поморщился. – Типичный представитель Союза, этот Ганмарк, почтения питает ко времени принятия пищи не больше, чем вы, Меркатто. Каковы результаты?

– Талинцы пробили еще одну брешь, у гавани. Их отбросили, но с большими потерями. Мы значительно превосходим их числом…

– Да, да. Прикажите своим людям удерживать позиции как можно дольше.

Офицер облизнул губы.

– А… потом?

– Все будет кончено. – Сальер, не отрываясь, смотрел на статую.

– Слушаюсь, ваша светлость.

Офицер поспешил к выходу. Навстречу, без сомнения, героической и бессмысленной смерти, на месте той или другой бреши. Коска неоднократно замечал, что самые героические смерти – всегда бессмысленны.

– Скоро Виссерин падет. – Глядя на величественное изображение Столикуса, герцог прицокнул языком. – Как это… удручающе. Был бы я чуть больше похож на него…

– Худее? – пробормотал Коска.

– Я имел в виду – воинственней, но если уж мечтать, то почему бы и не худее? Благодарю вас за ваш… до неприличия честный совет, генерал Меркатто. У меня есть еще несколько дней, чтобы принять решение. – Отодвигая неизбежное ценой сотен жизней. – Тем временем, надеюсь, оба вы побудете здесь. Как и трое ваших друзей.

– В качестве гостей? – спросила Монца. – Или пленников?

– Каково приходится моим пленникам, вы уже видели. Что выберете?

Коска тяжело вздохнул, почесал шею. Выбор, кажется, напрашивался сам собой.

Мерзкий студень

Лицо у Трясучки почти зажило. Виднелась еще бледно-розовая полоса, тянувшаяся, пересекая бровь, ото лба до щеки. Да и той предстояло исчезнуть через пару деньков. Глаз еще побаливал, но в остальном все было в порядке. На кровати лежала Монца, прикрытая простыней по пояс, повернувшись к Трясучке худой спиной. И некоторое время он смотрел с улыбкой, как двигаются чуть заметно при дыхании ее ребра и то исчезают, то появляются между ними тени. Потом отвернулся от зеркала, подошел, неслышно ступая к окну, выглянул. Увидел горящий город, пламя, бушующее в ночи. Странно, но он почему-то не помнил, что это за город и что сам он здесь делает. Голова соображала медленно. Трясучка поморщился, потер щеку.

– Больно, – проворчал. – Больно, чтоб я сдох.

– Что, вот это больно?

Резко развернувшись, Трясучка отшатнулся к стене. Перед ним, упираясь лысой головой в потолок, с закованной в черный металл одной половиной тела и расписанной крохотными письменами другой, высился Фенрис Ужасающий, и лицо его мелко дергалось, как кипящая овсяная каша.

– Ты же… черт тебя дери, ты же умер!

Великан засмеялся.

– Ну да, черт меня дери, умер. – Тело его было насквозь проткнуто мечом. Рукоять торчала над бедром, кончик клинка выглядывал под рукою с другого бока. Фенрис ткнул могучим пальцем в кровь, что капала с рукояти на ковер. – Хочу сказать, вот это и впрямь больно. Ты волосы обрезал? Мне больше нравилось как раньше.

Бетод показал на свою разбитую голову – месиво из крови, мозгов, костей и волос.

– Шрать на ваш обоих. – Правильно выговаривать слова он не мог, ибо рот у него был вдавлен. – Вот уж што болиш так болиш. – Он зачем-то пнул Фенриса. – Пошему ты дал победишь шебя, тупиша, болван демонишешкий?

– Я вижу сон, – сказал Трясучка, пытаясь как-то объяснить себе это. Боль в лице все усиливалась. – Наверняка сон.

Кто-то запел:

– Я… сделан… из смерти! – Стукнул молоток по гвоздю. – Я – великий уравнитель! – Бац, бац, бац… и каждый звук отдавался болью в лице Трясучки. – Я – ураган в Высокогорье! – напевал себе под нос Девять Смертей, раздетый до пояса, весь в буграх мускулов и шрамах, заляпанный кровью, разрубая на куски труп брата Трясучки. – Значит, ты – хороший человек? – Показал ножом на Трясучку, усмехнулся. – Тверже надо быть, парень. Следовало убить меня, на хрен. Иди-ка, помоги отрубить ему руки, оптимист.

– Мертвые знают, как я не люблю эту скотину, но он прав. – На Трясучку глянула голова брата, приколоченная к штандарту Бетода. – Тверже надо быть. Милосердие и трусость – одно и то же. Слушай, ты не выдернешь этот гвоздь?

– Опять путаешься под ногами? – закричал отец, взмахнув винным кувшином. По лицу его катились слезы. – Нет чтобы ты умер, а он остался жив! Тварь никчемная! Никчемный, мягкотелый, никому не нужный кусок дерьма!

– Чушь все это, – прорычал Трясучка, усаживаясь у костра. Теперь у него болела вся голова. – Полная чушь!

– Что – чушь? – пробулькал Тул Дуру, из перерезанного горла которого текла кровь.

– Да все! Эти люди из прошлого, тычущие меня носом в то, что я и сам знаю! Может, ты чего поинтереснее этого дерьма скажешь?

– Уф, – сказал Молчун.

Черный Доу как будто малость смутился.

– Не попрекай нас, парень. Это же твой сон, верно? Ты обрезал волосы?

Ищейка пожал плечами.

– Будь ты поумнее, может, и сны видел бы поумнее.

Кто-то схватил Трясучку сзади, развернул к себе лицом. Девять Смертей с вымазанным сажей лицом, с прилипшими к окровавленной голове волосами.

– Будь ты поумней, может, тебе глаз не выжгли бы.

С этими словами он принялся ввинчивать ему палец в глаз, все глубже и глубже. Трясучка отбивался, вырывался, вопил, но спастись возможности не было. Все уже случилось.

Проснулся он, конечно же, с воплем. Как всегда в последнее время. Хотя это и воплем-то было не назвать. Голос сорван, в горле словно камни ворочаются, издавая скрежет.

Кругом стояла тьма. Боль терзала лицо, как волк добычу. Трясучка сбросил одеяло, вскочил, бесцельно закружил по комнате. К лицу словно все еще было прижато раскаленное железо. Налетел на стену, упал на колени. Скорчился, стиснул голову руками, боясь, что она расколется. Закачался взад-вперед.

Он выл, стонал, снова выл. Рычал, выплевал бранные слова и плакал навзрыд. Пускал слюни и лепетал какую-то невнятицу. Ничего не соображал от боли, сходя с ума. Руки потянулись к ее источнику, дрожащие пальцы схватились за повязку.

– Ч-ш-ш.

Другая рука – Монцы – коснулась его лица. Откинула со лба волосы.

Боль расколола голову, как топор полено, в том месте, где раньше был глаз, и разум расколола тоже, отчего мысли выплеснулись наружу бессвязным потоком:

– Чтоб я сдох… останови это… дерьмо… дерьмо… – Трясучка вцепился в руку Монцы с такой силой, что та охнула и поморщилась. Но ему было все равно. – Убей меня! Убей. Пусть это прекратится. – Он не знал даже, на каком языке говорит. – Убей меня… чтоб я… – Слезы обожгли уцелевший глаз, Трясучка заплакал.

Монца вырвала у него свою руку, и он снова начал раскачиваться. Боль грызла плоть, как пила дерево. Он ведь старался быть хорошим человеком, разве не так?

– Старался, чтоб меня, старался. Останови это… пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста…

– Держи.

Он вцепился в трубку и жадно присосался к ней, как пьяница к бутылке. Легкие обожгло дымом, но Трясучка, не заметив этого, втягивал его, пока грудь не заполнилась до отказа. Монца обняла его, крепко прижала к себе и принялась покачивать. Тьма расцветилась красками. Сверкающими яркими огоньками. Боль отступила, перестала жечь так яростно. Дыхание выровнялось, тело обмякло.

Монца потянула его вверх, помогла подняться на ноги. Трубка выпала из ослабевшей руки. Качнулось навстречу открытое окно – картинка другого мира – ада, наверное, в котором огонь расписывал ночную тьму длинными желтыми и красными мазками. Кровать придвинулась, проглотила его, всосала в себя. Лицо еще горело, тупая боль подступала толчками. Из-за чего – это он помнил. Помнил.

– О, мертвые… – прошептал Трясучка. По здоровой щеке покатилась слеза. – Глаз. Мне выжгли глаз.

– Ч-ш-ш. – Монца нежно погладила его по этой щеке. – Успокойся, Кол. Успокойся.

Со всех сторон Трясучку обняла тьма. Но, прежде чем в нее провалиться, он запустил руку Монце в волосы и притянул ее лицо к своему, так что она чуть не ткнулась губами в его повязку.

– А должны были – тебе, – прошептал. – Тебе.

Счеты других людей

– Вот оно, – сказал один мальчишка, с язвой на щеке. – Заведение Саджама.

Вела в него заляпанная дверь в заляпанной стене, заклеенной рваными старыми объявлениями, клеймившими Лигу Восьми как сборище злодеев, захватчиков и обыкновенных бандитов. С каждого смотрели два карикатурных лица – жирного герцога Сальера и презрительно усмехающегося герцога Рогонта. Возле двери стояла парочка бандитов настоящих, выглядевших не менее карикатурно. Один – темнокожий, другой – с разукрашенной татуировками рукой. Улицу оба озирали одинаково угрюмыми взглядами.

– Спасибо, дети. Нате, поешьте.

Шенкт вложил в каждую из грязных рук, протянутых к нему, по скелу. Двенадцать пар глаз на чумазых лицах широко распахнулись при виде этакого богатства. Которое мало что изменило бы в их жизни даже на ближайшие несколько дней, не говоря уж о нескольких годах, он прекрасно понимал это. Малолетние попрошайки, воры, потаскушки, уже привыкшие не заглядывать дальше завтрашнего дня. Однако Шенкт сам успел содеять немало зла и потому старался при каждой возможности быть добрым. Понимал и то, что ничего не изменит этим. Но вдруг монетка перевесит на весах чьей-то жизни, вытянет кого-то из роковой трясины, и человек будет спасен. Ведь спасти хотя бы одного – уже благо.

Переходя улицу, он тихонько напевал себе под нос, а два охранника у дверей подозрительно следили за ним.

– Я хочу поговорить с Саджамом.

– Оружие есть?

– Конечно.

Темнокожий уставился ему в глаза.

– Мой острый ум готов разить каждое мгновенье.

Никто из охранников не улыбнулся, но Шенкт этого и не ждал. И не стремился, признаться, вызвать улыбку.

– Что хочешь сказать Саджаму?

– «Ты – Саджам?» Такова будет моя первая фраза.

– Смеешься над нами, малявка? – Охранник взялся за рукоять булавы на поясе, считая себя, конечно, очень грозным.

– Как можно? Я хочу поразвлечься, и деньги у меня на это есть, только и всего.

– Что ж, может, ты и в правильное место пришел. Иди за мной.

Он провел Шенкта через душную, сумрачную комнату, полную дыма и теней, которую освещали лишь фонарики из цветного стекла – голубые, зеленые, оранжевые, красные. Всюду валялись расслабленно курильщики хаски с пустыми бледными лицами. Некоторые бессмысленно улыбались. Шенкт поймал себя на том, что снова начал напевать, и умолк.

Охранник откинул в сторону засаленную занавесь, взору открылась еще одна комната, побольше, откуда пахнуло немытым телом, дымом, тухлой едой и столь же тухлым существованием. У входа восседал на подушке, подобрав под себя ноги, громила в татуировках, прислонив к стене рядышком топор. Еще один такой же сидел у противоположной стены и кромсал ножом неаппетитный кусок мяса на тарелке, возле которой лежал взведенный арбалет. Над головой у него висели старые часы, чьи механические внутренности болтались снизу, подобно выпущенным кишкам. Монотонно отстукивал свое «тик-так» маятник.

На длинном столе посреди комнаты Шенкт увидел все необходимое для карточной игры. Деньги и фишки, стаканы и бутылки, трубки и свечи. Вокруг сидело шестеро мужчин. По правую руку от Шенкта – толстяк, по левую – хиляк, который досказывал, заикаясь, своему соседу какую-то историю.

– И он ее тра… тра… трахнул!

Грубый смех, грубые лица. Дешевое воодушевление от дешевого дыма, дешевая выпивка, дешевая жестокость. Проводник Шенкта, обойдя стол, заговорил с сидевшим во главе его широкоплечим мужчиной – темнокожим, седоволосым, с морщинистым лицом, на котором светилась уверенная хозяйская улыбка. Он небрежно поигрывал золотой монеткой, подбрасывая ее на тыльной стороне руки.

– Ты – Саджам? – спросил Шенкт.

Тот непринужденно кивнул.

– Я тебя знаю?

– Нет.

– Незнакомец, стало быть. Мы не часто принимаем их здесь, верно, друзья? – Ответом ему было несколько натянутых улыбок. – Большинство клиентов – наши хорошие знакомые. И что же, незнакомец, может сделать для тебя Саджам?

– Где Монцкарро Меркатто?

В комнате разом воцарилось тягостное, нехорошее молчание. Затишье, предшествующее буре. Спокойствие, чреватое взрывом.

– Змея Талина умерла, – проворчал Саджам, сощурив глаза.

Шенкт ощутил медленное, едва заметное движение вокруг. Таяли улыбки на лицах, ноги нащупывали точку опоры для броска, руки потянулись к оружию.

– Жива, и ты знаешь, где она. Мне нужно всего лишь поговорить с ней.

– Де… дерьмо, что этот урод о себе во… воображает? – спросил хиляк. Кое-кто засмеялся. Фальшиво и натужно, скрывая напряжение.

– Скажи просто, где она. Пожалуйста. И ничья совесть сегодня не будет обременена лишней тяжестью.

Просить Шенкт не стеснялся. Он давно покончил с гордостью. Поэтому заглянул сейчас каждому в глаза, каждому предоставил возможность дать ему то, о чем он просит. Поскольку старался предоставлять такую возможность всем и всегда. И хотел бы, чтобы ею почаще пользовались.

Но эти люди лишь улыбнулись ему и друг другу. И самой широкой была улыбка Саджама.

– Я свою совесть поднимаю без труда.

Точно так же мог бы ответить старый учитель Шенкта.

– Некоторым удается. Это – дар.

– Но вот что я скажу… кинем жребий. – Саджам поднес монетку, с которой играл, к свету. Сверкнуло золото. – Решка – мы тебя убьем. Орел – я скажу тебе, где Меркатто… – Сверкнули зубы на темном лице. – Потом мы тебя убьем.

Чуть слышно звякнул металл, когда он щелчком послал монетку в воздух.

Шенкт сделал вдох через нос. Медленно, медленно.

Монетка плавно полетела вверх. Переворачиваясь в движении.

Часы затикали, замедляя ход, словно шлепали по воде огромные весла.

Тик… Так… Тик…

Кулак Шенкта вошел в брюхо толстяка, сидевшего справа, рука погрузилась почти по локоть. Лишенный возможности вздохнуть, тот только выпучил глаза. Мгновеньем позже в его изумленное лицо врезалось ребро ладони и раскололо голову, смяв кости, как бумагу. Кровь брызнула на стол, растеклась по нему темными лужицами. И лишь тогда злоба на лицах остальных начала сменяться потрясением.

Шенкт сдернул со стула сидевшего ближе всех игрока и швырнул в потолок. Крик того оборвался при ударе о балку, которая треснула, и искалеченное тело вместе с градом щепок и сбитой штукатурки упало на пол. Но задолго до того, как тело успело коснуться пола, Шенкт головой следующего игрока пробил стол и пол под столом, и во все стороны полетели карты,

осколки посуды, обломки дерева и куски плоти. Выхватив из его сжатой руки нож, метнул его через комнату в грудь татуированному громиле, начавшему подниматься с подушки с боевым кличем на устах. Перевернувшись на лету, нож ударил громилу лишь рукоятью, но с такой силой, что значения это не имело. Тот завертелся на месте, подобно детскому волчку, и кровь из раны на груди хлестала вслед за движением по кругу.

Дзинькнул арбалет, тетива вытолкнула стрелу, которая медленно, трепеща древком, поплыла к Шенкту сквозь клубы пыли, как сквозь патоку. Он поймал ее, разрезал наконечником надвое лицо очередному игроку, затем ударом под подбородок и легким поворотом запястья отправил его в полет по комнате. Игрок влепился в стрелка, оба их тела – в стену, пробили ее и вылетели в переулок за домом, оставив в деревянной обшивке рваную дыру.

Охранник, который привел сюда Шенкта, поднял булаву, разинул рот, собираясь закричать, втянул в грудь воздух. Перепрыгнув через обломки стола, Шенкт ударом ребра ладони разворотил ему грудь и подкинул завертевшееся штопором тело вверх. Булава выпала из мертвой руки. А Шенкт сделал шаг вперед и выхватил в воздухе монетку Саджама, которая, вращаясь, падала вниз. Металл шлепнул по ладони.

Шенкт выдохнул, и время пошло с обычной скоростью.

По полу еще катились последние два трупа. Сыпалась с потолка штукатурка. Дернулась несколько раз, стуча по половицам, левая нога татуированного громилы и застыла. Еще стонал кто-то, но длилось это столь же недолго. Сеялась сверху кровь, оседая росой на осколках стекла, обломках дерева, изувеченных телах. Кружились белым облаком в воздухе перья из лопнувшей подушки.

Шенкт поднес к лицу Саджама трясущийся кулак. Оттуда с шипением исходил пар. Затем меж пальцев просочилось расплавленное золото и побежало тонкими струйками вниз по измазанной кровью руке. Разжав кулак, он показал Саджаму пустую ладонь, покрытую кровавыми пятнами и золотыми.

– Ни орла, ни решки.

– Дья… дья… дья… – Где был некогда стол, по-прежнему сидел на месте, сжимая в окостеневшей руке карты, заикающийся хиляк, заляпанный кровью сверху донизу.

– Эй, – сказал Шенкт, – заика. Ты будешь жить.

– Дья… дья…

– Только ты и спасешься. Проваливай, пока я не передумал.

Заика бросил карты, кинулся, подвывая, к выходу, нырнул под занавесь. Шенкт смотрел ему вслед. Спасти хотя бы одного – уже благо.

Когда он повернулся к Саджаму, на него обрушился стул, который разлетелся, ударившись о плечо Шенкта, на куски, с грохотом посыпавшиеся на пол. Напрасный труд – Шенкт даже не почувствовал удара. Ребром ладони он рубанул по руке хозяина притона, сломал ее, как сухую ветку, отчего Саджам завертелся на месте. После чего, не устояв на ногах, упал и покатился по полу.

Шенкт двинулся следом, ступая среди обломков разношенными сапогами без единого шороха. Саджам закашлялся, потряс головой, начал отползать от него на спине, бессильно волоча сломанную, торчавшую под углом вверх руку. Он отталкивался от пола каблуками вышитых гуркских домашних туфель, оставлявших неровные дорожки среди месива из крови, пыли, перьев и щепок, усеявших комнату, как опавшая листва – цвета осеннего леса.

– Большую часть своей жизни человек спит, даже когда бодрствует. У него так мало времени, но и его он тратит совершенно бездумно – гневаясь, печалясь, страдая из-за бессмысленных пустяков. Что делать с переполненным ящиком, который не закрывается… Какие карты достались моему противнику и сколько денег я могу выиграть… Быть бы мне выше ростом… Чем пообедать, если я не люблю зелень… – Носком сапога Шенкт отпихнул с дороги изувеченный труп. – И только в такие вот моменты мы вспоминаем о своих истинных чувствах, под-

нимаем взор от земли к небу, начинаем жить настоящим. Вот и ты сейчас сознаешь, насколько драгоценно каждое мгновенье. Это мой подарок тебе.

Саджам дополз до стены, держась за нее, с трудом поднялся на ноги. Сломанная рука беспомощно повисла.

– Я не люблю жестокости. – Шенкт остановился в шаге от него. – Поэтому впредь давай обойдемся без глупостей. Где Монцкарро Меркатто?

Саджам, надобно отдать должное его храбрости, схватился за нож на поясе.

Указательный палец Шенкта ткнулся во впадину у него под ключицей. Пробил рубашку, кожу, плоть, и, когда груди коснулся весь сжатый кулак и уперся в нее костяшками, с силой прижав Саджама спиной к стене, ногтем этого пальца Шенкт уже скреб плечевую кость. Саджам взвыл, выпустил нож из ослабевшей руки. Тот стукнулся об пол.

– Обойдемся без глупостей, я сказал. Где Меркатто?

– В Виссерине, это последнее, что я слышал! – хриплым от боли голосом выкрикнул Саджам. – В Виссерине!

– В осаде?

Тот закивал, крепко стиснув зубы.

Если Виссерин еще не пал, подумал Шенкт, это все равно произойдет, пока он туда доберется. Но он привык доделывать свою работу до конца. Поэтому должен считать, что Меркатто уцелеет, и продолжить поиски.

– Кто ей помогает?

– Какой-то северный бродяга, который называет себя Трясучкой! Мой человек, Балагур! Сидевший со мной в Схроне!

– А еще? – Шенкт подвигал пальцем в ране. По руке его вдоль засохших золотых полосок потекла кровь. Закапала с локтя – кап, кап, кап…

– Ай! Ай!.. Еще я свел ее с отравителем по имени Морвир! В Вестпорте… а в Сипани – с женщиной по имени Витари!

Шенкт нахмурился.

– Это женщина, которая может многое! – пояснил Саджам.

– Меркатто, Трясучка, Балагур, Морвир… Витари, – повторил Шенкт.

Саджам отчаянно кивал, пуская слюни всякий раз, как пытался втянуть воздух сквозь страдальчески стиснутые зубы.

– И куда эта отважная компания собирается дальше?

– Не знаю! Ох!.. Она сказала – семь человек. Семь человек, которые убили ее брата! Ай!.. Может, в Пуранти! Опережая армию Орсо!.. Если ей удастся убить Ганмарка, потом она, возможно, попытается добраться до Верного… Карпи Верного!

– Возможно, и попытается.

Шенкт выдернул палец. Плоть чмокнула при этом, и Саджам, скорчившись, соскользнул по стене и грохнулся на задницу. Лицо его, трясущееся, все в поту, искажала болезненная гримаса.

– Пощади, – прохрипел он. – Я могу тебе помочь. Найти ее.

Шенкт присел перед ним на корточки, свесил перемазанные кровью руки с перемазанных кровью колен.

– Но ты уже помог. С остальным я сам справлюсь.

– У меня есть деньги! Деньги…

Шенкт не ответил.

– Я сам собирался сдать ее Орсо, рано или поздно, если, конечно, хорошо заплатят.

Молчание.

– Тебе все равно, да?

И вновь ни звука.

– Я говорил этой суке, что она станет моей погибелью.

– И был прав. Надеюсь, это утешает.

– Не очень. Надо было убить ее сразу.

– Но ты видел возможность заработать. Хочешь что-нибудь сказать?

Саджам вытаращил на него глаза.

– Сказать… что?

– Некоторым в конце хочется сказать что-то важное для себя. А тебе?

– Кто ты? – прошептал Саджам.

– Кем я только не был. Учеником. Вестником. Вором. Солдатом – в давно минувших войнах. Слугой великих сил. Участником великих событий. А сейчас… – Шенкт безрадостно вздохнул, окинул взглядом валявшиеся по всей комнате изуродованные трупы. – Сейчас я, похоже, человек, который сводит счеты других людей.

Великий фехтовальщик

Руки у Монцы опять дрожали. В чем не было ничего удивительного. Опасность, страх, неуверенность, удастся ли остаться в живых в следующее мгновенье. Боль, изнуряющая потребность в хаске, постоянная вероятность предательства… день за днем, неделя за неделей. Брата ее убили, саму искалечили, отняли все, что она создала своими руками. К тому же на плечи свинцовой тяжестью давила вина перед погибшими в Вестпорте и в Сипани по ее воле, пусть и без ее желания.

Несколько месяцев такой жизни, какую вела она в последнее время, – и у любого задрожат руки. Но, возможно, последней каплей стал вид Трясучки, которому выжигали глаз, и мысль о том, что она будет следующей.

Монца нервно взглянула на дверь между их комнатами. Скоро он проснется. Будет рыдать, что просто невыносимо. Или молчать, что еще хуже, стоя на коленях и глядя на нее одним глазом. Обвиняюще. Она понимала, что должна быть благодарной, заботиться о нем, как заботилась когда-то о брате. Но все чаще хотелось попросту пнуть его ногой. Возможно, когда Бенна умер, вместе с его гниющим трупом на склоне горы осталось и все то доброе, сердечное, человеческое, что в ней еще было.

Стянув перчатку, она уставилась на безобразие, которое та скрывала. Тонкие розовые шрамы в местах, где были раздроблены кости. Темно-красный – где врезалась удавка Гоббы. Сжала пальцы в кулак, верней, в его подобие. Мизинец остался торчать вбок, словно указатель в никуда. Больно было уже не так, как раньше, но достаточно, чтобы заставить ее поморщиться. И боль эта прогнала страх и сокрушила сомнения.

– Месть, – прошептала Монца.

Убить Ганмарка – вот что важно по-настоящему. Снова вспомнились его блеклые, слезящиеся глаза, кроткое, печальное лицо. Как спокойно он вонзал в Бенну меч. Как сбрасывал его с балкона. «Ну вот, с этим кончено». Оскалив зубы, она сжала кулак крепче.

– Месть.

За Бенну и за себя. Она была Палачом Каприле, беспощадным и неустрашимым. Она была Змеей Талина, смертоносной, как гадюка, и не более жалостливой. Убить Ганмарка, а потом…

– Следующего. – И руки перестали дрожать.

Из коридора донеслись торопливые шаги – кто-то пробежал мимо двери. Монца услышала раздавшийся вдалеке крик. Слов не разобрала, но страха в голосе не услышать было невозможно. Она подошла к окну, открыла его. Отведенная ей комната – или камера – находилась с северной стороны дворца, на самом верху, откуда открывался вид на каменный мост,

соединявший берега Виссера выше по течению. По нему спешили крошечные человечки. Даже с такого расстояния было ясно – бегут, спасая жизнь.

Хороший полководец узнает запах паники, а сейчас он просто висел в воздухе… Видно, люди Орсо взяли наконец стены. Разграбление Виссерина началось. И Ганмарк, должно быть, уже летел во дворец, торопясь завладеть знаменитой коллекцией герцога Сальера.

За спиной скрипнула, открываясь, дверь, и Монца быстро обернулась. На пороге стояла капитан Лангриер в талинском мундире, с увесистым мешком в руке. На одном боку – меч, на другом – длинный кинжал. У Монцы никакого оружия не было, и она вдруг осознала это со всей остротой. Выпрямилась, уперев руки в бока, попыталась принять такой вид, словно каждый мускул ее тела готов к немедленной драке. И весьма вероятной смерти.

Лангриер медленно шагнула в комнату.

– Так вы и вправду Меркатто?

– Я – Меркатто.

– Душистые сосны, Масселия, Высокий берег… вы выиграли все эти битвы?

– Тоже верно.

– И вы приказали убить жителей Каприле?

– Какого черта вам от меня надо?

– Герцог Сальер сказал, что решил поступить по-вашему. – Лангриер брякнула мешок на пол. Тот раскрылся, внутри блеснул металл. Талинские доспехи, собранные Балагуром возле бреши. – Надевайте-ка. Неизвестно, сколько времени у нас до того, как сюда явится ваш друг, генерал Ганмарк.

Смерть ей, стало быть, не грозит. Пока… Монца выудила из мешка лейтенантский мундир, натянула на себя куртку, начала застегивать пуговицы. Лангриер некоторое время смотрела на нее молча, потом заговорила:

– Я хотела сказать только… пока возможность есть… э-э-э… что я всегда вами восхищалась.

Монца вытаращила на нее глаза.

– Что?

– Как женщиной. И командиром. Тем, чего вы добились. И что совершили. Пусть вы были на другой стороне, но мне всегда казались героем…

– Думаете, мне интересно это дерьмо? – Монцу затошнило. От чего больше – от того, что ее назвали героем или от того, кто именно назвал, – она и сама не знала.

– Не вините меня за то, что не поверила вам. Думала, женщина с вашей репутацией держалась бы тверже в таком положении…

– Вы смотрели когда-нибудь, как другому человеку выжигают глаз, думая при этом, что станете следующей?

Лангриер пожевала губами.

– Чего не было, того не было.

– Случись такое, поглядела бы я, черт подери, что останется от вашей твердости.

Монца натянула на ноги ворованные сапоги, которые пришлись почти впору.

– Возьмите. – Сверкнул кровавым светом камень – Лангриер протянула ей кольцо Бенны. – Оно мне все равно маловато.

Монца порывисто схватила его, надела на палец.

– Что… вернули украденное и думаете, мы квиты?

– Послушайте, я сожалею о том, что произошло с глазом вашего приятеля, и обо всем остальном тоже, но это не имело отношения к вам лично. Поймите… кто-то представляет угрозу для моего города, я должна выяснить – какую. Удовольствия я не получаю, просто это то, что должно быть сделано. Не притворяйтесь, будто сами не творили худшего. Я не наде-

юсь, что когда-нибудь мы будем по-дружески обмениваться шутками. Но сейчас нам предстоит общее дело, и на время об этом лучше позабыть.

Монца промолчала. Что правда, то правда. Случалось ей творить худшее. Не препятствовать, во всяком случае, творить другим. Она надела нагрудную пластину, которая была снята, видно, с какого-то худощавого молодого офицера и тоже пришлась ей почти впору, затянула последний ремешок.

– Чтобы убить Ганмарка, мне нужно оружие.

– Когда мы выйдем в сад, вы его получите, но…

Монца увидела вдруг чью-то руку, взявшуюся за рукоять кинжала Лангриер. Та, удивленная, начала поворачиваться.

– Что…

Из горла ее выскользнуло наружу острие. Рядом с лицом возникло лицо Трясучки – бледное, изможденное, с повязкой поперек, на которой на месте бывшего глаза темнело пятно. Обхватив левой рукой Лангриер вокруг туловища, Трясучка прижал ее к себе. Крепко, как любовник.

– Это не имеет отношения к вам лично, поймите. – Губы его почти касались ее уха. С острия кинжала потекла темной струйкой по горлу кровь. – Вы отнимаете у меня глаз, я отнимаю у вас жизнь. – Она открыла рот, оттуда тоже хлынула кровь. – Удовольствия я не получаю. – Лицо ее побагровело, глаза выкатились. – Просто это то, что должно быть сделано. – Он чуть приподнял ее, она взбрыкнула ногами. – Я сожалею о том, что произошло с вашим горлом. – Клинок двинулся в сторону, кровь, брызнувшая из распоротого горла струей, оросила постель Монцы, оставила на стене дугу из красных пятнышек.

Трясучка отпустил Лангриер, та рухнула мешком, словно в теле ее не осталось костей, и растянулась вниз лицом. Ноги задергались, заскребли по полу носки сапог. Царапнула половицу рука и застыла. Трясучка глубоко втянул воздух носом, выдохнул его, взглянул на Монцу и улыбнулся. Мимолетно, тепло, словно обменялся с нею какой-то дружеской шуткой, оставшейся непонятной для Лангриер.

– Чтоб я сдох… мне стало лучше. Она сказала, Ганмарк в городе?

– Угу. – Говорить Монца была не в состоянии. Ее щеки пылали.

– Значит, предстоит работенка. – Трясучка, казалось, не замечал быстро расползавшейся лужи крови, добравшейся уже до его босой ступни. Он поднял мешок, заглянул туда. – Доспехи?.. Думаю, начальник, пора и мне приодеться. Терпеть не могу ходить на званые вечера в неподобающем наряде.

В саду среди галерей герцога Сальера не было никаких признаков приближающейся погибели. Журчала вода, шелестели листья, перелетали с цветка на цветок пчелы. Сыпались с вишневых деревьев лепестки, усеивая аккуратно подстриженные лужайки.

Коска сидел, подобрав под себя ноги, и под тихий звон металла водил по мечу оселком. Фляга Морвира, лежавшая в кармане, впивалась в бедро, но сегодня старому наемнику было не до нее. Смерть стучала в двери, и поэтому в душе его царил мир. Блаженный покой в ожидании бури. Запрокинув голову, прикрыв глаза, ощущая на лице теплую ласку солнца, он гадал, почему никогда не испытывает этих чувств, если мир вокруг не горит.

Легкий ветерок порхал по колоннадам, залетал сквозь открытые двери в коридоры, увешанные картинами. Глянув в ту сторону, Коска увидел за одним из окон Балагура в талинских доспехах, который, стоя перед гигантской картиной Назурина, посвященной второй битве при Оприле, пересчитывал на ней солдат. Он улыбнулся, ибо всю жизнь старался прощать другим людям их слабости. Поскольку у него хватало своих.

В галереях еще оставалось с полдюжины гвардейцев Сальера, тоже переодевшихся талинцами, людей достаточно верных, чтобы умереть вместе с хозяином. Коска, проведя в очередной

раз по клинку оселком, усмехнулся. Верность, вместе с честью, дисциплиной и воздержанием, всегда относилась, в его представлении, к числу добродетелей, пониманию недоступных.

– Чему вы радуетесь? – спросила Дэй, сидевшая рядом с арбалетом на коленях и кусавшая губы.

Мундир, снятый, должно быть, с убитого мальчишки-барабанщика, был ей к лицу. Чертовски. Коска подумал сначала, нормально ли это, что хорошенькая девушка в мужской одежде кажется ему какой-то особенно соблазнительной. А потом – не удастся ли вдруг уговорить ее оказать соратнику… некоторую помощь в заточке оружия, покуда не началась битва? Потом, прочищая горло, откашлялся. Нет, разумеется. Но можно ведь помечтать…

– Наверное, у меня что-то не в порядке с головой. – Стер пальцем пятнышко с клинка. – Подъем ранним утром… – Провел по нему оселком. – День, проведенный в честных трудах… – Услышал скрип камня, звон металла. – Покой… душевное равновесие… трезвость… – Поднял меч к свету, полюбовался блеском клинка. – Все это меня пугает. Опасность же, наоборот, долгие годы служила мне единственным успокоением. Съела бы ты что-нибудь. Силы тебе понадобятся.

– Аппетита нет, – мрачно сказала Дэй. – Никогда еще я не шла на верную смерть.

– Брось, брось, не говори так. – Коска поднялся на ноги, стряхнул лепесток, приставший к капитанскому знаку различия на рукаве. – Если я из своих многочисленных сражений и вынес что-то, так это знание, что смерть никогда не бывает верной. Всего лишь… весьма вероятной.

– Воистину вдохновляющая речь.

– Стараюсь. Правда, стараюсь.

Коска загнал меч в ножны, поднял с земли Кальвец Монцы и легким шагом двинулся к статуе «Воителя», в чьей могучей тени стоял его светлость герцог Сальер, приодевшийся в честь грядущей благородной кончины в белоснежный, без единого пятнышка мундир, украшенный золотыми галунами.

– Почему все кончилось так? – мучительно размышлял он. Тот же вопрос частенько задавал себе Коска – высасывая последние капли то из одной бутылки, то из другой, просыпаясь в тяжком похмелье то у одной незнакомой двери, то у другой, исполняя то одну ненавистную грошовую работу по найму, то другую. – Почему все кончилось… так?

– Вы недооценили ядовитое честолюбие Орсо и жестокие таланты Меркатто. Но не расстраивайтесь слишком, такое случается со всеми.

Сальер скосил в его сторону глаза.

– Вопрос был риторическим. Но вы, конечно, правы. Похоже, я грешил самонадеянностью, и расплата будет суровой. Но кто бы мог ожидать, что эта молодая женщина станет одерживать над нами одну невероятную победу за другой? Как я смеялся, когда вы, Коска, сделали ее своим заместителем. Как все мы смеялись, когда Орсо доверил ей командование… мы уже предвкушали свой триумф и делили меж собой его земли. И смех наш обернулся теперь слезами, увы.

– У смеха есть такое обыкновение, я не раз замечал.

– Она великий воин, разумеется, а я – весьма скверный. Но я и не стремился никогда стать воином и был бы вполне счастлив оставаться всего лишь великим герцогом.

– Вместо этого обратились в ничто, как и я. Такова жизнь.

– Пришло время совершить последний подвиг, однако.

– Нам обоим.

Герцог ухмыльнулся:

– Пара умирающих лебедей, а, Коска?

– Я бы сказал, пара старых индюков. Почему вы не спасаетесь бегством, ваша светлость?

– Сам удивляюсь, должен признаться. Из гордости, наверное. Я прожил жизнь великим герцогом Виссерина и намерен умереть им же. Не желаю быть просто жирным господином Сальером, в прошлом важной персоной.

– Из гордости?.. Боюсь, ею я никогда особенно не страдал.

– Почему же не бежите вы?

– Я… – И вправду, почему не бежит он? Старый господин Коска, в прошлом важная персона, всегда спасавший в первую очередь собственную шкуру? Из-за глупой любви? Безумной храбрости? Желания расплатиться со старыми долгами? Или всего лишь потому, что только смерть милосердно избавит его от дальнейшего позора?.. – О, гляньте-ка. Помяни ее, и она тут как тут.

Талинский мундир, волосы убраны под шлем, подбородок сурово выдвинут вперед. Ни дать ни взять, юный офицер, гладко выбрившийся с утра, преисполненный жажды поскорей принять участие в столь мужском деле, как война. Не знай Коска, кто это, ни за что бы не догадался. Если только по чему-то неуловимому в походке? По округлости бедер? По длине шеи?.. Женщины в мужской одежде. Не поэтому ли они его так мучают?..

– Монца! – воскликнул он. – Я уж думал, никогда не придешь!

– И позволю тебе принять героическую смерть в одиночестве?

За нею следовал Трясучка в кирасе, наголенниках и шлеме, снятых с какого-то здоровяка возле бреши, с повязкой на лице, прикрывавшей пустую глазницу.

– Как я поняла, они уже у дворцовых ворот.

– Так скоро? – Сальер нервно облизнул пухлые губы. – Где капитан Лангриер?

– Сбежала. Неохота, похоже, становиться героем.

– В Стирии не осталось места верности?

– А была? Я не замечал. – Коска бросил Монце ножны с Кальвецом, и она ловко поймала их на лету. – Если не считать той, которую каждый хранит сам себе. У нас есть какой-то план, кроме ожидания, пока сюда не заглянет Ганмарк?

– Дэй! – позвала Монца и показала девушке на узкие окна второго этажа. – Ты нужна мне там. Опустишь решетку, как только мы начнем убивать Ганмарка. Или он нас.

Та явно испытала облегчение при мысли оказаться подальше от места боевых действий, хотя бы на время. А в том, что это будет именно на время, Коска не сомневался.

– Как только западня захлопнется. Ладно, – сказала Дэй и поспешила к дверям.

– Мы ждем здесь. Когда явится Ганмарк, скажем ему, что взяли в плен великого герцога Сальера. Подведем вашу светлость поближе, и… Вы понимаете, что все мы сегодня можем умереть?

Толстые щеки герцога всколыхнула тусклая улыбка.

– Я не воин, генерал Меркатто, но и не трус. Если все равно умирать, отчего бы и не плюнуть из могилы?

– Не могу не согласиться.

– И я, – встрял Коска. – Хотя могила есть могила, плюй не плюй. Ты точно уверена, что он явится?

– Точно.

– А когда придет?..

– Убьем, – буркнул Трясучка. Раздобывший где-то щит и боевой топор с пикой на обухе, которым сейчас и взмахнул на пробу с самым зверским лицом.

Губы Монцы дрогнули.

– Думаю, мы просто подождем и посмотрим.

– Подождем и посмотрим, ага, – просиял Коска. – План совершенно в моем духе.

Откуда-то из глубин дворца донесся грохот. Послышались приглушенные расстоянием крики, перемежаемые едва различимым звоном стали. Монца нервно стиснула левой рукой рукоять уже обнаженного Кальвеца.

– Слышите? – Пухлое лицо Сальера, стоявшего рядом, сделалось белым, как сметана.

У гвардейцев его, рассыпавшихся по саду с трофейным оружием в руках, вид был немногим лучше. Но так обычно и бывает, когда решаешься на смерть – об этом ей не раз говаривал Бенна. Чем ближе она подступает, тем глупее кажется собственная решимость. Зато Трясучка сомнений как будто не испытывал. Их выжгли из него, должно быть, каленым железом. Коска тоже – его счастливая ухмылка ширилась с каждым мгновением.

Балагур сидел на земле, поджав под себя ноги, и бросал кости. Поднял на Монцу ничего не выражающее, как обычно, лицо.

– Пять и четыре.

– Это хорошо?

Он пожал плечами:

– Это – девять.

Монца подняла брови. Странную компанию она себе подобрала, ничего не скажешь. Но, коль затея твоя полубезумна, тебе и люди нужны хотя бы отчасти безумные, чтобы довести дело до конца.

Умные могут не устоять перед искушением найти занятие получше.

Снова послышались грохот и крики, на сей раз ближе. Солдаты Ганмарка подбирались к саду в центре дворца. Балагур еще разок бросил кости, потом собрал их и встал с мечом в руке. Монца, стараясь сохранять спокойствие, приковалась взглядом к открытой двери, за которой был увешанный картинами коридор, а за коридором – арка. Единственный вход сюда из дворца.

В арку заглянула голова в шлеме. Затем появилось тело в доспехах. Талинский сержант. Укрываясь щитом, держа меч наготове, он медленно прошел под опускной решеткой, настороженно прошагал по мраморным плитам коридора. Ступил в залитый солнечным светом сад, огляделся, щурясь.

– Сержант! – весело окликнул его Коска.

– Капитан. – Тот расправил плечи и опустил меч.

Следом за ним в сад хлынули еще солдаты, все с оружием на изготовку, бородатые, бдительные ветераны талинской армии. Уставились на своих, успевших уже каким-то образом оказаться в саду, с видом удивленным, но отнюдь не разочарованным.

– Неужто это он? – спросил сержант, показывая на Сальера.

– Он, – ухмыльнулся Коска в ответ.

– Ну-ну. Жирен мерзавец, верно?

– Это точно.

Еще несколько вояк высыпались в сад, за ними показалась кучка штабных в девственно чистеньких мундирах, с прекрасными мечами, но без доспехов. Во главе непререкаемо властной поступью вышагивал офицер с кротким лицом и грустными, водянистыми глазами.

Ганмарк.

Оттого, что смогла предсказать его действия с такой легкостью, Монца испытала было мрачное удовлетворение, но его тут же вытеснила вспышка ненависти.

На левом боку у него висел длинный меч, на правом – покороче. Союзный обычай носить длинный и короткий клинки.

– Охранять галереи! – приказал Ганмарк со своим характерным акцентом, выйдя в сад. – Обеспечить прежде всего безопасность картин!

– Есть, генерал!

Затопали сапоги. Солдаты бросились исполнять приказ. Их было много, и Монца крепко, до боли, стиснула зубы. Слишком много… Но сокрушаться смысла нет. Убить Ганмарка – все, чего она хочет.

– Генерал! – Коска, вытянувшись в струнку, отдал честь. – Мы взяли герцога Сальера.

– Вижу. Отличная работа, капитан. Вы времени даром не теряли и будете вознаграждены. Молодцы. – Он отвесил насмешливый поклон. – Мое почтение, ваша светлость. Великий герцог Орсо посылает вам свой братский привет…

– Срать мне на его привет, – рявкнул Сальер.

– …И свои сожаления по поводу того, что сам он прибыть не смог, дабы засвидетельствовать ваше полное поражение.

– Будь он здесь, я и на него срал бы.

– Разумеется. Он был один здесь? – спросил Ганмарк у Коски.

Тот кивнул:

– Стоял и ждал, глядя вот на это, – и показал на величественную статую посреди сада.

– «Воитель» Бонатине. – Ганмарк медленно двинулся к мраморному изображению Столикуса, подняв к нему улыбающееся лицо. – Въяве еще прекрасней, чем по рассказам. Будет замечательно смотреться в садах Фонтезармо. – Он оказался не более чем в пяти шагах от Монцы, и сердце у нее отчаянно заколотилось. – Поздравляю вас с такой изумительной коллекцией, ваша светлость.

– Срал я на ваши поздравления, – усмехнулся Сальер.

– Что-то вы слишком много срете. С другой стороны, конечно, есть чем – человеку вашей комплекции. Подведите-ка толстяка ближе.

Этого момента Монца и ждала. Она крепче сжала рукоять Кальвеца, пошла вперед, правою рукой взяв Сальера за локоть. С другой стороны от герцога двинулся Коска. Офицеры и солдаты Ганмарка рассредоточились по саду, глазея кто на цветы, кто на статую, кто на Сальера, кто на картины в галереях через окна. Лишь двое оставались рядом с генералом, но вид у них был спокойный. Не настороженный. Кругом одни свои…

Балагур с мечом в руке застыл, подобно статуе. Трясучка стоял, опустив щит, но Монца видела, как побелели костяшки его руки, сжимавшей топор, и как быстро перебегал с одного врага на другого единственный глаз, оценивая угрозу.

Ухмылка Ганмарка, когда к нему подвели Сальера, стала еще шире.

– Ну, ну, ваша светлость. Я помню еще вашу вдохновенную речь по поводу организации Лиги Восьми. Что вы тогда говорили? Что скорей умрете, чем встанете на колени перед псом Орсо? Я не прочь увидеть вас сейчас на коленях. – Он улыбнулся Монце, которая была уже в каких-то двух шагах от него. – Лейтенант, не могли бы вы…

В следующий миг блеклые глаза его сощурились. Узнал… И Монца, отпихнув с дороги ближайшего солдата, рванулась к нему, целя в сердце.

Сталь знакомо скрежетнула о сталь. Каким-то образом за это краткое мгновенье он успел наполовину вытащить меч, и выпад ее цели не достиг. Кальвец скользнул вверх. Ганмарк резко отвернул голову, и острие оставило лишь длинный порез у него на щеке, после чего меч генерала, вылетев из ножен, отбросил ее клинок в сторону.

Затем в саду воцарился хаос.

На лице Ганмарка появилась длинная царапина, оставленная мечом Монцы. Один из офицеров, стоявших рядом, озадаченно взглянул на Балагура.

– Но…

Меч Балагура опустился ему на голову. Глубоко вошел и застрял, и Балагур, когда противник начал падать, выпустил его. Неудобное оружие… он всегда предпочитал ближний бой. И, сорвав с пояса нож и тесак, ощутив в руках привычные рукояти, испытал невыразимое

облегчение. Теперь все было просто. Убить как можно больше врагов, пока они в растерянности. Уравнять шансы. Ибо одиннадцать против двадцати шести – не хорошо.

Он ударил ножом в живот другого, рыжеволосого офицера, не успел тот обнажить меч, толкнул его на третьего, чей выпад в результате не достиг цели, и, метнувшись вперед, рубанул последнего тесаком по плечу, распоров мундир и плоть. Увернулся от нацеленного в него копья и вонзил солдату, его державшему, нож в подмышку, царапнув лезвием край кирасы.

Тут с визгливым скрежетом рухнула опускная решетка. Во входной арке стояли два солдата, и одному она пришлась как раз за спиной, заперев его в галереях вместе с остальными. Второй попытался уклониться, но не успел. Острые концы прутьев вошли в живот, проломив доспехи, и придавили его к полу. Неистово дергая ногами, он начал кричать, но вряд ли его кто-то услышал бы. К этому времени уже кричали все.

Сражение закипело в саду, выплеснулось в четыре окружавших его галереи. Коска свалил гвардейца ударом меча сзади по ногам. Разрубил другого почти напополам Трясучка и, окруженный еще тремя, пятился теперь по коридору, полному статуй, бешено размахивая топором, издавая при этом странные звуки – то ли рев, то ли смех.

Рыжий офицер, раненный Балагуром, заковылял из сада со стонами, оставляя за собой цепочку кровавых пятен, в первый коридор. Балагур догнал его, поднырнул под неловкий взмах меча, выпрямился и снес ему тесаком затылок. Придавленный решеткой солдат бессмысленно тряс прутья, лепеча что-то невнятное. Второй, только теперь сообразивший, что произошло, ткнул алебардой в сторону Балагура. Оторвавшись от созерцания одной из семидесяти восьми картин этого коридора, растерянный офицер с родимым пятном на щеке потянул меч из ножен.

Двое. Один и один. Балагур едва не ухмыльнулся. Все просто и понятно.

Монца, вскинув меч, снова бросилась на Ганмарка, но кто-то из его людей толкнул ее щитом. Она поскользнулась, упала, перекатилась на бок, торопливо вскочила на ноги.

Кругом шло сражение.

На глазах у нее Сальер с ревом выхватил из-за спины тонкую шпагу и выпадом в лицо сразил какого-то изумленного офицера. Затем ткнул ею в Ганмарка – с живостью, неожиданной для человека его комплекции, но, увы, все же недостаточной. Генерал спокойно шагнул в сторону, уклоняясь от клинка, и вонзил в толстое брюхо великого герцога Виссерина собственный меч. Монца увидела окровавленное острие, выскользнувшее сзади, из белого мундира. Как выскользнуло оно в свое время из белой рубашки Бенны.

– О-ох, – сказал Сальер.

Ганмарк пинком ноги отбросил его к мраморному пьедесталу «Воителя», где герцог и упал. Схватился пухлыми руками за живот и уставился на кровь, расплывшуюся на мягкой белой ткани.

– Убейте их всех! – прорычал Ганмарк. – Но поосторожней с картинами!

К Монце ринулись двое. Чуть не столкнулись, поскольку она отпрыгнула в сторону. Легко увернулась от рубящего удара сверху, который нанес один, и сама вонзила меч ему в пах, под низ кирасы. С диким визгом он рухнул на колени, но не успела она выпрямиться, как ее уже атаковал второй. Монца едва успела отбить удар, нанесенный с такой силой, что Кальвец чуть не вылетел из руки. Следом солдат ударил ее щитом так, что нижний край нагрудной пластины вдавился в солнечное сплетение, выбив из нее дух и лишив возможности защищаться. Меч взлетел снова… и тут нападавший вскрикнул, начал заваливаться на бок. Упал на одно колено, потом растянулся ничком. В шее торчала арбалетная стрела. Монца вскинула голову и увидела в окне второго этажа Дэй с арбалетом в руках.

Ганмарк ткнул в нее рукой.

– Убейте девчонку!

Дэй скрылась за окном, и все уцелевшие талинские солдаты ринулись, повинуясь приказу, ее искать.

Сальер все смотрел на кровь, сочившуюся из-под его пухлых рук, слегка затуманенным взором.

– Кто бы мог подумать… что я умру, сражаясь? – И голова его, запрокинувшись, уперлась в пьедестал «Воителя».

– Нет конца сюрпризам, которые преподносит мир? – Ганмарк расстегнул верхнюю пуговицу куртки, вытянул из внутреннего кармана платок, промокнул им кровоточащий порез на щеке, потом аккуратно стер кровь Сальера со своего клинка. – И это правда. Вот и вы, оказывается, еще живы.

Монца, успевшая перевести дух, подняла меч брата.

– Да, это правда, содомит вонючий.

– Меня всегда восхищала изысканность вашего лексикона. – Ганмарк двинулся к ней, аккуратно перешагнув по дороге через солдата, которого она ранила в пах, пытавшегося подползти ко входу в галереи. Спрятал окровавленный платок обратно в карман, застегнул пуговицу. Из галерей, где продолжалось сражение, доносились крики, грохот и лязг, но в саду, кроме них с Монцей, сейчас не было никого. Если не считать валявшихся тут и там трупов. – Один на один, стало быть? Давненько я не обнажал клинка для дела, но постараюсь вас не разочаровать.

– Об этом не беспокойтесь. Меня вполне удовлетворит ваша смерть.

Он слабо улыбнулся, перевел слезящиеся глаза на ее меч.

– Сражаетесь левой рукой?

– Хочу дать вам хоть какой-то шанс.

– Самое малое, чем я могу ответить, – это такой же любезностью. – Он ловко перебросил меч из руки в руку, занял оборонительную позицию и вытянул перед собой клинок. – Ну…

Монца была не из тех, кто дожидается приглашения. Она мгновенно сделала выпад, но он, будучи наготове, ушел в сторону и ответил двумя резкими ударами, сверху и снизу. Клинки залязгали, сходясь, проскальзывая друг по другу, отталкиваясь, засверкали в пробивавшихся сквозь древесные кроны солнечных лучах. Безупречно вычищенные кавалерийские сапоги Ганмарка скользили по камням легко, будто в танце. Он атаковал со скоростью молнии, она парировала раз, другой, потом едва не пропустила удар, спаслась, кое-как увернувшись. И вынуждена была быстро отступить на несколько шагов, чтобы перевести дух и вновь собраться с силами.

«Бегство от врага – постыдное дело, – писал Фаранс, – но зачастую лучше, чем альтернатива».

Ганмарк приближался к ней, описывая маленькие круги сверкающим кончиком меча, и Монца не отрывала от него глаз.

– Вы слишком раскрываетесь, боюсь. Страсти в вас много, но страсть без дисциплины – все равно что гнев ребенка.

– Может, заткнетесь, и сразимся?

– О, я в состоянии говорить и рубить вас на части одновременно.

И он пошел в атаку всерьез, тесня ее в другой конец сада. Монца лишь отчаянно отражала удары, пытаясь, конечно, при случае его достать, но слишком редко и без малейшего толку.

Один из лучших фехтовальщиков в мире, говорили о Ганмарке. И поверить в это было нетрудно, тем более что сейчас он действовал левой рукой. И получалось это у него куда лучше, чем у Монцы правой на пике ее мастерства – раздробленного сапогом Гоббы, разбросанного по склону горы под Фонтезармо. Ганмарк был быстрее, сильнее, резче. А это означало, что ее единственная надежда – быть умнее, изобретательней, бесчестней. Злее.

Она пронзительно вскрикнула, атакуя, сделала обманное движение влево, нанесла удар справа. Ганмарк отпрыгнул, и Монца метнула ему в лицо сорванный с себя шлем. Он заметил это как раз вовремя, чтобы пригнуться, и только крякнул, когда шлем стукнул его по макушке. Монца вновь атаковала, но он уклонился, и клинок ее лишь резанул золотой галун у него на плече. Она снова нанесла удар, он парировал, успев вернуться в боевую стойку.

– Нечестно.

– Да пошел ты.

– Пойду, пойду… когда убью вас.

Он нанес рубящий удар, и Монца, вместо того чтобы отпрыгнуть, ринулась вперед. Мечи сцепились, скрежетнув рукоятями. Она подставила ему подножку, но он ловко перескочил через ее ногу, ни на миг не утратив равновесия. Лягнула его в колено, и нога у Ганмарка подогнулась. Ударила мечом со всей мочи, но он все же увернулся, и удар пришелся на ствол дерева. Аккуратно подстриженная зеленая крона затрепетала.

– Существуют способы проще, чтобы подрезать изгородь, если такова ваша цель.

И не успела она опомниться, как он уже атаковал, обрушив на нее шквал хлестких ударов. Монца перепрыгнула через окровавленный труп талинского гвардейца, нырнула за массивные ноги статуи и, укрываясь за ними от меча Ганмарка, попыталась придумать что-нибудь еще. Тем временем распустила ремешки кирасы и сбросила ее с себя. Броня не была защитой от столь искусного фехтовальщика, а тяжесть только утомляла.

– Что, Меркатто, уловки кончились?

– Для тебя найдутся, гадина!

– Ищите в таком случае поскорее. – Ганмарк ткнул мечом между ног статуи, и Монца едва успела отпрыгнуть. – Поймите, вам не удастся победить только потому, что вы считаете себя обиженной и действия свои оправданными. Побеждает тот, кто фехтует лучше, а не злится сильнее.

Он сделал вид, будто собирается обойти вокруг правой ноги «Воителя», но метнулся влево, перепрыгнув через труп Сальера, привалившийся к пьедесталу. Монца вовремя заметила это, отбросила его меч в сторону, рубанула сама, метя в голову, – без особого изящества, зато со всей силой. Но Ганмарк присел, и клинок Кальвеца лязгнул о мускулистую ногу статуи. Брызнули мраморные осколки. Рукоять меча сотряслась так, что Монца ее еле удержала. В руке вспыхнула боль.

Ганмарк, нахмурившись, бережно коснулся поврежденной мраморной ноги.

– Настоящий вандализм.

И снова ринулся в атаку, первым же ударом вынудив Монцу отступить. Вторым – тоже, и под ногами ее вместо камня оказалась земля. Сражаясь, она не переставала дразнить его, хитрить, пользоваться любой возможностью на чем-то подловить, но Ганмарк все замечал чуть ли не раньше, чем она пускала в ход свои уловки, и отражал их с безупречным мастерством. Казалось, он даже не запыхался. Чем дольше они бились, тем лучше он ее понимал, и тем слабее делалась ее надежда на победу.

– Вам бы придержать свой замах. Он слишком высок, – сказал Ганмарк. – Оставляет вам слишком мало выбора и слишком вас открывает. – Отбил с небрежной легкостью несколько ее рубящих ударов подряд. – Еще вы отклоняете клинок вправо, когда вытягиваете. – Она сделала колющий выпад, он подставил свой клинок. Скрежет металла, поворот запястья и… Кальвец, вырвавшись из ее руки, заскакал по камням. – Поняли, что я имею в виду?

Ошеломленная Монца сделала шаг назад. В глаза ударил блеск летящего к ней клинка Ганмарка. Острие с непревзойденной точностью вошло в левую ладонь, проникло меж косточек, вскинуло ее руку к плечу и прикололо к нему. Мгновением позже явилась боль, когда Ганмарк, чуть повернув меч, вынудил ее упасть на колени и выгнуться назад. И Монца застонала.

– Если принять это от меня вам кажется незаслуженным, представьте себе, что это – подарок от жителей Каприле.

Он снова чуть повернул меч, и Монца ощутила, как острие ввинтилось в плечо, коснулось кости. По руке потекла кровь, закапала на куртку.

– Поцелуй меня в зад!

Она плюнула в Ганмарка, поскольку только это и оставалось, чтобы не завизжать от боли.

На губах его появилась печальная улыбка.

– Благодарю за предложение, но брат ваш был больше в моем вкусе.

Он выдернул клинок, и Монца, качнувшись вперед, упала на четвереньки. Закрыла глаза, ожидая с колотящимся сердцем, что клинок этот сейчас вонзится промеж лопаток, целя в сердце, как вонзился он в спину Бенны.

Очень ли больно будет и долго ли продлится боль?.. Очень, скорей всего, но недолго.

Она услышала удаляющийся стук каблуков по камню, медленно подняла голову. Увидела, как Ганмарк подошел к Кальвецу, подцепил его ногой и подкинул кверху – точно в подставленную руку.

– Коснулся меня лишь раз, кажется. – Он бросил меч, как дротик, и тот, воткнувшись в землю рядом с ней, покачнулся. – Не попытаться ли довести счет до трех? Что скажете?

Длинный коридор – пристанище шедевров стирийских мастеров – украсился еще и пятью трупами – последним штрихом в убранстве всякого дворца, который, правда, разборчивому диктатору требуется регулярно обновлять во избежание запаха. Особенно в теплую погоду. На полу лежали окровавленные тела одного талинского офицера и двух переодетых гвардейцев герцога, в позах, коим явно недоставало достоинства. Правда, еще один гвардеец, генеральский, умудрился скончаться в относительно уютном местечке – возле одинокого столика, на котором стояла узорчатая ваза.

Последний умер по дороге к дальней двери, оставив за собой на сверкающем полу маслянистый красный след. Коска проткнул ему живот, а ползти, придерживая одновременно кишки, довольно трудно.

Живыми здесь оставались еще сам Коска и два юных штабных офицерика с блестящими мечами и блестящими глазами, полными праведного гнева. Наверняка очень милые люди при других, более благоприятных обстоятельствах. Наверняка у них были любящие матери, которых нежно любили сами. И, безусловно, эти двое не заслужили смерти здесь, в этом изукрашенном святилище жадности, по той лишь причине, что предпочли служить одной своекорыстной стороне, а не другой. Но какой выбор был у Коски, кроме как постараться их убить?.. За свою жизнь борются и ничтожный слизняк, и сорная трава. Так почему должен поступить иначе самый печально знаменитый наемник Стирии?

Офицерики разделились. Один двинулся к стене, где были окна, другой – к противоположной, с картинами, загоняя Коску в конец коридора, суля конец самой его жизни. Талинский мундир прилип к потному телу, в груди жгло. Все-таки сражения не на жизнь, а на смерть – игры для молодых.

– Ну, ну, парни, – проворчал он, взвешивая меч в руке. – По одному со мной схватиться слабо? Чести у вас нет?

– Чести нет? – осклабился один. – У нас?

– Это ты переоделся, чтобы напасть на нашего генерала трусливо, исподтишка! – прошипел второй, порозовев от возмущения.

– Да, верно. – Коска опустил меч. – И теперь меня терзает стыд. Я сдаюсь.

Офицерик слева сказанного, казалось, не понял. Правый же озадачился. И тоже опустил меч. В него-то Коска нож и метнул.

Просвистев в воздухе, тот воткнулся юнцу в бок. Коска тут же ринулся в атаку, целя в грудь. Но то ли целился плохо, то ли парнишка согнулся, только клинок угодил в шею и, блистательно оправдав приложенные к заточке усилия, снес голову. Та, брызжа кровью, отлетела к стене, глухо стукнулась о какую-то картину и отскочила. Тело накренилось вперед, из рассеченной шеи ударила длинными струями кровь и мгновенно залила весь пол.

Коска вскрикнул – удивленно и торжествующе разом. И тут второй офицерик бросился на него, хлеща мечом, как хлещут палкой, выбивая ковер. От одного свирепого удара Коска увернулся, другой парировал, поднырнул под третий… споткнулся о безголовое тело и растянулся рядом на скользком от крови полу.

Мальчишка с победным криком ринулся к нему, дабы завершить дело. Шаря рукою по полу в поисках опоры, Коска на что-то наткнулся, схватил это и метнул в него. Оказалась отрубленная голова. Она угодила офицерику в лицо. Тот отпрянул. И Коска, еще немного побарахтавшись, успел-таки вскочить на ноги. Весь в крови – одежда, руки, лицо, меч. То, что нужно для человека, живущего такой жизнью, как он.

Офицерик снова бросился на него, бешено размахивая мечом. Коска начал пятиться со всей возможной скоростью, мечтая об одном – не упасть, не опустить бессильно меч, притворяясь совершенно выдохшимся… да, в общем-то, не особенно и притворяясь. Налетел на столик, чуть не упал, пошарил за спиной свободной рукой, схватился за край глиняного горлышка. Мальчишка вскинул меч с торжествующим воплем, который захлебнулся при виде летящего в него кувшина. Брызнули в стороны осколки – он все-таки сумел отбить его рукоятью, но при этом на мгновенье открылся. Коска сделал последний, отчаянный выпад. Клинок вошел в щеку офицерика и вышел из головы с другой стороны – прямо как по писанному в учебниках.

Коска выдернул меч и проворно отскочил.

– Ох. – Офицерик пошатнулся. – Это… что…

На лице его появилось выражение глуповатого удивления, как у человека, который проснулся после пьянки и обнаружил, что ограблен и в голом виде привязан к столбу. Где именно это было, в Этризани или в Вестпорте, Коска вспомнить не смог. Все последние годы, казалось, слились в один.

– Чеслучис?

Офицерик очень медленно замахнулся мечом, и Коска отступил подальше. Паренька повело широким кругом, после чего он завалился на бок. Заученно перекатился на четвереньки, кое-как поднялся на ноги. Из почти незаметного пореза возле носа сочилась кровь. Лицо с этой стороны обмякло, глаз дергался.

– Убидабиду, – выговорил офицерик.

– Что, простите? – спросил Коска.

– Убззз! – И трясущейся рукой тот сделал выпад. В стену. В картину, на которой изображена была девица, застигнутая врасплох во время купания. Проделал в ней прореху ходившим ходуном мечом, и огромное полотно внезапно рухнуло на него, опрокинуло на пол и накрыло. Лишь один сапог остался торчать из-под золоченой рамы. Больше парнишка не шевелился.

– Счастливчик, – проворчал Коска.

Умереть под голой женщиной было его собственной всегдашней мечтой.

Плечо горело огнем. А левая рука еще сильнее. Жгло всю ладонь и пальцы, липкие от крови. Монца и кулак-то сжать не могла, не говоря уже о том, чтобы удержать меч. Выбора не оставалось. Стянув зубами перчатку, она подняла Кальвец правой рукой. Ощутила, как сдвинулись кривые кости, когда пальцы сомкнулись вокруг рукояти. Мизинец привычно остался торчать в сторону.

– О! Меняем руку? – Ганмарк подкинул меч и перехватил его на лету правой рукой с ловкостью циркового фокусника. – Меня всегда восхищала ваша решительность, но вот цели, к которым вы стремитесь… Сейчас это месть, не так ли?

– Месть, – рявкнула она.

– Месть. Допустим, вам удастся отомстить, но что хорошего это даст? Во имя чего тратится столько сил и денег, проливается столько крови? Кому и когда становилось в результате лучше? – С печалью во взоре он следил за тем, как она медленно принимает боевую стойку. – Не отомщенным мертвецам, уж точно. Они как гнили, так и гниют. И не тем, конечно же, кому мстят. Они становятся трупами. А тем, кто мстит… Что же происходит с ними? Спокойней спят, по-вашему, нагромоздив убийство на убийстве? Они лишь высаживают семена сотен грядущих возмездий. – Монца двинулась по кругу, пытаясь придумать способ все-таки добраться до него. – Куча мертвецов в вестпортском банке – следствие вашего праведного гнева, полагаю? Бойня у Кардотти – тоже справедливая и соразмерная плата?

– То, что до́лжно было сделать!

– А… то, что до́лжно было сделать. Любимое оправдание неузнанного зла, звучащее на протяжении веков, слышится теперь и из ваших одураченных уст.

Он шагнул к ней, и вновь сошлись со звоном клинки, раз и другой. Нанес колющий удар, она отбила, сделала ответный выпад. Каждое движение отзывалось в руке болью до плеча. Монца стиснула зубы, пытаясь сохранить грозное выражение лица, но невозможно было скрыть, как ей больно на самом деле и тяжело орудовать мечом. И с левой-то рукой шансов было маловато, а с правой их не осталось вовсе. И он это уже понял.

– Почему судьба решила вас спасти, нам никогда не узнать, но вам следовало горячо возблагодарить ее и кануть в неизвестность. И не стоит делать вид, будто вы с братом не заслужили того, что получили.

– Заткнись! Я точно не заслужила! – Вопреки собственным словам, ее кольнуло сомнение. – И брат мой тоже!

Ганмарк фыркнул:

– Кто-кто, а я всегда готов простить красивого мальчика, но… брат ваш был мстительным трусом. Очаровательным, жадным, бездушным и бесхребетным паразитом. Подлее человека и вообразить невозможно, чем это абсолютно никчемное и бесполезное существо, которое смогло подняться только благодаря вам.

Он вновь атаковал, с немыслимой скоростью, и Монца, отшатнувшись, налетела спиной на вишневое деревце. Выпрямилась в дожде белых лепестков. Ганмарк легко мог убить ее в этот миг, но отчего-то замер неподвижно, как статуя, с мечом наготове, и, улыбаясь, смотрел, как она заново утверждается на ногах.

– И давайте взглянем правде в лицо, генерал Меркатто… Вы, при всех своих неоспоримых талантах, тоже не образец добродетели. На самом деле причина сбросить вас с балкона нашлась бы у сотен тысяч людей!

– Но не у Орсо! Только не у него!

Она медленно шагнула вперед, вяло сделала выпад и поморщилась от боли в искалеченной руке, когда Ганмарк отбил ее удар.

– Если это шутка, то не смешная. Заигрывание с судьей, когда приговор явно более чем справедлив? – Он начал загонять ее обратно на вымощенную площадку выверенными, словно у художника, наносящего мазки на холст, движениями. – Сколько на вашей совести смертей? Сколько разрушений? Вы – грабитель, думающий только о своей наживе! Червь, разжиревший на гниющем трупе Стирии! – Нанес три удара по ее мечу, быстрых, как удары скульптора по резцу, выворачивая рукоять из ослабевшей хватки. – Не заслужили, говорите? Не заслужили… Это не оправдание для вашей правой руки. Прошу вас, не позорьтесь больше.

Монца попыталась достать его мечом, устало и неуклюже. Он небрежно отразил выпад, шагнув одновременно в сторону, и оказался позади нее. Она ждала клинка в спину, но вместо этого он пнул ее сапогом в зад, и Монца распласталась на камнях, снова выпустив из онемевшей руки меч Бенны. Полежала мгновенье, тяжело дыша, потом медленно поднялась на колени. В чем не было, пожалуй, никакого смысла. Лечь заново предстояло очень скоро, как только он нанесет последний удар. Ноющая правая рука дрожала. С пальцев левой капала кровь, по плечу расплывалось темное пятно.

Ганмарк легким движением срубил головку цветка, и та отлетела точно в подставленную ладонь. Поднес ее к лицу, глубоко втянул носом воздух.

– Прекрасный день… и приятное местечко для смерти. Надо было прикончить вас в Фонтезармо, вместе с братом. Что ж, сделаю это теперь.

Никаких крепких слов Монце в голову не пришло, поэтому она, задрав голову, плюнула в него, забрызгав горло, воротник и грудь безупречно чистого мундира. Так себе месть, конечно, но хоть что-то.

Он опустил взгляд на грудь.

– Благородная дама до конца.

Потом заметил что-то боковым зрением и дернулся в сторону. Мимо его головы что-то просвистело и воткнулось в клумбу. Нож… В следующий миг на генерала налетел Коска, рыча, как бешеный пес, и погнал его прочь от Монцы.

– Коска! – Дрожащей рукой она потянулась за мечом. – Опаздываешь, как всегда.

– Занят был кой-чем, тут, неподалеку, – прорычал старый наемник, останавливаясь, чтобы перевести дух.

– Никомо Коска? – Ганмарк сдвинул брови. – Думал, вас нет в живых.

– О моей смерти вечно ходили слухи. Принимали желаемое за действительное…

– Многочисленные враги. – Монца поднялась на ноги, чувствуя прилив сил. – Хотел убить меня – так надо было делать это сразу, а не болтать.

Ганмарк, медленно пятясь, выхватил левой рукой из ножен короткий клинок, направил в ее сторону. Длинный обратил к Коске. Взгляд его заметался между ними обоими.

– О, время еще есть.

Трясучка перестал быть собой. Или стал наконец. Боль свела его с ума. Что-то изменилось в уцелевшем глазу. Не прошло действие хаски, выкуренной за последние несколько дней. По какой из этих причин – неведомо, только он пребывал в аду.

И ему там нравилось.

По длинному сияющему коридору проходила волнами рябь, как по озерной воде. Солнце прожигало окна, меча в Трясучку сотни острых, сверкающих осколков стекла. Статуи излучали свет, потели, улыбались, кивали ему. Пусть у него остался всего один глаз, но видел он теперь лучше. Боль смыла все сомнения, страхи, вопросы, необходимость выбирать. Все то дерьмо, что давило на него мертвым грузом. Все то дерьмо, что было ложью, слабостью и пустой тратой сил. Почему-то он считал сложными вещи, которые оказались на диво просты. Все ответы, ему необходимые, имелись у топора.

Его лезвие, отразив луч солнца, зажгло белым мерцающим пламенем руку, в которую врубилось. Брызнули в стороны черные струйки. Разлетелась ткань. Лопнула плоть. Раскололась кость. Металл согнулся и распрямился. По щиту с визгом проехалось копье. И, снова замахнувшись топором, Трясучка ощутил во рту вкус рева. Сладкий. Топор ударил в кирасу, оставив в ней глубокую вмятину, человек рухнул на старый глиняный горшок и скорчился среди черепков.

Мир вывернулся наизнанку, как вспоротый Трясучкой несколько мгновений назад живот какого-то офицера. Раньше он уставал, когда сражался. Теперь лишь становился сильнее.

Внутри кипела ярость, выплескиваясь и разливаясь по телу огнем. Все горячей с каждым ударом, который он наносил, все слаще, пока не осталось сил терпеть. Все существо требовало кричать, смеяться, плакать, прыгать, танцевать, визжать.

Он оттолкнул щитом чей-то меч, вырвал его из руки солдата, схватил этого солдата в объятья, принялся целовать и лизать его в лицо. Потом взревел и побежал, с силой топая ногами, и ноги внесли его в статую, которая зашаталась, задела, падая, следующую, а та – следующую, и они начали клониться и падать одна за другой, разбиваясь на куски и поднимая облака пыли.

Гвардеец, лежавший среди обломков, застонал, попытался приподняться. Топор Трясучки с лязгом обрушился на шлем, надвинув его на глаза и расплющив нос. Из-под металлического ободка хлынула кровь.

– Сдохни! – Трясучка с силой рубанул по шлему сбоку. – Сдохни! – Нанес удар с другой стороны, и шея гвардейца хрустнула, как гравий под каблуком сапога. – Сдохни! Сдохни! – Шлем звякал при каждом ударе, как полощущиеся после еды в реке котелки и миски.

Сверху на это неодобрительно взирала статуя.

– Смотришь на меня?

Трясучка снес ей топором голову. Потом вдруг оказался сидящим верхом на ком-то, не зная, как это случилось, долбя этого человека по лицу краем щита и превращая его в бесформенное красное месиво. Под ухом слышался голос – хриплый, свистящий, бешеный.

– Я сделан из смерти. Я – великий уравнитель. Я – ураган в Высокогорье.

То был голос Девяти Смертей, но исходил он из его собственного горла. Трясучка окинул взглядом коридор, заваленный павшими людьми и павшими статуями, верней, останками тех и других. Увидел последнего живого, затаившегося в дальнем конце, ткнул в его сторону окровавленным топором.

– Эй, ты! Я вижу тебя, дерьмо. Никто не уйдет.

Тут он сообразил, что говорит на северном. И человек этот вряд ли понимает хоть слово. Но какая разница?

Суть наверняка ясна.

Переставляя ноющие ноги из последних сил, Монца продвигалась по аркаде – рубя, коля, рыча при каждом своем неловком выпаде, не останавливаясь ни на мгновенье. Ганмарк, хмурый и сосредоточенный, отступал, попадая то в полосу солнечного света, то в тень. Взгляд его метался с клинка на клинок – Коска пытался достать генерала из-за колонн, с правой стороны от Монцы. Под сводами металось эхо тяжелого дыхания, топота сапог, лязга стали.

Монца рубанула раз, другой, пытаясь не замечать жгучей боли в руке, и выбила-таки у Ганмарка короткий меч. Тот отлетел в тень, Ганмарк отвернулся на миг, отражая длинным клинком выпад Коски, и оставил без защиты обращенный к ней бок. Монца ухмыльнулась, отвела руку, собираясь нанести удар, и тут что-то грохнуло в окно слева от нее, и в лицо ей брызнули осколки стекла. Кажется, там, за окном, слышался голос Трясучки, оравшего что-то на северном. Ганмарк прошмыгнул между двумя колоннами, и Коска погнал его по лужайке в центр сада.

– Может, подберешься да прибьешь наконец этого ублюдка? – прохрипел он.

– Постараюсь. Заходи слева.

– Есть слева. – И они разошлись, направляя Ганмарка к статуе.

Вид у генерала был уже усталый. Дышал он тяжело, лицо покрылось неровными розовыми пятнами и блестело от пота. Монца улыбнулась в предчувствии победы, сделала обманный выпад, но улыбка разом растаяла, когда он вдруг прыгнул ей навстречу. Увернувшись от колющего удара, она рубанула, целясь ему в шею, но он отразил удар и отбросил ее назад. Не так уж он устал, как казалось, а вот она и в самом деле была без сил. Неловко поставила ногу, пошатнулась, и Ганмарк, метнувшись мимо, задел ее мечом по бедру, оставив жгучий

порез. Монца попыталась развернуться, но нога подогнулась, и она, вскрикнув, упала. Кальвец вырвался из ослабевших пальцев и отлетел в сторону.

Коска с хриплым рычанием бросился на Ганмарка, яростно замахнулся. Тот присел, уходя от удара, сделал выпад снизу, и меч его вошел Коске в живот. Клинок старого наемника лязгнул по подбородку «Воителя», выскользнул из державшей его руки и грохнулся наземь. Следом посыпались мраморные осколки.

Генерал выдернул меч. Коска упал на колени, скорчился и застонал.

– Ну, вот и все.

Ганмарк повернулся к ней. За спиной его высилось величайшее творение Бонатине, по ноге которого струилась мраморная крошка – из трещины, которую оставил там несколько ранее меч Монцы.

– Вы дали мне возможность немного попрактиковаться, я вам тоже кое-что дам. Вы женщина, или были женщиной, наделенной необыкновенной решительностью.

Коска пополз куда-то, оставляя на камнях за собой дорожку из кровавых пятен.

– Но, глядя только вперед, вы были слепы ко всему остальному вокруг себя. К сущности великой войны, которую сами же и вели. К сущности людей рядом с вами. – Ганмарк снова вытащил платок, промокнул пот со лба, тщательно протер от крови свое оружие. – Если герцог Орсо, властитель Талина, является не более чем мечом в руке Валинта и Балка, то вы были всего лишь безжалостным острием этого меча. – Он постучал пальцем по блестящему кончику клинка. – Разящим, убивающим, но… не думающим, для чего это делается. – Что-то тихо скрипнуло, и огромный меч «Воителя» слабо покачнулся в высоте. – Никогда. Впрочем, теперь это уже не важно. Для вас война кончилась. – Ганмарк с печальной улыбкой на устах двинулся вперед, остановился в шаге от нее. – Хотите сказать что-нибудь важное напоследок?

– Оглянись, – процедила Монца сквозь зубы, видя, что покачивается уже весь «Воитель».

– Держите меня за…

Последнее слово заглушил громкий треск. Нога статуи подломилась, и все тяжелое мраморное туловище неумолимо устремилось вперед.

Ганмарк не успел повернуться, как острие огромного меча Столикуса вонзилось ему в спину, повалило на колени и, выйдя из живота, с грохотом ударило в камень. Монце брызнули в лицо мелкие жалящие осколки и кровь. Взвилось облако белой пыли – статуя, упав, раскололась на куски. Подломилась и вторая нога, и на пьедестале остались лишь благородные ступни. Уцелевшая гордая голова величайшего воина истории упокоилась на его же бедрах и воззрилась сурово на генерала Орсо, насаженного на исполинский меч.

Ганмарк издал звук, с каким вода выливается из треснувшего чана, кашлянул на грудь своего мундира кровью. Затем голова его поникла, меч выпал из обмякшей руки.

Мгновенье царила тишина.

– Вот это, – прохрипел Коска, – я и называю счастливой случайностью.

Четверо мертвы, осталось трое. Монца заметила, что кто-то крадется по колоннаде, дотянулась до меча и подняла его в третий раз, морщась от боли. Не зная, какой из рук теперь лучше действовать. Но это оказалась Дэй, с арбалетом наготове. За ней шел Балагур, державший в одной руке нож, в другой тесак.

– Вы убили его? – спросила девушка.

Монца бросила взгляд на труп Ганмарка, нанизанный на гигантский бронзовый вертел.

– Столикус убил.

Коска дополз до вишневого деревца, сел, прислонившись спиной к стволу. Вид у него был такой, словно он наслаждался чудесным теплым деньком. Только вот окровавленные руки, прижатые к животу… Монца прихрамывая подошла к нему, воткнула Кальвец в землю и встала на колени.

– Дай взглянуть. – Принялась расстегивать пуговицы мундира, но не успела добраться до второй, как он перехватил ее руки, и раненую, и искалеченную, и спрятал их в своих.

– Много лет ждал, когда же ты начнешь меня раздевать, но сейчас, прости, откажусь. Мне конец.

– Тебе? Никогда.

Он крепче сжал ее руки.

– В самые кишки, Монца. Все кончено. – Посмотрел в сторону выхода из галерей, откуда доносилось приглушенное громыхание – солдаты Орсо с другой стороны пытались поднять решетку. – И у тебя вот-вот появятся новые проблемы. Четверо из семи… да, девочка. – Коска усмехнулся. – Вот уж не думал, что тебе удастся убить четверых из семи.

– Четыре из семи, – пробормотал у нее за спиной Балагур.

– Хотелось бы поскорей добавить к ним Орсо.

– Ну… – Коска поднял брови, – задача благородная, конечно, но боюсь, всех тебе убить не удастся.

В сад вышел Трясучка. Медленно двинулся к ним, даже не взглянув на труп Ганмарка, когда проходил мимо.

– Никого не осталось? – спросил.

– Здесь – нет. – Балагур кивнул в сторону выхода. – Но там еще подошли.

– Видел.

Северянин остановился неподалеку. Топор, помятый щит, бледное лицо, повязка через глаз – все было в темно-красных брызгах и потеках.

– Ты в порядке? – спросила Монца.

– Уж и не знаю.

– Не ранен, я спрашиваю?

Он прикоснулся к повязке.

– Не больше, чем до начала… видать, нынче я любим луной, как говорят жители холмов. – Посмотрел единственным глазом на ее окровавленное плечо, руку в крови. – А вы ранены.

– Урок фехтования оказался опасным.

– Может, перевязать?

Она кивнула в сторону выхода:

– Если мы успеем умереть от кровотечения, нам, считай, повезет.

– И что теперь делать?

Монца открыла рот, но ничего не сказала. Сражаться бесполезно, даже будь у нее на это силы. Дворец набит солдатами Орсо. Сдаваться тоже бесполезно, даже будь она готова это сделать. Хорошо, если убьют здесь, а не потащат в Фонтезармо. Бенна часто предостерегал ее против привычки не заглядывать далеко вперед. И, похоже, был прав…

– У меня есть мысль. – На лице Дэй неожиданно расцвела улыбка.

Девушка ткнула пальцем вверх, Монца, щурясь от солнца, посмотрела на крышу. И увидела притулившуюся на краю маленькую фигурку – черную на фоне светлого неба.

– С чудесным утром всех! – Вот уж не думала она, что будет когда-нибудь так рада услышать нытье Кастора Морвира. – Я надеялся увидеть знаменитую коллекцию герцога Виссерина, но, кажется, основательно заблудился. Может, кто-нибудь из вас, добрые люди, подскажет, где ее искать? Говорят, у герцога имеется величайшее творение Бонатине!

Монца указала окровавленным пальцем на мраморные обломки.

– Кое-что от него еще осталось!

Рядом с отравителем появилась Витари и проворно принялась спускать веревку.

– Мы спасены, – сказал Балагур таким тоном, каким обычно говорят: «Мы погибли».

Радоваться у Монцы уже не было сил. И уверенности в том, что она и впрямь рада, тоже не было.

– Дэй, Трясучка, идите первыми.

– Конечно. – Дэй, бросив арбалет, кинулась к веревке.

Северянин еще мгновение хмуро смотрел на Монцу, потом последовал за ней.

Балагур уставился на Коску.

– А с ним что?

Старый наемник, казалось, задремал.

– Будем поднимать. Берись.

Бывший арестант обхватил его рукой за спину, приподнял. Коска тут же очнулся и поморщился.

– Ох… нет, нет, нет, нет, нет.

Балагур осторожно опустил его, и Коска, тяжело дыша, покачал головой.

– Не стану я мучиться с веревкой лишь для того, чтобы помереть на крыше. Здесь место не хуже всякого другого, да и время пришло… Я много лет обещал это сделать. И на сей раз наконец сдержу слово.

Монца присела рядом с ним на корточки.

– Уж лучше я опять назову тебя вруном, и давай прикрывай мне спину дальше.

– Я прикрывал ее только потому… что мне нравилось смотреть на твою задницу. – Он ухмыльнулся, сморщился и глухо зарычал.

Грохот у выхода усилилось.

Балагур протянул Коске его меч.

– Когда придут… не хотите?

– Зачем? Он уже сделал свое дело, довел меня до этого плачевного состояния. – Коска попытался подвинуться, снова сморщился. Лицо его приобрело тот восковой оттенок, какой бывает у мертвецов.

Витари и Морвир втянули на крышу Трясучку. Монца кивнула Балагуру.

– Ваш черед.

Тот постоял еще мгновенье над Коской неподвижно, потом заглянул ему в глаза.

– Хотите, я останусь?

Старый наемник взял его могучую руку в свои, сжал ее и улыбнулся.

– Тронут бесконечно вашим предложением. Но – нет, мой друг. То, что мне предстоит, лучше встретить в одиночестве. Киньте за меня разок кости.

– Кину.

Балагур выпрямился и зашагал, не оглядываясь, к веревке.

Монца смотрела ему вслед. Руки, плечо, бедро горели огнем. Измученное тело ломило. Взгляд ее скользнул по трупам, валявшимся в саду. Сладкая победа. Сладкая месть. Люди превратились в мясо.

– Окажи мне одну любезность. – Коска улыбнулся так печально, словно догадывался о ее мыслях.

– Ты пришел мне на помощь. Так и быть, одну окажу.

– Прости меня.

Монца издала странный звук – то ли крякнула, то ли подавилась.

– Мне казалось, это я тебя предала?

– Какое это теперь имеет значение? Предают все. Прощают единицы. Я хочу уйти без всяких долгов. Кроме тех, конечно, что остались у меня в Осприи. И в Адуе. И в Дагоске. – Коска слабо отмахнулся окровавленной рукой. – Скажем так – без долгов перед тобой, и довольно.

– Это я могу сделать. Мы квиты.

– Хорошо. Жил я дерьмово. Приятно сознавать, что хоть умру как надо. Ступай.

Частью своей души она хотела остаться с ним, быть рядом, когда солдаты Орсо ворвутся в галереи, сделать все, чтобы долгов и впрямь не осталось. Но эта часть занимала не слишком большое место в ее душе. К сантиментам у Монцы никогда не было склонности. Орсо должен умереть. И кто убьет его, если она здесь погибнет? Выдернув Кальвец из земли, она сунула его в ножны и отвернулась. Ничего больше не сказав, ибо толку от слов в такие моменты никакого. Прихрамывая доковыляла до веревки, обвязала ее как можно туже вокруг бедер, намотала на запястье.

– Тяните!

С крыши была видна широкая панорама города. Большая дуга Виссера с изящными мостами. Множество башен, нацеленных в небо, казавшихся маленькими по сравнению со столбами дыма, которые еще вздымались там и тут над пожарищами. Дэй уже раздобыла где-то грушу и со счастливым видом ее поедала. Подбородок у девушки блестел от сока, желтые кудряшки развевал ветер.

Морвир, глядя на следы побоища в саду, поднял бровь.

– Я чувствую облегчение при виде того, насколько вы преуспели в мое отсутствие в воздержании от массовых убийств.

– Некоторые не меняются, – огрызнулась она.

– А что Коска? – спросила Витари.

– Остался.

Морвир гаденько ухмыльнулся:

– Не сумел на этот раз спасти свою шкуру? Значит, даже пьяница может измениться.

Будь у нее здорова хотя бы одна рука, она бы его сейчас прирезала. Пусть он и выступил в роли спасителя. Судя по тому, как взглянула на него Витари, ей хотелось того же. Но она только кивнула вихрастой головой в сторону реки.

– Завершим наше трогательное воссоединение в лодке. В городе полно солдат Орсо. Самое время отправляться в море.

Монца в последний раз посмотрела в сад. Там все еще царило спокойствие. Сальер, соскользнув с пьедестала упавшей статуи, лежал на спине с раскинутыми руками, словно бы приветствуя дорогого гостя. Ганмарк стоял на коленях в луже крови, свесив голову на грудь, пригвожденный к месту бронзовым клинком «Воителя». Коска сидел, закрыв глаза, положив руки на колени и откинув голову. На губах его застыла легкая улыбка. С вишневого деревца облетали лепестки, осыпая на нем мундир чужой армии.

– Коска, Коска, – прошептала она. – Что я без тебя буду делать?

V. Пуранти

…Ибо наемники честолюбивы, распущенны, склонны к раздорам, задиристы с друзьями и трусливы с врагом; вероломны и нечестивы; поражение их отсрочено лишь настолько, насколько отсрочен решительный приступ; в мирное же время они разорят тебя не хуже, чем в военное неприятель.
Никколо Макиавелли
(пер. Г. Муравьевой)

Тысяча Мечей разделилась, и две половины ее изображали сражения между собой в течение двух лет. Коска, пока не напивался так, что не мог уже говорить, хвастливо утверждал, будто никогда за всю историю наемники не зарабатывали столь много, делая столь мало. Казну Никанте и Аффойи они высосали начисто, затем, когда внезапно наступил мир, отправились на север в поисках новых войн, на которых можно было бы нажиться, или честолюбивых нанимателей, желающих их развязать.

Честолюбивей всех прочих был Орсо, новый великий герцог Талина, дорвавшийся до власти, когда старшего брата его лягнул любимый конь. Он просто жаждал подписать договор о найме с Монцкарро Меркатто, знаменитым командиром наемников. Тем более что враги его в Итрии успели уже нанять и поставить во главе своих войск бесчестного Никомо Коску.

Однако заставить сражаться этих двоих оказалось нелегко. Как ходят кругами трусы, не решаясь начать драку, так и они провели целый сезон в разорительно дорогих маневрах, нанося изрядный ущерб фермерам, друг другу же – никакого. И наконец сошлись в спелых пшеничных полях близ городка Афиери, где вроде бы должна была уже состояться битва. Во всяком случае, какое-то ее подобие.

Но утром того дня в палатке Монцы появился необычный посетитель. Не кто иной, как сам герцог Орсо.

– Ваша светлость, какая приятная неожиданность…

– Обойдемся без любезностей. Я знаю, что планирует на завтра Никомо Коска.

Монца нахмурилась.

– Сражаться, полагаю. Как и я.

– Нет, у него другие планы. Как и у вас. Вы оба последние два года дурачите своих нанимателей. Я не желаю, чтобы из меня делали дурака. На притворное сражение могу посмотреть и в театре, за гораздо меньшую цену. Поэтому предлагаю вам двойную плату за настоящее.

Такого Монца не ожидала.

– Я…

– Вы верны ему, знаю. И уважаю это. Каждый должен чего-нибудь держаться в своей жизни. Но Коска – прошлое, а вас я считаю будущим. И брат ваш со мной согласен.

Такого Монца уж точно не ожидала. Она уставилась на Бенну. Тот усмехнулся.

– Ты заслуживаешь лучшего. Возглавить войска.

– Я не могу… и остальные капитаны никогда не…

– С ними я уже говорил, – сказал Бенна. – Со всеми, кроме Верного, а этот старый пес примкнет, когда поймет, куда ветер дует. Им надоел Коска с его пьянством и глупостью. Все хотят долгосрочный договор и командира, которым можно гордиться. Хотят тебя.

За нею наблюдал герцог Талина. И позволить себе выказать нерешительность она не могла.

– В таком случае я согласна, конечно, – солгала Монца. – Тем более что вы платите вдвойне.

Орсо улыбнулся.

– Мне кажется, мы будем полезны друг другу, генерал Меркатто. Жду известий о вашей завтрашней победе. – И вышел.

Едва входной полог опустился, она ударила брата по лицу так, что тот не удержался на ногах.

– Что ты натворил, Бенна? Зачем?

Прижав к окровавленному рту руку, он бросил на нее хмурый взгляд.

– Думал тебя порадовать.

– Черта с два! Себя порадовать ты думал. Надеюсь, удалось.

Но ничего не оставалось, кроме как простить его и смириться. Ведь это был ее брат. Единственный человек, который ее понимал. И с планом были согласны Сезария, Виктус, Эндиш и большинство других капитанов, уставших от Никомо Коски. Поэтому обратной дороги не было. На следующее утро, когда занялся рассвет и началась подготовка к битве, Монца приказала своим людям атаковать по-настоящему. Что еще она могла сделать?

Вечером она уже сидела в кресле Коски, и Бенна сиял, и подчиненные ей ныне капитаны пили за ее первую победу. Все веселились, кроме нее. Она думала о Коске, о том, что он ей дал, чем она была обязана ему и чем отплатила. Праздновать не хотелось.

Кроме того, она была теперь капитан-генералом Тысячи Мечей. И не могла позволить себе веселиться.

Шестерки

На костях выпали две шестерки.

В Союзе этот счет называли солнечным, в честь солнца на флаге. В Баоле – дважды победным, потому что дом платил за него вдвойне. В Гуркхуле – «пророком» или «императором», в зависимости от того, кому принадлежала верность выигравшего. В Тхонде – «золотая дюжина». На Тысяче островов – «двенадцать ветров». В Схроне – «тюремщиком», потому что тюремщик всегда выигрывает. И во всем Земном круге люди этому счету радовались, лишь для Балагура он был ничем не лучше всякого другого. Не принес ему никакого выигрыша. И Балагур снова принялся разглядывать великий мост Пуранти и проходивших по нему людей.

Утратили лица за века и превратились в выщербленные каменные болванки головы статуй на высоких постаментах, истерлась мостовая и растрескались парапеты, но шесть изящных арок все так же гордо парили над мостом, смеясь над головокружительным расстоянием до тверди. Массивные каменные опоры, на которых они покоились, высотою шесть раз по шесть шагов, все так же противостояли разрушительной силе речных вод. Императорскому мосту было уже более шестисот лет, но он по-прежнему оставался единственным путем через глубокое ущелье Пуры в это время года. Единственным путем по суше в Осприю.

И по нему маршировало сейчас войско великого герцога Рогонта. Хорошим строем – по шесть человек в ряд. Равномерное буханье солдатских сапог походило на мощное сердцебиение, сопровождавшееся звоном и клацаньем оружия и брони, командами офицеров, неумолчным бормотанием собравшейся поглазеть толпы и рокотом реки в глубинах ущелья. Рота за ротой, батальон за батальоном, полк за полком. Движущийся лес копий, блеск металла. Запыленные, грязные, решительные лица. Болтающиеся тряпками в неподвижном воздухе флаги. Некоторое время назад прошел шестисотый ряд. Мост миновало почти четыре тысячи человек, и должно было пройти еще по меньшей мере столько же. Шестерка за шестеркой.

– Хороший строй. Для отступления, – послышался голос Трясучки, сорванный в Виссерине до хриплого шепота.

Витари фыркнула.

– Если Рогонт что и умеет, так это отступать. Натренировался.

– Но оцените иронию, – вмешался Морвир, поглядывая на проходивших мимо солдат с легким презрением. – Сегодняшние гордые легионы маршируют по остаткам вчерашней павшей империи. Вот оно, военное великолепие. Высокомерие во плоти.

– Какая глубина мысли! – Монца скривила рот. – Воистину, путешествовать с великим Морвиром означает наслаждаться и просвещаться одновременно.

– Я отравитель и философ в одном флаконе. Но не беспокойтесь, прошу вас, вознаграждение увеличивать не придется. Вы платите за мои глубокие рассуждения, травлю я бесплатно.

– Нет конца нашему везению? – вздохнула Монца.

– Есть ли у него начало? – буркнула Витари.

Все, кроме Балагура, пребывали в большем раздражении, чем обычно. Число их сократилось до шести. Меркатто, прятавшаяся под капюшоном, из-под которого видны были только длинные черные волосы, кончик носа, подбородок и сурово сжатые губы. Трясучка, все еще с повязкой на молочно-белом лице, с черной тенью вокруг единственного глаза. Витари, расположившаяся на парапете, вытянув ноги, прислонясь спиной к треснувшей колонне и подняв к солнцу веснушчатое лицо. Морвир, угрюмо разглядывавший бурные воды реки. Его помощница, облокотившаяся на парапет рядом. И сам Балагур, конечно. Шестеро. Коска умер. Друзья всегда быстро покидали Балагура.

– Кстати, о вознаграждении, – пробубнил Морвир, – нам не мешало бы зайти в ближайший банк и составить расписку. Терпеть не могу непогашенных долгов меж собой и нанимателем. Кислый вкус их портит всю сладость наших отношений.

– Сладость… – пробурчала Дэй, но, поскольку она жевала в этот миг пирожок, трудно было сказать, что она имела в виду, его или отношения.

– Вы должны мне за участие в деле упокоения генерала Ганмарка. Пусть второстепенное, но все же уберегшее вас от упокоения собственного. К тому же мне придется заменить снаряжение, утраченное по небрежности в Виссерине. Вынужден указать еще раз – позволь вы мне устранить, как я предлагал, наших сомнительных фермеров, не было бы…

– Хватит, – прошипела Меркатто. – Я плачу вам не за то, чтобы вы напоминали мне о моих ошибках.

– Полагаю, эта служба тоже бесплатная. – Витари спустилась с парапета.

Дэй прожевала последний кусочек пирожка и облизала пальцы. Все приготовились идти дальше, кроме Балагура. Он так и стоял у парапета, глядя на реку.

– Нам пора, – сказала Меркатто.

– Да. Я отправляюсь обратно в Талин.

– Куда?

– Мне прислал весточку Саджам. Не письмом, правда.

– До Талина долгий путь. Война…

– Это Стирия. Здесь всегда война.

Мгновение она смотрела на него молча из тени капюшона. Смотрели и остальные, не выказывая никаких особых чувств по поводу его ухода. Редко кто их выказывал, когда он уходил, да и сам он этого никогда не делал.

– Не передумаете? – спросила Меркатто.

– Нет.

Балагур успел повидать половину Стирии – Вестпорт, Сипани, Виссерин, саму страну по пути из города в город, – и сил у него больше не было. Сидя некогда в курильне Саджама, он чувствовал себя беспомощным, испуганным и мечтал о Схроне. Сейчас те долгие дни, запах хаски, бесконечная игра в карты, ссоры между игроками, регулярные обходы трущоб и выколачивание денег из должников казались ему счастливым сном. Здесь, где каждый новый день приходилось встречать под другим небом, у него не было вообще ничего. Меркатто являла собою хаос, и он не мог больше оставаться рядом.

– Тогда возьмите. – Она вынула из кармана кошелек.

– Я здесь не ради ваших денег.

– Все равно возьмите. Тут куда меньше, чем вы заслуживаете. Но в дороге может пригодиться.

Она сунула кошелек ему в руку.

– Удачи тебе, – сказал Трясучка.

Балагур кивнул:

– Мир сегодня состоит из шестерки.

– Шестерки тебе тогда.

– Она и будет, хочу я этого или нет.

Балагур собрал кости, бережно завернул их в тряпицу и спрятал во внутренний карман. Потом, не оглядываясь, начал пробираться сквозь толпу вдоль моста, навстречу бесконечному потоку солдат над бесконечным водным потоком. Оставил позади оба и, оказавшись на западном берегу руки, углубился в ту часть города, что была поменьше и поровнее восточной. Чтобы скоротать время в дороге, он будет считать шаги, отделяющие его от Талина. С тех пор как распрощался со спутниками, успел сделать уже триста шестьдесят шесть…

– Мастер Балагур!

Он резко обернулся, хмурясь, готовый схватиться за рукояти ножа и тесака. Увидел человека, стоявшего, небрежно прислонясь к дверному косяку и скрестив на груди руки. Лицо его скрывала тень.

– Каков был шанс увидеть вас здесь? – Голос казался ужасно знакомым. – В шансах вы, конечно, разбираетесь получше меня, но этот – уж точно счастливый, согласитесь.

– Согласен, – сказал Балагур и улыбнулся, узнав его.

– Да у меня такое чувство, будто я выбросил две шестерки!..

Глазных дел мастер

Открылась дверь, звякнул колокольчик, Трясучка вошел в лавку. Монца шагнула следом. Внутри царил полумрак. Единственный пыльный луч света, пробивавший через окно, падал на мраморный прилавок и полки вдоль стены. Позади прилавка, под светильником, подвешенным к потолку, стояло большое кожаное кресло с подушечкой на спинке для головы. Уютное с виду, когда бы не ремни для привязывания сидящего. На столике рядом были аккуратно выложены разнообразные инструменты. Ножички, иглы, зажимы, щипцы. Орудия труда хирурга.

Возможно, раньше вид всего этого вызвал бы у него холодную дрожь, оправдывающую имя. Но не теперь. Трясучке выжгли глаз, и жил он для того, чтобы учиться. Вряд ли что-то в мире еще могло его напугать. Он даже улыбнулся, подумав о том, сколько у него прежде было страхов. Боялся всего и ничего… Но шевеление мышц потревожило рану под повязкой, отчего загорелось все лицо, и Трясучка перестал улыбаться.

Звон колокольчика вызвал хозяина. Нервно потирая руки, из боковой двери к ним вышел маленький темнокожий человечек с несчастным лицом, больше опасавшийся, похоже, что его явились грабить, чем прихода не столь уже далекой армии Орсо. В Пуранти сейчас все выглядели несчастными, все боялись потерять свое имущество. Кроме Трясучки. Ему терять особо было нечего.

– Господин, госпожа, чем могу быть полезен?

– Вы Скопал? – спросила Монца. – Глазных дел мастер?

– Я Скопал. – Он нервно поклонился. – Ученый, хирург, врач, специалист во всем, что имеет отношение к зрению.

Трясучка развязал узел на затылке.

– Это хорошо, – сказал и начал разматывать повязку. – Дело в том, что я потерял глаз.

Хирург мгновенно оживился.

– О, не говорите «потерял», друг мой! – И двинулся вперед, к окну. – Не говорите «потерял», пока я не увидел повреждение. Вы изумитесь, узнав, каких успехов можно добиться! Наука ежедневно скачет вперед!

– Такая прыгучая скотина?

Скопал неуверенно хихикнул.

– О… да, весьма подвижная. Мне удавалось частично возвратить зрение людям, которые считали себя ослепшими навсегда. Они называли меня волшебником, представьте! Называли… э-э-э…

Трясучка обнажил лицо, ощутил прикосновение холодного воздуха к горячей коже. Шагнул к Скопалу и повернулся левым боком.

– Ну? Что скажете? Способна наука на такой большой скачок?

Тот виновато потупился.

– Мои извинения. Но я и в области замены сделал великие открытия, не бойтесь!

Трясучка сделал еще полшага вперед, навис над ним.

– Похоже, что я боюсь?

– Нет-нет, конечно, я имел в виду… э-э-э… – Скопал бочком отошел к стенным полкам. – Мой последний метод окулярного протезирования – это…

– Чего, на хрен?

– Речь о фальшивых глазах, – сказала Монца.

– О, это гораздо, гораздо большее! – Скопал вытянул с полки деревянный поднос. В углублениях на нем покоилось шесть металлических шариков, блестевших, как серебряные. – Вот эти совершенные сферы из прекраснейшей срединноземельной стали вставляются в глазную впадину, где остаются, будем надеяться, навсегда. – Поставил на прилавок другой, круглый поднос и эффектно развернул его перед ними.

Там лежали глаза. Голубые, зеленые, карие. Цвет, как у настоящих, блеск, как у настоящих. На белке у некоторых имелись даже красноватые жилочки. И все равно на настоящие глаза они походили не больше, чем вареные яйца.

Скопал с превеликим самодовольством повел рукою над своими изделиями.

– Изогнутая эмаль тщательно расписывается в точном соответствии со вторым вашим глазом, затем вставляется между металлическим шариком и веком. Она со временем изнашивается, увы, и подлежит замене, но результаты, поверьте, вас поразят.

Фальшивые глаза таращились, не мигая, с подноса на Трясучку.

– Выглядят, как глаза мертвецов.

Последовала неловкая пауза.

– Лежа на подносе – конечно, но на живом лице…

– Думаю, это хорошо. Мертвые не врут, верно? Хватит с нас вранья. – Трясучка прошел за прилавок, сел в кресло, вытянул и скрестил ноги. – Делайте.

– Прямо сейчас?

– Почему бы и нет?

– На то, чтобы вставить шарик, уйдет час или два. На изготовление эмали потребуется недели две, самое малое… – Тут Монца со звоном высыпала на прилавок горсть серебряных монет. И Скопал покорно наклонил голову. – Сейчас и вставим… а остальное будет готово завтра вечером. – Зажег светильник, такой яркий, что Трясучка вынужден был прикрыть здоровый глаз рукой. – Придется сделать несколько рассечений.

– Чего несколько?

– Разрезов, – сказала Монца.

– Конечно, придется. Без ножичка ничего в этой жизни путного не сделаешь, верно?

Скопал порылся в инструментах, лежавших на столике рядом.

– И несколько швов, после удаления бесполезной плоти…

– Вырвать сухое дерево? Я только за. Начнем с пустого места.

– Могу я предложить трубочку?

– Черт… да, – услышал Трясучка шепот Монцы.

Сказал:

– Предложите. Что-то боль мне в последнее время надоела.

Глазных дел мастер снова наклонил голову и принялся набивать трубку.

– Вспоминаю тебя в цирюльне, – сказала Монца. – Дергался, как овца на первой стрижке.

– Хе. Верно.

– А сейчас так и рвешься глаз вставить.

– Один мудрый человек сказал мне как-то, что надобно быть реалистом. И когда им становишься, меняешься так быстро, что даже удивительно, правда?

Она нахмурилась.

– Не меняйся слишком сильно. Мне нужно уйти.

– Смотреть неохота, как глаз вставляют?

– Надо возобновить знакомство кое с кем.

– Со старым другом?

– Старым врагом.

Трясучка усмехнулся:

– Еще лучше. Постарайтесь, чтобы вас не убили, ладно? – Откинувшись на спинку кресла, туго затянул на лбу ремешок. – Мы еще работу не кончили.

Потом закрыл глаз. Свет был так ярок, что веко просвечивало розовым.

Принц благоразумия

Штаб-квартиру великий герцог Рогонт устроил себе в Купальном зале. Здание это до сих пор оставалось одним из самых величественных в Пуранти, и тень его покрывала половину площади с восточной стороны старого моста. Но, как и весь город, оно знавало лучшие дни. Часть огромного фронтона и две из шести могучих колонн, что некогда его поддерживали, давно обрушились, камень растащили на строительство домишек поменьше и попроще. Выщербленные стены обросли плющом и травой, из кладки умудрились пробиться даже два маленьких стойких деревца. Купания явно ценились выше в те времена, когда зал этот только строился и жители Стирии еще не пытались истребить друг друга. Счастливцы – величайшей заботой их было подогревать воду до нужной температуры. Теперь полуразрушенное здание, шепчущее о славе былых веков, могло служить печальным свидетельством затянувшегося упадка Стирии.

Если бы Монцу интересовало это дерьмо.

Но на уме у нее было другое. Дождавшись просвета между двумя отрядами отступавшей армии Рогонта, она заставила себя распрямить плечи и пересекла площадь. Вышагивая с былой непринужденностью, вопреки жгучей боли, которую причиняла ходившая ходуном в суставе кривая бедренная кость, поднялась по разбитой каменной лестнице Купального зала. Откинула капюшон и уставилась на стражника – седого ветерана шириною с дверь, со шрамом на бледной щеке.

– Мне нужно поговорить с герцогом Рогонтом, – сказала.

– Пожалуйста.

– Я – Мон… что? – Она готовилась к объяснениям. К тому, что ее поднимут на смех. А то и вздернут на ближайшем столбе. Но уж никак не пригласят войти.

– Вы – генерал Меркатто. – Он скривил бледные губы в каком-то подобии улыбки. – И вас ждут. Но мне нужен ваш меч.

Монца, отдавая оружие, нахмурилась. Расставаться с ним хотелось еще меньше, чем быть спущенной с лестницы.

В мраморном зале за входом находился большой бассейн, окруженный высокими колоннами, грязная вода в котором воняла гнилью. Старый враг Монцы, великий герцог Рогонт, одетый в светло-серый мундир, разглядывал, сосредоточенно сжав губы, разложенную на складном столе карту. Вокруг толпилась дюжина офицеров, чьих золотых галунов хватило бы на оснастку галеона. Монца двинулась в обход вонючего бассейна, и двое повернулись к ней.

– Она, – сморщившись, сказал один.

– Мер… кат… то, – процедил второй с таким видом, словно само имя ее было отравой.

И было, конечно, – для них. Этих самых людей она оставляла в дураках несколько последних лет подряд. А чем большим дураком является человек, тем меньше ему хочется таковым выглядеть. Но, как писал Столикус, «генералу, чьи силы меньше, следует всегда наступать». Поэтому она подошла к ним без всякой спешки, небрежно уперев в бок перевязанную левую руку, словно купальня эта принадлежала ей и сама она была увешана оружием с ног до головы.

– Никак это принц благоразумия, герцог Рогонт?.. Приветствую, ваша осторожность. Экие гордецы вокруг вас собрались… и не скажешь, что провели семь лет, отступая. Ну, хоть сегодня вы не отступаете. – Она сделала паузу. – Ой, погодите. Отступаете же.

Несколько офицеров гневно вздернули подбородки, еще несколько раздули ноздри. Но сам Рогонт лишь неторопливо поднял на нее, оторвавшись от карты, темные глаза – немного усталые, может, но по-прежнему вызывающе красивые и спокойные.

– Генерал Меркатто, какая радость! Хотелось бы мне встретиться с вами после великой битвы, желательно, как с павшей духом пленницей. Но победы мои, увы, немногочисленны.

– Редки, как снег среди лета.

– А вы в ореоле славы. И под вашим торжествующим взором я чувствую себя совершенно беззащитным. – Он глянул в сторону входа. – Но где же нынче ваша неодолимая Тысяча Мечей?

Монца цыкнула зубом.

– Ее позаимствовал у меня Карпи Верный.

– Без спросу? Экий… невежа. Боюсь, вы во всем воин, и недальновидный политик. А сам я, боюсь, наоборот. Может, слова и наделены порою большей силой, чем меч, как говорил Иувин, но на своем горьком опыте я узнал, что бывают времена, когда острый металл ничем не заменишь.

– Такие, как Кровавые Годы.

– Именно. Все мы пленники обстоятельств, и обстоятельства в очередной раз не оставляют мне иного выбора, кроме горького отступления. Благородный Лирозио, герцог Пуранти и хозяин этой прекрасной купальни, был самым верным и воинственным союзником, какого только можно представить, когда армия герцога Орсо находилась еще за лиги от неприступных стен Масселии. Слышали бы вы скрежет его зубов, видели бы меч, рвущийся из ножен и жаждущий пролить горячую кровь.

– Поговорить о сражениях многие любят. – Монца обвела взглядом мрачные лица советников Рогонта. – Некоторым нравится еще и рядиться в мундиры. Но вот кровью их марать – это уже другое дело.

Павлины вновь принялись гневно задирать подбородки, но Рогонт только улыбнулся.

– К такому же печальному выводу пришел и я. Теперь в неприступных стенах Масселии пробиты бреши. Благодаря вам Борлетта пала. Благодаря вам и Виссерин горит. Армия Орсо, которой помогают ваши бывшие соратники, Тысяча Мечей, подобралась к самому порогу Лирозио. И энтузиазм отважного герцога изрядно поугас. Сильные мира сего непостоянны, как текущая вода. Мне следовало выбрать союзников послабее.

– Несколько поздно об этом думать.

Герцог надул щеки.

– Слишком поздно… слишком поздно – такова будет моя надгробная эпитафия. К Душистым соснам я прибыл с опозданием на два дня, и торопыга Сальер успел сразиться и проиграть без меня. Поэтому Каприле остался без защиты перед вашим многими засвидетельствованным гневом. – То была версия дураков, но Монца придержала свое мнение при себе. На время. – К Масселии я прибыл со всем своим войском, готовый защищать от вас великие стены и блокировать брешь в обороне Этриса, и обнаружил, что город вы захватили днем раньше, успели вычистить его и защищаете стены уже от меня. – Снова оскорбительная ложь, и снова Монца промолчала. – Затем Высокий берег, где меня всячески придерживал покойный ныне генерал Ганмарк. В то время как тоже уже покойный герцог Сальер, который принял твердое решение не дать вам оставить его в дураках во второй раз, был-таки оставлен вами в дураках во второй раз. И войско его рассеялось, как мякина на ветру. Поэтому и Борлетта… – Он ткнул большим пальцем в пол, высунул кончик языка и изобразил неприличный звук. – Поэтому и храбрый герцог Кантейн… – Провел пальцем по горлу и повторил звук. – Слишком поздно, слишком поздно. Скажите, генерал Меркатто, как вам удается всегда попадать первой на поле боя?

– Встаю рано, до рассвета, знаете ли… проверяю, в ту ли сторону я иду, и никому не даю себя остановить. Да… еще я и в самом деле стараюсь туда попасть.

– Это вы о чем? – спросил юнец рядом с Рогонтом, чья физиономия была еще кислей, чем у прочих.

– О чем? – Монца вытаращилась на него с видом деревенской дурочки, потом повернулась к Рогонту: – О том, что вы могли добраться до Душистых сосен вовремя. Но предпочли замешкаться, зная, что гордый жирный Сальер описается, не успев снять штанов, и растратит, скорей всего, все свои силы, независимо от того, выиграет или нет. Он проиграл и выглядел дураком, а вы – более мудрым партнером, на что и надеялись. – Настал черед Рогонта хранить осторожное молчание. – И до бреши вы могли добраться вовремя. Но для вас было удобнее опоздать и позволить мне преподать тот самый урок гордым массельцам, который был в ваших интересах. То есть заставить их покорно слушать вашу благоразумную светлость.

В зале, пока она говорила, стояла абсолютная тишина.

– Когда вы поняли наконец, что время истекает? Что ваши опоздания привели к тому, что союзники стали слишком слабы, а Орсо – слишком силен? На Высокий берег вам наверняка уже хотелось успеть вовремя, но помешал Ганмарк. Прикидываться хорошим союзником к тому времени было… – она подалась вперед и шепнула: – …слишком поздно. Ваша политика заключалась в том, чтобы утвердить себя как сильнейшего из партнеров ко времени выигрыша Лиги Восьми и стать среди них первым. И замысел был неплох, и исполнение тоже. Если не считать того, конечно, что выиграл Орсо, а Лига Восьми… – Монца высунула кончик языка и адресовала неприличный звук всему собравшемуся здесь цвету мужественности. – И кончено с вашим «слишком поздно», засранцы.

К ней, сжимая кулаки, шагнул самый отчаянный из всего выводка «храбрецов».

– Не желаю больше этого слушать! Вы… вы – дьявол! У меня отец погиб при Душистых соснах!

Похоже, причины мстить нашлись бы у каждого человека на земле. Но Монца так настрадалась сама, что сострадать другим сил уже не имела.

– Спасибо, – сказала она.

– Что?

– Поскольку ваш отец наверняка был в стане моих врагов, а цель сражения – их убить, смерть его я воспринимаю как комплимент. И вряд ли требуется объяснять такие вещи воину.

Лицо его пошло пятнами.

– Будь вы мужчиной, я бы убил вас на месте.

– Будь вы мужчиной – хотели вы сказать. Что ж, поскольку я отняла у вас отца, будет только справедливо, если дам что-то взамен. – И Монца плюнула ему в лицо.

Он кинулся на нее – неуклюже, голыми руками, как она и предполагала. Всякий человек, которого нужно долго раззадоривать, будучи доведен наконец до крайности, обычно забывает об осторожности. Монца легко уклонилась, схватилась за верхний и нижний края его золоченой кирасы, подтолкнула вперед, одновременно подставив подножку. Он споткнулся, начал падать, и тут она, схватившись за рукоять меча у него на поясе, выдернула его из ножен. Мальчишка плюхнулся в бассейн, подняв фонтан сверкающих брызг, взвизгнул, а Монца быстро развернулась к остальным – с клинком наготове.

Рогонт закатил глаза.

– О, прошу вас…

Вся свита его ринулась к Монце, спешно выдергивая мечи, сыпля проклятиями и чуть не свалив в своем усердии стол с картами.

– Клинки в ножны, господа, будьте так добры, клинки в ножны!

Мальчишка, которого тянула ко дну тяжесть собственных разукрашенных доспехов, все же всплыл кое-как на поверхность, забарахтался с плеском. Двое бросились вытаскивать его из бассейна, остальные же принялись отталкивать друг друга в стремлении добраться до Монцы первыми.

– Разве вы не отступаете? – прошипела она, пятясь к колонне.

Один вырвался вперед, попытался достать ее мечом.

– Умри, проклятая!..

– Довольно! – взревел Рогонт. – Хватит! Хватит! – И все они насупились, как напроказившие дети, призванные к ответу. – Никаких фехтовальных упражнений в купальне, прошу вас! Будет ли конец моему позору? – Он тяжело вздохнул, после чего повелительно махнул рукой. – Оставьте нас наедине!

У того, что стоял впереди, от ужаса встопорщились усы.

– Как, ваша светлость, с этой… с этой подлой тварью?

– Не волнуйтесь, выживу. – Он поднял бровь. – Плавать я умею. Вон отсюда, все, пока сами себя не поранили. Кыш! Проваливайте!

Они неохотно попрятали мечи в ножны и, ворча, потянулись к выходу из зала. Мокрый насквозь юнец гневно топал сапогами, в которых хлюпала вода. Монца бросила его золоченый меч в бассейн и, когда тот с плеском ушел в воду, усмехнулась. Победа, может, и маленькая, но теперь приходилось радоваться и таким.

Рогонт молчал, пока они не остались вдвоем, потом тяжело вздохнул.

– Ты говорила, что она придет, Ишри.

– Хорошо, что мне никогда не надоедает быть правой.

Монца вздрогнула, увидев вдруг темнокожую женщину на подоконнике высокого окна в паре шагов над головой Рогонта. Та лежала на спине, задрав скрещенные ноги на стену и свесив с узкого выступа вниз руку и голову, так что лицо ее было запрокинутым.

– Ибо это происходит часто.

Женщина соскользнула с подоконника, в последний момент перевернулась в падении и ловко, как ящерица, приземлилась на руки и на ноги.

Монца не могла понять, почему не заметила ее сразу, и рассердилась на себя.

– Вы кто? Акробатка?

– О, ничего столь романтичного, как акробатка. Я – Восточный Ветер. Можете думать обо мне как об одном из множества пальцев Божьей правой руки.

– Жрица, судя по всему этому вздору?

– О, ничего столь скучного и пресного, как жрица. – Она закатила глаза к потолку. – Я – пылкая верующая, по-своему, но мантию носить, благодарение Богу, могут только мужчины.

Монца нахмурилась.

– Агент гуркского императора.

– Агент… звучит слишком уж закулисно. Император, пророк, церковь, государство… Я бы назвала себя скромным представителем Южных сил.

– Что для них Стирия?

– Поле битвы. – Ишри широко улыбнулась. – Гуркхул и Союз могут быть в мире, но…

– Сражение продолжается.

– Всегда. Союзники Орсо – наши враги, поэтому его враги – наши союзники. Нас объединяет общее дело.

– Падение Орсо, великого герцога Талина, – проворчал Рогонт. – Дай-то, Господи.

Монца презрительно усмехнулась:

– Ха. Вы теперь молитесь Богу, Рогонт?

– Всякому, кто услышит, и от всей души.

Гурчанка выпрямилась, поднялась на носки, потянулась, вскинув вверх руки с длинными пальцами.

– А вы, Меркатто? Не являетесь ли вы ответом на отчаянные молитвы этого бедного человека?

– Может быть.

– А он, возможно, – на ваши?

– В сильных мира сего я разочаровывалась часто, но не теряю надежды.

– Вряд ли вы будете первым другом, которого я разочарую. – Рогонт кивнул в сторону карты. – Меня называют графом осторожности. Герцогом проволочек. Принцем благоразумия. Станете вы, несмотря на это, моим союзником?

– Взгляните на меня, Рогонт, я почти в таком же отчаянном положении, как и вы. «Великие бури, – писал Фаранс, – приводят нежданных спутников».

– Мудрый человек. Чем я могу помочь, в таком случае, моей нежданной спутнице? И, что еще более важно, чем она может помочь мне?

– Мне нужно убить Карпи Верного.

– И зачем нам смерть вероломного Карпи? – Ишри, не спеша сделав несколько шагов вперед, лениво наклонила голову набок. Потом ниже и еще ниже… видеть такое и то было неловко, не говоря уж о том, чтобы сделать. – Разве в Тысяче Мечей нет других капитанов? Сезарии, Виктуса, Эндиша? – Угольно-черные глаза ее были пустыми и мертвыми, как расписные эмали глазных дел мастера. – И никто из этих печально знаменитых стервятников не займет принадлежавшее вам ранее кресло, спеша попировать на трупе Стирии?

Рогонт надул губы.

– И мне придется продолжить свой утомительный танец с новым партнером. Я выигрываю всего лишь весьма короткую передышку.

– Верность этих троих Орсо не простирается дальше собственного кармана. Их достаточно легко было уговорить предать Коску в моих интересах и меня в интересах Карпи. Главное – сойтись в цене. Если она их устроит, после убийства Карпи я смогу вернуть Тысячу Мечей себе, и служить она станет вам, а не Орсо.

Воцарилось молчание. Ишри подняла тонкие черные брови. Рогонт, вскинув голову, обменялся с ней долгим взглядом.

– Начало пути к уравниванию шансов.

– Вы уверены, что сможете их купить? – спросила гурчанка.

– Да, – без заминки солгала Монца. – Я никогда не рискую. – Эта ложь была еще беззастенчивей, поэтому она постаралась говорить максимально уверенно. Знала, что ни за Тысячу Мечей ручаться на самом деле нельзя, ни тем более за мерзавцев, которые ею командуют. Но

у нее может появиться шанс, сумей она убить Верного. Лишь бы Рогонт помог, а там будет видно…

– И какова цена?

– За то, чтобы выступить против побеждающей стороны? Выше, чем я могу себе позволить заплатить, это уж точно. – Даже будь у нее под рукой все оставшееся золото Хермона, которое по-прежнему погребено в тридцати шагах от развалин отцовского сарая. – Но вы, герцог Осприи…

Рогонт печально усмехнулся:

– О, бездонный кошелек Осприи!.. Я в долгах по уши и выше. Задницу свою продал бы, дай мне кто за нее больше пары медяков. Нет, от меня, боюсь, вы золота не дождетесь.

– А от Южных сил? – спросила Монца. – Я слышала, в Гуркхуле горы состоят из золота.

Ишри потерлась спиной об одну из колонн.

– Из грязи, как и везде. Но в них можно найти немало золота, если знаешь, где рыть. Каким образом вы планируете прикончить Верного?

– Лирозио сдастся, как только подойдет армия Орсо.

– Разумеется, – сказал Рогонт. – Он столь же сведущ в капитуляции, как я – в отступлении.

– Тысяча Мечей двинется на юг, к Осприи. Вычищая страну, талинцы пойдут следом.

– Это ясно и без объяснений военного гения.

– Я найду местечко где-нибудь по дороге и заманю туда Карпи. Чтобы убить его, хватит отряда человек из сорока. Оба вы при этом ничем не рискуете.

Рогонт прокашлялся.

– Если вы сможете выманить старого пса из конуры, то людей, чтобы покончить с ним, я для вас найду.

Ишри разглядывала Монцу, как сама она могла бы разглядывать муравья.

– И после его кончины, если вы сможете купить Тысячу Мечей, я предоставлю вам деньги.

Если, если, если… Но Монца, в общем-то, идя сюда, и на это рассчитывать была не вправе. С той же легкостью ее могли вынести с этой встречи вперед ногами.

– Тогда, считайте, дело сделано. С нежданными спутниками…

– Действительно. Бог вас воистину благословил. – Ишри вызывающе зевнула. – Пришли искать одного друга, уходите с двумя.

– Везет мне, – сказала Монца, не испытывая ни малейшей уверенности, что уходит хотя бы с одним.

Она повернулась к выходу, скрипнув каблуками по истертому мрамору. Только бы удалось выйти, не пошатнувшись…

– Еще одно, Меркатто!

Монца оглянулась. Рогонт стоял возле стола с картами уже в одиночестве. Ишри исчезла так же внезапно, как и появилась.

– Ваши позиции слабы, и поэтому вы вынуждены заигрывать с сильными. Я понимаю. Вы такая, какая есть, – человек безрассудно храбрый. Мне подобного не дано. Но и я такой, какой есть. Чуть больше уважения в будущем, думается мне, пойдет на пользу нашему союзу отчаявшихся.

Монца изобразила реверанс.

– Ваше великолепие, я не только слаба, но и совершенно ничтожна.

Рогонт медленно покачал головой:

– Надо было этому моему офицеру все-таки вытащить меч да и проткнуть вас.

– Вы на его месте так бы и поступили?

– Увы, я – нет. – Он снова уставился в свои карты. – Я бы напросился на еще один плевок.

Ни богат, ни беден

Беззвучно ступая по обшарпанному коридору, Шенкт тихонько мурлыкал себе под нос. Почему-то все никак не удавалось точно вспомнить мелодию. Ту песенку, что пела ему сестра, когда он был маленьким. Он еще помнил солнечные блики, игравшие у нее в волосах, окно за спиной, лицо, сокрытое тенью. Хотя это было так давно, что картинка успела выцвести, как дешевые краски на солнце. Сам он петь никогда особо не умел. Но песенку эту все же напевал, представляя, что сестра вторит ему, и на душе становилось теплее.

Шенкт убрал на место нож, спрятал в карман деревянную птицу. Та была почти готова, только клюв ему не слишком нравился. Но не хотелось в спешке испортить все окончательно. Терпение… Для резчика по дереву оно столь же важно, как и для наемного убийцы. Он остановился перед дверью из светлой, мягкой сосны, с множеством сучков. Сквозь щели между плохо пригнанными досками виднелся свет. Иногда ему хотелось, чтобы работа приводила его в места получше. Подняв ногу, он одним ударом выбил замок.

Шестнадцать рук метнулись к оружию, когда дверь слетела с петель. На Шенкта вызверилось восемь лиц – семь мужских, одно женское. Большинство из них он узнал. Поскольку видел их среди коленопреклоненного полукруга в тронном зале Орсо. Убийцы, посланные за убийцами принца Арио. Собратья, в некотором роде, по ремеслу. Если можно назвать мух, ползающих по трупу, собратьями настигшего добычу льва. Не думал он, что они сумеют опередить его в поисках, но его давно уже перестала удивлять прихотливость жизненных поворотов, сходных с корчами змеи в предсмертных муках.

– Я пришел не вовремя? – спросил Шенкт.

– Это он.

– Тот, что не встает на колени.

– Шенкт.

По имени его назвал детина, который загородил ему дорогу в тронном зале. Тот самый, кому он посоветовал молиться. Шенкт надеялся, что совет был принят, хотя не слишком верил в это.

Остальные, кто узнал его, расслабились и, считая Шенкта своим, вернули в ножны наполовину вытащенные клинки. Женщина лука не опустила.

– Ну, ну. – Мужчина с рябым лицом и длинными волосами, который, похоже, был здесь за старшего, пригнул пальцем ее лук к полу. – Меня зовут Мальт. Ты как раз вовремя, чтобы помочь нам до них добраться.

– До них?

– Тех, за кого нам платит герцог Орсо, а ты что думал? Они вон там, в курильне.

– Все?

– Главарь ихний уж точно.

– Как вы узнали, что это именно тот человек?

– Женщина она… ее Пелло знает. Верно, Пелло?

У Пелло были торчащие усы и глаза, полные тоски.

– Это Меркатто. Та самая, что возглавляла армию Орсо под Душистыми соснами. С месяц назад она была в Виссерине. Сам ее арестовывал, сам допрашивал. Тогда и северянин остался без глаза.

– Северянин… Трясучка, так назвал его Саджам, – припомнил Шенкт. – Дело было во дворце Сальера. Через несколько дней она убила там Ганмарка, генерала Орсо.

– Сама Змея Талина, – гордо сказал Мальт, – живая, оказывается. Как оно тебе?

– Я потрясен. – Шенкт неторопливо подошел к окну, глянул на улицу. Убогое местечко для прославленного генерала. Но такова жизнь. – С ней есть мужчины?

– Только этот северянин. Ничего такого, с чем нам не справиться. У черного хода караулит Счастливица Ним с двумя своими парнями. Мы зайдем, когда начнут бить часы на башне, с переднего. Им не выскользнуть.

Шенкт медленно заглянул в лицо каждому и каждому предоставил шанс.

– Вы точно готовы это сделать? Все?

– Черт, да, конечно. Трусов ты тут не найдешь, дружок. – Мальт поглядел на него, прищурясь. – Хочешь с нами?

– С вами? – Шенкт глубоко вдохнул, выдохнул. – Великие бури приводят нежданных спутников.

– Понимаю это как «да».

– На кой нам этот говнюк? – снова выступил, поигрывая демонстративно кривым ножом, тот, кому Шенкт посоветовал молиться. Парню явно не хватало терпения. – Я считаю – перерезать ему глотку, и делиться не надо.

Мальт спокойно пригнул его нож к полу.

– Кончай, нечего жадничать. Случалось мне уже работать в таких компаниях, где больше думали о деньгах, чем о деле, и каждому приходилось караулить собственную спину. И для здоровья вредно, и для работы. Мы или действуем все культурно, или вовсе не действуем. Что скажешь?

– Скажу – действуем культурно, – ответил Шенкт. – Уж, пожалуйста, давайте убивать, как порядочные люди.

– Именно. Того, что обещал Орсо, хватит на всех. Поделим поровну и будем богаты.

– Богаты? – Шенкт покачал головой, печально улыбнулся. – Мертвый ни богат, ни беден.

Лицо Мальта только начало приобретать удивленное выражение, когда указательный палец Шенкта распорол его почти надвое.

Трясучка сидел на засаленной постели, привалившись спиною к облезлой стене, слушая тихое дыхание Монцы, чья голова лежала у него на коленях. В перевязанной левой руке Монца сжимала трубку, из которой еще струился коричневатый дымок. Трясучка хмуро следил за тем, как он прокрадывается в луч света, колышется, расползается по комнате, заполняя ее дурманящим туманом.

Хаска – хорошее средство против боли, думал он. Слишком хорошее. Такое хорошее, что достойным предлогом покурить скоро делается какой-нибудь ушибленный палец. Человек лишается твердости, становится слабым. Может, в Монце твердости было больше, чем ей надо, но Трясучка хаске не доверял. Дым щекотал ноздри, вызывая тошноту и одновременно желание затянуться. Глаз под повязкой зудел. Так легко было прекратить зуд. И что плохого?..

Внезапно накатила паника, словно он похоронен заживо, и Трясучка рванулся прочь с кровати. Монца недовольно пробурчала что-то, приоткрыв на миг глаза, когда голова ее скатилась с его колен. Он выдернул оконную задвижку, распахнул ставни. Глазам открылся чудесный вид на грязный переулок за домом, в лицо пахнуло холодным ветром и мочой. Но этот запах, во всяком случае, был честным.

У задней двери стояли двое мужчин и женщина с предостерегающе поднятой рукой. На высокой башне с часами, стоявшей на соседней улице, прозвонил колокол. Женщина кивнула, один из мужчин вытащил меч, второй – тяжелую булаву. Затем она открыла дверь, и все ринулись внутрь.

– Дерьмо, – прошипел Трясучка, не веря своим глазам.

Трое – с заднего хода, и, судя по тому, что они явно чего-то дожидались, с переднего наверняка зашло еще сколько-то. Бежать было поздно. Да и тошнило уже Трясучку при мысли о бегстве. Разве у него не осталось гордости?.. В конце концов, бегство с Севера в эту чертову Стирию и привело его к тому, что он лишился глаза.

Он шагнул было к Монце, но остановился. Толку от нее в таком состоянии никакого. Поэтому, решив не трогать ее, Трясучка вытащил нож, который она дала ему в день первой встречи. И крепко сжал рукоять, уверенно легшую в руку. Пусть враги вооружены посолидней, но большое оружие в маленьких комнатках неудобно. На его стороне неожиданность, а это – лучшее оружие, какое может иметь человек. С колотящимся сердцем он затаился в тени за дверью, не испытывая ни страха, ни сомнений, одну только воинственную готовность.

С лестницы донеслись тихие шаги, и Трясучка с трудом удержался от смеха. Хихикнул все же разок, сам не зная почему, поскольку ничего смешного тут не было. Потом послышались скрип и приглушенная брань. Не самые хитроумные убийцы Земного круга. Он закусил губу, пытаясь унять рвущийся наружу смех. Монца пошевелилась, вытянулась на засаленном одеяле.

– Бенна, – пробормотала с улыбкой. И открыла затуманенные глаза, когда дверь вдруг распахнулась и в комнату ворвался человек с мечом. – Эт-та что…

Влетел еще один, по-дурацки наскочил на мечника, чуть не сшиб его с ног и верхушкой воздетой над головой булавы процарапал низкий потолок, вызвав небольшой обвал штукатурки. Со стороны это выглядело так, будто он предлагает свое оружие в жертву небесам. Казалось неучтивым опустить булаву вниз, поэтому Трясучка выхватил ее у него из руки, вонзив в то же самое время нож в спину мечнику.

Выдернул и снова вонзил, по самую рукоять. Стиснул зубы, зарычал, борясь со все еще рвущимся на волю смехом, нанес еще удар и еще. Противник всякий раз изумленно ухал, не понимая, видно, что происходит, потом дернулся, и нож, вырвавшись из руки Трясучки, остался у него в спине.

К Трясучке повернулся, выпучив глаза, второй убийца.

– Что…

Он стоял слишком близко – не размахнешься, поэтому Трясучка треснул его по носу нижним концом булавы, заставив отшатнуться к пустому очагу. Тем временем ноги у первого подкосились, и он, угодив острием меча в стену над кроватью, упал на Монцу. За него можно было не беспокоиться. Трясучка, сделав шажок вперед, упал на колени, чтобы не зацепить булавой потолок, и с ревом взмахнул тяжелой железякой. Та глухо стукнула своего прежнего хозяина в лоб, проломила череп, и потолок усеяли брызги крови.

За спиной раздался боевой клич, и Трясучка быстро развернулся. В дверь вбежала женщина, державшая в каждой руке по короткому клинку… И споткнулась о брыкнувшую в это самое мгновение ногу Монцы, барахтавшейся на кровати и пытавшейся выбраться из-под мечника. Счастливая случайность… Боевой клич захлебнулся, женщина неуклюже рухнула прямо на руки Трясучке, но попыталась все же достать его одним из ножей. Он схватил ее за другую руку и, скользнув под нее, оказался лежащим на трупе хозяина булавы, треснувшись при этом головой о стенку очага так, что на миг ослеп.

Но хватку не разжал, чувствуя, как ногти ее рвут повязку на его лице. Оба зарычали. Она нависла над ним, щекоча его свесившимися волосами, прикусила кончик языка от усердия, стараясь воткнуть нож ему в горло и помогая себе собственным весом. Изо рта у нее пахло лимоном. Трясучка, изловчившись, ударил кулаком ей в челюсть, отчего голова ее откинулась и зубы глубоко вонзились в язык.

В тот же миг по руке ее рубанул меч, едва не задевший острием плечо Трясучки. Сверху замаячило бледное лицо Монцы, глаза ее таращились несфокусированно. Женщина взвыла, пытаясь вырваться. Второй блуждающий удар мечом пришелся ей по голове, плашмя, и повалил на бок. Монцу отнесло к стене, где, споткнувшись о кровать, она чуть не проткнула саму себя выпавшим из руки мечом. Трясучка вырвал нож из обмякшей руки женщины и вонзил его ей в горло по рукоять. Кровь брызнула фонтаном, оросив рубаху Монцы и стену над кроватью.

Кое-как выбравшись из-под чужих рук и ног, он подхватил булаву, выдернул нож из спины мертвого мечника, сунул его за пояс, метнулся к двери. В коридоре было пусто. Тря-

сучка вернулся за Монцей, поднял ее на ноги. Она оцепенело уставилась на свою мокрую от крови одежду.

– Что… что…

Закинув ее безвольную руку себе на плечи, он вытащил Монцу за дверь, сволок вниз по лестнице. Вывел через открытую заднюю дверь в переулок. Там Монца успела сделать всего шаг, и ее вырвало. Потом она застонала и натужилась снова. Трясучка тем временем сунул булаву в рукав, окровавленным навершием вниз, чтобы выпала легко, коль понадобится. И понял вдруг, что опять смеется. Почему – неведомо. Смешного по-прежнему ничего не было. Как раз наоборот. Но смех все равно рвался наружу.

Монца сделала, пошатываясь, еще несколько шагов, согнулась пополам.

– Все, курить брошу, – пробормотала, сплевывая желчью.

– Ага. Как только глаз у меня вырастет заново.

Схватив ее за локоть, Трясучка двинулся в конец переулка, к людной, залитой солнечным светом улице. На углу остановился, быстро глянул в обе стороны, потом опять забросил руку Монцы себе на плечи и повел ее прочь.

За исключением трех трупов, в комнате было пусто. Шенкт приблизился к окну, осторожно обойдя пятна крови на полу, выглянул. Ни Меркатто, ни одноглазого северянина. Но лучше уж пусть сбегут, чем кто-нибудь другой найдет их раньше его. Этого он допустить не мог. Привык доводить до конца работу, за которую взялся.

Шенкт присел на корточки, положил руки на колени. То, во что он превратил Мальта с его семью дружками, вряд ли выглядело хуже сотворенного Меркатто и ее северянином с этими троими. Кровью были залиты стены, пол, кровать, потолок. Череп мертвеца, лежавшего возле очага, являл собой кашу. Пропитанная кровью рубаха второго, валявшегося вниз лицом, вся была в ножевых прорехах. На горле женщины зияла глубокая рана.

Счастливица Ним, предположил он, глядя на нее. Которую покинуло счастье.

– Теперь – просто Ним.

В углу возле стены что-то блеснуло. Шенкт наклонился, поднял и поднес к свету золотое кольцо с большим кроваво-красным рубином. Вещица была слишком хороша, чтобы принадлежать кому-то из этого отребья. Кольцо Меркатто, стало быть. Еще теплое от ее пальца… Он надел его на собственный. Потом ухватил тело Ним за лодыжку, перетащил его на кровать и, тихо напевая себе под нос, принялся раздевать.

На бедре правой ноги виднелась какая-то чешуйчатая сыпь, поэтому он предпочел левую. Надрезал ее у ягодицы тремя быстрыми, ловкими движениями мясницкого серпа. Легко выломал кость из бедренного сустава, еще двумя взмахами кривого клинка отсек ступню, затем сложил ногу вдвое, перевязал поясом Ним, чтобы не разогнулась, и сунул в мешок.

Толстый кусок вырезки, обжаренный на сковороде. С особой смесью из четырех сулджукских специй, которая у него всегда с собой. На местном пурантийском масле, имеющем чудесный ореховый аромат. Да, еще соль и молотый перец. С приправами будет вкусным любое мясо. Розовое внутри, но без крови. Людей, которые любят мясо с кровью, Шенкт не понимал. Ему сама мысль была противна. Под конец добавить лук. Можно еще порубить кубиками мякоть голени и сделать жаркое, с грибами и кореньями, а из костей сварить бульон, добавив капельку выдержанного мурисского уксуса, который придаст…

– Смак.

Кивнув сам себе, он тщательно вытер от крови серп, перекинул мешок через плечо, шагнул к двери и остановился.

Вспомнил вдруг о булочной, мимо которой проходил сегодня, о чудесных, хрустящих, только что испеченных хлебцах, выставленных в витрине. О запахе свежего хлеба. Восхитительном запахе самой добродетели, простом и честном. Ему бы очень хотелось быть пекарем,

если бы он не был… кем был. Если бы он не предстал никогда перед своим старым мастером. Не принял никогда дороги, предложенной ему, и никогда против нее не восставал.

«Как будет этот хлеб хорош, – подумал он теперь, – нарезанный ломтями, щедро намазанный рубленым паштетом. Или айвовым вареньем. Со стаканчиком доброго вина».

Он снова вынул нож и вернулся к Счастливице Ним.

Ей, в конце концов, печень была уже без надобности.

Героические усилия и перемены к лучшему

Дождь прекратился, над полями выглянуло солнце, и на серых небесах повисла радуга. Что там, подумала Монца, где конец ее касается земли. Эльфийская полянка, как рассказывал когда-то отец? Или просто дерьмо, как и всюду?.. Потом наклонилась с седла и сплюнула в пшеницу.

Возможно, эльфийское дерьмо.

Откинула мокрый капюшон и хмуро посмотрела на восток, на дождевые тучи, откатывавшиеся к Пуранти. Была бы на свете справедливость, обрушились бы они ливнем на Карпи Верного и Тысячу Мечей, чей авангард находился уже не более чем в дне езды. Но справедливости не было, и Монца это знала. Тучи прольются там, где им заблагорассудится.

Мокрое поле озимой пшеницы пестрело пятнами красных цветов, как земля лужами крови. Близилось время жатвы, только некому здесь было снять урожай. Рогонт делал то, что умел лучше всего, – отступал. И с ним, забирая все добро, какое можно унести, отступали к Осприи фермеры. Они знали, что приближается Тысяча Мечей. И знали, что лучше ее не дожидаться. Во всем мире не нашлось бы фуражиров с более дурной репутацией, чем люди, которыми некогда командовала Монца.

«Фуражировка, – писал Фаранс, – это грабеж столь грандиозный, что он переходит границы простого преступления и вступает на политическую арену».

Она потеряла кольцо Бенны. И то и дело проводила теперь большим пальцем по среднему, убеждаясь всякий раз с горечью, что его там нет. Бенна умер, и красивый камушек этого обстоятельства не менял. Но все же чувство было такое, словно она потеряла какую-то последнюю, крохотную частичку брата, за которую цеплялась. Какую-то из последних частичек себя самой, стоивших того, чтобы их беречь.

Впрочем, ей повезло, что в Пуранти она потеряла только кольцо. Могла и погибнуть из-за собственной неосторожности. Следовало бросить курить. Изменить жизнь к лучшему. Следовало… и тем не менее она курила больше обычного. Пробуждаясь от сладкого забвения, говорила себе, что этот раз уж точно был последним, но всего через несколько часов начинала сходить с ума. Желание накатывало, как прибой, тошнотворными волнами, одна выше другой. Сопротивление стоило героических усилий, а Монца героем не была, пусть жители Талина и собирались чествовать ее как таковую. Однажды она выбросила трубку и тут же в приступе паники купила другую. Столько раз перепрятывала постепенно уменьшавшийся комок хаски, что сбилась со счета. И поняла в конце концов, что прятать какую-то вещь собственными руками смысла нет.

Поскольку ты всегда знаешь, где она.

– Мне здесь не нравится. – Морвир, привстав с облучка, огляделся по сторонам. – Подходящие места для засады.

– Что нам и требуется, – рыкнула в ответ Монца.

Множество живых изгородей, тут и там небольшие рощицы, одинокие домишки с сараями, разбросанные по полям, – есть где затаиться. Никакого движения вокруг. Никаких звуков, не считая карканья ворон, хлопков фургонного полога на ветру, скрипа колес и плеска воды, когда на дороге изредка попадались лужи.

– Вы уверены, что это благоразумно – довериться Рогонту?

– С благоразумием войн не выигрывают.

– Конечно, но без него не планируют убийств. Рогонт крайне ненадежный партнер, даже для великого герцога, и к тому же – ваш старый враг.

– Я могу доверять ему в том, что затрагивает его собственные интересы. – Вопрос Морвира вызвал у нее раздражение, поскольку именно его она задавала себе все время после отъезда из Пуранти. – В убийстве Карпи Верного риска для него никакого. Но одному дьяволу известно, что будет, если я не смогу привести ему Тысячу Мечей.

– И это вряд ли станет вашим первым просчетом. Что, если нас попросту бросили здесь, на пути армии? Вы заплатили мне за то, чтобы убивать одного человека зараз, а не сражаться в одиночку с…

– Я заплатила вам за убийство одного человека в Вестпорте, а вы убили пятьдесят разом. И не вам учить меня осторожности.

– Не больше сорока, и то из чрезмерной осторожности, чтобы только не упустить вашего человека, а вовсе не по недосмотру! Разве ваш список убиенных в Доме досуга Кардотти был короче? А во дворце герцога Сальера? А в Каприле, коли на то пошло? Уж простите мне, если я питаю некоторые сомнения относительно вашей способности сокращать число жертв!

– Довольно! – прорычала она. – Разблеялись, как баран! Исполняйте работу, за которую я плачу, и не суйтесь не в свое дело!

Морвир, натянув поводья, так резко остановил фургон, что Дэй чуть не выронила яблоко и вскрикнула.

– Такова ваша благодарность за то, что я спас вас в Виссерине? После того как вы нарочито пренебрегли моим мудрым советом?

Витари, привольно раскинувшаяся среди поклажи в фургоне, выставила наружу длинную руку.

– Я тоже спасала, не только он. И меня никто не поблагодарил.

Морвир пропустил ее реплику мимо ушей.

– Наверное, мне надо поискать более благодарного нанимателя!

– А мне – более послушного отравителя, к черту!

– А мне!.. Нет, постойте. – Морвир поднял палец, зажмурился. – Погодите.

Он сложил губы трубочкой, сделал глубокий вдох, задержал дыхание на миг и медленно выдохнул. Трясучка подъехал к ним, поглядел, подняв бровь, на Монцу. Морвир снова вдохнул и выдохнул, потом сделал это еще раз. Открыл глаза наконец и до отвращения фальшиво хихикнул.

– Мне надо… перед вами самым искренним образом извиниться.

– Что?

– Я понимаю, со мной… не всегда легко. – Витари язвительно хохотнула, Морвир поморщился, но договорил: – Если я кажусь порой чересчур упрямым, то это потому только, что я всеми силами хочу помочь вам в вашем рискованном деле. Непреклонность в стремлении к наилучшему всегда была моим недостатком. Для человека же, который поневоле должен быть вашим покорным слугой, самым важным качеством является гибкость. Смею ли я просить вас… совершить героическое усилие? Забыть вместе со мной об этом печальном недоразумении? – Он тряхнул поводьями и, когда фургон снова двинулся по дороге, тускло улыбнулся через плечо. – Я уже чувствую ее! Перемену к лучшему!

Монца встретилась взглядом с Дэй, сидевшей с ним рядом. Белокурая малышка, вскинув брови, в последний раз прошлась зубами по яблочному огрызку и швырнула его в поле.

Витари стащила с себя плащ, подставила лицо солнцу.

– Солнце выглянуло. Перемена к лучшему. И… – Она прижала руку к груди, другую протянула к небу. – О-о-о, радуга! Вы слышали, что там, где она упирается в землю, находится эльфийская полянка?

Монца проводила фургон хмурым взглядом. Наткнуться на эльфийскую полянку казалось более вероятным, чем дождаться от Морвира перемен к лучшему. И внезапная покорность с его стороны нравилась ей еще меньше, чем бесконечное нытье.

– Может, он просто хочет, чтобы его любили, – послышался рядом тихий голос Трясучки, когда она стронула коня с места.

– Если бы люди могли меняться вот так. – Монца щелкнула пальцами у него перед лицом.

– Только так они и меняются. – Он уставился на нее единственным глазом. – Когда меняется все вокруг. Мужчины, думается мне, хрупкие существа. Не прогибаются в новую форму. Ломаются. Крошатся.

Сгорают… возможно.

– Как твое лицо? – буркнула она.

– Зудит.

– Больно было – там, у мастера?

– Коль мерить между болью в ушибленной ноге и выжженном глазе, то ближе к заднице.

– Как почти все.

– А падение с горы?

– Не так уж страшно, пока лежишь неподвижно. Вот когда встать пытаешься, ноет маленько. – Слова ее вызвали у него улыбку, хотя в последнее время улыбался он куда реже, чем раньше. Удивляться, правда, было нечему, после всего, что он пережил. Что она заставила его пережить… – Мне… надо, наверное, поблагодарить тебя за спасение. Еще одно. Похоже, это уже входит в привычку.

– За что вы мне и платите, верно, начальник? Хорошо выполненная работа – сама по себе награда, так отец мой говорил. Дело в том, что это я умею. Как боец, я человек, которого уважают. Как все остальное, я здоровенный, никчемный придурок, который провоевал дюжину лет, ничего не заработал, кроме кошмарных снов, да еще и глаз потерял. Только гордость у меня и осталась. Мужчина должен быть тем, что он есть, думается мне. Что-то другое – всего лишь притворство, верно? И кому охота провести всю оставшуюся жизнь, притворяясь тем, кем он никогда не был?

Хороший вопрос… К счастью, они добрались до вершины холма, и Монца была избавлена от необходимости думать над ответом. Поля впереди прорезала коричневой, прямой, как стрела, полосой имперская дорога, которая вот уже восемь веков оставалась лучшей дорогой в Стирии. Что наводило на печальные мысли обо всех правителях, сменившихся с тех пор.

Неподалеку виднелся фермерский дом – каменный, в два этажа, с закрытыми ставнями, с крышей из красной черепицы, побуревшей от старости, с покосившимся флюгером в виде крылатой змеи. Рядом – небольшая конюшня, напротив – деревянный сарай с просевшей кровлей. Захламленный двор, где рылась в мусоре парочка тощих птиц, окружен был каменной стеной высотой по пояс, поросшей лишайником.

– Вот подходящее место! – объявила Монца, и Витари выставила из фургона руку в знак того, что слышит.

Позади фермерских угодий протекала речушка, на берегу которой, примерно в миле от дома, стояла мельница. Поднявшийся ветерок колыхал листву живой изгороди, гнал волны по пшенице, облака по небу. Тени их скользили по земле.

Монце вспомнился дом, в котором она родилась. Маленький Бенна среди зрелых пшеничных колосьев – только макушка и видна. Его звонкий смех. Тогда еще жив был отец… Она встряхнула головой, нахмурилась. Все это дерьмо, слезливое, пробуждающее жалость к себе, затягивающее в прошлое. Родную ферму она ненавидела. Бесконечная пахота, пот, грязь,

усталость… и ради чего? Не много найдется на свете дел, требующих столь тяжкого труда и приносящих так мало.

И единственное, что пришло ей на ум сразу, – месть.

Сколько Морвир себя помнил, он с младых ногтей, кажется, обладал сверхъестественной способностью говорить что-то не то. Намереваясь помочь, обнаруживал вдруг, что жалуется. Выказывая решительность, в результате оскорблял. Горячо стремясь поддержать, слышал в ответ, что обескураживает. Все, чего он хотел, – чтобы его ценили, уважали и принимали в компанию. Но каждая попытка укрепить дружеские отношения их только разрушала.

После тридцати лет подобных неудач мать его покинула, жена покинула, ученики покидали, грабили и пытались убить, обычно при помощи яда, но в одном памятном случае даже и топором. Он начинал уже верить, что попросту не умеет ладить с людьми. В любом случае ему следовало радоваться, что мерзкий пьяница Никомо Коска умер. И поначалу он действительно испытывал некоторое облегчение. Но вскоре тучи опять сгустились, и душой завладело привычное уныние. Он вновь и вновь ссорился со своей неугомонной нанимательницей, желая при этом всего лишь помочь делу.

Наверное, ему стоило бы удалиться в горы и жить там отшельником, не раня более ничьих чувств, но хрупкому сложению его был вреден разреженный воздух. Поэтому он решил еще раз совершить героическое усилие во имя дружеских отношений. Стать более уступчивым, более мягким, более терпимым к недостаткам других. И первый шаг сделал, сославшись на головную боль, дабы не принимать участия вместе с остальными в осмотре окрестностей, и приготовив им приятный сюрприз в виде грибного супа по рецепту матушки – единственному, пожалуй, материальному наследству, которое оставила она своему единственному сыну.

Шинкуя овощи, он порезал палец, потом обжег локоть о раскаленную печку, и оба эти случая чуть не заставили его в порыве непродуктивного гнева отказаться от мысли о переменах к лучшему. Но к тому времени, когда солнце опустилось к горизонту, тени во дворе удлинились, и послышался топот лошадей, возвращавшихся на ферму, стол все-таки был уже накрыт, две буханки хлеба нарезаны, два свечных огарка излучали приветливый свет, и аппетитно благоухал котелок с готовым супом.

– Великолепно. – Реабилитацию себе он обеспечил.

Но оптимизму его не суждено было продержаться долее прибытия сотрапезников. Едва войдя, не сняв сапог, между прочим, и нанеся грязи на отмытые до блеска полы, они уставились на любовно вычищенную им кухню, на старательно накрытый стол, на котелок такими трудами сваренного супа с энтузиазмом преступников, подведенных к плахе.

– Что это? – Меркатто выпятила губы и сдвинула брови. Вид у нее стал еще угрюмей и подозрительней, чем обычно.

Морвир приложил все усилия, чтобы ответить спокойно:

– Это – мои извинения. Поскольку наш одержимый цифрами повар вернулся в Талин, я решил занять освободившееся место и приготовил обед. По рецепту моей матушки. Садитесь, пожалуйста… садитесь!

Он суетливо начал выдвигать стулья, и, несмотря на некоторое замешательство и косые взгляды, за стол они все-таки уселись.

С котелком и половником наготове Морвир подошел к Трясучке.

– Супу?

– Нет уж. Вы меня… как это называется…

– Парализовали, – подсказала Меркатто.

– Вот-вот. Вы меня разок уже парализовали.

– Вы мне не доверяете? – сухо спросил Морвир.

– Трудновато было бы, – сказала Витари, глядя на него исподлобья. – Вы же отравитель.

– После всего, что мы вместе пережили? Не доверяете из-за какого-то маленького паралича? – Он совершал героические усилия, пытаясь удержать на плаву идущий ко дну корабль их деловых отношений, и никто этого не ценил. Ни капельки. – Имей я намерение кого-то отравить, просто брызнул бы ему на подушку черной лаванды и погрузил в сон, от которого не просыпаются. Подложил бы в сапоги шипы америнда, смазал рукоять оружия ларинком, подсыпал во флягу с водой горчичный корень. – Морвир навис над северянином, с такой силой стиснув в руке половник, что костяшки побелели. – Существуют тысячи тысяч способов, которыми я мог бы убить, и никто даже не догадался бы, в чем дело. Я не стал бы утруждать себя, готовя вам обед!

Трясучка уставился на него своим единственным глазом, и на крохотную долю секунды Морвир заподозрил, что впервые за много лет получит сейчас оплеуху. Потом северянин взял ложку, зачерпнул ею из котелка, осторожно подул на суп и проглотил.

– Вкусно. Никак, грибы?

– Э… да, грибы. – Морвир поднял половник. – Ну, кто по-прежнему не хочет супу?!

– Я! – раздался голос из ниоткуда.

Морвиру словно брызнули в ухо кипятком, и, дернувшись, он выронил котелок. Горячий суп струею хлынул на стол, с него на колени Витари. Та с визгом подпрыгнула, сметя на пол свой столовый прибор. Меркатто, с грохотом отодвинув стул, потянулась к мечу. Дэй, выронив недоеденный ломоть хлеба, вскочила и попятилась к выходу. Морвир, крепко сжав в руке уже ненужный половник, с которого капало, резко обернулся…

За спиной у него стояла гурчанка со сложенными на груди руками, с улыбкой на устах. С кожей гладкой, как у ребенка, и блестящей, как черное стекло, с глазами цвета полуночи.

– Спокойно! – гаркнула Меркатто, вскинув руку. – Спокойно. Это друг.

– Мне она не друг! – Морвир лихорадочно пытался сообразить, как эта женщина сюда проникла, и не мог. Рядом не было двери, окно плотно закрывали ставни, в полу и потолке не имелось никаких отверстий…

– У тебя вообще нет друзей, отравитель, – промурлыкала гурчанка. Длинный коричневый плащ ее был распахнут. Тело под ним, казалось, полностью покрывали белые повязки.

– Вы кто? – спросила Дэй. – И откуда, черт возьми, пришли?

– Раньше меня звали Восточный Ветер, – ответила та, грациозно описывая пальцем круги в воздухе и показывая два ряда белых, безупречных зубов. – Но сейчас зовут Ишри. А пришла я с выбеленного солнцем Юга.

– Она имела в виду… – начал Морвир.

– Магия, – проворчал Трясучка, единственный, кто остался спокойно сидеть за столом, и облизал ложку. – Хлеба не передадите?

– К черту хлеб! – рявкнул Морвир. – И магию к черту! Как вы сюда вошли?

– Она из этих. – Витари, чьи глаза превратились в недобро горящие щелочки, сжала в руке кухонный нож. Остатки супа закапали с равномерным стуком со стола на пол. – Из едоков.

Гурчанка макнула в супную лужицу на столе палец, провела по нему язычком.

– Все должны что-то есть, не так ли?

– Я не желаю быть в числе блюд.

– Можете не беспокоиться. Я весьма разборчива в еде.

– Встречалась я уже с одной из ваших, в Дагоске.

Морвир не понимал, о чем речь, – ощущение, надо признаться, не из самых приятных, – но видел, что Витари встревожена, и оттого взволновался тоже. Эта женщина отнюдь не была склонна к беспочвенным фантазиям.

Витари меж тем обратилась к Меркатто:

– Что за сделку вы заключили?

– Ту, которую нужно было заключить. Она работает на Рогонта.

Ишри уронила голову набок. Чуть ли не горизонтально полу.

– А может, он работает на меня.

– Мне все равно, кто наездник, кто осел, – огрызнулась Монца, – лишь бы один из вас прислал мне людей.

– Он пришлет. Сорок лучших.

– Без опоздания?

– Если Тысяча Мечей не придет раньше, то и они не опоздают. Встали лагерем в шести милях отсюда. Им надо еще разграбить деревню. А потом сжечь ее. Небольшая, но разрушительная компания.

Взгляд черных глаз остановился на Морвире. И он, невесть с чего, занервничал. Белые повязки гурчанки тоже не давали ему покоя. Интересно, зачем…

– Дают прохладу в жару, – сказала она.

Морвир заморгал. Он что, задал вопрос вслух?

– Нет.

Он похолодел с головы до пят. Точь-в-точь как тогда, когда приютские няньки обнаружили его тайные припасы и догадались об их назначении. В голову полезло нечто несусветное – будто эта гуркская дьяволица читает каким-то образом его мысли. Ведает и дела, им совершенные, о которых, думал он, никто и никогда не узнает…

– Я иду в сарай! – заявил он. Голос, вопреки желанию, прозвучал довольно плаксиво. И понизить его удалось не без труда. – Поскольку завтра мы ждем гостей, нужно подготовиться. Пошли, Дэй.

– Сейчас, закончу только. – Помощница его быстро свыклась с присутствием странной посетительницы и занята была тем, что намазывала маслом три куска хлеба сразу.

– А… да, конечно.

Морвир помешкал немного, собираясь ее дождаться. Но, чувствуя себя все неуютней с каждым мгновеньем, не выдержал и направился к двери.

– Плащ не возьмете? – спросила Дэй.

– Мне и без него будет жарко!

И, только выскочив из дома во мрак, пронизанный холодным ветром, тут же забравшимся под рубашку, он понял, что жарко отнюдь не будет. Но возвратиться за плащом и не выставить себя полным дураком было слишком поздно. И Морвир стоически зашагал по темному двору дальше.

– Нет уж. – Плотно обхватил себя за плечи руками, начиная трястись от холода, и злобно выругался. Какая-то гуркская шарлатанка какими-то дешевыми фокусами выбила его из равновесия?.. – Сука перевязанная. – Ну, они еще у него увидят. – О, да! – С приютскими няньками он в конце концов расплатился, за все побои. – Посмотрим, кто кого побьет теперь. – Он оглянулся, чтобы убедиться, что за спиною никого нет. – Магия! – Усмехнулся. – Я вам покажу фокусы… И-и-их!.. – Что-то хлюпнуло под сапогом, земля выскользнула из-под ног, и Морвир с размаху шлепнулся в грязную лужу.

– Да будь оно все проклято!..

Хватит с него героических усилий. И перемен к лучшему тоже.

Предатель

До рассвета, по мысли Трясучки, оставалось часа два. Дождь кончился, но со свежераспустившейся листвы еще капала с барабанным стуком вода. Было зябко и сыро. По тропинке тек разлившийся ручей, сглаживая в грязи вмятины от конских копыт. Среди мокрых древесных стволов замаячил наконец, слабый красноватый свет лагерных костров, и Трясучка понял, что цель близка.

Темное время – самая пора для темных дел, говаривал некогда Черный Доу, а уж он-то знал…

Оставалось надеяться только, что в этой промозглой тьме пьяный часовой не всадит, всполошившись, стрелу ему в кишки. Может, оно и не так больно, как выжигание глаза, но тоже приятного мало. По счастью, часового Трясучка заметил раньше, чем тот его. Парень сидел, привалясь спиной к стволу, прислонив копье к плечу и прикрыв голову куском промасленной кожи, и не увидел бы ничего, даже если бы не спал.

– Эй!

Часовой дернулся, копье соскользнуло. В поисках его он принялся шарить вокруг себя по земле, и Трясучка, небрежно сложив руки на седельной луке, усмехнулся.

– Окликать меня будешь или я так проеду?

– Кто идет? – прорычал тот, сгребя наконец копье вместе с пучком мокрой травы.

– Зовут меня Кол Трясучка, и я имею разговор к Карпи Верному.

Лагерь Тысячи Мечей выглядел точь-в-точь как любой другой лагерь. Солдаты, холст, железо, грязь. Больше всего – грязи. Палатки, расставленные без всякого порядка. Лошади, привязанные к деревьям, выдыхающие белый в темноте пар. Копья, составленные штабелями. Костры – где горящие, где уже прогоревшие до углей. Воздух, едкий от дыма. Кое-кто из наемников еще не спал, сидя у огня и кутаясь в одеяло. Одни, не обращая внимания на проходившего мимо Трясучку, выпивали, другие провожали его настороженными взглядами.

Это напомнило ему разом обо всех сырых, холодных ночах, проведенных в многочисленных лагерях на Севере. О кострах, к которым он жался в единственной надежде, что не начнется дождь. О мясе, которое жарил, нанизав его на копья павших товарищей. Об одеялах, в которые кутался для ночевки на снегу. О клинках, которые точил для поджидавшей назавтра черной работы. Мысленному взору явились лица людей, с которыми он пил и смеялся, – умерших и вернувшихся в грязь. Брата. Отца. Тула Дуру – Грозовой Тучи. Рудды Тридуба – Скалы Уфриса. Хардинга Молчуна, что был безмолвнее ночи. И воспоминания эти вызвали у него приступ неожиданной гордости. А потом приступ неожиданного стыда за работу, которую он делал сейчас. Столь сильных чувств он не испытывал с тех пор, как потерял глаз, и не думал испытать когда-нибудь снова.

Трясучка с силой втянул воздух носом, лицо под повязкой защипало, и мгновенье слабости миновало. Он снова стал холоден и спокоен.

Часовой тем временем подвел его к палатке размером с дом, из-под полога которой в ночь просачивался слабый свет. Сказал:

– Ну, смотри, веди себя там прилично, дубина северная, – и подпихнул Трясучку его же собственным топором. – Не то…

– Да пошел ты, дурак.

Трясучка одной рукой отодвинул его с дороги и нырнул под полог.

Внутри пахло прокисшим вином, заплесневелой одеждой, немытым телом. Струили тусклый свет фонари, развешанные по кругу вместе с рваными знаменами – трофеями былых сражений.

В дальнем конце палатки стояло на двух ящиках кресло из темного дерева, отделанного слоновой костью, побитое, исцарапанное, отполированное частым сидением. Кресло капитан-генерала, понял Трясучка. То самое, что когда-то принадлежало Коске, потом Монце, а теперь – Карпи Верному. Выглядело оно ничуть не лучше какого-нибудь потрепанного временем обеденного кресла из богатого дома. И уж совсем не походило на вещь, за которую можно убить. Хотя, с другой стороны, причины для убийства часто бывают мелкими.

Посередине стоял длинный стол, по обе стороны которого сидели капитаны Тысячи Мечей. Сурового вида мужчины, все в шрамах, побитые и потрепанные временем, как то кресло, и оружия при них хватало. Однако Трясучка улыбался и в более суровых компаниях,

поэтому улыбнулся и сейчас. Странно, но здесь он почувствовал себя так легко, как ни разу за последние несколько месяцев. Правила поведения с этими людьми были ему понятны, не то что с Монцей.

Похоже было, что за стол они уселись совещаться. Разложили карты. Но среди ночи разработка стратегии обернулась игрой в кости. Теперь на картах рассыпаны были деньги, стояли полупустые бутылки, помятые кружки, надколотые стаканы. На самой большой багровело пятно от пролитого вина.

Место во главе стола занимал здоровяк – все лицо в шрамах, проплешина среди коротких седых волос. Пышные усы, белая щетина на массивном подбородке. Сам Карпи Верный, судя по описанию Монцы.

Он тряхнул зажатыми в могучем кулаке костями.

– Ну, дряни, выходите, дайте мне девятку! – Выпали единица и тройка. Кто-то за столом вздохнул, кто-то захихикал. – Твари! – Карпи бросил несколько монет длинному рябому уроду с крючковатым носом, чью большую лысину обрамляли длинные черные волосы. – Однажды я все-таки разгадаю твою хитрость, Эндиш.

– Нет у меня никакой хитрости. Просто родился под счастливой звездой. – Эндиш смерил Трясучку столь же дружелюбным взглядом, каким лиса могла бы одарить курицу. – Что еще за ублюдок перевязанный?

Вперед протолкался часовой, тоже глянув на Трясучку не слишком ласково.

– Генерал Карпи, этот северянин говорит, что у него есть к вам разговор.

– Правда, что ли? – Верный посмотрел на него лишь мельком и начал складывать свои деньги столбиком. – А мне его разговор на кой? Брось-ка сюда кости, Виктус, я еще не кончил.

– Вот проблема с генералами, – заметил Виктус, лысый, как яйцо, и костлявый, как воплощение голода. Улучшить впечатление не могли даже сверкающие цепочки на шее и перстни, сплошь унизывавшие пальцы. – Никогда не знаешь, когда они кончат. – Он бросил кости на стол, и пара дружков его вновь хихикнула.

Часовой нервно переступил с ноги на ногу.

– Он говорит, что знает, кто убил принца Арио!

– Да что ты? И кто же это?

– Монцкарро Меркатто. – Все лица резко развернулись к Трясучке. Карпи медленно положил поднятые кости обратно на стол и сощурился. – Похоже, вам знакомо это имя.

– Наймем его как шута или повесим как лжеца? – прохрипел Виктус.

– Меркатто умерла, – сказал кто-то.

– Вот как? Интересно, кого же я тогда трахал весь прошлый месяц?

– Если Меркатто, то зря бросил, – ухмыльнулся Эндиш. – Братец ее мне говаривал, что в рот она берет как никто.

На сей раз захихикала добрая половина присутствующих. При чем тут брат Монцы, Трясучка не слишком-то понял, но значения это не имело. Он успел уже размотать повязку и, стащив ее, повернулся лицом к фонарю. Смешки разом захлебнулись. Такое уж было у него теперь лицо – никому не весело.

– Вот чего она мне стоила к нынешнему дню. За горстку серебра?.. На хрен это. Я не такой дурак, за какого она меня держит. И гордость еще имею. Я бросил эту суку.

Карпи Верный угрюмо уставился на него.

– Как она выглядит?

– Высокая, худая, черные волосы. Все время хмурится. Остра на язык.

Виктус отмахнулся унизанной перстнями рукой.

– Это всем известно!

– У нее покалечена правая рука. Куча шрамов. После падения с горы, так она говорит. – Трясучка, не сводя глаз с Верного, ткнул себе пальцем в живот. – Здесь рубец, и на спине еще один. Друг, говорит, сделал. Проткнул насквозь ее же кинжалом.

Лицо Верного стало мрачным, как у могильщика.

– Ты знаешь, где она?

– Эй, погодите-ка. – Вид у Виктуса был не более радостный, чем у его командира. – Так что, Меркатто жива?

– Доходили до меня такие слухи, – сказал Верный.

Из-за стола вдруг поднялся здоровенный чернокожий детина с длинными серо-стальными волосами, свернутыми в жгуты.

– Какие только слухи не ходят, – сказал он медленно, голосом, глубоким как море. – Слухи и факты – разные вещи. И когда же ты, черт тебя дери, собирался нам сказать?

– Когда надо, черт тебя дери, Сезария. Где она?

– На ферме, – сообщил Трясучка. – Верхом отсюда с час езды будет.

– Сколько с ней народу?

– Всего четверо. Нытик-отравитель и его помощница, почти девчонка. Еще рыжая бабенка по имени Витари и какая-то темнокожая сука.

– Где именно?

Трясучка усмехнулся:

– Ну, в общем-то, за этим я сюда и пришел. Выдать вам, где именно.

– Попахивает дерьмом, и мне этот запашок не нравится, – прохрипел Виктус. – Коль спросите меня…

– Не спрошу! – рявкнул Верный. – И сколько ты за это хочешь?

– Десятую часть того, что герцог Орсо обещал за голову убийцы принца Арио.

– Всего лишь?

– Думаю, десятая часть – это намного больше того, что я получу от нее. Но не настолько большая, чтобы вы меня за нее убили. Я хочу столько, сколько смогу унести, оставшись при этом в живых.

– Мудрый человек, – сказал Верный. – Для нас ничего нет хуже жадности, верно, парни? – Кое-кто засмеялся, но большинство, судя по виду, никакой радости по поводу возвращения прежнего генерала из страны мертвых по-прежнему не испытывали. – Что ж, десятая часть – это справедливо. Договорились. – Он шагнул вперед и, глядя Трясучке в лицо, ударил с ним по рукам. – Если доберемся до Меркатто.

– Она нужна вам живая или мертвая?

– Как ни грустно, но я бы предпочел мертвую.

– Я тоже. Меньше всего мне хотелось бы потом сведения счетов с этой бешеной сукой. Она ничего не забывает.

Верный кивнул:

– Похоже на то. Думаю, мы с тобой сойдемся. Сволле!

– Да, генерал? – Вперед выступил какой-то бородач.

– Поднимай три двадцатки конников, быстро, тех, у кого лошади порезвее…

– Людей бы лучше поменьше, – сказал Трясучка.

– Вот как? И насколько меньше?

– Она вроде как думает, что у нее еще остались тут друзья. – Трясучка обвел одиноким глазом лица собравшихся в палатке. – Говорит, полно таких в лагере, кто не отказался бы снова видеть ее командиром. Мол, это с ней они одерживали победы, которыми гордиться можно, а с вами до настоящего дела не доходит, и трофеи все достаются людям Орсо. – Глаза Верного стрельнули на миг в сторону, и Трясучка понял, что задел его за живое. Ни один командир на свете не уверен в себе настолько, чтобы никогда не сомневаться в верности подчиненных.

Особенно таких, как эти. – Лучше взять поменьше, но чтобы вы были в них уверены. От Меркатто я готов ждать ножа в спину, с нее станется. Но чтоб меня проткнул кто из ваших – это другое дело.

– Всего пятеро, говоришь, и четверо из них – женщины? – Сволле усмехнулся. – Хватит дюжины.

Верный, не сводя глаз с Трясучки, сказал:

– И все-таки. Поднимай три двадцатки, как было велено, на случай, если их там окажется больше. Будет очень неприятно, если нам вдруг не хватит рук.

– Есть! – Сволле выбрался из палатки.

Трясучка пожал плечами:

– Что ж, будь по-вашему.

– И будет. Не сомневайся. – Карпи повернулся к своим угрюмым капитанам: – Все старые псы готовы выйти на охоту?

Сезария покачал головой:

– Ты намусорил, Верный. Ты и метлой маши.

– Я лично для одной ночи награбил достаточно. – Эндиш откинул полог.

К выходу за ним потянулись и другие – кто с настороженным видом, кто с беспечным. Третьи казались попросту пьяными.

– Я тоже вынужден с вами распрощаться.

Сказавший это выделялся среди прочих побитых жизнью, покрытых шрамами грубых вояк тем уже, что ничем на самом деле не выделялся. У него были кудрявые волосы. Оружия, насколько мог видеть Трясучка, не имелось. Как и шрамов и глумливой усмешки. И духом опасности от него не веяло, как от всякого военного человека. Но Карпи Верный разулыбался ему так, словно он заслуживал особого уважения.

– Мастер Сульфур! – Взял его руку в свои лапищи, пожал. – Благодарю за то, что заглянули. Вы здесь всегда желанный гость.

– О, меня привечают всюду, куда бы ни пришел. Легко дружить с человеком, который приносит деньги.

– Передайте герцогу Орсо и вашим людям в банке, пусть не беспокоятся. Все будет сделано, как договорились. Сразу же, как только я разберусь с этой маленькой проблемой.

– Жизнь любит подбрасывать проблемы, не так ли? – Сульфур скупо улыбнулся Трясучке. У него оказались разные глаза – один голубой, другой зеленый. – Что ж, удачной вам охоты. – И легким шагом вышел из палатки в рассвет.

Верный тут же развернулся к Трясучке:

– Час езды, ты сказал?

– Если возраст позволяет вам ехать быстро.

– Ха. Уверен, что она тебя еще не хватилась?

– Спит она. От хаски. Курит это дерьмо все больше с каждым днем. То от него пускает слюни, то без него. Так что скоро не проснется.

– Лучше все же времени не терять. Эта женщина способна на неприятные сюрпризы.

– Это верно. К тому же она ждет помощи. Сорок человек от Рогонта должны приехать завтра днем. Они собираются следить за вами и устроить засаду, когда вы повернете на юг.

– Нет ничего приятней, чем опередить с сюрпризом, – ухмыльнулся Верный. – Поедешь впереди.

– За десятую часть награды поеду хоть задом наперед.

– Не стоит. Просто впереди, рядом со мной. Поведешь нас к ее норе. Нам, честным людям, надобно держаться друг дружки.

– Да уж, – сказал Трясучка. – Конечно.

– Отлично. – Верный хлопнул в ладоши, затем потер руки. – Сейчас… только облегчусь и надену латы.

Король ядов

– Хозяин… – послышался тоненький голосок Дэй. – Вы проснулись?

Морвир испустил страдальческий вздох.

– Милосердный сон и впрямь выпустил меня из ласковых недр своих… обратно в равнодушные объятия мира.

– Что?

Он горестно махнул рукой.

– Не важно. Слова мои падают, как семена… на каменистую почву.

– Вы велели разбудить вас на рассвете.

– Уже рассвет? О, жестокий повелитель!

Морвир откинул тонкое одеяло, выбрался кое-как из колючей соломы – воистину скромного пристанища для человека его непревзойденных талантов – распрямил ноющую спину и на негнущихся ногах спустился по лесенке, вынужденно признавая про себя, что, пожалуй, староват он годами, не говоря уж о том, что слишком утончен во вкусах для ночевок на сеновале.

За ночь Дэй собрала аппарат и к тому времени, как в узеньком оконце забрезжили первые бледные проблески рассвета, успела разжечь горелки. Весело кипели на медленном огне реактивы, беззаботно конденсировался пар, оживленно капали в накопительные колбы дистилляты. Морвир обошел вокруг импровизированного стола, постукивая по нему на ходу костяшками пальцев, на что стеклянные части аппарата откликались легким дребезжанием и позвякиванием. Все как будто было в полном порядке. Впрочем, Дэй училась своему ремеслу у мастера, величайшего, быть может, отравителя Земного круга… кто бы с этим спорил? Но даже созерцание исправно спорящейся работы не смогло вывести Морвира из подавленного состояния духа.

Он утомленно вздохнул.

– Меня никто не понимает. Я обречен на недопонимание.

– Вы – сложный человек, – сказала Дэй.

– Вот именно! Именно! Ты одна понимаешь!

Возможно, только она и была способна оценить скрытые за его внешней строгостью и властностью чувства – глубокие как горные озера.

– Я сделала вам чай. – Дэй протянула ему обшарпанную железную кружку, над которой вился парок.

В желудке у Морвира неблагозвучно заурчало.

– Не надо. Я благодарен тебе, конечно, за доброту и внимание, но… не надо. У меня нынче расстройство пищеварения, ужасное.

– Понервничали из-за нашей гуркской гостьи?

– Категорически нет, нисколько, – солгал он, подавляя дрожь при одном только воспоминании об этих полуночных глазах. – Моя диспепсия – результат постоянного расхождения во мнениях с нашим нанимателем, печально знаменитым Палачом Каприле, упрямицей Меркатто! Я, видимо, просто не могу найти к этой женщине правильный подход! Сколь ни сердечно мое к ней отношение, сколь ни чисты мои намерения, она все воспринимает враждебно!

– Да, она немножко колючая.

– По моему мнению, она превышает пределы колючести и попросту… режет, – закончил он с запинкой.

– Ну, все-таки ее предали, сбросили с горы, убили брата и…

– Это объяснение, но не оправдание! Все мы претерпели горькие превратности судьбы! Нет… я почти уже испытываю искушение оставить ее дожидаться неизбежной погибели и найти другого нанимателя. – Внезапная мысль заставила его фыркнуть. – Герцога Орсо, возможно.

Дэй резко вскинула на него взгляд.

– Вы шутите.

Разумеется, это было не более чем шуткой, ибо Кастор Морвир не относился к числу людей, бросающих нанимателя, с которым заключен договор. Определенные принципы дóлжно соблюдать, в его ремесле – особенно. Но ему показалось забавным развить мысль, и Морвир начал загибать пальцы.

– Это человек, который, несомненно, в состоянии оплатить мои услуги. Человек, которому, несомненно, требуются мои услуги. Человек, который явно не обременен нравственными сомнениями и не страдает приступами малодушия.

– Человек, который сбрасывает работающих на него с горы.

Морвир пожал плечами:

– Никогда не следует позволять себе глупость доверять людям, которые нанимают отравителей. Так-то он наниматель не хуже всякого другого. Эх, и почему эта замечательная мысль не пришла мне в голову раньше?..

– Но… мы убили его сына.

– Ба! Подобные затруднения легко улаживаются, если два человека понимают, что нужны друг другу. – Он небрежно помахал рукой. – Всегда можно что-нибудь придумать. Найти козла отпущения, на которого не жалко будет свалить вину.

Дэй, плотно сжав губы, медленно кивнула.

– Козла отпущения. Конечно.

– Которого не жалко, – подчеркнул Морвир. Вряд ли грядущим поколениям нанесет большой ущерб утрата какого-то изувеченного северянина. Как и безумного преступника или злоязыкого пыточных дел мастера. У него даже на душе слегка потеплело при этой мысли. – Но пока мы, увы, вынуждены заниматься Меркатто и ее никчемными поисками мести. Месть… уж и не знаю, существует ли в мире более бессмысленный, разрушительный и не приносящий никакого удовлетворения мотив?

– Я думала, мотивы не наше дело, – заметила Дэй. – Важна работа и плата.

– Верно, моя дорогая, совершенно верно. Любой мотив безупречен, если влечет за собой необходимость в наших услугах. Ты, как всегда, видишь самую суть вопроса, словно вопрос этот абсолютно прозрачен. И что бы я без тебя делал? – Он с улыбкой взглянул на аппарат. – Как продвигаются наши приготовления?

– О, я свое дело знаю.

– Отлично. Замечательно. Знаешь, разумеется. Ты ведь училась у мастера.

Она слегка поклонилась.

– И хорошо запомнила ваши уроки.

– В высшей степени хорошо. – Морвир наклонился к конденсатору, щелкнул по нему, наблюдая, как в реторту неторопливо капает экстракт ларинка. – Всесторонняя готовность к любой, самой неожиданной случайности жизненно важна. Осторожность – на первом месте, все… ай! – Он уставился на свою руку. На крохотную красную точку, откуда выступила капелька крови. – Что это?..

Дэй медленно попятилась от него. С непривычно напряженным лицом. С иглой в руке.

– Свалить вину? – прорычала она. – А козел отпущения – это я? Хрен тебе, скотина!

– Ну, давай же, давай. – Верному снова понадобилось помочиться. Он стоял возле своего коня спиной к Трясучке, нетерпеливо подергивая коленями. – Давай, давай. Вот она, расплата за походную жизнь.

– Или за черные дела, – сказал Сволле.

– Ничего настолько черного я не сделал, это уж точно, чтобы заслужить подобное дерьмо. Хочется так, что терпеть нет мочи, а как вытащишь его наконец, стоишь на ветру целую вечность… ох… ох… ну же, дрянь!

Он выгнулся назад, сверкнув лысиной. Брызнула маленькая струйка, потом еще одна. И еще, после чего Верный стряхнул последние капли и начал завязывать штаны.

– И это все? – спросил Сволле.

– Тебе-то что? – огрызнулся генерал. – По бутылкам разливать собрался? Все она, походная жизнь… – Он поднялся по склону, придерживая рукой полы красного плаща, чтобы не замарать их в грязи, и присел на корточки рядом с Трясучкой. – Ну-ка, ну-ка. Здесь, значит?

– Здесь.

Фермерский дом стоял в конце расчищенного, заросшего травой участка посреди серого моря пшеницы, под серым небом, затянутым тучами. В узких окошечках сарая брезжил слабый свет, но больше никаких признаков жизни было не видать. Трясучка вытер ладони о штаны. Не часто ему случалось предавать, ни разу так откровенно, во всяком случае, и поэтому он нервничал.

– Все спокойно вроде бы. – Верный медленно провел рукой по белой щетине на подбородке. – Сволле, бери дюжину человек и веди под прикрытием холма вон в ту рощу. Жди там и, коли они нас увидят и побегут туда, покончи с ними.

– Будет сделано, генерал. Умно и просто, правда?

– Нет ничего хуже, чем слишком много планов. Поди упомни их все, да не напутай чего… Ты ведь не напутаешь, Сволле?

– Я? Нет, генерал. Буду сидеть в роще, если увижу, что бежит кто-то, – атакую. Точно как на Высоком берегу.

– С той лишь разницей, что Меркатто нынче на другой стороне.

– Ага. Сучка недоделанная.

– Эй, эй, – сказал Верный. – Капельку уважения. Ты радовался и хлопал ей, когда она тебе победы приносила, так и теперь похлопать не мешает. Беда со всяким может случиться, знаешь ли. Только и всего. Это не значит, что человека надо перестать уважать.

– Верно. Простите. – Сволле немного помолчал. – А не лучше будет попробовать подкрасться туда, спешившись? Я к тому, что верхом-то нам в дом не въехать.

Верный смерил его долгим взглядом.

– Когда я отвернулся, успели выбрать нового капитан-генерала? И это ты?

– Нет, нет, что вы, просто…

– Подкрадываться – это не мое, Сволле. К тому же ты так часто моешься, что Меркатто наверняка унюхает тебя шагов за сто и насторожится. Нет уж, к дому мы поскачем, побережем мои старые колени. Как только проверим окрестности. Если для нас все-таки приготовлены сюрпризы, лучше оставаться в седле. – Он покосился на Трясучку: – Что скажешь, парень?

– Ничего. – Трясучка успел увидеть достаточно, чтобы понять – Верный хороший заместитель, но плохой командир. Дело свое знает, но воображения не имеет. Привык действовать определенным образом и уже не может иначе, даже если требуется сменить тактику. Однако говорить об этом вслух он не собирался. Сильному вождю еще может понравиться, если кто-то выступит с предложением получше, слабому – никогда. – Нельзя ли мне получить обратно свой топор?

Верный усмехнулся:

– Можно, конечно. Как только я увижу Меркатто мертвой. – Повернулся, чтобы спуститься к лошади, запнулся о плащ, злобно дернул его вверх и перебросил нижний край через плечо. – Дерьмо. Знал же, что лучше надеть что-нибудь покороче.

Трясучка перед тем, как последовать за ним, бросил последний взгляд на дом и покачал головой. Нет ничего хуже, чем слишком много планов, это правда. Но слишком мало – считай, то же самое.

Морвир захлопал глазами.

– Но…

Медленно шагнул к Дэй. Нога подвернулась, он пошатнулся, толкнул стол, опрокинув колбу, чье содержимое, шипя, растеклось по столешнице. Схватился рукой за горло, уже понимая, что она сделала, чувствуя, как понимание это разливается по жилам холодом. Уже зная, какими будут последствия.

– Король… – прохрипел он, – …ядов?

– Что же еще? Осторожность – на первом месте, всегда.

Он поморщился – от боли в крохотной ранке на руке и куда более глубокой ране в сердце, нанесенной страшным предательством. Закашлялся, упал на колени, протянул к Дэй трясущуюся руку.

– Но…

Она отбросила его руку носком башмака.

– Обречен на непонимание? – Лицо ее исказилось презрением. Даже ненавистью. Прелестная маска кротости, обожания, невинности спала наконец. – Да что в тебе понимать, чванливый паразит? Тебя насквозь видно, как стеклянного!

Сильней ударить было невозможно. Неблагодарность… и это после всего, что он ей дал! Свои знания, свои деньги, свою… отеческую любовь!

– Душа младенца в теле убийцы! Задира и трус одновременно! Кастор Морвир – величайший отравитель в мире? Величайший зануда в мире – это да, это…

С непостижимым проворством он метнулся вперед, нырнул под стол, резанув при этом скальпелем по ее лодыжке, и вскочил на ноги с другой стороны. Насмешливо уставился на девушку сквозь переплетенье изогнутых трубок и прочих деталей аппарата, в стеклянных и металлических поверхностях коих играли отражения огоньков горелок.

– Ха-ха! – вскричал, абсолютно живой и ни в коей мере не умирающий. – Ты меня отравила? Великого Кастора Морвира убила собственная помощница? Нет, думается мне!

Она взглянула на свою окровавленную лодыжку, вскинула на него широко распахнутые глаза.

– Это был не король ядов, дура! – выкрикнул он. – Жидкость, которая видом, вкусом и запахом не отличается от воды?.. Это и есть вода! Я научил тебя способу производить воду, совершенно безвредную! В отличие от концентрата, которым только что тебя уколол, способным убить дюжину лошадей!

Сунув руку в потайной карман рубахи, он безошибочно выудил кончиками пальцев нужную склянку, в которой блеснуло что-то прозрачное, и показал ей.

– Противоядие.

Дэй вздрогнула при виде склянки, попыталась обежать стол с одной стороны, потом с другой, но ей далеко было до его проворства, и он ускользал без труда.

– Верх неприличия, дорогая! Гоняться друг за другом вокруг нашего аппарата, в каком-то сарае, на грязной ферме! Верх неприличия!

– Пожалуйста, – выдохнула она, – пожалуйста… я никогда… я…

– Не конфузь нас обоих! Ты показала уже свое истинное лицо… хищница неблагодарная! Разоблачила себя, вероломная дура!

– Я не хотела, чтобы на меня свалили вину! Меркатто сказала, что вы рано или поздно переметнетесь к Орсо. И сделаете меня козлом отпущения! Меркатто сказала…

– Меркатто? И ты ее слушала? Слушала, как меня хулит эта полоумная, обкурившаяся хаски, этот палач, на совести которого реки крови? Воистину, достойный путеводный маяк! Проклятье, как я мог быть настолько глуп, чтобы доверять кому-то из вас… В одном ты права, пожалуй, я и впрямь подобен младенцу. Сама незапятнанная невинность! Само милосердие даже к незаслуживающим его! – Он бросил Дэй противоядие. – И пусть только кто-нибудь скажет… – провозгласил, глядя, как она нашаривает склянку в соломе, – …что я не самый… – как хватает ее и выдергивает пробку, – …великодушный, сострадательный и всепрощающий отравитель… – как высасывает содержимое, – …во всем Земном круге!

Дэй утерла рот и выдохнула:

– Нам… нужно поговорить.

– Поговорим, конечно. Но недолго.

Ресницы ее дрогнули, по лицу пробежала судорога. В точности как он и ожидал. Наморщив нос, Морвир бросил на стол скальпель.

– На лезвии яда не было. Но ты выпила только что неразведенный настой леопардового цветка.

Глаза у Дэй закатились, лицо покраснело. Она рухнула на солому и задергалась. На губах запузырилась пена.

Морвир шагнул вперед, наклонился над ней, оскалив зубы, и потыкал в грудь скрюченным пальцем.

– Тебе – убить меня? Отравить меня? Кастора Морвира? – Каблуки ее дробно застучали по полу, вздымая облачка соломенной пыли. – Я – единственный король ядов, а ты… наивная дура! – Судороги сменились дрожью, тело выгнулось колесом. – Наглая! Самонадеянная! Злая! Э-э-э… – Задыхаясь от негодования, он замешкался в поисках нужного слова и тут понял, что она мертва.

Помолчал, глядя, как постепенно обмякает тело. Потом рявкнул:

– Дерьмо! Полное дерьмо!

Удовлетворение от победы растаяло быстро, как снег, выпавший в конце весны. На смену явилось сокрушительное разочарование, боль и горечь. И растерянность, когда до него дошло, как изменилось вдруг его положение. Он остался без помощницы. И без нанимательницы. Ибо после услышанного от Дэй сомневаться не приходилось – виновата во всем была Меркатто с ее интригами. Вместо благодарности за самоотверженный тяжкий труд в ее интересах его ждала смерть. И как он не предвидел такого поворота событий? Почему оказался не готов к нему после всех превратностей судьбы, которые уже пришлось претерпеть? Видимо, он слишком мягкий человек, чтобы жить в этой жестокой стране, в этот непрощающий век. Слишком доверчивый и дружелюбный – не на пользу себе. Видит мир в розовых тонах – из-за собственной доброжелательности, и его проклятье – вечно ждать от людей лучшего.

– Стеклянный?.. Дерьмо! Ты… дерьмо! – Он обиженно принялся пинать тело Дэй, вздрагивавшее от каждого удара башмаком. – Чванливый?.. – Голос его сорвался на визг. – Это я-то – сама чертова скромность!

Тут Морвир сообразил, что не пристало человеку столь безгранично чувствительному, как он, пинать мертвое тело. Тем более тело той, о ком заботился почти как о дочери. И на него внезапно нахлынуло слезливое раскаяние.

– Мне жаль! Очень жаль. – Он опустился рядом с ней на колени, откинул волосы со лба, коснулся дрожащими пальцами лица. Такого невинного… не видеть ему больше ее улыбки, не слышать голоса. – Ужасно жаль, но… но… Никогда тебя не забуду, но… э-э-э… фу!

В нос ударил едкий запах мочи. Труп опорожнился – неизбежный побочный эффект от принятия большой дозы леопардового цветка. Он, со своим опытом, должен был бы об этом помнить, но встал коленями прямо в растекшуюся по соломе лужу и промочил штаны.

Брезгливо поморщившись, Морвир поспешно поднялся на ноги.

– Дерьмо! Дерьмо! – Схватил со стола колбу, швырнул ее в стену. Та брызнула осколками. – Задира и трус одновременно?.. – Еще раз злобно пнул тело Дэй, ушиб ногу и забегал вне себя по сараю.

– Меркатто! – Гнусная ведьма, подбившая на предательство его ученицу. Лучшую, самую любимую ученицу, которую он перехватил у Эловео Крея в Остенгорме, предварительно его отравив. Надо, надо было убить Меркатто еще у себя в саду, но грандиозность, значимость и явная невозможность исполнения работы, ею предложенной, раздразнили его тщеславие. – Будь проклято мое тщеславие! Мой единственный порок!

Но мстить он не будет.

– Нет.

Столь низменные и нецивилизованные устремления не в его характере. Он – не дикарь и не животное, как Змея Талина и ей подобные, он – утонченный, культурный человек с высочайшими этическими принципами. Изрядно поиздержавшийся после верной своей и нелегкой службы и потому нуждающийся в солидном контракте. В солидном нанимателе и в благопристойном заказе на убийство с безупречным мотивом, результатом чего явится солидная, честная прибыль.

И кто заплатит ему за убийство Палача Каприле и ее дружков-варваров?

Ответ очевиден.

Морвир повернулся к окну и отвесил свой самый угодливый поклон, изящнейшим образом отведя в сторону руку.

– Великий герцог Орсо, мое драгоценнейшее… почтение.

Выпрямившись, он нахмурился. За окном, на вершине холма, чернели на фоне серого рассветного неба силуэты нескольких дюжин всадников.

– Во имя чести, славы и, главное, достойной платы! – Под дружный смех Верный обнажил и высоко вскинул меч. – Вперед!

Конники длинной цепью двинулись вниз по склону, рассыпались, войдя в пшеничное поле, и, вырвавшись на травянистый луг, перешли на рысь.

Трясучка скакал вместе со всеми. Выбирать не приходилось, поскольку рядом был Верный. И попытайся он отстать, его, пожалуй, не поняли бы. Топор бы в руки… Но надежды, как это часто бывает, не оправдались. Впрочем, возможность держать поводья обеими руками даже порадовала, когда рысь сменилась галопом.

Они были уже шагах в ста, а все по-прежнему оставалось спокойным. Трясучка, угрюмо глядя на дом, сарай и низкую стену перед ними, напрягся, подобрался. План казался плохим. И раньше таким казался, но сейчас, когда уже был на ходу, выглядел с каждым мгновеньем все хуже. Неслась назад земля под конскими копытами, подпрыгивало под натертой задницей седло. Ветер выжимал слезы из прищуренного глаза, холодил незажившие шрамы, не прикрытые повязкой. Скакавший справа Верный с поднятым мечом, в развевающемся за спиной плаще, кричал:

– Ровней! Ровней!

Цепь слева растягивалась, выгибалась, мелькали разгоряченные лица всадников и конские морды, копья, торчащие во все стороны под разными углами… Трясучка высвободил ноги из стремян.

И тут распахнулись разом все ставни на окнах дома. Он увидел осприйцев, поднявшихся из-за стены, – блеснули стальные шлемы, потом взведенные арбалеты. Миг настал сделать то,

что должен. И срать на последствия. Трясучка глубоко, до хрипа, втянул в грудь воздух, задержал дыхание и скинулся с седла. Услышал сквозь цокот копыт, бряцанье металла и шум ветра в ушах пронзительный крик Монцы.

В следующий миг земля ударила его в челюсть так, что зубы клацнули. Хлебнув грязи, Трясучка куда-то покатился. Все смешалось – серое небо, несущиеся кони, падающие люди. Кругом гремели копыта, в лицо летели комья земли. Остановившись наконец, он попытался было подняться на колени. Но кто-то, размахивая руками, рухнул на него и снова опрокинул на спину.

Морвир подкрался к дверям сарая, приоткрыл их и высунул голову как раз в тот миг, когда из-за стены поднялись осприйские солдаты и обрушили на атакующих смертоносный град арбалетных стрел.

Люди Верного на лугу начали дергаться в седлах и валиться наземь; рухнули, придавив седоков, несколько лошадей. Раздались яростные и испуганные крики, отчаянное конское ржание. Из строя разом выбыло около дюжины всадников. Но остальные, не дрогнув, продолжили атаку, высоко воздев сверкающее оружие и перекрывая боевым кличем предсмертные вопли павших товарищей.

Морвир заскулил, поспешно захлопнул двери и прижался к ним спиной. Сражение не на жизнь, а на смерть. Бешенство и беспорядочность. Острый металл, летящий с огромной скоростью, – проливающий кровь, разбрызгивающий мозги, разрубающий мягкую плоть, обнажая омерзительные внутренности. Самый варварский способ ведения дела, в котором он решительно не знаток. Собственные кишки его, к счастью, пока еще целые, свело в приступе животного ужаса и отвращения, который сменился волной более осмысленного страха. Если победит Меркатто… можно не сомневаться в том, какая участь ему уготована. Смерть его невинной ученицы, в конце концов, эта женщина спровоцировала без малейшего колебания. Если победит Тысяча Мечей… он – сообщник убийцы принца Арио. Мучительное расставание с жизнью предстоит в любом случае.

– Черт!

В дверь не выйти – двор фермы вот-вот превратится в двор скотобойни; окна слишком маленькие, не пролезть. Спрятаться на сеновале? – нет, нет, что он, и в самом деле пятилетний ребенок?.. Лечь рядом с Дэй и притвориться мертвым? В лужу мочи?.. Никогда! Морвир кинулся к дальней стене сарая, зашарил по ней в поисках выхода. Наткнулся на шатавшуюся доску и начал колотить по ней ногой.

– Ломайся, дрянь такая! Ломайся! Ну, ломайся же!

Страшные звуки сражения снаружи становились все громче. Что-то стукнуло в стену сарая – заставив Морвира подпрыгнуть и оглянуться – с такой силой, что с балок посыпалась пыль. Подвывая от страха и нетерпения, обливаясь потом, он вернулся к своей «плотницкой» работе. Еще удар, и доска наконец вылетела. В узкую щель проник тусклый утренний свет. Морвир пал на колени, повернулся боком, протолкнул в щель голову, оцарапавшись о шершавые края досок, и узрел поле бурой пшеницы, а за ним, шагах в двухстах, небольшую рощицу. Укрытие. Он высунул руку, тщетно пытаясь ухватиться за наружную поверхность стены. Пропихнул плечо, грудь до середины, а потом… застрял.

С его стороны было проявлением оптимизма, мягко говоря, полагать, что удастся протиснуться сквозь этакую щель без труда. Лет десять назад, когда он был еще строен как ивовое деревце, пролез бы в щель вдвое у́же с изяществом танцора. Возможности этой его лишило слишком большое количество пирожных, съеденных с тех пор, и теперь, похоже, они могли стоить ему и самой жизни. Морвир принялся дергаться и извиваться. Край доски больно впился в живот. Неужели здесь его и найдут? И будут смеяться впоследствии, рассказывая об этом? Ему суждено оставить по себе такую память? Великий Кастор Морвир, смерть без лица, опаснейший-

ший из отравителей, войдет в историю благодаря тому, что, пытаясь убежать, застрял в стене сарая?..

– Чертовы пирожные! – возопил он и последним, отчаянным усилием все же вырвался на волю, разорвав рубаху о какой-то коварный гвоздь и обзаведясь длинной жгучей царапиной на груди. Скрипнул зубами. – Проклятье! Дерьмо!

Затем выпростал из дыры ноги. И, освободившись наконец из цепких объятий паршивого необструганного дерева, поспешил к укрытию, которое предлагала роща.

Колосья в пояс высотой тут же начали хлестать его, ставить подножки и хватать за ноги. Не успел он сделать и пяти шагов, как шлепнулся, взвизгнув, на живот в мокрую пшеницу. Выругался, приподнялся и обнаружил, что потерял при падении башмак.

– Чертова пшеница!

Только начал его искать, как до слуха донесся барабанный топот копыт. Вскинув голову, Морвир, к великому ужасу своему, увидел дюжину всадников, вылетевших из той самой рощи, куда он так стремился, и галопом несущихся на него, угрожающе опустив копья.

Он задушенно вскрикнул, развернулся и, оскальзываясь, прихрамывая на босую ногу, побежал обратно к щели, выбраться из которой стоило ему стольких страданий. Сунул в нее ногу, взвыл от боли, прищемив нечаянно мужское достоинство. Топот копыт сделался громче, и спина у него похолодела. Всадники были уже шагах в пятидесяти. Страшные выпученные глаза, оскаленные зубы – человеческие и конские, сверкающий в первых солнечных лучах металл, летящие из-под копыт обрывки пшеничных стеблей… Нет, ни за что ему не успеть пропихнуть в щель несчастное, измученное тело. Сейчас его растопчут… бедный, кроткий Кастор Морвир, который только и хотел, что…

Угол сарая внезапно взорвался пламенем. Без всякого звука, кроме треска ломающегося дерева. Рухнула наземь объятая огнем балка, полетели, кружась, во все стороны обломки досок и погнутые гвозди. В поле ринулась воздушная волна, неся искры и щепки, разметала соломенную скирду, всосала в себя пыль, зерна, клочья сена. Среди полегших под ее напором колосьев взору вдруг открылись два объемистых бочонка, которые стояли прямо на пути скакавших к сараю конников. Изнутри вырвались огненные язычки, на глазах бока бочек начали обугливаться.

Затем правый ослепительно полыхнул, и через мгновенье то же произошло с левым. К небу взметнулись два огромных фонтана земли. Передняя лошадь, оказавшаяся между ними, как будто замерла на скаку, вздыбилась, после чего разлетелась на куски вместе с седоком. Участь остальных конников осталась неведомой из-за накрывшего их облака пыли, но, надо полагать, повезло им не больше.

Сильнейший порыв ветра прижал Морвира к стене, трепля порванную рубашку и волосы. Следом донесся грохот двойного взрыва, сотрясший его так, что клацнули зубы. Пронеслись по воздуху, словно отброшенные капризным младенцем игрушки, две лошади, скакавшие по краям цепи и оставшиеся более или менее целыми. Одна рухнула наземь близ рощи, откуда выехали всадники, украсив посевы кровавыми брызгами.

По стене сарая забарабанили комья земли. Пыль начала оседать. Глазам открылся выжженный среди поля участок, по краям которого слабо тлели мокрые колосья, испуская едкий дымок. С неба еще падали тут и там обугленные деревяшки, горящая солома, куски человеческой и конской плоти. На ветру безмятежно кружился пепел.

Морвир все это время простоял с зажатой в щели ногой, пораженный холодным ужасом до глубины души. Что это было – гуркский огонь? Или нечто более темное… магия? Он только успел снова вырваться из щели на свободу и нырнуть с головой в пшеницу, как из-за угла сарая кто-то вышел.

Ишри, гурчанка. Коричневый плащ на ней горел. Она, казалось, заметила это, только когда огонь едва не лизнул ее в лицо. Без всякой спешки стянула плащ, бросила его на землю,

оставшись в одних повязках от шеи до ступней, похожая в них, белоснежных, не тронутых огнем, на какую-нибудь древнюю королеву пустынь, забальзамированную и готовую к погребению.

Она смерила долгим взглядом рощу, медленно покачала головой. Улыбнулась и весело сказала что-то по-кантийски. Языками Морвир в совершенстве не владел, но понял это как: «Ты еще можешь, Ишри». Затем черные глаза ее устремились на пшеницу, где он прятался, и Морвир поспешно пригнул голову к земле. Гурчанка повернулась и исчезла за углом сарая, из-за которого вышла. До него донесся тихий смех.

– Ты еще можешь…

У Морвира оставалось лишь одно желание, неодолимое, но абсолютно, по его мнению, оправданное, – бежать не оглядываясь. Поэтому он пополз меж окровавленных колосьев прочь, к роще, едва дыша, с трудом передвигая руки и ноги, подгоняемый мучительным страхом.

Не хуже

Монца отдернула Кальвец. Лицо наемника страдальчески исказилось, он захрипел, схватился за небольшую рану на груди. Сделал неуверенный шаг вперед, поднимая свой короткий меч с таким усилием, словно весил тот с наковальню. Она метнулась влево и нанесла колющий удар под ребра, пробив кожаную куртку. Он повернул к ней голову. По лицу его пробежала дрожь, на шее вздулись жилы. И, едва она снова выдернула меч, он упал, словно только клинок и удерживал его на ногах.

Обратил к ней взгляд.

– Скажи моей… – прошелестел.

– Что?

– Скажи… ей… – Изо рта у него хлынула черная кровь, наемник вытянулся на полу и больше не шевелился.

Тут Монца его вспомнила. Баро… или Паро… имя точно заканчивалось на «о». Вроде бы родственник старины Сволле. Она видела его в Масселии, после осады, после того уже, как разграбили город. Он смеялся над какой-то шуткой Бенны. А ей было не до шуток. Они убили Хермона, украли его золото. И смеяться не хотелось, потому-то она и запомнила этот момент.

– Варо? – пробормотала она.

Что за шутка-то была?..

Она услышала скрип половицы и заметила движение как раз вовремя, чтобы успеть упасть, неловко, ударившись об пол головой. Потом вскочила на ноги, но комната накренилась, отбросила ее к стене, и Монца пробила локтем окно, чуть не выпав из него. Со двора доносился шум сражения – рев, топот, лязг оружия.

Сквозь свет, сиявший в голове, она увидела что-то летящее в нее, метнулась в сторону, и оно стукнуло в стену. В лицо ей брызнула штукатурка. Монца с криком замахнулась на темную фигуру мечом, но увидела, что в руке ничего нет. Кальвец куда-то подевался.

В окне появилось лицо.

– Бенна? – Изо рта у нее вытекла струйка крови.

Не до шуток. Что-то мощно треснуло ее по спине и сбило с ног. Тускло блеснула булава. Над Монцей замаячило оскалившееся лицо. Вокруг горла нападавшего вдруг захлестнулась цепь, вздернула его кверху. Комната перестала качаться, и Монце, у которой шумело в голове, кое-как удалось сесть.

Цепь оказалась в руках у Витари, шарахавшейся вместе с наемником от стены к стене. Он отбивался локтем одной руки, держась второй за удавку. Но Витари, глаза которой превратились в узкие, горящие яростным огнем щели, затягивала ее все туже. Монца с трудом под-

нялась на ноги, поспешила к ним. Наемник принялся нашаривать на поясе нож, но она опередила, удержала его руку своей левой, правой сама выхватила нож и начала тыкать в него.

– А… а… а… – Хлюпанье, скрип, брызги слюны в лицо, ее глухие вскрикивания, хрипы наемника, рычание Витари. Животные звуки, мало отличающиеся от тех, которые они издавали бы, трахаясь, а не убивая друг друга. Стон, скрип, хлюпанье. – А… а… а…

– Хватит! – прошипела Витари. – Он готов.

– Уф.

Монца бросила нож. Рука внутри рукава была по локоть мокра от крови, пальцы ныли, не желая разжиматься. Она повернулась к разбитой двери, неуклюже переступила через труп осприйского солдата и, щурясь от яркого света, шагнула за порог.

Тут же в нее вцепился наемник с окровавленной щекой, потащил к себе и упал, перемазав ей плащ своей кровью. Его проткнули сзади копьем. В следующий миг осприйца, который это сделал, лягнула в голову лошадь. Шлем с него слетел, солдат рухнул, как подрубленное дерево. По всему двору бушевал смертоносный ураган грохочущих копыт, гремящего металла, разлетающейся грязи.

И в каких-то десяти шагах от Монцы, отделенный от нее мечущимися лошадьми и людьми, гарцевал на огромном боевом скакуне, ревя во всю глотку, Карпи Верный. Не слишком изменившийся – все то же широкое, честное, покрытое шрамами лицо. Лысая макушка, густые усы, белая щетина на подбородке. На нем была сияющая кираса и длинный красный плащ, которые больше подошли бы герцогу, чем наемнику. Правая рука бессильно висела – из плеча торчала арбалетная стрела. И меч он держал в левой, указывая им на дом.

Странно, но при виде его сердце Монцы затопила теплая волна. Как бывает, когда нечаянно увидишь в толпе лицо друга. Ведь это был Карпи Верный, который возглавил по ее приказу пять атак. Который сражался рядом с ней и никогда ее не подводил. Которому она могла доверить свою жизнь. Которому и доверила свою жизнь. По какой причине он смог продать ее по дешевке за старое кресло Коски? И жизнь Монцы продать, и жизнь ее брата.

Чувства быстро остыли. Вместе с ними прошло и головокружение. Остались лишь гнев, опаливший внутренности, и жгучая боль с той стороны головы, где череп был залатан монетами.

Наемники способны драться жестоко, когда у них нет другого выбора. Но эти чаще грабили, чем сражались. К тому же их обескуражили и первый арбалетный залп, и наличие противника там, где его не ждали. Во дворе их встретили копья, из окон дома и с плоской крыши конюшни, где засели в недосягаемости лучники, неустанно сыпались стрелы.

Какого-то наемника стащили с коня, он выронил копье, и оно подкатилось к ногам Монцы. Два его сотоварища развернули коней, готовясь к бегству. Один поскакал обратно на луг, второго сшибли с седла ударом меча. Нога у него застряла в стремени, он повис вниз головой, и перепуганная лошадь заметалась по двору. Карпи Верный трусом не был. Но тридцать лет в наемниках не протянешь, если не умеешь вовремя отступить. Он тоже развернул коня, успев при этом рубануть мечом осприйского солдата. Тот рухнул с раскроенным черепом в грязь, а Карпи поскакал в обход дома.

Монца рукой в перчатке схватила упавшее к ногам копье, другой поймала за повод оставшуюся без седока лошадь и взлетела в седло. Внезапное острое желание убить Карпи вернуло ее налитым свинцом ногам толику былого проворства. Пришпорив лошадь, она понеслась к стене, перемахнула ее – какой-то осприец едва успел, выронив арбалет, с криком метнуться в сторону с дороги. Копыта тяжело ударили в землю. Монца подпрыгнула в седле, чуть не проткнув саму себя копьем, и помчалась по пшеничному полю, разбитому на пологом склоне холма, сквозь колосья, хлеставшие по ногам заимствованного скакуна. Перебросила копье в левую руку, схватилась за поводья правой, пригнулась и ударом каблуков послала лошадь в

легкий галоп. Увидела на вершине холма черный на фоне разгоравшегося восхода силуэт – Карпи приостановился было, затем повернул коня и понесся дальше.

Вырвавшись из пшеницы, Монца тоже достигла вершины и пустила лошадь вниз по склону, усеянному колючим кустарником, уже полным галопом. На пути стояла живая изгородь. Скакун Карпи перемахнул через нее, задел копытами листву и приземлился, видимо, не слишком удачно – Карпи взмахнул руками, чтобы удержать равновесие в седле. Монца выбрала местечко пониже, преодолела изгородь легко и начала его нагонять. Не отводя глаз. Не думая ни о скорости, ни об опасности, ни о боли в руке. Сознавая лишь одно – перед нею Карпи Верный и его конь – и чувствуя лишь одно – неодолимое желание ткнуть копьем в того или в другого.

Они скакали сейчас по нераспаханному полю, приближаясь к сверкающей полоске впереди – вроде как реке. Рядом белел домишко – вроде как мельница. Сказать наверняка Монца не могла – мир вокруг подпрыгивал, шатался, стремительно несся прочь. Она подалась вперед, держа копье наперевес, щуря глаза, в которые бил ветер, страстно желая добраться наконец до Карпи Верного, страстно желая отомстить наконец. Похоже было, неудачный прыжок не обошелся для его скакуна без последствий. Она догоняла. И догоняла быстро.

Три корпуса осталось между ними… два… В лицо ей уже летела грязь из-под копыт коня Карпи. Монца приподнялась в седле, отвела копье. Наконечник ярко блеснул на солнце. Карпи оглянулся, и она увидела хорошо знакомые черты – разбитый лоб, окровавленную седую бровь, щетинистую щеку, по которой текла красная струйка. Услышала, как он зарычал, вонзая что есть силы шпоры в конские бока. Но скакун его, крупный, тяжелый, куда больше годился для атаки, чем для бегства. Голова ее лошади медленно приближалась к его хвосту, и несущаяся земля между ними казалась размытым бурым пятном.

Монца с криком вонзила копье в круп скакуна. Тот дернулся, рванулся вперед, мотая головой и бешено кося назад глазом. С оскаленных зубов его капала пена. Верного подбросило в седле так, что один сапог сорвался со стремени. В следующий миг раненая нога скакуна подкосилась, и он на всем скаку рухнул наземь, отчаянно молотя копытами. Проносясь мимо, Монца услышала крик Карпи.

Натянула правой рукой поводья, подняв на дыбы храпящую лошадь, развернула ее. Увидела Карпи, который, путаясь в длинном красном плаще, перемазанном грязью, пытался подняться на ноги. То, что он еще жив, ее удивило, но не опечалило. В содеянном Орсо с нею и ее братом участвовали Гобба, Мофис, Арио, Ганмарк, которые уже заплатили за это. Но никто из них не был ей другом. Верный же ходил с ней в походы. Ел за ее столом. Пил из ее фляги. Улыбался ей… и ударил ножом, когда это стало ему выгодно. Украл ее место.

Неплохо бы и оттянуть миг расплаты.

Он встал-таки, пошатываясь, неуверенно шагнул вперед. Лицо в крови, глаза выпучены, рот раззявлен. Увидел ее. И Монца, усмехнувшись, высоко подняла копье и издала охотничий клич. Словно перед ней была лиса, выгнанная из норы. Карпи, придерживая раненую руку здоровой, торопливо захромал в сторону реки. Из плеча его так и торчал обломок арбалетной стрелы.

Монца рысью подскакала ближе, услышала его хриплое дыхание и широко улыбнулась. Почувствовала себя счастливой впервые за очень долгое время при виде этого мерзавца, трясущегося за свою жизнь. Он вытащил левой рукою меч из ножен и, пользуясь им, как костылем, зачем-то все ковылял к реке.

– Немало времени надо, – прокричала она, – чтобы научиться работать левой рукой! Уж я-то знаю! У тебя его нет, Карпи!

Река была совсем рядом, но она не дала бы ему дойти, и он это понял.

Повернулся к ней, неуклюже взмахнул мечом. Дернув поводья, она подала лошадь в сторону, и Карпи рубанул воздух. Монца привстала на стременах, ткнула в него копьем, попала

в плечо, прорвав плащ и сбив на сторону нагрудную пластину. Удар швырнул его на колени. Меч, вонзившись в землю, остался в ней торчать. Карпи застонал, стиснув зубы, вновь попытался встать. По кирасе заструилась кровь. Монца, вынув одну ногу из стремени, подъехала ближе и пнула его сапогом в лицо. Он опрокинулся наземь и скатился с берега в реку.

Монца воткнула копье в землю, перекинула ногу через седло и спешилась. Постояла, глядя, как барахтается в воде Карпи, размяла одеревеневшие ноги. Затем выдернула копье из земли, сделала медленный, глубокий вдох и спустилась к кромке воды.

Немного ниже по течению реки тихо скрежетало, вращаясь, мельничное колесо. Другой берег был огорожен каменной, поросшей мхом стеной. Карпи, чертыхаясь, пошарил по кладке в надежде перебраться через эту стену. Но в доспехах, в тяжелом мокром плаще, с арбалетной стрелой в одном плече и раной от копья в другом шанса у него не было никакого. Поэтому он двинулся вдоль берега, по пояс в воде. Монца зашагала следом по суше, ухмыляясь и держа копье нацеленным в его сторону.

– Ты все тот же, Карпи, ничуть не изменился. Трусом тебя не назовешь. Только дураком. Карпи Глупый. – Она хохотнула. – Поверить не могу, что ты клюнул на это дерьмо. Должен вроде бы, столько лет прослужив под моим началом, знать меня лучше. Думал, я сижу где-то, затаившись, и оплакиваю свои беды?

Не сводя глаз с ее копья и тяжело дыша, он отошел дальше к другому берегу.

– Клятый северянин обманул меня.

– Похоже, в наши дни никому нельзя верить? Надо было тебе ткнуть меня ножичком в сердце, а не в кишки.

– В сердце? – криво усмехнулся он. – У тебя его нет!

Двинулся к ней, подняв фонтан сверкающих брызг, с кинжалом в руке. Монца, ткнув его копьем, угодила в бедро, и древко при ударе сотрясло ее больную правую руку. Карпи рухнул в воду, забарахтался снова, поднимаясь на ноги. Прорычал сквозь зубы:

– Все равно я лучше тебя, дрянь, убийца!

– Если лучше, как же ты очутился в реке, говнюк, а я – на берегу и при оружии? – Она медленно описала в воздухе круг мокрым, блестящим наконечником копья. – Ты все тот же, Карпи, ничуть не изменился. Трусом тебя не назовешь. Только идиотом и лжецом. Карпи Предатель.

– Это я-то предатель? – Цепляясь за каменную стену, он снова потащился в сторону мельничного колеса. – Я? После стольких лет, которые тебе прослужил? Я хотел быть верным Коске. Я был ему верен. Я – Верный! – Он стукнул окровавленным кулаком в нагрудную пластину. – Вот я какой. Я был таким. Но ты у меня это украла! Вместе со своим никчемным братцем!

– Я не сбрасывала Коску с горы, сволочь!

– Ты думаешь, я этого хотел? – На глазах старого наемника выступили слезы. – Не моя была затея. Явился Арио и сказал, что Орсо перестал тебе доверять! Что ты должна умереть! Ты, мол, прошлое, а я – будущее, и все остальные капитаны уже дали свое согласие. Я и пошел по легкому пути. Что еще оставалось?

Радость Монцы растаяла. Вспомнился улыбающийся Орсо в ее палатке. «Коска – прошлое, а вас я считаю будущим». Улыбающийся Бенна. «Ты заслуживаешь лучшего. Быть главой». Вспомнилось, как сама пошла по легкому пути. Что еще оставалось?

– Ты мог бы меня предупредить, дать мне шанс…

– Как ты предупредила Коску?.. Заткнулась бы, Меркатто! Ты показала дорожку, я последовал, только и всего! Когда сеешь кровавые семена – собираешь кровавый урожай. А ты засеяла ими всю Стирию! Сама себе все это устроила! Сама… ох!

Он вдруг развернулся на месте, откинулся назад, пытаясь дотянуться до шеи. Роскошный плащ его, уплыв по течению вперед, оказался пойман вращающимся мельничным колесом. И теперь красная ткань, наматываясь на лопасти, притягивала Карпи все ближе.

– Черт! – Он судорожно зашарил рукой по замшелым перекладинам, ржавой оси, но остановить огромное колесо было невозможно.

Монца, открыв рот, но растеряв все слова, опустив копье, только и могла, что смотреть, как его постепенно затягивает под колесо. Все глубже в черную воду, которая забурлила вокруг груди Карпи, потом вокруг плеч, потом вокруг шеи…

Он повернул к ней вытаращенные глаза.

– Я не хуже тебя, Меркатто! Сделал то, что должен был сделать! – Вода добралась до рта. – Я… не…

Накрыла с головой.

Это был Карпи Верный, который по ее приказу возглавил пять атак. Который сражался рядом с ней и никогда ее не подводил. Которому она доверила свою жизнь.

Монца ринулась в реку, разбрызгивая холодную воду. Нашарила пальцы Карпи, ощутила, как те вцепились в ее руку. Потянула вверх изо всех сил, скрипя зубами от натуги. Всадила копье меж лопастей колеса, услышала, как заскрежетал механизм, застопориваясь. Освободившейся рукой в перчатке подхватила Карпи под мышку, стоя в клокочущей воде по шею, напрягла все мускулы, пытаясь его поднять. Он пошел было вверх – из воды показалась кисть руки, локоть, потом плечо. И Монца принялась нашаривать застежку его плаща, но пальцы, уставшие, окоченевшие, переломанные, не слушались. Раздался треск – копье переломилось. Колесо опять начало вращаться. Медленно заскрипели железные зубцы, снова затягивая Верного в глубину.

Реку не остановишь.

Пальцы Карпи расслабили хватку, и Монца поняла, что все кончено.

Пятеро мертвы. Осталось двое.

Тяжело дыша, она выпустила его руку. Смотрела некоторое время, как та уходит под воду, потом выбралась из реки и прихрамывая поднялась на берег. Мокрая насквозь, совершенно обессилевшая. Все кости у нее ныли, правую руку ломило до плеча. Горела рана на голове, тяжело стучала кровь в ушах. Кое-как она просунула одну ногу в стремя и заползла в седло.

Оглянулась на реку. Тут же подкатила дурнота, и Монца едва успела свеситься с коня, как ее вырвало. Раз и другой. Колесо, затащив Верного под воду, поднимало его теперь с другой стороны, медленно, словно выставляя на обозрение публике казненного предателя. Безвольно болтающиеся руки и ноги, широко открытые глаза, вываленный изо рта язык, обмотавшиеся вокруг шеи водоросли…

Монца утерла рот тыльной стороной руки, поводила внутри языком, сплюнула горечь. Гудящая голова ее кружилась. Наверное, следовало попытаться разрезать плащ и снять Карпи оттуда. Даровать ему хоть немного достоинства посмертно. Он ведь был ей другом. Не героем, возможно, но кто герой?.. Он хотел быть верным, занимаясь предательским ремеслом в предательском мире. Хотел быть верным и обнаружил, что верность вышла из моды.

Надо было, наверное, вытащить его на берег, хотя бы оставить лежать спокойно. Но вместо этого Монца развернула коня обратно к ферме.

В достоинстве и для живых пользы мало, а для мертвецов – вовсе никакой. Она собиралась убить Верного, и вот он убит.

Плакать теперь об этом нет смысла.

Время урожая

Сидя на крыльце фермерского дома, Трясучка почесывал кожу на руке вокруг зудящих царапин и смотрел на солдата, который плакал над мертвецом – другом своим, наверное. А может, и братом. Слез тот не скрывал – они катились по щекам, и плечи у него вздрагивали. Чувствительному человеку, глядя на такое, самому расплакаться впору.

А Трясучка был чувствительным. Брат даже дразнил его в детстве «поросячьим салом» за мягкотелость. Он плакал над могилами брата и отца. Плакал, когда друг его, Доббан, получил удар копьем и вернулся через два дня в грязь. И ночью после боя при Дунбреке, когда похоронить пришлось половину отряда вместе с Тридуба. И после битвы в Высокогорье… нашел местечко, где его никто не видел, и напрудил целую лужу соленой воды. Хотя тогда, возможно, он лил слезы скорей от облегчения, что битва кончилась, чем от скорби о ком-то.

Да, плакать ему случалось, и Трясучка помнил, по какой причине, но не мог вспомнить, хоть убей, что при этом чувствовал. И, думая о том, остался ли кто-нибудь в мире, чья смерть заставила бы его заплакать теперь, не уверен был, что ответ ему нравится.

Он сделал большой глоток затхлой воды из фляги, перевел взгляд на двух осприйцев, осматривавших тела павших. Увидел, как один перевернул мертвеца – при этом из распоротого бока выскользнули наружу окровавленные кишки, – стянул с него сапог, но, обнаружив в подметке дыру, бросил. Потом Трясучка взглянул на еще двоих, стоявших неподалеку с лопатами на плечах и закатанными рукавами и споривших, где лучше начать копать. Посмотрел на мух, круживших над трупами и облеплявших открытые глаза, открытые рты и открытые раны. На рваные дыры в телах, сломанные кости, отрубленные руки и ноги, вывалившиеся внутренности, красно-черные лужи крови, разлитые по двору. И не почувствовал удовлетворения от хорошо сделанной работы. Впрочем, отвращения, вины и печали – тоже. Всех чувств было – зуд царапин, неприятная липкость пропотевшей рубахи, усталость и легкий голод. Позавтракать ему сегодня не удалось.

В доме, где перевязывали раненых, кто-то кричал. Снова и снова, хриплым, плачущим голосом. Но на карнизе конюшни весело щебетала птица, и Трясучка обнаружил, что без особого труда способен сосредоточиться на ней и больше ни на что не обращать внимания. Улыбнулся, покивал головой в такт птичьей песенке, прислонился спиной к дверному косяку и вытянул ноги. Человек, похоже, со временем способен привыкнуть ко всему. И будь он проклят, если из-за каких-то криков сдвинется со своего нагретого местечка на крыльце.

Услышав стук копыт, он повернул голову. По склону холма медленно спускалась верхом Монца – черный силуэт на ярко-голубом небе. Подъехав ближе, она хмуро поглядела на разбросанные по двору трупы и направила взмыленную лошадь к дому.

Одежда на ней была мокрая, словно Монца побывала в реке. Волосы с одной стороны в крови, на бледной щеке тоже запеклась струйка крови.

– Рад вас видеть, командир, – сказал Трясучка. Вроде бы правда, но в то же время как бы и ложь. Никаких особых чувств он на самом деле не испытывал. – Верный, надо думать, мертв?

– Мертв. – Она не без труда спустилась с седла. – Трудно было заманить его сюда?

– Не очень. Только вот друзей он пригласил с собой больше, чем мы рассчитывали, и я не смог отказать. Уж так им хотелось пойти, бедняжкам, словно на пирушку звали. Трудно было его убить?

– Он утонул.

– Вот как? Думал, ножом его заколете. – И Трясучка протянул ей оброненный во дворе Кальвец.

– Кольнула разок. – Она мгновение смотрела на меч, потом взяла его и сунула в ножны. – И дала утонуть.

Трясучка пожал плечами:

– Дело хозяйское. Главное, чтобы дело сделано было.

– Оно сделано.

– Значит, пять из семи.

– Пять из семи. – Счастливой она, однако, не выглядела. Не больше, чем солдат, плакавший над своим другом. Праздничного настроения не было ни у кого, даже у победившей стороны. Вот она, месть…

– Кто там кричит?

– Кто-то. Никто. – Трясучка снова пожал плечами. – Я птицу слушаю.

– Что?

– Меркатто! – В дверях сарая вдруг появилась Витари, скрестила на груди руки. – Взгляните-ка на это.

В сарае было прохладно и темно, лишь сквозь разломанный угол внутрь проникал солнечный свет, расчерчивая почерневшую солому яркими полосками, одна из которых протянулась через тело Дэй, лежавшее в несколько неестественной позе, с лицом, прикрытым сбившимися желтыми кудряшками. Крови на нем было не видать. И других примет насильственной смерти тоже.

– Яд, – буркнула Монца.

Витари кивнула:

– Да. Как ни парадоксально…

На столе неподалеку от тела стояло премерзкого вида сооружение из медных прутьев, стеклянных трубочек и сосудов необычной формы, под которыми пылали желто-голубые огоньки двух горелок. Содержимое в одних сосудах кипело и, перетекая по трубочкам, капало в другие. Смотреть на это Трясучке было еще противней, чем на труп юной отравительницы. Трупы – дело давно привычное, наука же – полная неизвестность…

– Чертова наука, – проворчал он. – Еще хуже магии.

– А где Морвир? – спросила Монца.

– Понятия не имею.

Все трое обменялись мрачными взглядами.

– Среди убитых его нет?

Трясучка покачал головой:

– Я не видел, как ни досадно.

Монца опасливо попятилась.

– Лучше ничего здесь не трогать.

– Думаете? – прорычала Витари. – Но что же произошло?

– Судя по всему, расхождение во взглядах между мастером и ученицей.

– Серьезное расхождение, – пробормотал Трясучка.

Витари медленно покачала вихрастой головой:

– Все. Я ухожу.

– Что? – спросила Монца.

– Выбываю. В подобных делах важно понимать, когда пора остановиться. Начались военные действия, а в них я стараюсь не участвовать. Слишком непредсказуем результат. – Она кивнула в сторону залитого солнцем двора, заваленного трупами. – Виссерин уже был для меня лишним шагом, а это – шаг еще дальше. К тому же неохота мне иметь на вражеской стороне Морвира. Обойдусь как-нибудь без того, чтобы поминутно оглядываться через плечо.

– Все равно придется оглядываться из-за Орсо, – сказала Монца.

– Это я знала, еще когда соглашалась работать. Деньги были нужны. Кстати, о деньгах… – Витари протянула к ней руку ладонью вверх.

Монца хмуро глянула на эту руку, потом уставилась ей в лицо.

– Вы оставляете меня на полпути. Полпути – половина договоренного.

– Что ж, справедливо. Чем все деньги и смерть, лучше половина и жизнь.

– Может, все же останетесь? Вы еще нужны мне. К тому же вам не быть в безопасности, покуда жив Орсо…

– Так действуйте, убейте этого мерзавца. Только без меня.

– Дело ваше. – Монца вынула из внутреннего кармана плоский кожаный кошелек, чуть подмокший с одного бока. Развернула его, достала листок бумаги, тоже с мокрым уголком, исписанный витиеватыми буковками. – Тут даже больше половины договоренного. Пять тысяч двести двенадцать скелов.

Трясучка насупился. Он до сих пор не понимал, каким образом такая куча серебра может превратиться в клочок бумаги.

– Дьявольские банки, – проворчал он. – Еще хуже науки.

Витари взяла бумажку, бросила на нее быстрый взгляд.

– Валинт и Балк? – Глаза ее прищурились даже у́же обычного – достижение своего рода. – Надеюсь, по этой расписке заплатят. Если нет – не найдется такого места в Земном круге, где вы будете в безопасности от…

– Заплатят. Если есть что-то, что мне совершенно ни к чему, так это лишние враги.

– Тогда расстанемся друзьями. – Витари сложила листок, сунула к себе в карман. – Может, когда-нибудь еще поработаем вместе.

Монца посмотрела ей в лицо своим особенным прямым взглядом.

– Минуты буду считать.

Витари сделала несколько шагов спиной вперед, потом повернулась к солнечному квадрату двери.

– Я упал в реку! – сказал Трясучка ей вслед.

– Что?

– Когда был молод. В первый раз в бою побывал. Напился, пошел отлить и упал в реку. Течение стащило с меня штаны и самого выбросило на берег аж через полмили. Когда я до лагеря добрался, синий был с головы до ног и трясся так, что не знаю, как пальцы не поотваливались.

– И?

– За это меня и прозвали Трясучкой. Помните, вы спрашивали? В Сипани? – И он усмехнулся. Научился, кажется, видеть забавную сторону.

Витари застыла ненадолго черным силуэтом в дверях, потом вышла.

– Ну, начальник, похоже, остались только вы да я…

– И я!

Трясучка мигом развернулся на голос, схватившись за топор. Монца приняла боевую стойку, наполовину вытащив меч. И оба увидели свесившуюся с сеновала голову Ишри.

– С прекрасным днем вас, мои герои. – Она заскользила по лесенке лицом вниз так плавно, словно в перевязанном теле ее, казавшемся без плаща неправдоподобно тонким, не было костей. Легко соскочила на ноги и медленно двинулась по соломе к трупу Дэй. – Один из ваших наемных убийц убил другого. Вот они, убийцы…

Ишри взглянула на Трясучку черными как уголь глазами, и он крепче стиснул топор.

– Проклятая магия, – проворчал. – Еще хуже банков.

Она крадучись, сверкая белозубой коварной усмешкой, подошла к нему, коснулась пальцем лезвия топора и мягко повернула его в сторону двери.

– Я так понимаю, своего старого друга Карпи Верного вы убили и теперь довольны?

Монца резко задвинула меч обратно в ножны.

– Верный мертв, если это то, что вас интересует.

– Странная у вас манера праздновать. – Ишри воздела к потолку длинные руки. – Месть свершилась! Восхвалим же Господа!

– Орсо еще жив.

– Ах да. – Ишри так широко распахнула глаза, что Трясучка даже испугался – не выскочат ли. – Когда Орсо умрет, вы наконец улыбнетесь.

– Что вам за дело до того, когда я улыбнусь?

– Мне? Никакого. Вы, стирийцы, имеете привычку бахвалиться, но никогда при этом не завершать начатого. Я рада, что нашла одного, который способен довести работу до конца. Любыми средствами, пусть даже хмурясь при этом. – Она провела ладонью по столу, потом небрежно накрыла ею и загасила пламя горелок. – Кстати, о средствах… вы, насколько я помню, сказали нашему общему другу Рогонту, что сможете привести ему Тысячу Мечей?

– Если император даст золото…

– В кармане вашей рубашки.

Монца, сдвинув брови, вынула что-то из кармана и поднесла к свету. Трясучка увидел у нее в руке большую монету, испускающую то особенное, теплое сияние, которым золото так и притягивает к себе человека.

– Очень мило… но одной маловато.

– О, будет больше. Горы Гуркхула состоят из золота, как я слышала. – Ишри поглядела на пролом среди обугленных досок в углу сарая и весело прицокнула языком. – Еще кое-что могу.

Затем она изогнулась, легко, как лиса сквозь изгородь, выскользнула в эту дыру и исчезла.

Трясучка, выждав мгновение, подошел к Монце.

– Не могу понять толком, но есть в ней что-то странное.

– Чутье на людей у тебя удивительное, это правда, – сказала она без улыбки и, повернувшись, вышла вслед за Витари из сарая.

А он постоял еще немного, хмуро глядя на тело Дэй. Подвигал мускулами лица, чувствуя, как натягиваются и отзываются болью шрамы. Коска мертв, Дэй мертва, Витари ушла, Балагур ушел. Морвир сбежал и, надо полагать, переметнулся на сторону противника. Распалась веселая компания… Впору затосковать всем сердцем по друзьям минувших дней, братству, в которое он некогда входил, объединенному общим делом. Пусть даже заключалось оно лишь в том, чтобы остаться в живых. Ищейка, Хардинг Молчун, Тул Дуру. Даже Черный Доу – они знали, что такое законы чести. Но все кануло в прошлое, и он остался один. Здесь, в Стирии, где ни у кого не сыскать законов чести, которые и впрямь что-то значили бы.

Впору расплакаться.

Трясучка почесал шрам на щеке. Осторожно, кончиками пальцев. Поморщился, поскреб сильнее. Потом еще сильнее. И, зашипев сквозь зубы, отдернул руку. К нестерпимому зуду прибавилась еще и боль. Как же этот шрам чесать-то, чтобы не становилось хуже?..

Вот она, месть…

Старый новый капитан-генерал

Всевозможных ран Монца успела повидать без счета. Наносить их было ее профессией. И на тела, изуродованные всеми мыслимыми способами, насмотрелась. Раздавленные, разрубленные, исколотые, обгоревшие, повешенные, с содранной кожей, выпущенными кишками. Но, казалось, что ничего страшнее, чем шрам Кола Трясучки, на лице живого человека она еще не видела.

Начинался он как розовое пятно возле уголка рта, переходил в неровную канавку, ведущую к скуле, в палец толщиной, там расширялся и ручьем изъязвленной плоти вливался в глаз. Щека вокруг и крыло носа усеяны были красными, воспаленными точками и жилками. Тонкий косой шрам имелся и на лбу, половина брови отсутствовала. А сам глаз… Размером больше,

чем второй, ресниц нет, веки сморщены, нижнее отвисает… Когда Трясучка моргал правым глазом, левый только подергивался и оставался открытым. Какое-то время назад ему случилось чихнуть, и глаз сжался, как глотающее горло, лишь эмалевый зрачок по-прежнему таращился на Монцу из розовой дырочки. Ее чуть не вытошнило. Тем не менее, словно оказавшись во власти каких-то страшных чар, она начала посматривать то и дело на Трясучку в ожидании, не произойдет ли это снова. Такому нездоровому любопытству весьма способствовало сознание того, что взглядов ее украдкой он не видит.

Ей следовало чувствовать себя виноватой. Ведь глаза он лишился из-за нее. Следовало чувствовать сострадание. В конце концов, у самой были шрамы, вполне безобразные. Но вместо этого она с трудом сдерживала отвращение. Лучше бы скакать по другую сторону от него… Но теперь уже поздно. Лучше бы ему никогда не снимать повязку… Но не скажешь ведь, чтобы намотал ее снова. Монца твердила себе, что шрамы еще поджиВут, будут выглядеть не так страшно.

Наверняка.

Но не намного.

Тут Трясучка повернулся к ней, и она сообразила, почему всю дорогу он смотрит на луку седла. Правый глаз уставился на нее. Левый, посреди жуткого шрама, по-прежнему глядел вниз. Причиной сего кошмарного косоглазия была соскользнувшая эмаль.

– Что? – спросил он.

– Твой… э-э-э… – Она показала на его лицо. – Сполз чуточку.

– Опять? Вот дрянь. – Он приложил к глазу палец и сдвинул эмаль наверх. – Так лучше?

Теперь фальшивый глаз уставился прямо вперед, а настоящий по-прежнему смотрел на нее. Выглядело это, пожалуй, еще хуже, чем было.

– Намного, – сказала Монца, силясь улыбнуться.

Трясучка смачно выдал какое-то ругательство на северном.

– Результаты поразят, сказал этот ублюдок? Ну, погоди, попаду я еще в Пуранти, загляну к тебе…

За поворотом тропы они наткнулись на первый пикет наемников – кучку сомнительного вида вояк в разнокалиберных доспехах. Старшего среди них Монца узнала. Поскольку, командуя Тысячей Мечей, считала своим долгом знать по имени и в лицо каждого ветерана, а также то, на что тот способен. Этого матерого старого волка, прослужившего капралом уже лет шесть, если не больше, звали Секко.

Он ткнул в их сторону копьем, когда они с Трясучкой перешли с рыси на шаг, и соратники его мигом взяли на изготовку арбалеты, мечи и топоры.

– Кто идет?..

Она откинула капюшон.

– А ты как думаешь, Секко?

Язык ветерана тут же примерз к нёбу, копье в руке безвольно опустилось. Монца с Трясучкой беспрепятственно миновали пикет и вскоре оказались в лагере, обитатели коего уже проснулись и приступили к обычным утренним ритуалам, готовясь к выступлению. Несколько человек лишь бросили мимолетный взгляд, когда они двинулись по тропе, верней, по широкой полосе грязи между палатками. Еще несколько вытаращили глаза. Заторопились следом, встали вдоль тропы, держась, правда, на расстоянии. До Монцы донеслось:

– Это она.

– Меркатто.

– Живая?..

Она ехала мимо них совсем как раньше – расправив плечи, задрав подбородок, с презрительной усмешкой на устах, не глядя по сторонам. Словно для нее они были ничто. Словно она была существом высшего порядка. А про себя не переставала молиться об одном – только

бы они не поняли того, чего никак не могли понять на самом деле, но вдруг… От страха у нее сосало под ложечкой.

Вдруг поймут – она сама не знает, что делает, и нож способен прикончить ее так же верно, как любого другого человека…

Но никто с ней не заговорил и тем более не попытался остановить. Наемники в большинстве своем трусы похлеще даже, чем обычные, мирные люди. Убивают лишь потому, что для них это самый легкий способ добывать средства к существованию. Наемники в большинстве своем знать не знают, что такое верность, изначально. И командирам своим не преданны, не говоря уж о нанимателях.

На это-то она и рассчитывала.

Палатка капитан-генерала с красным флажком, болтавшимся тряпкой на верхушке центрального шеста, державшего небрежно натянутый, местами провисший холст, стояла на возвышении посреди большого расчищенного участка. Монца пришпорила коня, поднимаясь к ней, стараясь ничем не выдать волнения, от которого сжималось горло. Старая, хорошо знакомая игра. Выкажи хотя бы тень страха – и все пропало.

Соскользнув с седла, она небрежно обмотала поводья вкруг тонкого ствола молодого деревца. Обошла привязанную кем-то здесь же козу, приблизилась к входному пологу. Нокау, гуркский изгнанник, охранявший палатку капитан-генерала еще во времена Сазина, выпучил на нее глаза, забыв даже обнажить свою кривую саблю.

– Закрой рот, Нокау. – Монца на ходу поддела рукой в перчатке его отвисшую челюсть – аж зубы клацнули. – Ждешь, пока птичка гнездо совьет? – И, откинув полог, вошла.

Тот же стол, только карты на нем других земель. Те же флаги на стенах, часть которых завоевана ею у Душистых сосен, на Высоком берегу, в Масселии и Каприле. И то же кресло, разумеется, выкраденное, по слухам, Сазином из обеденного зала сезалийского герцога в тот день, когда была основана Тысяча Мечей. Оно стояло на двух ящиках, дожидаясь задницы нового капитан-генерала. Ее задницы, если будет благосклонна судьба.

А она, злодейка, как хорошо знала Монца, обычно таковой не бывает.

Возле этого импровизированного помоста стояли, негромко переговариваясь меж собой, три капитана, старейшины великой бригады – Сезария, Виктус, Эндиш. Троица, которую Бенна уговорил сделать капитан-генералом Монцу. Троица, которая уговорила Карпи Верного занять ее место. Троица, которую Монце предстояло уговорить вернуть его ей.

– Так-так, – пророкотал Сезария.

– Ну-ну, – пробормотал Эндиш. – Никак это Змея Талина…

– Палач Каприле собственной персоной, – проскулил Виктус. – А где Верный?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Не придет. Вам, парни, нужен новый капитан-генерал.

Троица обменялась взглядами. И Эндиш, прицокнув языком, всосал воздух сквозь желтые зубы по мерзкой привычке, одной из многих омерзительных черт этой длинноволосой крысы в обличье человека.

– Между прочим, мы сами уже пришли к такому выводу.

– Верный был хорошим парнем, – прорычал Сезария.

– Слишком хорошим… для работы, – добавил Виктус.

– А настоящий капитан-генерал должен быть злобным куском дерьма.

Монца оскалилась:

– Злобы в каждом из вас хватает. И бóльших трех кусков дерьма во всей Стирии не сыщешь. – Она не шутила. Надо было скорей прикончить эту троицу, чем Верного. – Многовато дерьма, однако, чтобы командовать друг другом.

– Это правда, – кисло молвил Виктус.

Сезария вскинул голову.

– Нам нужен кто-то новый.

– Или кто-то старый, – сказала Монца.

Эндиш ухмыльнулся своим дружкам.

– Между прочим, мы сами уже пришли к такому выводу, – повторил он.

– Молодцы. – Все шло даже более гладко, чем она надеялась. Восемь лет на посту командира Тысячи Мечей сделали свое дело – Монца знала, как управлять подобными людьми. Легко и просто, с помощью жадности. – Я не из тех, кто позволит маленькому печальному недоразумению встать на пути больших денег. И ничуть не сомневаюсь, что вы тоже не из тех. – Она показала им монету Ишри, на одной стороне которой красовалось изображение императора, на другой – пророка. Бросила ее Эндишу. – Таких будет целая куча, если перейдем к Рогонту.

Сезария насупил косматые седые брови.

– Выступить за Рогонта против Орсо?

– Опять пройти с боями всю Стирию? – Виктус вскинул голову, звякнув цепочками на шее. – По тем же землям, где воевали последние восемь лет?

Эндиш перевел взгляд с монеты на Монцу и надул прыщавые щеки.

– Не многовато ли сражаться придется?

– Со мною во главе вы всегда побеждали.

– О да. – Сезария махнул рукой в сторону рваных флагов. – С тобою мы завоевывали славу. Есть чем гордиться.

– Но попытайся заплатить этим шлюхе… – расплылся в улыбке Виктус.

Этот хорек никогда не улыбался, и Монца заподозрила неладное. Кажется, над ней издевались.

– Послушай, – Эндиш, взявшись одной рукой за подлокотник капитан-генеральского кресла, другою стер пыль с сиденья, – все мы не сомневаемся ни на миг, что, когда доходит до сражений, генерала лучше тебя и представить невозможно.

– Тогда в чем же дело?

Виктус, поморщившись, прорычал:

– В том, что мы не хотим сражаться! Мы хотим грести… чертовы деньги!

– Кто и когда приносил вам больше денег, чем я?

– Гм, – сказал кто-то у нее под ухом.

Монца резко развернулась и застыла, не донеся руку до рукояти меча. Перед нею, смущенно улыбаясь, стоял Никомо Коска.

Без усов, с обритой головой. Шишковатый череп и острый подбородок покрывала лишь черная с проседью щетина. Сыпь на шее побледнела, превратилась в россыпь бледно-розовых пятнышек. Глаза были не такие запавшие, как раньше, лицо не подергивалось, на лбу не блестел пот. Но улыбка осталась прежней. Улыбка, и озорной блеск в темных глазах. Тот самый, что играл в них, когда Монца встретила Коску впервые.

– Рад видеть вас обоих в добром здравии.

– Э-э-э… – промычал Трясучка.

Монца, растерявшая все слова, издала какой-то задушенный звук.

– Я тоже чувствую себя прекрасно, тронут вашим участием.

Коска, хлопнув растерянного Трясучку по спине, двинулся в глубь палатки. Вслед за ним вошли и расположись вдоль стен другие капитаны Тысячи Мечей – люди, чьи лица, имена, достоинства или, напротив, отсутствие таковых были ей хорошо известны. Последним через порог шагнул плотный, коренастый мужик почти без шеи, в поношенной куртке. Глянул на Монцу, проходя мимо, и поднял брови.

– Балагур? – прошипела она. – Думала, вы уже в Талине!

Он пожал плечами с таким видом, словно это не имело никакого значения.

– Я туда не поехал.

– Да уж вижу… проклятье!

Коска поднялся на ящики, где стояло кресло, эффектным движением развернулся к собранию. Где-то он успел разжиться шикарной черной кирасой с золотым орнаментом, мечом с вызолоченной рукоятью и прекрасными черными сапогами с блестящими пряжками. Бдительный Балагур встал рядом, скрестив руки на груди. И Коска опустился в кресло столь помпезно, словно оно было троном, а сам он императором. Едва задница его коснулась сиденья, капитаны разразились сдержанными аплодисментами – похлопывая пальцами о ладонь с деликатным изяществом знатных дам, посетивших театральное представление. Точь-в-точь как они аплодировали Монце, укравшей в свое время это кресло. Она, пожалуй, рассмеялась бы, не будь так муторно на душе.

Коска от аплодисментов отмахнулся, в то же время явно на них напрашиваясь.

– Не стоит, не стоит, право. Но возвращение радует.

– Как, черт побери, ты…

– Выжил?.. Рана оказалась не столь смертельной, как мы все думали. Благодаря мундиру талинцы приняли меня за своего и передали в руки замечательного хирурга. Ему удалось остановить кровотечение. Две недели я провалялся в постели, потом бежал через окно. И встретился там, в Пуранти, со своим старым другом Эндишем, который, по моим предположениям, мог быть не против смены руководства. Он и был не против, как и остальные его благородные соратники. – Он указал на капитанов, собравшихся в палатке, потом ткнул себя пальцем в грудь. – И вот я здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.